

Российская Ассоциация
Политической Науки
Russian Political Science Association

ХII ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ

современные риски и кризисы:
политический анализ и прогноз

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
всероссийской онлайн-конференции
с международным участием

25-29 октября 2022 г.,
г. Ростов-на-Дону

Южный федеральный университет
Институт философии и социально-политических наук
Кафедра теоретической и прикладной политологии

Ростовское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки

**ХII ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ
«Современные риски и кризисы:
политический анализ и прогноз»**

Материалы Всероссийской онлайн-конференции
с международным участием

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2022

УДК 32.001(063)
ББК 66.0 я431
Д 23

Ответственные редакторы:

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ *Р. А. Пупыкин*

кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ *А. В. Тупаев*

стажер-исследователь Института философии и социально-политических наук ЮФУ *К. П. Пилюгина*

Д 23 XII Южно-российский политологический конвент «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз» : материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием /отв. ред. Р. А. Пупыкин, А. В. Тупаев, К. П. Пилюгина ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2022. – 392 с.

ISBN 978-5-9275-4225-3

В сборнике публикуются тезисы докладчиков Южно-российского политологического конвента «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз», а также материалы, подготовленные сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ЮФУ и Ростовского регионального отделения РАПН. Материалы будут полезны политологам, философам, культурологам, социологам, конфликтологам, историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся современными политическими процессами.

Публикуется в авторской редакции.

УДК 32.001(063)
ББК 66.0 я431

ISBN 978-5-9275-4225-3

© Южный федеральный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	15
<i>Арутюнов А.Г., Радько Е.Д.</i> АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	15
<i>Баранов А.В.</i> РАСКОЛ ВРАЖДЕБНЫХ ГОСУДАРСТВ КАК МЕТОД ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНЫХ ВОЙН СОВРЕМЕННОСТИ	19
<i>Батов А.Т.</i> АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ФАШИЗМА И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА	26
<i>Веремеев Н.Ю.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МЕТОДИКА ИХ ОЦЕНКИ	30
<i>Внукова Л.Б.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ВЗГЛЯДЫ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ	34
<i>Герштейн И.З.</i> СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РФ НА УКРАИНЕ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ «МАТРИЦЫ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ВЫВОДЫ	37
<i>Давыденко Д.В.</i> Z-ИДЕОЛОГИЯ В КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОТВЕТА НА ПОТРЕБНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СВО	40
<i>Давыдова М.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В 2021–2022 ГГ.: РЕЗУЛЬТАТЫ КОГНИТИВНОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ.....	44
<i>Денисов С.А.</i> КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ	48
<i>Зубкевич А.А., Зубкевич Л.А.</i> ГУМАНИЗМ И ТЕРРОРИЗМ – ЛИНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ	53
<i>Иванников И.А.</i> ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	56
<i>Карпенко А.А.</i> СТРАНА, ПОБЕЖДЕННАЯ МИЛИТАРИЗМОМ?	58
<i>Карпенко О.А.</i> СОВРЕМЕННОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА	63

<i>Малышева О.П.</i> МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДИКТИВНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ	67
<i>Марков С.М.</i> ДИСПУТ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОСТИ И ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕЗИСОВ ПРОФЕССОРА ХАНЛАРА АЛИКПЕРОВА	72
<i>Михайловская О.Г.</i> АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ	77
<i>Михалева А.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ «КЛАНОВЫХ НАРРАТИВОВ»: В ПОИСКАХ СВОЕОБРАЗИЯ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ?	81
<i>Отроков О.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБОВ МОЛОДОЙ СЕМЬИ	84
<i>Панкратов С.А.</i> РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ	89
<i>Раевский А.Н.</i> НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ	92
<i>Рябинин Е.В.</i> ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	95
<i>Рябченко Н.А.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ	99
<i>Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А.</i> УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ	102
<i>Симонова А.И.</i> МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РФ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ	104
<i>Скоробогатов А.В.</i> ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА.....	108
<i>Слатинов В.Б.</i> НАПРАВЛЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВOK 2020 ГОДА	112
<i>Стеценко В.В.</i> ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПАРИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ	116

<i>Тамби С.А.</i> ЭСТОНСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ ПО ЧЛЕНСТВУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ КАК ФАКТОР КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА.....	119
<i>Тупаев А.В.</i> ОТТЕПЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	123
<i>Хайруллин Т.Р.</i> РАЗВИТИЕ АССОЦИАЦИИ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ	128
<i>Черкашин К.В., Линтер Д.С.</i> ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМОВ ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ОСВОБОЖДЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПОСТУКРАИНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	132
<i>Ширяев И.М.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНАБАПТИСТОВ XVI ВЕКА.....	136
<i>Штанько М.А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	141
<i>Шульга Д.П.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ МНЕНИЯ Л.Д. ТРОЦКОГО ПО ПОВОДУ ГЕНЕЗИСА НЕОНАЦИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ	143
МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	145
<i>Авакян Г.С.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: ЗАКАВКАЗСКИЙ КЕЙС	145
<i>Акопян А.А.</i> ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НОВОЙ ВОЙНЫ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ: АНАЛИЗ ОПЫТА ПРЕДЫДУЩЕГО СТОЛКНОВЕНИЯ И ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ В БУДУЩЕЕ.....	149
<i>Artem A. Astvatsaturov.</i> ROLE OF THE HYPERSONIC WEAPONS IN MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AND NEW SYSTEM OF NUCLEAR DETERRENCE	155
<i>Бадминова А.С.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АБСЕНТЕИЗМА КАК МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ	160
<i>Бартенев С.В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА.....	164
<i>Бахтиярова В.П.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: РЕАЛИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	169
<i>Беденкова А.С.</i> ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРОБЛЕМА ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ	173
<i>Бисинаева Д.С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ: ОСОБЕННОСТИ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ	177

<i>Бобров К.М.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА	181
<i>Большакова Ю.С.</i> МОТИВЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШЕСЕЛЬСКОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ОТРЯДА «ВВЕРХ»	186
<i>Вильчинский А.С.</i> ИСПАНСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ	189
<i>Вихрев Г.С.</i> ТЕОРИЯ КОРПОРАТИВИЗМА И ПРАКТИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	194
<i>Вьюкова А.И.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	199
<i>Гаас А.А.</i> ДОКЛАД RAND О ДЕЙСТВИЯХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ И СДЕРЖИВАНИЮ: ПОНЯТИЯ, ВОПРОСЫ, ГИПОТЕЗЫ И ВЫВОДЫ.....	203
<i>Головина Н.С., Широков В.О.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПОСРЕДСТВОМ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА.....	208
<i>Горошкова А.С.</i> РАЗВИТИЕ ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА В ХХI ВЕКЕ	212
<i>Груздев Д.Д.</i> ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ВКЛАД В ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИИ	216
<i>Долгова Е.В.</i> ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРАГНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	220
<i>Карулин А.А.</i> ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА. ИДЕИ ЛЕВОГО АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМА.....	223
<i>Каташевич Е.Д., Сошилова П.А.</i> ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ	227
<i>Кирьянова А.О.</i> ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА.....	232
<i>Коломийцева М.Г.</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ И ОБЩЕСТВОМ	235
<i>Кречуняк Г.А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ	239
<i>Кривошеева Н.И.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЕДИАСФЕРЫ В УСЛОВИЯХ «СЕТЕВОГО ФРОНТИРА».....	243

<i>Левченко Д.О.</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГРАНТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АНТИКРИЗИСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОГО «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» (НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ СО НКО) ...	247
<i>Летова А.А.</i> GR-ТЕХНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ	250
<i>Летуновский А.А.</i> МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ В ПРИМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ДИСЦИПЛИН	253
<i>Лиджиев О.Д.</i> ПРОБЛЕМАТИКА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ	257
<i>Матяшова Д.О.</i> РИСКИ И ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКИ QUAD В СФЕРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КЕЙС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	261
<i>Небоженко А.В.</i> ЧАТ-РУЛЕТКА КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	265
<i>Незнанов А.И.</i> ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ: ПОИСК БАЛАНСА ВЫГОД И РИСКОВ	269
<i>Нечкина А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ В 2013–2020 ГГ.	275
<i>Палий А.В.</i> ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОБЫТИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ НА ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ И РОССИИ	280
<i>Пасечник Д.А.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАШИЗМА В РОМАНЕ ДЖ. ЛИТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»	283
<i>Патарая К.И.</i> ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АНТАРКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.....	287
<i>Печенкин С.А.</i> КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ МОГУТ ОБЕСПЕЧИТЬ УСТОЙЧИВОСТЬ АВТОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ?.....	291
<i>Пилюгина К.П.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЛНР И ДНР	296
<i>Пироев В.Э.</i> РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ НАГОРНОГО КАРАБАХА	298
<i>Подуруева-Милоевич В.Ю.</i> ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	303
<i>Политаева Е.М., Петрович-Белкин О.К.</i> КРИЗИС МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ	306

<i>Прохин С.И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ	310
<i>Прытков Л.М.</i> ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В США В ХОДЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ КАМПАНИЙ 2016 И 2020 ГГ.....	314
<i>Разумова Д.С.</i> СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ФАКТОР БИПОЛЯРНОГО МИРА.....	319
<i>Рубцова В.Ю.</i> КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРАХ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ	322
<i>Саратова А.А.</i> ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	327
<i>Серебряков К.Д.</i> МОДЕЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ (ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ).....	332
<i>Соловьев Д.А.</i> РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ: КЕЙС РОССИИ, ЯНВАРСКИЕ МИТИНГИ 2021 ГОДА.....	336
<i>Сусликова К.Д.</i> ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА В ОТНОШЕНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19	340
<i>Сычков А.В.</i> ПОЛИАРХИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ.....	344
<i>Туланов Д.Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕШЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	348
<i>Французов Р.И.</i> ТЕОПОЭТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КЛАССИЧЕСКОГО АНТИЧНОГО ФИЛОСОФСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	351
<i>Хуа Цзиньцзинь</i> ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ НА АРКТИЧЕСКУЮ ЗОНУ	356
<i>Шмыгин В.А.</i> СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ	359
<i>Яскевич Д.В.</i> ПРИЗНАКИ ГОРЯЧЕЙ ФАЗЫ ТЛЕЮЩЕГО КОНФЛИКТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	362
МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ТРИГГЕРЫ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»	367

<i>Шмелева О.Ю.</i> ПЕРСУАЗИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ РИСКИ	367
<i>Шмелев А.П.</i> НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	372
<i>Старкин С.В.</i> О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭВОЛЮЦИИ НАТО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	377
<i>Ульмаева Л.Н.</i> ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ РОССИЯН В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ	381
<i>Каминченко Д.И.</i> ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА	386

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пилюгина К.П., Усольцев Е.К.

ХII Южно-российский политологический конвент «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз»

С 25 по 29 октября в Южном федеральном университете прошла работа ХII Южно-российского политологического конвента, организованного Институтом философии и социально-политических наук ЮФУ.

Тема всероссийской онлайн-конференции с международным участием 2022 года – «Современные риски и кризисы: политический анализ и прогноз». Со всей страны и ближнего зарубежья откликнулись эксперты и молодые ученые для принятия участия в работе секций конференции, круглых столов, дискуссий, открытых лекций политологического Конвента.

25 октября состоялось торжественное открытие Конвента. С приветственным словом выступили идейные вдохновители, организаторы и первые лица Южного федерального университета: ректор ЮФУ *Шевченко Инна Константиновна*, Президент Российской ассоциации политической науки *Гаман-Голутвина Оксана Викторовна*, директор Института философии и социально-политических наук ЮФУ *Сердюкова Елена Владимировна*, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ, председатель программного комитета *Макаренко Виктор Павлович* и заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии ЮФУ, председатель организационного комитета *Пупыкин Роман Александрович*. Вступительные речи отметили важность Конвента для развития политологии в университете и России, выраженного в формировании большого интеллектуального сообщества среди исследователей разных университетов страны. Также была отмечена заинтересованность студентов к актуальным проблемам политической науки и поискам их решений.

В первом блоке пленарного заседания профессор *Виктор Павлович Макаренко* в докладе «Природа постсоветских войн» предпри-

нял попытку объяснить причины и последствия основных конфликтов за счет переосмысления исторической и политической реальности с учётом основополагающего принципа «дистанции исследователя от советской конъюнктуры». Доклад «Раскол враждебных государств как метод ведения гибридных войн современности» профессора КубГУ *Андрея Владимировича Баранова* был посвящен исследованию идеологического оправдания протекания гибридных войн со стороны основных внешнеполитических акторов с точки зрения социального конструктивизма и кризиса национальных государств, оценке прогноза дальнейшего изменения мировых границ. Президент РАПН *Оксана Викторовна Гаман-Голутвина* представила аудитории свой взгляд на построение региональной политики в Италии, которая, как большинство государств Европы, испытала кризис в связи с накатом внешнеполитической обстановки и протеканием пандемии COVID-19. Осмысление вклада А. Дж. Тойнби в интерпретацию политических и исторических контекстов вместе с адаптивным потенциалом его взглядов к политическим реалиям современности отразил доцент ЮФУ *Андрей Витальевич Корневский* в завершающем первый блок пленарного заседания докладе «А. Дж. Тойнби – «профессиональный мудрец» эпохи холодной войны».

Вторая часть пленарных докладов была посвящена современным геополитическим реалиям. Так, научный руководитель Левада-Центра *Лев Дмитриевич Гудков* в докладе «Специальная военная операция в массовом сознании» дал свою оценку колебаниям отношения к Украине и СВО среди населения РФ и доверия основным сюжетам пропаганды относительно нарастания конфликта на основе статистических замеров. Заключительный доклад «Если не урок, то проект...» представили научные сотрудники Уральского отделения РАН *Виктор Сергеевич Мартыанов* и *Леонид Гершевич Фишман*, в рамках которого эксперты размышляли о демократии, СВО и российском проекте миростроительства.

Второй день Конвента, **26 октября**, был насыщенным на презентации новых трудов, посвященных проблемам политической науки. Материал представленных работ сложный и комплексный, требующий глубоких знаний в затрагиваемых темах, что объясняет возникший интерес как со стороны исследователей, так и со стороны

студентов. Первым свою работу «Возвратный тоталитаризм» представил научный руководитель Левада-Центра *Лев Дмитриевич Гудков*. Данная работа посвящена анализу тоталитарного прошлого и поиску причин ренессанса властного элитаризма, которому было предрешиено проиграть демократическим ограничениям общества и социальных институтов. Далее «книжную эстафету» принял профессор ВШЭ *Эмиль Абрамович Паин*. В своем труде «Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии» Эмиль Абрамович представил авторский подход к пониманию классических подходов к изучению этноса и нации, который дополняет и расширяет понимание явлений, делая их более точными и емкими. Сформулированная теоретическая база используется как инструмент исследования этнонациональной политики России в рамках теории «этнополитического маятника».

Во второй половине дня участники Конвента перешли в формат работы секций всероссийской конференции. Ведущие эксперты политической науки со всей России, а также из зарубежных стран, представили свои доклады по проблеме теории политики и политических идеологий, политических изменений и новых политических акторов, избирательных технологий и международной политики.

27 октября, третий день работы Южно-российского политологического конвента, начался с публичной лекции *Кирилла Олеговича Телина*, доцента МГУ, на тему: «Многоликий кризис: достижения и заблуждения», где были представлены теоретические основания кризиса, многогранность этого явления, развеяны мифы об этом понятии, и, что более ценно, – лекция сопровождалась конкретными историческими примерами.

Далее работу Конвента продолжили профессор МосГУ *Татьяна Викторовна Беспалова* и профессор ЮФУ *Сергей Петрович Поцелуев*, являющиеся соавторами новой книги «Национальная память в эпоху перемен» и одновременно модераторами дискуссионного клуба «Родина и политический патриотизм. "Никогда мы не будем братьями?": партия войны versus партия мира». Предметом для обсуждения стала символическая и идеологическая политика российских властей, направленная на легитимацию конфликта для своих граждан. Поднятые темы плотно сопряжены с конфликтом в Украине, за спиной

которого стоит колоссальная работа пропаганды, сформировавшей информационный фон и национальную идентичность россиян. Методология и способы трансляции идеологий также стали темой для дискуссий. Стоит отметить, что в работе дискуссионного клуба приняли участие непосредственные свидетели боевых действий – эксперты из ЛНР и ДНР.

Повестка третьего дня работы Конвента завершилась презентацией новой книги советского и российского журналиста *Александра Матвеевича Гольца* «Пережить холодную войну: опыт дипломатии». Книга строится на убеждении автора о повторном состоянии холодной войны, который аргументирует и вступает в спор с альтернативными подходами. Однако, она посвящена проблеме отсутствия и поиска новых средств контроля вооружения среди конкурирующих держав, входя в опасное положение открытого вооруженного противостояния.

Четвертый день Конвента, **28 октября**, начался с работы секций молодежной конференции. Около 60 студентов, магистрантов и аспирантов из России, Белорусии, Нигерии и Китая представили свои доклады. Модераторами секций, сотрудниками кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ, был отмечен высокий уровень подготовки участников, а также активное участие докладчиков в дискуссиях по проблемам политической науки. Все участники получили сертификаты и их доклады рекомендованы к публикации в сборнике материалов Конвента.

После молодежной конференции состоялся круглый стол, инициаторами которого стали эксперты из Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Тема круглого стола – «Триггеры общественно-политического развития России в условиях глобальной турбулентности». Преимущественно, обсуждения строились на синтезе политического с новыми феноменами, влияние на общество которых столь велико, что их активация в политической сфере приводит к провоцированию общества и общественной реакции. Интернет, кибер- и международная безопасности, методы побуждения к протесту – малая часть примеров таких явлений.

29 октября, завершающий день работы Конвента, был посвящен проведению публичных лекций. Руководитель департамента региональных программ Экспертного института социальных исследований *Дарья Олеговна Кислицина* в рамках лекции «Трансформация института губернаторства как ответ на чёрных лебедей (сезон 2020–2022)» отразилась взгляд практика на властные политические институты изнутри, которые сейчас вынуждены сталкиваться с новыми вызовами, латентно влияющими на политическую реальность. Дарья Олеговна показала изменения в моделях, технологиях управления, формирующих новые типы самих управляющих.

Последним мероприятием Конвента-2022 стала лекция «Межэтнические и межконфессиональные отношения в зеркале идентичности молодежи Кубани и Крыма: состояние и векторы изменений» профессора КубГУ *Андрея Владимировича Баранова*, который представил исследование региональной специфики на кейсе присоединения новой территориальной единицы – Крымского полуострова, сменившей собственную государственную идентичность, но очевидно сохранившей локальную этническую. Крым – уникальный пример, который демонстрирует раскол идентичностей на одной территории, где одна этничность вытесняет национальную идентификацию, обостряя отношения, а другая, наоборот, дополняет и сливается.

Южно-российский политологический конвент собрал более 40 экспертов и 170 участников, которые за неделю работы смогли обсудить важные проблемы политической науки и выйти на выработку перспективных направлений межрегиональных исследований в социально-политической сфере на базе учебных заведений и научных центров России и зарубежных стран.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

*Арутюнов А.Г., г. Москва, МГУ,
Совет по региональному развитию РАПН;
Радько Е.Д., г. Москва, НИУ ВШЭ*

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НКО И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ОТРАСЛИ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Согласно результатам «Рейтинга субъектов РФ по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» в 2020 году Чувашская Республика заняла 69 место из 85 и попала в группу регионов, «делающих первые шаги к успеху»¹. Примечательно, что годом ранее Чувашия находилась на 18 месте.

В региональном рейтинге третьего сектора «Регион-НКО» в 2021 г. Чувашия также заняла положение во второй половине рейтинга (58 место)², при этом существенное улучшив позицию относительно предыдущего года (82 место).

Такие результаты оценки говорят об относительной неразвитости некоммерческого сектора в регионе и возможной недостаточной поддержке его органами власти.

По данным на октябрь 2022 года, в Чувашской Республике зарегистрировано 1316 некоммерческих организаций³. Основной формой

¹ Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2020 год. URL: http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/_Details.html?id=171.

² Регионы с самыми сильными НКО. RAEX Rating Review. URL: https://raex-rr.com/charity/russian_nko_ratings/main_region_rating_nko#table.

³ Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx>.

организации НКО является общественная организация (36 %). При этом годом ранее наблюдалось сокращение количества НКО в регионе: для сравнения – в 2019 году их насчитывалось 1315, а в 2020 году – 1307. Как отмечала Общественная Палата Чувашской Республики в докладе, уменьшение числа НКО отчасти связано с финансовыми трудностями и «несовершенством законодательной базы»¹, с чем трудно не согласиться. Как мы видим, в этом году численность объединений вернулась к значению 2019 г. При этом, указанные проблемы, очевидно, никуда не деваются.

Непосредственно социально ориентированными в 2021 году являлись 1280 НКО (далее – СО НКО)². В 2020 году на 10 тыс. населения приходилось 6,82 СО НКО (по этому показателю Чувашия заняла 72 место среди всех субъектов РФ в 2020 году)³. В 2019 году значение этого же показателя составляло 9,4. К сожалению, оценить, произошло ли реальное сокращение количества СО НКО за этот период или же результаты поменялись в результате корректировки получаемых данных и возможных изменений методологии, не представляется возможным ввиду недоступности в открытом доступе исходных данных за оба периода. Однако в целом на сегодняшний же день мы можем констатировать, что некоммерческий сектор в Республике развит недостаточно.

Тем не менее, меры по его развитию правительством региона предпринимаются. Так, в Чувашии действует Государственная программа Чувашской Республики «Социальная поддержка граждан», подпрограмма «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Чувашской Республике»⁴, с предполагаемым

¹ Доклад о деятельности Общественной Палаты Чувашской Республики за период с июня 2018 г. по октябрь 2019 г. URL: <https://op21.ru/images/1/2.pdf>.

² Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций. URL: <http://minec.cap.ru/action/activity/soc-econom-razvitie/podderzhka-socialjno-orientirovannih-nekommerchesk>.

³ Рейтинг субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2020 год. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=171>.

⁴ Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 26 декабря 2018 г. №542 «О государственной программе Чувашской Республики "Социальная поддержка граждан"». URL: <http://mintrud.cap.ru/action/obespechenie-deyatelnosti/regionaljnie-programmi/gosudarstvennaya-programma/542>.

объёмом финансирования в 2019-2035 гг. в 276,066 млн руб. При этом в последние годы финансирование подпрограммы было существенно увеличено: в частности, в редакции Постановления 25 декабря 2020 г. он составлял 73,440 млн руб. на период 2019-2035 гг. (в разы были увеличены объёмы на 2021–2025 гг.)

В данной Программе в качестве мер поддержки СО НКО предлагаются:

- предоставление субсидий (грантов),
- имущественная поддержка, т.е. предоставление во владение и (или) в пользование имущества, принадлежащего на праве собственности Чувашской Республике,
- информационная поддержка (бесплатное эфирное время, бесплатные печатные площади, содействие в размещении информационных материалов в интернете),
- поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев СО НКО путём «организации подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников и добровольцев (волонтёров)» СО НКО, а также проведения образовательных мероприятий,
- формирование и развитие ресурсных центров НКО и добровольческих (волонтёрских) центров,
- поддержка деятельности на местном уровне.

Таким образом, программа предусматривает целый комплекс мер по развитию СО НКО Чувашии. Другое дело – как они реализуются на практике.

В 2018 году, например, был утверждён перечень государственного имущества республики, которое может быть предоставлено СО НКО во владение и/или в пользование на долгий срок, в т. ч. в том числе по льготным ставкам аренды¹.

¹ Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики № 394 от 09.10.2018 г. «Об утверждении перечня государственного имущества Чувашской Республики, свободного от прав третьих лиц (за исключением имущественных прав некоммерческих организаций), которое может быть предоставлено социально ориентированным некоммерческим организациям во владение и (или) в пользование на долгосрочной основе (в том числе по льготным ставкам арендной платы)». URL: <http://minust.cap.ru/doc/laws/2018/10/09/ruling394>.

Также оказывается информационная поддержка в направлении освещения деятельности СО НКО, организации семинаров и круглых столов с привлечением журналистов, подготовке пресс-релизов и т.д.

Согласно Докладу о реализации мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, за 2020 г., подготовленному Минэкономразвития РФ, объём финансирования подпрограммы в Республике составил 4 млн руб., а финансовую поддержку в рамках неё получили 20 СО НКО¹ (всего на конкурс было подано 26 заявок от НКО, допущены 22). То есть финансовая поддержка охватила крайне малый круг некоммерческих организаций (ок. 2 %).

В целях обеспечения доступа НКО, в т. ч. СО НКО, к предоставлению социальных услуг населению, которые подлежат компенсации, в 2017 году был утверждён Алгоритм доступа негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций социального обслуживания к предоставлению социальных услуг². Для получения компенсации организациям, оказывающим социальные услуги, необходимо находиться в реестре поставщиков социальных услуг Чувашской Республики. В данный реестр включены 11 общественных организаций и автономных некоммерческих организаций (для сравнения – государственных учреждений среди поставщиков 39). Среди основных оказываемых ими услуг – социальное обслуживание на дому и в полустационарной форме.

На основании вышесказанного заметим, что некоммерческие организации вовлечены в оказание услуг в области социального обслуживания населения, однако, во-первых, их участие довольно ограничено, и во-вторых, оказываемые им услуги не уникальны (относительно предоставляемых государственными учреждениями),

¹ Доклад о реализации мер по обеспечению поэтапного доступа негосударственных организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, за 2020 г. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=174>.

² Алгоритм доступа негосударственных (коммерческих и некоммерческих) организаций социального обслуживания к предоставлению социальных услуг. URL: <https://fs01.cap.ru/www21/mintrud/activities/2019/a95f2039-d42e-4b14-a5e0-12d9f5c42b34/algotim-dostupa-nko-utvrezhd.pdf>.

что может приводить к дублированию функций, а также отсутствию необходимости привлечения исключительно некоммерческого сектора для этих целей.

Таким образом, деятельность НКО в сфере социального обслуживания населения ведётся, но в ограниченном масштабе, что связано, как с относительной недостаточностью развитости некоммерческого сектора в целом, так и недостаточной финансовой поддержкой со стороны региональных органов власти. В качестве мер по решению данного вопроса предлагается расширение механизмов поддержки СО НКО (в первую очередь финансовой), а также стимулирования создания новых общественных объединений и участия граждан в их деятельности (например, налоговые льготы, конкурсы, просветительская деятельность). При этом на примере последних лет видно, что тенденции к улучшению уже есть, в частности, расширяются объёмы финансирования данного направления политики. Так что у Чувашии есть потенциал для дальнейшего развития некоммерческого сектора и его вовлечения в сферу социального обслуживания населения.

*Баранов А.В., г. Краснодар,
Кубанский государственный университет*

РАСКОЛ ВРАЖДЕБНЫХ ГОСУДАРСТВ КАК МЕТОД ВЕДЕНИЯ ГИБРИДНЫХ ВОЙН СОВРЕМЕННОСТИ

Актуальность темы статьи проявляется в росте количества стран, подвергающихся угрозам фрагментации и полного распада. По нашим подсчётам, сепаратизм проявляется более чем в 50 современных государствах, приведя к распаду СССР, Югославии, Чехословакии, Эфиопии, Судана и др. Почти всегда в данном процессе значительную роль играют международные мотивы – заинтересованность транснациональных корпораций и ведущих стран Запада в территориальном переделе сфер влияния, экономическая и военная экспансия, стремление ослабить или устранить режимы, нелояльные глобальному политическому порядку. В то же время, активно идущие процессы

фрагментации государств недостаточно изучены в политической науке, преобладают эмпирические описания отдельных случаев. Эти обстоятельства определяют новизну нашей работы.

Степень исследования проблемы неравномерна по аспектам. Среди теоретических исследований фрагментации государств, изданных после распада СССР, можно выделить по основательности политологические работы Р.И. Ротберга [1], Ж. Коломера [2], Н.А. Комлевой [3], Е.Г. Пономарёвой и Г.А. Рудова [4], Е.А. Нарочницкой [5]. При этом большинство авторов негативно оценивает сецессионизм, тогда как Ж. Коломер и М. Китинг [6] его оправдывают аргументами самоопределения народов и устарелости национальных государств. Прикладные исследования фрагментации государств в аспекте политической географии провели Ф.А. Попов [7], В.А. Колосов и Ф.А. Себенцов [8]. Сохраняется обособленность научных школ политической науки, географии, правоведения, международных отношений и др. в изучении темы.

Цель статьи – определить значение фрагментации нелояльных государств в системе методов гибридных войн. Ставятся задачи выявить направленность, факторы и приёмы фрагментации нелояльных государств в политике мировых «центров силы» – НАТО, США, Евросоюза.

Работа выполнена в рамках сравнительного анализа политических процессов 1990–2022 гг. Парадигмой исследования избран социальный конструктивизм, дающий возможность выявить методы и технологии ослабления и расчленения неугодных государств, идеологии оправдания этих процессов, внедряемые в общественное мнение. Учтены выводы теории «управляемого хаоса» (С. Манн) [9] и оценки технологий «цветных революций» [10].

Эмпирическая основа исследования включает в себя такие виды источников как международно-правовые акты, конституции, законы ряда государств, заявления политических деятелей, программные документы политических партий и движений, статистические данные, результаты социологических опросов, материалы периодической печати, политические карты регионов, подверженных сепаратизму.

Социальные науки совершенствуют понятийный аппарат и алгоритмы анализа слабых государств, подверженных угрозам фраг-

ментации. С. Бартолини определяет «государственную состоятельность» как совокупность следующих способностей государства:

1) наличие организации для мобилизации ресурсов (публичной власти, бюрократии и налоговой системы);

2) решение задачи внешней консолидации территории (формирование и укрепление армии);

3) поддержание правопорядка с помощью систем юстиции и полиции;

4) государственное регулирование экономики и социальной сферы общества [11, р. 234–245].

Каждое измерение включает в себя ряд статистических индикаторов, например, удельный вес государства в расходной части ВВП, численность государственных служащих и правоохранительных органов, военный бюджет и т.д. [11, р. 234–245]. Существуют рейтинги уровня слабости государств мира, например, ежегодно публикуемые международной организацией “The Fund for Peace” [12]. Х. Линц и А. Степан указывали среди индикаторов государственной состоятельности степень влияния общегосударственной (национальной) идентичности, обеспечение равноправия граждан в полиэтнических государствах [13]. Мы добавим к этим индикаторам способность контролировать государственную территорию, обеспечить на деле выполнение функций государства и его контроль над процессами в обществе; отсутствие в стране вооружённых повстанческих группировок и очагов сепаратизма, терроризма.

Следует различать суверенитет «факта» (способность государства быть монополистом правотворчества и принятия стратегических решений на своей территории в отношении населения) и суверенитет «признания» (международную легитимацию).

Ведущими факторами фрагментации государств мы считаем: экономическую зависимость от внешних центров силы; незавершенное нациестроительство; слабость общенациональной идентичности в сравнении с региональными, этноязыковыми и конфессиональными идентичностями; повестку дня территориальных конфликтов. Количественные модели, которые бы убедительно и корректно доказывали удельный вес каждого из факторов ослабления и фрагментации государства, ещё не разработаны, поэтому речь идёт о классифи-

кации сецессионистских процессов по их причинам, формам и идейной аргументации на основе качественных методов анализа.

Принципиально важен тот факт, что в странах Запада национальные государства были созданы в XVIII–XIX вв., и сейчас мы наблюдаем «эрозию», самоперерождение nation-state в принципиально новые политические организмы (например, Европейский союз, становящийся новой империей) [14]. Глобализация ведёт к передаче полномочий и ресурсов власти на наднациональный, трансгосударственный уровень. На примере брексита Великобритании мы видим, что даже сильным государствам трудно вырваться из зависимости от новых имперских образований. В Югославии и на Украине, как и во многих странах третьего мира, строительство национальных государств не было завершено ни в институциональном, ни в «субъектно-деятельностном» (формирование единых элит, общенациональной партийной системы, групп интересов, общественных объединений) аспектах. Слабым оставалось распространение национально-государственных идентичностей, этнические и региональные идентичности преобладали [15; 16]. Поэтому при внешнем сходстве проявлений кризис национальных государств, например, в Испании и Италии отражает стадийно иные феномены, чем кризис государственности Югославии и Украины, постколониальных стран Азии и Африки.

Фрагментация слабых государств является целенаправленным и регулируемым процессом, который перекладывает на плечи жертв глобализации её издержки. С точки зрения геополитики конкурент должен быть ослаблен, дезориентирован, а его территория – стать плохо контролируемой национальным правительством. Для этого необходимо ослабить внутrigосударственные связи между регионами и центральной властью, расколоть и противопоставить их элиты, закрепить раскол государства-жертвы на ментальном уровне. Используются технологии информационной войны: дискредитация государства, его символов гордости и маркеров национального единства; конструирование образов «жертвы» (якобы дискриминируемой этнической, конфессиональной или территориальной группы) и «врага» (государства); противопоставление региональной, этнической и конфессиональной идентичностей регионов по отношению к

общегосударственной идентичности; стимулирование территориальных конфликтов, а в ряде случаев – и создание повстанческих организаций, оспаривающих суверенитет государства. Распространённой тенденцией в данной сфере становится интернационализация внутrigосударственных конфликтов под предлогом «гуманитарной катастрофы» и мнимой необходимости международного регулирования.

Впервые комплекс этих технологий был применён при распаде СССР и Югославии, хотя отдельные его приёмы отработывались в политике стран Запада по дестабилизации неугодных стран третьего мира (Вьетнама, Ирака, Судана, Никарагуа и др.) ещё в 1960–1980-х гг. [17; 18]. Глобальным игрокам удалось добиться де-факто расчленения Эфиопии, Судана, Ливии, Ирака, превратить в пространство гражданских войн также Сомали, Сирию, Афганистан, Йемен, ряд стран Тропической Африки. В ряде стран эта технология не принесла полного успеха либо отложена (Боливия, Венесуэла, Эквадор, Сирия, Алжир). Аргументы национального самоопределения использовались для «гуманитарных интервенций» в Боснии и Герцеговине, Косово, Восточном Тиморе. Критическая слабость названных государств служит аргументом для создания на их территории военных баз и оккупационных зон, для внешнего контроля над экспортом и распределением сырьевых ресурсов.

В геополитическом аспекте важно, что фрагментация слабых государств служит технологией создания «пояса нестабильности» вокруг стран-противников Запада (Китая, России, Ирана и др.). Создание зон ведения гибридных войн, ареалов распространения наркоторговли и организованной преступности практикуется странами Запада в Колумбии, Афганистане, Косово, Ливии и т.д. Стратегия «управляемого хаоса» предполагает поддержание этих территориальных конфликтов в управляемом диапазоне, когда не допускается ни полное разрешение конфликта, ни его безудержная эскалация [9]. Фрагментация слабых государств даёт аргументы для военной и экономической экспансии стран Запада, что ярко проявляется на примере Балкан и Украины.

Новой тенденцией фрагментации неугодных государств, применяемой в последние 20–25 лет, стало активнейшее применение

информационных технологий, распространение дезинформации и пропагандистских текстов посредством социальных сетей и мессенджеров. Для этой цели, как доказал Е.Н. Пашенцев и ряд других исследователей на материалах Украинского кризиса 2013–2014 гг., используются технологии BigData. Они позволяют оперативно, в очень короткие сроки, перестраивать стратегию и тактики деструктивного воздействия на страну-жертву [19; 20].

Но, как любая технология, фрагментация нелояльных государств может применяться в различных идеологических и политических целях, и она может быть обращена против глобальных центров силы, если у потенциальных игроков многополярного мира достанет ресурсов и последовательности в проведении своего суверенного курса геополитики.

Подведём итоги. Фрагментация нелояльных по отношению к «совокупному Западу» стран является целенаправленным и регулируемым процессом, который перекладывает на плечи жертв глобализации её издержки, призван ослабить эти государства или добиться их распада, обеспечить внешний геополитический и экономический контроль над ними. По сути, это – политико-территориальное измерение гибридных войн.

Ведущими факторами фрагментации государств мы считаем: экономическую зависимость от внешних центров силы; незавершенное нациестроительство; слабость общенациональной идентичности в сравнении с региональными, этноязыковыми и конфессиональными идентичностями; повестку дня территориальных конфликтов.

Используются технологии информационной войны: дискредитация государства, его символов гордости и маркеров национального единства; конструирование образов «жертвы» (якобы дискриминируемой этнической, конфессиональной или территориальной группы) и «врага» (государства); противопоставление региональной, этнической и конфессиональной идентичностей регионов по отношению к общегосударственной идентичности; стимулирование территориальных конфликтов, а в ряде случаев – и создание повстанческих организаций, оспаривающих суверенитет государства; интернационализация конфликта и его поддержание в подконтрольном диапазоне интенсивности.

Список использованной литературы и источников

1. Rotberg R.I. The Challenge of Weak, Failing and Collapsed States // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World. Washington: USIP Press, 2007. URL: <https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/statefailureandstateweaknessinatimeoferror.pdf> (date of access: 30.09.2021).
2. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. London; New York: Routledge, 2007. 114 p.
3. Комлева Н.А. Осколки империй: признаки и причины частичной государственности пост-имперских стран // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. СПб., 2018. Т. 14, № 1. С. 165–175.
4. Пономарёва Е.Г., Рудов Г.А. «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. М.: Изд-во «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2016. 312 с.
5. Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–55.
6. Keating M. Plurinational Democracy. Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era. Oxford: Oxford University Press, 2001. 216 p.
7. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
8. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Политические исследования. ПОЛИС. 2012. № 2. С. 31–46.
9. Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). 1992. Vol. XXII, Autumn. P. 54–68.
10. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО–Университета. 2014. № 6 (39). С. 61–67.
11. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building and Political Structuring Between the Nation-State and the European Union. N.Y., 2005. P. 234–245.
12. Рейтинг стран мира по уровню слабости. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/failed-states-index/info> (дата обращения: 05.09.2021).

13. Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore, 1996.

14. Colomer J.M. España: la Historia de una Frustración. Madrid: Anagrama, 2017. 304 p.

15. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.

16. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. М.: Весь мир, 2013. 400 с.

17. Строганова Е.Д. США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI в.). М.: Весь мир, 2017. С. 137–154, 164–184.

18. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. М.: АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», Кучково поле, 2021. 704 с.

19. Пашенцев Е. Н. Стратегическая провокация «Украина». М.: Междунар. центр соц.-полит. исслед. и консалтинга и др., 2014. 144 с.

20. Кризис на Украине и Крымские события 2014: практика информационно-войны / науч. ред. М.М. Янгляева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 628 с.

*Батов А.Т., г. Ростов-на-Дону,
Ворошиловское МО ВПП «Единая Россия»*

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ФАШИЗМА И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Одна из самых мрачных вех в новейшей истории – приход к власти Адольфа Гитлера и последовавшее установление нацистской диктатуры в Германии. В настоящее время, научных работ, посвященных фашизму как проекту построения государства и общества практически нет, тема словно табуирована. Но для того, чтобы предотвратить появление подобных деструктивных явлений в будущем, считаем необходимым, обратиться к истокам национал-

социализма и фашизма в более широкой временной перспективе. Вероятно, многие загадки данных явлений будут решены.

В научных трудах одного из самых спорных немецких историков Эрнста Нольте, посвященных анализу внутренней динамики и идеологии фашистских движений, им обнаружена интересная грань нацизма. По мнению берлинского профессора, «нацисты не вырастили своего поколения – тем, кто родился в 1933 году, в 1945 году было всего 12 лет; тем, кто родился в 1925 году, в 1945 году исполнилось всего 20 – они повзрослели только к завершающему этапу Второй мировой войны. Третий Рейх строился поколением, родившемся в последней четверти XIX века – именно к нему принадлежали большинство нацистских лидеров»¹. Таким образом, истоки идей национал-социализма восходят к второй половине XIX века.

XIX век был пиком колониализма, к его концу большая часть мира поделена между огромными колониальными империями: Британской, Германской, Голландской, Итальянской, Португальской, Французской и Японской. Важно отметить, что всемирная колониальная система строилась на идее превосходства белой расы над другими, а право одного народа властвовать над другим воспринималось как нечто естественное, традиционное. «В этом контексте уместно вспомнить одну интересную грань фашизма (и национал-социализма как его ответвления), на которую обратил внимание немецкий писатель Герман Гессе. Он справедливо отметил, что вся европейская культура рубежа веков прошла под знаком культа Античности. Дети со школы усваивали нормы греко-римской культуры, классические языки, совершенство античных форм, а заодно – идею естественного превосходства эллинов над варварами, гения над материальными ресурсами и, конечно, культ империй, где древние греки и римляне управляли массами зависимого населения Древнего Востока. Идеи господства одного народа над другим и даже частичного геноцида более «отсталых» народов – все это было естественным последствием века колониализма. Вовсе не случайно на страницах «Майн

¹ Фененко А.В. Истоки Третьего Рейха. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/istoki-tretego-reykha/>.

кампф» А. Гитлер ставил в пример немцам Британскую империю XIX века»¹.

Проанализировав различные расовые теории в действии, начиная с теории исторических рас, первое упоминание которой наблюдается в трудах английского социалиста-утописта Джерара Уинстена в XVII веке, и ее широкой популяризации после Французской революции конца XVIII века (известный тезис графа Монлозье Франсуа-Домини о расовой природе Французской революции), развившейся в европейской историографии ведущими представителями школы историков периода Реставрации – Огюстен Тьерри, Франсуа Гизо, Адольф Тьер до введения термина «расовая теория» в научный оборот в 1861 году. Невольным творцом популярной, начиная со второй половины XIX века «арийской теории» стал немецкий и английский филолог Фридрих Макс Мюллер (1836–1900). Такие архаичные с позиции современности взгляды свидетельствуют о том, что расовая теория, принятая в рамках идеологии и политики национал-социализма гитлеровской Германии, стала лишь крайней формой, доведенной до радикализма идеологией предшествовавшего столетия. Для нас важнее другое. «К концу XIX века Европа была уже насыщена расовыми теориями настолько, что сами европейцы делили друг друга на всевозможные расовые сорта и виды – биологические и исторические»². Именно поэтому, спустя несколько десятилетий, постулирующие иерархию народов идеи фашизма и национал-социализма, были восприняты в западной части Европейского континента как естественная часть существующей картины мира.

Еще один немаловажный аспект. Размышляя о фашизме и национал-социализме, мало кто обращает внимание, что эти деструктивные явления одержали верх в государствах, считавшихся по историческим меркам достаточно молодыми. Италия, родина фашизма, появилась на свет только в 1861 году, а Рим был присоединен к ней и вовсе в 1870 году – всего за полвека до установления фашистского режима. Германская империя также была не единой страной, это была политическая система, своеобразная конфедерация в кото-

¹ Фененко А.В. Истоки Третьего Рейха. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/istoki-tretego-reykh/>.

² Там же.

рой сохраняли правосубъектность ряд административно-территориальных единиц (Бавария, Баден, Пруссия и др.). И только принятая в 1919 году Веймарская конституция учредила Германию на принципах парламентской демократии и федерализма полноценным единым государством.

Новые государства были настолько новыми, что их элитам пришлось заниматься конструированием собственной истории. Этот кейс актуален и для Украины, элиты которой принялись мифологизировать и переписывать историю государства, решив обосновать независимость своей страны через отрицание ее прошлого. Идентичность Украины уже на самом раннем этапе становления государственности, последовавшей после распада СССР, складывалась на последовательном противопоставлении России. Попытки Украины построить нацию на исключительно этнической основе, сведя радикальный национализм и русофобию к общенациональной идентичности, привели украинское общество к консолидации против России (неоконсерваторская теории Карла Шмидта – чтобы существовало общество, нужен образ врага). В текущих условиях геополитической конфронтации Украине уготована роль статиста в геополитических играх Запада. США как главный актор антироссийского проекта, демонстрирует проявления циничной политики создания новой реальности. Декларируя фактически утопию многополярного мира, в каждой из последующих Стратегий национальной безопасности изобретает новые коллективные подходы к идеологическому противостоянию, акцентируя внимание на более глубокий, нежели просто геополитический характер противоречий.

Сегодня многие загадки немецкого национал-социализма, итальянского фашизма будут решены, если мы откажемся воспринимать их как исторически независимые явления. Они были только закономерными наследниками европейской цивилизации XIX века, доведя до крайнего экстремизма ее основные идеи – колониализм, расизм, иерархию народов и национальный социализм. Так и в соседней Украине нацизм рождался незаметно, пройдя целую серию переходных стадий, что, в конечном счете, может привести к разлому сложившейся во второй половине XX века системе международных отношений, представшей к настоящему времени в крайне деформиро-

ванном виде. Сохранится ли система международной иерархии или установится баланс обилия игроков и многообразия факторов силы? Непременно, на одном из следующих этапов мировой политики. Сможем ли мы в нынешнем международном катаклизме на руинах политико-экономической системы, и предшествовавшей модели мирового порядка выстроить многополярный мир – предмет отдельного исследования.

Список использованной литературы и источников

1. Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Пер. с нем. / Предисловие Л. Гинцберга. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001, 568 с.

*Веремеев Н.Ю., Беларусь, г. Минск,
Белорусский государственный экономический университет*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И МЕТОДИКА ИХ ОЦЕНКИ

Политические риски, вызовы, угрозы для отдельных государств и целых регионов выступают неизбежным фактором социально экономического развития современного мира. Проблематика политических рисков, их прогнозирование и минимизация негативных последствий, интересует ученых из разных сфер научного знания – политологии, экономики, социологии и др.

Предметное становление данной сферы исследований относят к последней четверти XX века, в связи с чередой масштабных экономических и политических кризисов. Актуальность темы исследования политических рисков обусловлена стремительным развитием международных социально-экономических отношений, влиянием глобальных и региональных трендов, влияющих на эти отношения.

Политические риски для бизнеса являются неизбежным фактором деловой активности вне зависимости от страны или региона. Вопрос лишь в степени прогнозируемости экономических последствий политических решений и возможности должным образом оценить и учесть в реализации бизнес-процессов.

Традиционный подход к оценке политических рисков акцентирует внимание на таких факторах, как стабильность политического режима, наличие действенных социально-политических институтов, экономическая свобода и уровень политической нестабильности, соблюдение правил и норм демократии.

Проблема политических рисков стала чрезвычайно актуальной во второй половине XX века в результате роста активности транснациональных корпораций, развитием инвестиционной активности на глобальных рынках [1].

Подходы к оценке политических рисков варьировались от качественных методов до качественных и количественных структурных моделей, используемых в настоящее время. Сводя все многообразие методов оценки и методов исследования политических рисков их можно разделить на три группы: качественные, количественные и комбинированные.

Классический качественный подход реализуется в виде традиционного отчета о ситуации в отдельной стране (регионе, отрасли). Данный тип методологии, ориентирован на анализ качественных факторов, основан на мнении экспертов. Также к числу хрестоматийных примеров качественного подхода относят методы «старых знакомств» (old-hands) и метод «больших туров» (grand tours) широко применявшиеся в 70-е годы XX в. [2, с.71]. Основным недостатком данных методик является их субъективность, а также то, что источником информации выступают оценки и мнения сторонних экспертов, следовательно высокая вероятность – предвзятости в отборе информации. Использование метода Дельфи в анализе политических рисков нацелено на повышение объективности оценки рисков, благодаря особой процедуре работы с экспертами и статистическому анализу полученных результатов. Достоинством метода Дельфи является использование обратной связи во время опроса, что повышает объективность и надежность экспертов при оценке уровня риска.

Количественный подход сформировался в результате применения эконометрического моделирования, методы которого предназначены для количественного измерения определенных переменных. В отличие от качественных методов, количественный анализ политических рисков основан не на выводах эксперта или личном

опыте, а на измерении частоты тех или иных политических событий (демонстраций, беспорядков, конституционных изменений и т.д.), при которых аналогичный результат был получен в аналогичных условиях. Данный подход основан на анализе доступных статистических данных, отборе факторов риска, наиболее значимых показателей, влияющих на его оценку.

Преимущество количественного подхода заключается в возможности сравнения стран и регионов по степени риска на базе единого числового фактора риска, который суммирует относительное влияние определенных показателей, что является несомненным преимуществом этих методов. Главный же недостаток состоит в том, что количественные оценки сосредоточены на ограниченном количестве подвидов риска, таких как политическая нестабильность, национализация предприятий, валютный контроль и т. п. Полный список возможных рисков намного шире и включает множество политических, экономических и социокультурных факторов. Следовательно отбор факторов и определение их веса остается основной проблемой количественного метода. Кроме того, еще одной проблемой, с которой сталкиваются эксперты и аналитики при попытке оценить политические риски, – отсутствие необходимого объема репрезентативной статистической информации. Из-за невозможности сформировать выборку, которая предлагает достаточный уровень надежности результатов исследования, использование статистических или эконометрических методов при оценке политических рисков очень ограничено.

Комбинированные или смешанные методы используют в своих инструментах как экспертные оценки, так и объективный анализ количественных показателей. Комбинированный подход, характеризующийся гибкостью и способностью интегрировать различные методы. В связи с этим остается актуальной разработка соответствующих моделей оценки политических рисков.

В настоящее время существует более десятка моделей расчета политических рисков, используемых многочисленными экспертами агентств и консалтинговых компаний в США, Европе и Азии, таких как: Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business

International and Data Resources Inc. (Policon), BERI (Business Environment Risk Index) и др. [3].

Множество подходов, описанных выше, высвечивает сложность и многомерность проблемы анализа и оценки политического риска. Все рассмотренные модели имеют определенные преимущества и недостатки. Экспертные системы критикуются за то, что в них не всегда четко прослеживаются причинные отношения. Эконометрические модели часто страдают сложностью обеспечения текущими источниками данных большинства независимых переменных, необходимых для анализа. Комбинированные модели могут быть дороги, продолжительны во времени и географически ограничены. Из этого следует, что оптимальный подход должен сочетать лучшие стороны каждого из методов и давать возможность измерять макро-риски и интерпретировать их применительно к проектно-специфическим условиям.

Современная политика и экономическая жизнь чрезвычайно динамичны. Нарастание неопределенности в экономической сфере, негативные ожидания часто могут приводить к возникновению политических кризисов и конфликтов. Создание моделей оценки, технологий прогнозирования потенциальных угроз локального и регионального экономического развития, а также инструментов реагирования на негативные факторы представляется одной из важнейших задач экспертного политологического сообщества. Отсутствие или отказ от технологий политического риск-менеджмента влечёт за собой принятие неадекватных политических решений, а как следствие (для социально-экономической сферы) ошибкам в выборе курса экономического развития, отсутствию экономического роста, росту кризисных явлений, нарастанию социально-политической напряженности в обществе, краху государств и системы региональных связей.

Список использованной литературы и источников

1. Бордовских, А.Н. Политические риски в современной экономике / А.Н. Бордовских. М.: Кнорус, 2020. 204 с.
2. Быченков, Д.В. Методы и прикладные модели анализа и оценки политических рисков // Вестник РУДН, сер. Политология, 2007, № 3. С.70–78.

З. Подколзина И. А. Проблемы дефиниции и оценки политического риска в зарубежных исследованиях // Вестн. МГУ. Сер. 12, Политические науки. 1996. № 5. С. 19–33.

*Внукова Л.Б., г. Ростов-на-Дону,
ФГБУН «Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН»*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ВЗГЛЯДЫ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА: СОПОСТАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

За последние несколько лет по объективным причинам мало практических исследований социально-политической направленности на Донбассе. Если еще сузить фокус до идеологических воззрений и острого вопроса отношения к Украине, власти ДНР и т.п., то таких еще меньше. И особенным в этом ряду можно назвать исследование А.А. Токарева, представленное в докторской диссертации, которое, помимо «привычных» гуманитарных методов дискурс-анализа, использует проективную методику рисунка по политической тематике [1]. В данной статье мы сопоставим авторские результаты исследований Донбасса с предлагаемыми в докторской диссертации А.А. Токарева, а также используем приводимые в этой научной работе рисунки как отдельный объект анализа.

В диссертации А.А. Токарева было предложено несколько гипотез и одна из них – гипотеза о «сильной региональной идентичности» – подтвердилась в ходе исследования. В 2018 и 2020 гг. автором проводились опросы [2, 3], результаты которых показывают, что приоритетной идентичностью является региональная – «житель Донбасса», и это полностью совпадает с другими опросами, которые проводились на территории Донецкой и Луганской областей как российскими, так и зарубежными исследователями. Таким образом, на Донбассе выражена особая региональная идентичность, помимо национальной или государственной.

¹ Публикация подготовлена в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. 00-22-19, № госрегистрации 122020100350-2.

Тесно связанными с региональной идентичностью являются русский язык и культурная сфера. Известно, что Донбасс – русскоговорящий промышленный регион, который характеризовался специфическими особенностями в отличие от других регионов Украины. Одна из причин неприятия ультранационалистического поворота в Киеве в 2014 г. была связана именно с этим – запрещенностью использовать русский язык во многих сферах жизни. В качестве иллюстрации данного тезиса можно привести один из рисунков: изображена книга с названием «Русский язык», все страницы которой закрывает огромный навесной замок [1, с. 227]. Подробно основания и главные идеи Русской весны исследуются автором в предшествующих статьях [2, 3]. Не погружаясь в рассуждения относительно тяготения Донбасса к русской культуре, упомянем известный факт, что до 2014 г. ВВП Украины значительной частью складывался экономически более развитыми областями юго-востока. При этом из-за особенностей менталитета жители центральных и западных областей «недолюбливали» «донецких», считая их носителями элементов криминальной субкультуры. В свою очередь жители Донбасса считали, что «кормят» более бедные регионы страны, и это порождало определенный уровень напряженности.

Татаринов И.Е. в статье «Прошлое, настоящее и будущее российско-украинской границы» [4] исследует движение межреспубликанских границ на заре формирования Советского Союза. Граница между УССР (Украиной) и РСФСР несколько раз смещалась, что вызывало противоречия между республиками и уже в тот период приводило к недовольству местных жителей. Таким образом, потенциальный конфликт, заложенный в период становления СССР, актуализировался на Донбассе через столетие и стал реальным протестом.

Одно из неочевидных и ярких убеждений, которое сложилось у автора в 2018 г., исходя из интервью с экспертами из ДНР, это «обида» на Россию, что не присоединила как Крым. Этот тезис также находит отражение в политических образах жителей Донбасса, связанных с РФ: «таможня, государственная граница, «неповторение» с ДНР той же истории, что с Крымом, утраченные надежды и ощущение неоправданных ожиданий относительно судьбы региона, который так и не вошёл в состав государства, и кроме того, отгоражива-

ется формальными барьерами от «своих» же людей» [1, с. 279]. Образы, выражающие смысл цитаты, представлены в нескольких рисунках. [1, с. 233, с. 270, с. 444 и др.] Один из открытых вопросов анкетирования жителей Донбасса в 2020 г. показал, что примерно половина опрошенных выразила желание войти в состав РФ. Тем не менее, «было выявлено некоторое количество людей, желающих интегрироваться обратно в Украину, и тех, кому непринципиально в какой стране быть, желающих любого мирного разрешения» [3, с. 83]. А.А. Токарев также фиксирует то, что Украина не воспринимается жителями непризнанных на тот момент республик однозначно негативно. «Причём даже часть респондентов, возлагающих ответственность за войну на Украину, сожалеют о последовавшем разрыве со страной» [1, с. 276]. Один из предлагаемых далее выводов, интересен в контексте событий осени 2022 г.: «ДНР не характеризовалась по большей части личными образами, оказавшись самым обезличенным объектом, и большинством респондентов не воспринималась как место, которое требует защиты. Лидером по личным и коллективным образам оказалась Россия» [1, с. 276]. Таким образом, присоединение к России кажется более приемлемым решением для жителей Донбасса, нежели потенциальный проект развития отдельных независимых государств. В пользу этого весомого утверждения говорит то, что были получены близкие по смыслу выводы разными учеными, которые применяли различные методы, но исследовали один объект примерно в один и тот же период (2018-2020 гг.), когда политическая ситуация и внешние обстоятельства принципиально не менялись.

Конечно, в 2022 г. положение дел значительно изменилось в связи с начавшейся в феврале специальной военной операцией и последующим присоединением к РФ новых субъектов в сентябре. Например, в более ранних исследованиях автора состояние общества непризнанных республик Донбасса характеризуется как «апатия». В множестве политических рисунков есть близкие по смыслу образы: болото, тонущий корабль, война и пр. Словами на рисунках описываются проблемы: отсутствие рабочих мест, маленькие зарплаты и т.д. [1] На данный момент следует предположить, что состояние общества кардинально поменялось. И вопрос «как?» – это вопрос будущих исследований.

Список использованной литературы и источников

1. Токарев А.А. Формы и динамика сецессий на постсоветском пространстве: опыт прогнозного моделирования. – Дисс. на соискание ученой степени доктора полит. наук. М., 2021. URL: <https://mgimo.ru/upload/2020/11/tokarev-diss.pdf> (дата обращения: 12.10.2022).

2. Внукова Л.Б. Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса // Южно-Российский журнал социальных наук. 2018. № 4. С. 180–196.

3. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 73–86. DOI: 10.17223/15617793/463/10.

4. Татаринов И.Е. Прошлое, настоящее и будущее российско-украинской границы // Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке: Сборник статей участников VII Международной научной конференции, Москва, 15–18 июня 2021 года. Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2021. С. 479–487. DOI 10.46865/978-5-901640-36-4-2021-479-487.

*Герштейн И.З., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РФ НА УКРАИНЕ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ «МАТРИЦЫ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ВЫВОДЫ

Одной из главных особенностей феномена национальной идентичности [1, с. 121] является парадоксальное сочетание в ее «матри-

це»¹ глубокого консерватизма и высокой динамичности основных элементов базового мифа. Любые крупные политические события, как внутреннего, так и международного характера, которые создают «напряжение идентичности» - состояние, когда подвергаются сомнению символы и положения, лежащие в основе национального мифа, ведут к изменению отдельных его элементов, в крайнем случае, приводя к полному разрушению «матрицы» идентичности.

В 2022 году наиболее значимым событием, оказавшим влияние на развитие и трансформацию российской национальной идентичности, стала специальная военная операция России на Украине. Не вдаваясь в экономические и геополитические аспекты данного события необходимо отметить ее влияние на массовое политическое сознание граждан.

Значимость этого события определяется не столько масштабом боевых действий, сколько тем, что «Украина для нас – это не просто соседняя страна. Это неотъемлемая часть нашей собственной истории, культуры, духовного пространства. Это наши товарищи, близкие, среди которых не только коллеги, друзья, бывшие сослуживцы, но и родственники, люди, связанные с нами кровными, семейными узами»². В результате данный конфликт, по форме межгосударственный воспринимается немалой частью населения страны как гражданская война. На первом этапе СВО бытовали надежды на быстрое завершение вооруженного противостояния. В этом случае влияние спецоперации на «матрицу» национальной идентичности России, возможно, было бы весьма ограниченным. Реальность оказалась совершенно иной.

Масштабность боевых действий, конфронтационная реакция «коллективного Запада», приведшая к резкой трансформации сложившейся системы мировых экономических и политических отношений – привели к существенному влиянию спецоперации на массовое политическое сознание.

¹ Попова О.В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm (дата обращения 15.10.2022).

² Обращение Президента Российской Федерации 21.02.2022 г. // Президент России. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828> (Дата обращения 15.10.2022).

Возникшая ситуация приводит к «напряжению» матрицы национальной идентичности - моменту, когда символы и аксиомы, с помощью которых происходила самоидентификация человека с группой (нацией) и институтом (государством), резко ставятся под сомнение с точки зрения оценочных категорий добра и зла.

Последствиями «напряжения идентичности» становится либо перенастройка и трансформация соответствующей «матрицы» (побеждает категория «добра»), либо ее распад, который ведет к развалу самого института государства (яркий пример – СССР на рубеже 80-90-х гг. прошлого века).

Специальная военная операция РФ продолжается, но по итогам ее восьмимесячного воздействия на массовое политическое сознание и «матрицу» российской национальной идентичности можно сделать следующие выводы:

1. СВО выявило противоречия в концептуальных основах национальной идентичности России, когда приверженность к традиционным ценностям, «долгу», пытались сочетать в целеполагании государственного развития с идеей потребительского общества и связанных с ним правовых отношений [2, с. 19]. Гражданам России пришлось делать ментальный выбор между двумя противоположными элементами казавшейся единой структуры.

2. В отличие от ситуации «перестройки» большинство россиян сумели сохранить самооценку на стороне «добра» и «матрица» российской идентичности гораздо ближе к перенастройке, чем к распаду.

3. Сложившаяся ситуация создает прекрасные возможности для переосмысления стратегических целей и тактических задач государственного строительства Российской Федерации, разработки принципиально новых концепций национального развития.

4. Для национальной элиты России представляется идеальная возможность соотнести свои цели и интересы с интересами государства и выработать линию развития, которая бы сочетала оптимальный баланс соотношения интересов высших слоев общества с чаяниями и нуждами большинства населения России. Это создаст благоприятные условия для развития страны после успешного завершения специальной военной операции.

Список использованной литературы и источников

1. Герштейн И.З. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия // Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции. Нижний Новгород, 2014. С. 121–125.
2. Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений. // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 2 (12). С. 9–27.

*Давыденко Д.В., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

З-ИДЕОЛОГИЯ В КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОТВЕТА НА ПОТРЕБНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СВО

Мы согласны с мнением, что: «...в государстве должна существовать государственная идеология, в которой заложено идейное неизменное ядро, но одновременно она должна обладать способностью воспринимать позитивные новации и отвергать деструкцию» [1, с. 17]. Такая потребность в существовании национальной надэтнической идеологической системы, объединяющей различные страты современного российского общества, отмечается многими исследователями различных корпусов современного научного знания. Нами разделяется феноменология появления, существования и использования когнитивно-идеологических матриц [2] (далее по тексту – КИМ). Мы считаем, что при определённом воздействии, путём некоторой пересборки каркаса КИМ, не изменяя, но дополняя понятия ядерного уровня, возможно кардинально повысить эффективность всех социальных взаимодействий внутри современного российского общества.

Особенности формирования управляющих страт современного российского общества позволяют предположить наличие определённого разрыва в идеологических, ценностных и мотивационных уста-

новках исходя из принадлежности либо к управляемым, либо к управляющим. Сейчас уже стало очевидным прямое ориентирование управляющих структур на монархический, полностью авторитарный стиль управления. Причём эта направленность и автономия элит развивалась с самого начала существования российского государства при практически полном отсутствии противодействия со стороны низлежащих общественных структур [3]. При этом низовом правовом нигилизме и абсентеизме отмечается формирование и распространение *«леволиберального тренда, сменившего значительное преобладание консервативных и национально-патриотических идеологических установок в групповом молодежном сознании»* [2, с.1 17]. Склонность определённой (и довольно значимой по численности, и зачастую по управленческому статусу) части населения современного российского общества к «имперскому типу когнитивности» и иногда деятельности, также не вызывает у нас особых сомнений. С начала 2000-х концепт монархичности дополняется и расширяется имперским самосознанием [4].

Одним из ключевых понятий в рамках осуществления Z-идеологического формирования нам предполагается считать недавно появившийся, но довольно востребованный в сугубо узком экономическом смысле концепт параллельности. Параллельность может выступить всеобъемлющим ответом на многие «каверзные» вопросы противников российской государственности. Недаром же новояз современного российского бюрократического аппарата стал известным феноменом не только лингвистического, но политологического и даже политического уровня. Как мы помним – параллельный импорт – это название для определённых практик поставки значимых товаров без уведомления правообладателей. Применение концепта параллельности открывает широкое поле для формирования различного набора ценностных установок. Параллельное развитие, параллельная модернизация, параллельная этика. Нам предполагается, что использования концепта параллельности будет позитивно воспринято различными слоями населения, исходя из предрасположенности российского общества к параллельному существованию управляемых и управляющих.

Особенности появления феномена гражданских религий как в общемировом контексте, так и некоторые феномены нашего советского прошлого позволяют нам также сделать вывод о возможности перенастройки существующего понятийного поля легитимности действующей власти. Политическое измерения современного российского общества находится под определённым воздействием проводящейся с февраля специальной военной операции (далее по тексту - СВО). Особенность применения концепта параллельности в рамках обеспечения должного уровня функционирования поддерживающих проведение СВО систем, конечно предполагает определённые шаги феноменологического в первую очередь макросоциального уровня. Притом мы согласны с часто встречающимся мнением, что европейские территории практически всегда находятся в состоянии перманентной гражданской войны [5], обусловленной различиями в расположении смысловых компонентов по КИМ.

На наш взгляд применение концепта параллельности, начиная с самого высокого уровня, позволит реализовать и на более низких уровнях существования современной российской структуры системы двоемыслия, характерные для некоторых сегментов российского общества. Это воздействие будет многократно усилено эффектом эхо-камер, закрепляющим особенности параллельного существования для каждой осознающей в качестве уникального субъекта социальной реальности – социальной группы. Причём основным моментом в реализуемой модели параллельности должно стать социально-правовое разделение, а точнее закрепление в нормативно-правовой сфере существующего разрыва в идеологических воззрениях по линии управляющие – управляемые. Параллельное развитие должно на этом этапе стать легитимизацией дальнейшего существования российской власти. Причём здесь помимо общей симуляционности, двоемыслия, таких и прочих феноменов идеологического дискурса этих территорий на пользу может сыграть и феномен забывания. Ведь забывание на службе конструирования национальной идентичности предполагает: *«...реконструкцию традиционных нарративов, составленных из отдельных событий, историй, героев, а также их различных версий, которые не связаны (подчёркивание моё – Д. Д.) между собой общим, связным повествованием»* [6, с.51].

Автором предполагается введение в оборот термина z-идеология (следует отметить, что почти с самого начала СВО он использует в социальных сетях хештег #zideology), предполагающего использовать особенности симуляционной составляющей нынешнего политического режима в качестве главной особенности. Следует отметить, что необходимо комплексное воздействие на обе страты управляющих и управляемых. Где основными элементами должны стать базовый доход для управляемых и ужесточение ответственности за преступления с обязательной конфискацией имущества и возможной отменой моратория на высшую меру социальной защиты для управляющих. Перераспределение экономических ресурсов общества в сторону управляемых, абсолютное гарантирование свободы слова, и свободы оружия – это уравновесит уже и так существующие высочайшие социальные гарантии по завершению управленческой и силовой службы для определённых страт нынешнего российского общества (силовики, высший бюрократический аппарат). Повышение уровня социальной ответственности произойдёт как саморегулированием (уже упоминаемое права на оружие – аналогичного второй поправке к Конституции США), так и методами статистическо-управленческого мониторинга, где может быть введена прямая зависимость конкретного числа управляющих от числа управляемых на данной территории. Свобода слова, свобода оружия, базовый доход, параллельное развитие – вот составляющие z-идеологии. Жёсткая зависимость управляющих от численности управляемых, обязательная раз в пять лет ротация и выбор страты гражданином (управляющий – высокая уголовная ответственность, управляемый – базовый доход), возвращение пятилетних этапов планирования, сопряжённых с электоральными циклами, трансформирование всей нормативно-правовой системы под параллельное развитие позволит использовать особенности существования общества для дальнейшего развития. Причём следует отметить, что и на международном уровне применение семантического дискурса, характерного для концепта параллельного развития позволит снизить степень противоречий в глобальном противостоянии. Мы предполагаем, что сейчас редко артикулируемое желание на воссоединение с мировой технологической цивилизацией в дальнейшем станет основным трендом самоочищающегося z-идеологизированного российского общества.

Список использованной литературы и источников

1. Погорелый А.П. Государственная идеология как насущная потребность современной России // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 256–337.
2. Подшибякина Т.А. Модель миграции периферийных идеологических концептов: возможности системно-динамического анализа // Политическая наука. 2021, № 1. С. 116–134.
3. Дука А.В. Монархический соблазн Российской элиты // Власть и элиты. 2017. т. 4. С. 256–337.
4. Паин Э.А. Между империей и нацией: модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. Москва, 2004.
5. Тупаев А.В. Идеологическое государство в контексте европейской гражданской войны. // Политика и Общество. 2019, № 5. С. 34–40.
6. Поцелуев С.П. Социальная забывчивость как символический ресурс национальной мобилизации (концептуальный аспект) // Полит. Наука. 2020. № 2. С. 42–63.

*Давыдова М.А., г. Москва,
ИНИОН РАН;*

*Огнев А.С., г. Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В 2021–2022 ГГ.: РЕЗУЛЬТАТЫ КОГНИТИВНОЙ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ¹

Период 2021–2022 гг. ознаменован существенными различиями в состоянии общества, ключевых событиях и основных направлениях развития общественной жизни. Для 2021 г. характерно превалирование ковидных и постковидных дискурсов, связанных с ограничением

¹ Проект «Цифровые технологии вовлечения протестно-ориентированного сегмента молодежи в конструктивные государственную и гражданскую повестки в условиях СВО на Украине» реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

ми, проблемами со здоровьем, а также привыканием к новому укладу жизни с закрытыми границами, QR-кодами, вопросами вакцинации и привычностью дистанционных форматов. В 2022 г. же происходит существенная переоценка ценностей и изменяются установки в связи с изменением общественной обстановки – старт и реализация СВО РФ на Украине, усиление санкционного режима, реализация культуры отмены в отношении РФ, выключение России из международной политики, существенных поворот на Восток, частичная мобилизация, вхождение новых регионов в состав страны. В этой связи актуализируется вопрос о содержании изменений в установках, запросах, поведении современной российской молодежи под воздействием изменяющихся условий.

Методика исследования была построена на проективных методах когнитивной инструментальной диагностики, включившей песочное игровое моделирование и метафорические ассоциативные карты. Данные проективные методы позволяют выявлять аффективные схемы ориентировки через применение различных визуальных моделей – рисунков, игрушечных и/или геометрических фигур, которые отражают обыденные жизненные сюжеты и сценарии [1]. В рамках работы с данными методами когнитивной инструментальной диагностики был реализован сценарий, построенный на конструировании двух моделей государств реального и идеального. Подобный сюжет позволил выявить политико-психологические и лингвистические паттерны, которые позволяют делать выводы об изменениях, произошедших с молодежью в контексте трансформации общественной ситуации. Исследование проводилось в 2 этапа: первичный сбор информации был осуществлен в сентябре-декабре 2021 г., вторичный сбор информации в сентябре-октябре 2022 г. Выборка составила 300 респондентов в возрастном диапазоне 18–35, преимущественно студенты вузов. Дополнительно полученные данные были проанализированы при помощи дискурс анализа.

Как показали результаты исследования, среди социальных установок и ожиданий молодежи в 2021 г. преобладали следующие аспекты.

Во-первых, позитивная оценка коллективного подхода к решению проблем, заключающегося в необходимости включения различ-

ных категорий граждан в обсуждение и принятие и решений. Данные тезис выражался следующими дискурсами «нужно объединяться», «в сообществах ищут новые решения», «все сообща», все собрались для одной цели», «работать в команде» и др.

Во-вторых, ярко выражена тема, связанная с заботой об окружающей среде, так называемый экологизм. Идеальным в 2021 г. современной молодежи представляются общества и государства, которые реализуют политику в сфере экологии, охраны окружающей среды и природы: «гармония с природой», «комфортная экологическая среда», «здоровая природа», «следить за чистотой и порядком» и т. д.

В-третьих, важным представляется дискурс о необходимости упора на научно-технологический прогресс и способствование его развитию. НТП представляется инструментом для решения существующих проблем и прогрессивного движения вперед: «стремление к науке», «технологическое развитие», «развитие науки и технологий», нужно развивать науку» и др.

В-четвертых, молодежь демонстрирует приверженность патерналистским моделям, формируя запрос на поддержку и помощь со стороны государства: «все накормлены, везде удовольствие», «государство защищает людей», «множество социальных благ» и т.д. При этом молодежь не готова отказываться от собственной протестной активности и брать ответственность за собственные решения.

В 2022 г. для молодежи на первый план выходят другие ценности, среди них:

Во-первых, запрос на безопасность и уверенность в завтрашнем дне, что во многом определяется изменчивостью окружающих условий и отсутствием четкой уверенности в завтрашнем дня: «анонсируется одно, происходит другое», «мы в шаре», «то, что меня защищает», «спокойствие и умиротворение», «настоящее мрак», «хочется защищенности» и др.

Во-вторых, с первого плана уходит социальное и общественное, которые уступают место микросоциальным [2] ценностям: «было бы все прекрасно у пожилых людей», «могли разрабатывать серьезные вещи», «хорошая семья», «в моей жизни должны быть семья и любовь» и т. д.

В-третьих, существенным образом увеличивается запрос на включение в принятие государственных решений и реализуемой политики. Среди основных дискурсов: «молодое поколение будет услышано», «свобода и право выбора», «учитывает мнение» и др.

Среди сохраняющихся общественно-политических установок на протяжении последних нескольких лет, проявившаяся в связи с пандемией и продолжающаяся до сих пор ориентация на мобильность, открытые границы, путешествия: «в будущем будут путешествия», «смогут спокойно выезжать», «путешествия то, что я люблю», «путешествия и свобода опять же». Отдельно следует отметить, что значимость темы социальной мобильности для молодежи в последние годы приобретает все более весомый характер, что сильно контрастирует с приоритетами, которые нами были выявлены для аналогичной возрастной группы в прошлом десятилетии [3]. Причем если раньше мобильность упоминалась в контексте дополнительных возможностей, то теперь она явно приобрела характер уже практически самодостаточной ценности.

Результаты исследования общественно-политических установок молодежи в период реализации решений по частичной мобилизации формирует чувство неопределенности и неуверенности в происходящем, что во многом определяет запуск дискурса о справедливости/несправедливости в контексте государственной политики. Следует также обратить внимание на то, что тему недочетов мобилизации ряд недобросовестных критиков действующей в России власти пытается представить как показатель ее несостоятельности.

В целом, как показывают результаты исследований, общественно-политические установки молодежи существенным образом трансформируются под влиянием происходящих политических событий, способствуя концентрации внимания на микро социальных аспектах, внутрисемейных отношениях и концентрации запросов на базовых потребностях по сравнению с предыдущими периодами. Однако, также следует отметить, что радикальным образом эта тенденция может быть изменена в случае дальнейшего активного вовлечения молодежи в решение задач, связанных с событиями на Украине.

Список использованной литературы и источников

1. Будаков С.В., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Огнева Н.С. Режимы песочного игрового моделирования как фактор эффективности консультирования, психотерапии и тренинговой работы // Человеческий капитал. 2022. № 6. С. 85–90.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Социально-политические и ценностные профили российской молодежи – пользователей социальных сетей // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 3–13.
3. Цыгина О.Д., Огнев А.С., Дурнева Е.Е. Профессиональное самоопределение как элемент жизненной навигации // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 10-1. С. 58–60.

*Денисов С.А., г. Екатеринбург,
Гуманитарный университет*

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ИНСТИТУТОВ

Конституционализация властных институтов является предметом исследования таких междисциплинарных наук, как конституционная политология и конституционаизация мира [1, с. 19–27]. Это нормативные науки. Под конституционализацией политической системы и, в частности, конституционализацией властных институтов, как ее части здесь понимается приведение их в соответствие с идеалами конституционализма. При аксиологическом подходе к предмету исследования под конституционализмом понимается доктрина, включающая в себя две важнейшие ценности социократии (господство общества граждан над аппаратом государства) и верховенства человека, его прав и свобод. Эти ценности, в свою очередь, подкрепляются такими качествами государства, как демократия, республика с разделением властей, децентрализация власти, правовой характер государства. Сущность процесса конституционализации властных институтов сводится к превращению органов власти в послушный инструмент общества граждан. Науки, изучающие конституционализацию властных институтов, носят практический характер. Они

обеспечивают движение мира к политической модернизации и прогрессу.

Главным условием для конституционализации властных институтов является превращение общества подданных в гражданское общество, ядром которого является общество граждан. Под обществом граждан, в данном случае понимается особая социальная общность, включающая лиц, (а) осознающих свои групповые интересы и интересы всего сообщества; (б) организованных в партии и другие общественные объединения; (в) активно отстаивающие эти интересы. Это всегда небольшая часть населения страны, представляющего собой массу. Основу общества граждан во всех странах составляет буржуазия и гражданская интеллигенция.

Вторым условием конституционализации властных институтов является ослабление административного класса, превращение его в идеальную веберовскую бюрократию, зависимую от публичных политиков. Под административным классом здесь понимается слой государственных управленцев экономически (доминирование государственной собственности и редистрибуция), политически (неспособность общества к самоуправлению, авторитарный политический режим и монархическая форма правления) и духовно (господство навязываемой государством идеологии) господствующих над обществом, превращающих его в общество подданных [2, с. 90–253]. Публичные политики в данной идеальной конструкции должны выражать интересы разных групп общества граждан. Они находятся в состоянии конкуренции между собой. Каждая из групп публичных политиков только временно может возглавлять государство.

Итак, можно сделать промежуточный вывод. Главное направление конституционализации властных институтов заключается в формировании общества граждан (его групп) и представляющих его публичных политиков

Необходимо указать пути ослабления административного класса и его властных институтов. В первую очередь необходимо лишить административный класс его экономического господства над обществом. Это осуществляется путем приватизации средств производства и сокращения объемов государственно-бюрократической собственности. Переход к конституционной экономике приводит к воз-

никновению класса предпринимателей, который являются ядром гражданского общества. Он обладает материальными ресурсами для борьбы за ограничение государства (административного класса). Второй задачей является демонополизация экономики и ослабление клиентелы государственных управленцев (олигархов). Для того, чтобы появился независимый от государства значительный социальный слой общества необходимо ликвидировать налоги на малоимущих и снизить налоги на средний класс. Люди должны получать свои доходы от работы на рынке, а не в результате заботы о них административного государства. Необходимо покончить с патернализмом государства.

Вторым направлением ослабления административного класса и его властных институтов является борьба зарождающегося гражданского общества и общества граждан за политические свободы. К ним относится свобода слова, собраний, ассоциаций и свобода выборов при формировании органов власти. Бороться необходимо за свободы, а не просто за политические права выражать свою волю с разрешения чиновников и под их контролем. Одновременно необходимо требовать закрепления в нормах права и реализации на деле ответственности должностных лиц за посягательства на политические права граждан.

Третье направление конституционализации властных институтов связано с борьбой за внедрение в практику государственной жизни разделения властей. Представительные органы при правителе должны быть превращены из совещательных и законорегистрационных органов в парламенты, осуществляющие законотворчество и контроль за исполнительной властью. Необходимо бороться за ответственное перед парламентом правительство. Это означает введение парламентской республики. Важнейшей целью должно быть устранение института верховной власти, подавляющей разделение властей. Конституционализации подлежат судебные органы. Из части бюрократического механизма они должны превратиться в органы общества граждан. Для этого судейский корпус должен формироваться только из адвокатов и гражданских юристов. Чиновников правоохранительных органов следует допускать до судебных должностей только после значительного стажа (например, в 10 лет) работы в адвокатуре или в другом негосударственном органе. Практика

заполнения судебных должностей из аппарата суда должна быть прекращена.

Конституционализация институтов власти включает в себя их децентрализацию. Население регионов и мест должно иметь право формировать свои органы власти и через них решать свои дела. Центральные органы должны быть ослаблены и осуществлять преимущественно координационную роль. Самоуправление общества обычно развивается снизу [3, с. 64–91].

Диалектика и теория эволюции, обобщая факты истории, показывает, что мир в последние столетия неуклонно идет по пути конституционализации властных субъектов. Этот процесс имеет циклический характер. Быстрый переход к конституционным институтам сменяется возвратом назад, к отчуждению органов власти от общества. Но на основе метода экстраполяции можно поставить прогноз, что не только отдельные страны, но и весь мир перейдет к конституционным, т.е. полностью зависимым от общества граждан властным органам.

Процесс конституционализация властных субъектов подчиняется диалектическому закону перехода количества в качество. Предпосылки для изменений медленно накапливаются в обществе и, затем, происходит скачкообразный переход от административного и авторитарного государства к демократическому государству. Он осуществляется через реформы сверху или путем революции снизу. Реформы происходят в случае, когда правящая группа готова на уступки обществу. Если она упрямо держится за свою власть, то неизбежно доводит общество до революционной ситуации.

Сегодня административный класс многих стран мира и подчиненная ему служилая интеллигенция умело имитируют формирование гражданского общества и конституционализацию властных институтов. Конституционная политология и конституционная имиджология должна разоблачать эти подделки под конституционализацию. Конституционная политология должна бороться с расистскими теориями, доказывающими, что некоторые народы неспособны перейти к демократии и республике, что авторитарные порядки и монархия являются неизменными свойствами их культуры. В задачи науки входит изучение истории движения разных стран мира по пути конституционализации властных институтов и выработка стратегии и тактики осуществления этого процесса в странах, от-

ставших в своем развитии. В отличие от авторитарных порядков конституционализация властных субъектов носит искусственный характер. Она требует активного участия элит в разработке планов движения вперед и в политической деятельности по их реализации. Политическая эволюция осуществляется через активную деятельность людей, которая должна осуществляться на научной основе. В деятельности по конституционализации властных субъектов предлагается использовать методы инноватики [4] и форсайта [5, с. 7–17].

Сегодня решающее значение в движении мира к конституционализму имеют страны, образующие конституционную цивилизацию. Они принуждают страны, отстающие в своем развитии к изменению политической системы, требуют от органов власти не отрываться от общества.

Итак, конституционализацию властных институтов надо начинать с конституционализации общества: превращение его из общества подданных в общество граждан. Конституционализация властных институтов тождественна ослаблению административного класса и его государства над обществом. Конечно, это длительный процесс, рассчитанный на десятилетия.

Список использованной литературы и источников

1. Денисов С.А. Общая теория конституционализации мира, как направление научного исследования // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 19–27.
2. Денисов С.А. Административное общество. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. 608 с.
3. Токвиль А. де Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
4. Сунгуров А.Ю. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям: учебное пособие. СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012.
5. Крюков С.В. Форсайт: от прогноза к формированию будущего // Terra Economicus. 2010. Т. 8. № 3–2. С. 7–17.

*Зубкевич А.А., г. Нижний Новгород,
департамент региональной безопасности Нижегородской области;
Зубкевич Л.А., г. Нижний Новгород,
Нижегородская академия МВД России*

ГУМАНИЗМ И ТЕРРОРИЗМ – ЛИНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В условиях современных рисков и кризисов главное противостояние состоит между терроризмом как глобальным вызовом современности и гуманизмом как основой мироустройства. Ключевым остается вопрос о выборе каждого отдельного человека и общества в целом пути развития, смыслов, целей и ценностей жизни: «как жить и во что верить?». Именно этот выбор личности между добром и злом становится «красной линией» разграничения между гуманизмом и терроризмом.

Общепринятое однозначное представление о феномене терроризма отсутствует, в исследованиях выделяются разные признаки и компоненты, среди которых основным является насилие, устрашение, смерть, нарушение общественного порядка и безопасности, намеренное игнорирование норм права, отрицание принципов общечеловеческой морали, циничное пренебрежение нормами гуманизма и справедливости, наличие рационально-логического основания, заключающегося в экономических и политических целях.

Террористическая идеология – отправная точка терроризма [1, с. 8], придает террористической деятельности «значимость, субъективную ценность, смысл и назначение» [2, с. 142–144], представляя «великой идеей», а ее адепты уже «идут за мечтой». Оказывается влияние на общественное сознание путем пропаганды, психологического манипулирования, информационно-боевого воздействия и насыщающего террора. В условиях высокого уровня неопределенности в обществе, утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов осуществляемое давление наносит непоправимый ущерб нравственному здоровью человека. Таким образом достигается массовость, происходит саморазрушение общества, нарушение связей между обществом и государством.

Террористическая идеология (идея) может становится материальной силой, если она овладевает массами, поскольку способна дать быстрые ответы на сложные вопросы, заполнить образовавшуюся пустоту новыми смыслами.

Так, линия разграничения, за которую «терроризм не пройдет», находится в сознании каждого человека, и позиция должна быть совершенно определенной – никакие цели не могут служить предлогом для террора. В этой связи необходимо формирование в обществе антитеррористического мировоззрения, основанного на гуманизме и миролюбии.

Гуманизм – «исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки общественных отношений»¹; «гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям»².

Принцип гуманизма – универсальный, планетарный принцип, обращенный к человеческой личности, к правам и интересам человека, требующий равно уважительного отношения к любому представителю человеческого рода, уважение достоинства каждой личности, ее права на жизнь [3, с. 41]. Основные критерии: человечность, отзывчивость, культурность, направленность на благо других.

«Гуманитарный ренессанс» – резкое повышение престижа и статуса гуманитарного знания. Наряду с вопросами «как?» и «почему?» возникают вопросы «во имя чего?», «какой ценой?» [4, с. 19]. Гуманизм – «просвещенное человеколюбие»³.

Именно гуманистические ценности – одно из ведущих средств борьбы с терроризмом. Человеческий капитал является основой национальной безопасности и инновационного развития страны [5]. Основу данного процесса составит гуманитарное воздействие на личность [6, с. 26] посредством самоорганизации, самореализации

¹ Толковый словарь современного русского языка, Д.Н. Ушаков – М.: «Аделант», 2014. с. 106.

² Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: Около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: словарь / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : Мир и Образование, 2019. – 1376 с. – (Новые словари). - ISBN 978-5-94666-657-2. - Текст: электронный. - URL: <https://znanium.com/catalog/product/1651972> (дата обращения: 15.10.2022). – Режим доступа: по подписке.

³ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.) - 88405 с. - Текст: электронный. - URL: https://enc.biblioclub.ru/Termin/1133035_GUMANIZM (дата обращения: 15.10.2022).

людей и управления ими, поскольку «с изменением среды меняется и личность, ее потребности, интересы» [4, с. 19]. Применение гуманитарных технологий, как совокупности методов, процессов и средств деятельности, ориентированной на человека, обеспечат снижение неопределенности в обществе, развитие общественного контроля и профессионализацию во всех сферах жизни.

На фоне вызовов времени Россия сосредотачивается и делает свой выбор в пользу защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности, сохранения исконных общечеловеческих принципов и общественно значимых ориентиров социального развития.

Формирование антитеррористического мировоззрения на основании органического единства права и нравственности, ориентации на человека и его потребности, во-первых, позволит действовать на упреждение, не допуская вовлечения в террористическую деятельность новых лиц, в первую очередь молодежи, и исключая появление новых адептов террористической идеологии, во-вторых, даст жизненно необходимые ответы о смыслах, целях и ценностях жизни, а также веру и жизненную силу, в третьих - укрепит линию разграничения между добром и злом.

Список использованной литературы и источников

1. Интервью председателя Национального антитеррористического комитета, Директора ФСБ России Бортникова А.В. главному редактору «Российской газеты» «Пятнадцать лет против террора» (10 марта 2021 г.) // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 2 (26). С. 5–13.
2. Дашкова С.В. Идеология современного терроризма / С.В. Дашкова // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 1(33). С. 141–148.
3. Пугачев В.П., Соловьев, А.И., Введение в политологию. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2000. 378 с.
4. Казаков М.А. Гуманизация политики России: феномен национального политического лидерства как ее актуальный ресурс /

М.А. Казаков, А.А. Зубкевич // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4(144). С. 17–23.

5. Зубкевич А.А. Гуманизация политики на примере индивидуального политического лидерства В.В.Путина / А.А. Зубкевич // Актуальные проблемы современной науки: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 24 января 2015 года / Ответственный редактор Сукиасян А.А.. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2015. С. 70.

*Иванников И.А., г. Сочи,
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета
юстиции (РАП Минюста РФ), Сочинский институт (филиал) Россий-
ского университета дружбы народов*

ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Нет актуальнее вопроса, чем государственно-территориальное устройство. Территориальные конфликты приводили в истории к мировым войнам, распадам государств. Для граждан России важно, чтобы не было территориальных конфликтов между народами, которые населяют стану.

Конституция государства, как и любой закон, является динамически меняющимся документом, который должен соответствовать экономическим, политическим, экологическим, религиозным и нравственно-психологическим реалиям общества и субъектов государственной власти, месту государства в системе международных отношений. Поэтому внесение изменений в Конституцию государств есть закономерное явление. Современные конституции закрепляют все элементы формы государства. Любая форма государства есть сплав теории и практики формы государственного правления, формы государственно-территориального устройства и формы государственного режима. Есть теория и практика унитаризма, теория и практика федерализма, которые включают несколько различных концепций. Практика показывает, что сепаратизм проявляется больше в федера-

тивных государствах, а не в унитарных, и поэтому в мире больше унитарных государств, чем федеративных. Однако это не единственная и не главная причина установления унитарной формы государственно-территориального устройства. Вопрос о федерализме в Российской Федерации необходимо начинать изучать с исследования проблем, обозначенных российскими учеными периода империи.

Для современников большую актуальность представляют вопросы перспектив развития государственно-территориального устройства Российской Федерации.

Практика присоединения территории к Российской империи и СССР многообразна. Одни народы присоединялись добровольно, а других приходилось завоёвывать.

Российская Федерация усложняет государственно-территориальное устройство. В 2020 году в Российской Федерации была создана первая федеральная территория «Сириус». Возникло много вопросов о статусе федеральной территории, ее отличия от территории субъекта федерации.

Вопрос важен, так как в дальнейшем кроме федеральной территории «Сириус», могут возникнуть Арктическая, Байкальская, Эльбрусская, Минераловодская и другие федеральные территории. Создание федеральных территорий, по сути, есть изъятие территорий федераций (центром) у субъектов. По справедливости, такое изъятие центр должен согласовывать с субъектом федерации, иметь согласие с его стороны, а еще лучше, если это согласие будет исходить от населения, которое оно выразит на референдуме.

С началом Специальной военной операции 24 февраля 2022 года, которую стала проводить Российская Федерация на территории Украины, возник вопрос о присоединении к Российской Федерации новых территорий Украины. Это актуализирует вопрос, на каких принципах это присоединение возможно. На территориях, желающих войти в состав Российской Федерации, планировали проводить референдумы. Этот метод можно считать демократичным, справедливым и правильным. Увеличение территории России в 2014 году за счет присоединения Крыма было осуществлено демократично. Тогда была осуществлена процедура присоединения Крыма и Севастополя путем проведения референдума. Заявления о том, что в условиях

войны для обеспечения безопасности граждан, необходимо проводить электронное голосование о присоединении к Российской Федерации некоторых областей Украины, вполне себя оправдывает, если честность референдума будет обеспечена. Однако возникает проблемный вопрос: в условиях военных действий, террористических актов возможно ли обсуждение демократических вопросов, которые выносятся на референдум? Будут ли учитываться голоса избирателей, которые зарегистрированы в конкретных территориях, но в силу военных действий выехали в другие страны или области?

Наиболее устойчивыми и динамично развивающимися являются унитарные государства. Так, Республика Корея, древнейшее государство в Восточной Азии, которое возникло еще в V–VI веках до н. э., является одним из развитых государств мира с унитарной формой государственного устройства. Действующая Конституция Южной Кореи 1987 года закрепляет 9 провинций и 6 городов со статусом провинций. Унитарными государствами являются Китайская народная республика, Франция, Польша и другие. В России, где была империя, советский унитаризм и постсоветский федерализм есть множество путей развития государственно-территориальной формы: унитарная, империя, национально-территориальная федерация, административно-территориальная федерация, смешанная федерация. Выбор любой из них возможен, но они неодинаково эффективны, а самое главное, требуют предварительной работы по формированию соответствующего правосознания и правовой культуры населения. От публикаций ученых и политиков зависит то, как население воспримет ту или иную форму государственно-территориального устройства. Вначале, как всегда, первым должно быть слово, теория.

Карпенко А.А., г. Тихорецк

СТРАНА, ПОБЕЖДЕННАЯ МИЛИТАРИЗМОМ?

Тенденцию возрождения ценностей и принципов милитаризма в России еще в работе 2005 года описал Александр Гольц [1]. В 2016 году автор объявляет Россию «страной победившего милитаризма» [2]. Ми-

литаризм автор определяет как «...концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей» [1, с. 10]. Наиболее опасным источником милитаризма является гражданский милитаризм [1, с. 10].

Некоторые авторы предлагают рассматривать историю России как «циклическое чередование милитаризаций и демилитаризаций жизненного уклада населения». Милитаризацию авторы определяют как осуществление управления обществом как управление армией. Наиболее полно милитаризм в России был реализован в период правления Петра I и И. Сталина [3, с. 20]. При этом важно отметить, что вынужденные циклы демилитаризации сопровождались, в частности, «обвалом государственного здания» [3, с. 24]. Поэтому вопрос не только в интенсивности и длительности цикла милитаризации современной России, но и в последствиях.

Идеологема патриотизма стала главным инструментом возрождения милитаризма в России. Воспитание патриотизма закреплено в статье 67.1 Конституции Российской Федерации¹. Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (далее Концепция) объявляет патриотизм «...как высший смысл жизни и деятельности личности, всех социальных групп и слоев общества»². В таком контексте патриотизм приобретает элементы религиозности, а государство сакральности, человеческая жизнь обесценивается на фоне государства. И утверждает, что патриотизм – это «...сознательно и добровольно принимаемая позиция граждан, в которой приоритет общественного, государственного выступает не ограничением, а стимулом индивидуальной свободы и условием всестороннего развития гражданского общества». Ясности, что же такое патриотизм, данное «базовое» понимание не вносит. Но в Концепции не ставится проблема сопротивления государственной власти в том случае, если

¹Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – Доступно: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/. – Проверено: 13.10.2022.

²Концепция патриотического воспитания граждан Российской Федерации (одобрена на заседании Правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей (протокол N 2(12)-П4 от 21 мая 2003 г.)). – Доступно: <https://www.xn--80aifedpew3ad2l.xn--p1ai/doc/Kontseptsiya-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf>. – Проверено: 13.10.2022.

она не выступает стимулом индивидуальной свободы, ее защиты и условием всестороннего развития гражданского общества. Должен ли патриот защищать свое Отечество (Родину) от нелегитимной, преступной власти и сопротивляться ее произволу?

Авторы Концепции вводят классификацию граждан. «Зарождаясь из любви к своей "малой Родине", патриотические чувства, пройдя через целый ряд, этапов на пути к своей зрелости, поднимаются до общегосударственного патриотического самосознания, до осознанной любви к своему Отечеству». Следовательно, граждане делятся на незрелых, полузрелых и зрелых, на основе критерия обладания «общегосударственным патриотическим самосознанием». Кто и как определяет степень зрелости? Ответ очевиден – сама бюрократия, отдельно взятый чиновник, как носитель «государственного разума». Бюрократический принцип типологии граждан делит все общество на два класса: класс людей, занятых в государственном аппарате управления, и класс людей не занятых, управляемых. В деятельности чиновника данная типология проявляется следующим образом, граждане разделяются на класс благонамеренных и класс неблагонамеренных. Факт благонамеренности устанавливается самим чиновником произвольно. Проявлением принципа исходной иерархизации действительности является теория, в которой граждане делятся на две категории: активных и сознательных, которые управляют, и пассивных и несознательных, которыми управляют [4, с. 27-29, 40-41]. Таковы принципы бюрократического мышления определенные В.П. Макаренко. Таким образом, Концепция – это пример воплощения принципов бюрократического мышления. Концепция, именно чиновника, как носителя государственного разума, объявляет самым зрелым гражданином и патриотом. Патриотизм есть проявление бюрократического мышления. К бюрократической типологии граждан, предложенной В.П. Макаренко, можно добавить и следующую классификацию граждан: незрелые, полузрелые и зрелые.

Идеи Л.Н. Толстого, с его критикой патриотизма, правительства и потворствующей во всем ему церкви, обладают эвристическим потенциалом. Л.Н. Толстой критикует устоявшиеся предубеждения касательно патриотизма. Первое – чувство патриотизма всегда свойственно всем людям. Второе – это высокое нравственное чувство, при

отсутствии которого его необходимо возбудить в тех, у кого оно отсутствует. И то, и другое несправедливо, отмечает автор. Интересы народа независимы от государственных и политических интересов. Патриотизм захватывает народную толпу, если подвергается усиленному «гипнотическому воздействию» правительства и правящего класса [5, с. 52–54].

Патриотизм есть не что иное как предпочтение своего государства и народа всякому другому государству и народу. Патриотизм глуп и безнравственен. Глуп поскольку, если каждое государство будет считать себя лучше всех остальных, то все они будут не правы. Безнравственен поскольку влечет всякого человека к тому, чтобы приобретать выгоду для своего государства и народа в ущерб другим государствам и народам, что противоположно нравственному закону: «...не делать другому и другим, чего бы мы не хотели, чтоб нам делали». [5, с. 60–67]. В итоге Л.Н. Толстой объявляет, что патриотизм есть рабство [5, с. 65]. С.С. Беляков писал, что русский крестьянин только на чужбине, среди чужих и уже поэтому непонятных, неприятных людей становится настоящим патриотом своего Отечества. [6, с. 135]. Значит основа патриотизма не любовь к своему народу или земле, а ксенофобия.

Главными выгодоприобретателями патриотизма становятся фигуры чиновника и военного. Их продвижение по службе зависит от усердия в патриотизме [7, с. 430]. Но круг фигур получаемых выгоду значительно шире. Л.Н. Толстой причисляет к таковым: газетчиков, большинство торговцев, писателей, учителей, профессоров. Все кто обеспечивает свое положение проповедованием патриотизма и реализацией его идей. Школа, религия, пресса становятся главными каналами разжигания патриотизма [7, с. 430–431]. Исходя из этого, можно сформулировать идею патриотизма как разновидности политической манипуляции. Главный вопрос, кто и сколько заработал на пропаганде и реализации патриотических идей?

Патриотизм формирует и воспроизводит культ войны, насилия и героической смерти, есть разновидность бюрократического мышления. Государевы мужи не спешат сложить свои головы на алтарь во имя Родины, но всячески выбивают и отстаивают свои привилегии во имя патриотизма, отправляя умирать других. Исходя из этого,

возникает принципиальный вопрос: legitimately государство, предлагающее гражданам смерть вместо жизни?». В.П. Макаренко формулирует ряд идей, которые могут быть, использованы в качестве универсальных критериев легитимности государств. Первое – никто не может требовать от меня жертвовать своей жизнью ради интересов и идей, в осознании и формулировании которых я не принимал никакого участия. Второе – чем дольше жизнь, тем больше каждый может создать, изобрести, сделать. Глорификация героической жизни. Третье – жизнь высшее благо [8, с. 57–58]. Следовательно, государство пропагандирующее, навязывающее своим гражданам и воспроизводящее любые формы культа героической смерти, милитаризма, патриотизма является нелегитимным. Данные критерии могут быть использованы и для оценки других политических и социальных институтов.

Вопрос, поставленный в названии статьи неслучаен. Ответить утвердительно, значит поддаться историческому фатализму, что дает государственной власти возможность оправдывать любые свои решения и действия ссылкой на некие абстрактные исторические законы, уникальный путь России, цивилизационные особенности и многое другое. Утверждать насилие как норму политической жизни. Россия не обречена на воспроизводство милитаризма. Идеи Л.Н. Толстого могут быть отправной точкой в формулировании идей противостоящих милитаристским шаблонам мышления навязываемых государственной властью и реализации принципа свободомыслия.

Список использованной литературы и источников

1. Гольц А.М. Российский милитаризм – препятствие модернизации страны. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2005. 56 с.
2. Гольц А.М. Страна победившего милитаризма // Контрапункт. № 5. 2016.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? / 3-е изд., испр. и доп. М.: Новое издательство, 2013. – 496 с.
4. Макаренко В.П. Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса (Очерк проблематики и методологии исследования). Издательство Ростовского университета, 1985. 160 с.

5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 39. Статьи 1893–1898. Государственное издательство «Художественная литература», 1956.

6. Беляков С.С. Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой / С. С. Беляков – «Издательство АСТ». – (Русские и украинцы от Гоголя до Булгакова), 2020.

7. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Том 90. Произведения, дневники, письма 1835–1910. Государственное издательство «Художественная литература», 1958.

8. Макаренко В.П. Насилие и политическая бюрократия: монография / В.П. Макаренко; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 312 с.

*Карпенко О.А., г. Самара,
АО «Самарагорэнергосбыт»*

СОВРЕМЕННОЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

В настоящее время, начиная со второго десятилетия XXI века происходят изменения в жизни людей, экономики и общества в сторону все большего увеличения духовности и духовной составляющей социально-экономических отношений и процессов. Сегодня от уровня духовного развития человека уже напрямую зависят его отношения с окружающими, с родственниками и друзьями, его успешность в карьере и финансовое положение, благосостояние и благополучие семьи, возможности и перспективы.

Вместе с тем, только люди с высокой духовностью способны выйти на уровень самореализации и своего предназначения, что сейчас также все более интересует людей. Как видим, от развития духовности напрямую зависит вся жизнь человека. От духовного уровня развития государства также сегодня все больше зависит и его социально-экономическое развитие.

Интеллектуальное и духовно-нравственное развитие, а также образование и воспитание детей и молодежи в настоящее время имеет особо важное значение в связи с новейшим развитием науки и техники современного общества, достижениями в области психологии и биоэнергетики, масштабным экологическим кризисом, военной и эпидемиологической угрозой и другими причинами, когда именно от духовного, нравственного и интеллектуального уровня развития человека зависит его каждодневное принятие решений, которые могут иметь особое производственное, общественное и социальное значение. [1]

Духовное развитие и развитие нравственности невозможно без процесса воспитания. Нравственность развивается прежде всего с малых лет в процессе воспитания. Сама суть воспитания, которое должно определить становление духовно-нравственного развития личности, тесно взаимосвязано и определяется базовыми ценностями общества и конкретной нации. [2]

Рассмотрим наиболее характерные явления, происходящие в общественно-политической и экономической жизни в настоящее время и характеризующие его некоторым образом.

Политические явления:

- Сложная политическая обстановка и военное время,
- Неопределенность будущего,
- Отсутствие точной и однозначной информации о событиях.

Научно-технический и общественно-экономический прогресс:

- * Повсеместное развитие цифровизации, интернет-технологий, искусственного интеллекта (далее – ИИ),
- * Устаревание отдельных профессий в связи с внедрением ИИ,
- * Развитие новых профессий,
- * Сетевое общение и работа,
- * Появление новых материалов, новых приборов, инновационных компаний и производств и т.д.

Экономические явления:

- ▲ Кризисы,
- ▲ Возрастание явлений недобросовестной конкуренции и монополии на рынках необходимой продукции,
- ▲ Борьба с теневой экономикой и экономическими преступлениями,
- ▲ Уход от платежей в валютах западных стран,

- ▲ Высокие риски неопределенности и возможность неплатежей,
- ▲ Сложности для развития предпринимательства,
- ▲ Увеличение роли и рост социального предпринимательства,
- ▲ Возрастание проектной деятельности и проектной экономики,
- ▲ Появление и рост уделенных профессий и удаленной работы.

Общественные и социальные явления:

- Уход значимой части активного населения в связи с мобилизацией,
- Помощь беженцам и фронту,
- Помощь больным коронавирусной инфекцией,
- Соблюдение мер по защите от заражения и прививки,
- Рост волонтерского движения, соработничества и добровольчества,
- Повышение роли женщин в общественно-экономической жизни,
- Развитие и защита семьи, материнства и детства.

Интеллектуальное развитие:

- ◆ Непрерывное обучение,
- ◆ Получение нескольких профессий,
- ◆ Овладение новыми надпрофессиональными навыками,
- ◆ Развитие педагогики, новых методов обучения, наставничества, и т. д.

◆ Всестороннее развитие, в том числе культурное, физическое, досуговое и пр., постоянное повышение своих знаний, навыков и качеств.

Духовное развитие:

- ✦ Возрастание роли духовности и увеличение числа верующих людей,
- ✦ Рост численности и общественной роли духовенства, строительство и возрождение храмов и духовной жизни, развитие духовного образования,
- ✦ Развитие религии и духовной культуры населения,
- ✦ Увеличение социального служения и взаимопомощи.

Домохозяйства, уровень семьи:

- * Лишение домохозяйств мужского населения по причине мобилизации,
- * Участие в социальных благотворительных мероприятиях,
- * Жизнь в кризисных условиях неопределенности, неуверенности в завтрашнем дне и возможности потерь.

Таким образом, в нашей стране и во всем мире в настоящее время происходят серьезные качественные изменения, мир стремительно меняется и уже не будет прежним. Причем эти изменения носят и позитивный, и негативный характер. В завершение этого списка можно выразить надежду на то, что изменения негативного характера будут преодолены в ближайшем будущем, а позитивные получают новых толчок для дальнейшего развития, а также продолжится усиление положительных трансформационных тенденций и новых изменений, в том числе касающихся фундаментальных научных открытий в сферах связи и передвижения, в методах лечения болезней и др.

В современной действительности можно видеть и постоянно ощущать, как влияние духовности, духовной культуры человека и его интеллектуально-духовного капитала проявляется во всех отраслях и сферах экономики и общества, во всей жизни людей, а также в сфере развития самого человека, его личности, его души и духа. [3]

В конце 80-х – 90-е годы XX века в нашей стране произошла смена ценностных и духовных ориентиров, которая привела к утрате духовного единства общества, сложившегося ранее, произошло изменение некоторых моральных норм и устоявшихся нравственных ориентиров. [4] Все это привело к упадку интеллектуального и духовно-нравственного развития.

В современный период прошедших первых двух десятилетий XXI века российская педагогика и просвещение, интеллектуально-духовное развитие, как и мировые, также находятся в процессе перемен. В настоящее время применяется как традиционное воспитание, так и новейшие методы в педагогике и обучении, в том числе заимствованные за рубежом, например, психологический тренинг и др., появляются и апробируются новейшие подходы.

Имеющееся разнообразие методов и подходов к воспитанию говорит об отсутствии единого подхода в духовно-нравственном воспитании. [5] Сейчас в науке отсутствует даже единое определение понятия духовно-нравственного воспитания, которое является многозначным и предопределяет процесс становления личности человека. И современным воспитательным и образовательным идеалом человека и гражданина должен стать высокодуховный и высоконравственный, всесторонне и интеллектуально развитый, обладающий способностями и компетенциями, творческий человек и гражданин

своей страны, принимающий свою судьбу как часть судьбы Родины и Отечества и осознающий свое место в мире и ответственность за выполнение своих обязанностей.

Список использованной литературы и источников

1. Карпенко О.А. Духовный капитал в современной микро- и макроэкономике / Москва, 2018.
2. Карпенко О.А., Левченко Л.В. Особенности духовных благ и услуг и основные характеристики рынка духовных благ и услуг в экономике // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2019. № 1–1. С. 281–286.
3. Келле В.Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал // Серия «Мыслители», В диапазоне гуманитарного знания, Выпуск 4 / Сборник к 80-летию профессора М.С. Кагана Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 490 с.
4. Никифоров В. Взаимосвязь духовного роста и личностного развития. 2021. Режим доступа: <https://suveren-blagodat.ru/lichnostnyy-rost/vzaimosvyaz-duhovnogo-rosta-i-lichnostnogo-razvitiya.html?ysclid=l8efvoimqp334678981>.
5. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. Т. 2., М.: Педагогика, 1974. 438 с.

*Малышева О.П. г. Краснодар,
Кубанский государственный университет*

МЕТОД СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕДИКТИВНОГО АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ¹

В условиях глобальных кризисов современности исследования социальной напряженности как ключевого фактора, детерминирую-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных».

щего стабильность социально-политической системы, приобрели особую актуальность.

Исследования посвящены выявлению влияния определенных факторов (COVID-19, состояние экономики, социального равенства, доступ к водным, продовольственным и иным ресурсам) на возникновение, усиление или ослабление неудовлетворенности населения социально-экономическими условиями жизни [1; 2; 3; 4; 5]; также влияние социальной напряженности на общегражданскую идентичность населения и социально-политическое становление молодежи как значимого ресурса в развитии и обеспечении стабильности государства [6; 7]. Отечественные и зарубежные прикладные исследования посвящены изучению видов, текущего состояния, факторов, причин возникновения, развития или ослабления социальной напряженности в определенных административно-территориальных единицах, сообществах, группах населения [8; 9; 10; 11], с целью превентивного реагирования и устранения факторов, обуславливающих развитие деструктивных тенденций.

Исследования отличаются как шириной охвата, так и методами, которые тесно связаны с репрезентативностью выборки, скоростью и качеством проводимых исследований. Однако в условиях глобальной цифровизации и эры больших данных проводим исследованиям не хватает макро-перспективы. Базы данных, позволяющие анализировать социальную напряженность, существуют, но имеют значительные ограничения поскольку в основном это данные опросов (в таком случае под вопросом остается охват аудитории и откровенность респондентов), либо сводка произошедших событий (при этом нерешенным остается вопрос о предиктивной аналитике угроз и превентивных мерах).

Существующие базы данных при высоком качестве и репрезентативности выборки, а также значительном временном охвате регистрируют крупные всплески, что сильно ограничивает анализ на субнациональном уровне [12]. Кроме того, фокус исследований ограничивается исследовательскими гипотезами (считается, что триггерами в обострении напряженности являются снижение уровня жизни населения, низкий уровень обеспеченности жильем, трудовые конфликты), что приводит к выпадению определенных элементов из

анализа, усиливает субъективность выводов и дает искаженные результаты.

Поэтому предпринимаются попытки выработки способов сбора и анализа больших данных, которые позволяют собирать и исследовать массивы неструктурированных данных, с целью выявления латентных деструктивных тенденций и противодействия им [13].

В этой связи значимым представляется не анализ того, о чём говорит население, но выявление того, о чем люди красноречиво молчат.

Предлагаемый нами метод основан исследовании сетевых лингвистических данных (см. исследования авторов [14]), которые генерируются дискурсивными полями, формирующимися на платформах социальных сетей как массивы неструктурированных и неаннотированных вербальных и невербальных данных. Сетевые лингвистические данные в силу сетевой природы их организации могут быть визуализированы в виде социального графа. Визуализация сетевых лингвистических данных в глобальном масштабе позволяет выявлять имплицитные смыслы дискуссий, ведущихся на платформах социальных сетей, определять доминирующие нарративы, актуальные тенденции социально-культурного развития. Таким образом, такие данные представляют ресурс для качественного и количественного анализа настроений пользователей онлайн-пространства, и прогнозировать социальное действие, результат реализации которого может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия для устойчивости социально-политических систем.

Работа с сетевыми лингвистическими данными предполагает составление веб-корпусов сообщений и веток комментариев, автоматическая и полуавтоматическая обработка которых позволяет визуализировать семантическое ядро дискурсивного поля и оперативно выявлять актуальные проблемы социально-политической жизни¹. Семантическое ядро дискурсивного поля может быть представлено в виде направленного графа, что делает возможным анализ предика-

¹ «Мониторинг и анализ социальных сетей, сообществ и пользователей интернет-пространства» (свидетельства о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018665564; № 2018663499; № 2019666985; № 2020667724; № 2020667728; № 2021610210; № 2020667357).

тивных связей элементов и выявление значимых для предиктивного анализа пропозиций.

Конструирование семантических ядер основано на теории структурного и семантического синтаксиса, грамматике зависимостей [15] и ядерных синтаксических структур [16]. Анализ ядерных моделей позволяет эффективно выявлять содержание текста поскольку, несмотря на трансформации и дополнение второстепенными элементами, пропозиционный смысл, заключенный в ядерной модели, не меняется.

В данном исследовании для конструирования семантического ядра была выбрана структура SVO, в которой S (Subject) и O (Object), именованные сущности, актуализированные номинативом существительного или личного местоимения, называющего или указывающего на одушевленного или неодушевленного производителя действия, а V – глагол (Verb), отражающий характер предикативной связи между элементами S и O.

Кросс-анализ содержания семантических ядер дискурсивных полей позволяет выявлять точки пересечения и линии разлома между «официальным дискурсом» и «пользовательским дискурсом» в ветках комментариев. Так при анализе дискурсивных полей, создаваемых сообществом «Типичный Краснодар» (представляющим органы местного самоуправления) и пользователями, было выявлено, что точками частичного пересечения в дискурсах явились темы «Краснодар» и «КТТУ», а линия разлома эксплицирована в темах: бродячие собаки (узлы «собаки», «собака»); миграционная политика региона («Краснодар-состоит-приезжих»), проблема суицида среди подростков («Краснодар-сошел-ума»).

Визуализация семантических ядер дискурсивных полей, позволяет выявлять области повышенной дискурсивной активности (информационных каскадов), свидетельствующие о критической фазе социального конфликта; дает возможность проводить дискурсивное регулирование коммуникативных практик пользователей в онлайн-пространстве с целью нивелирования социальной напряжённости.

Список использованной литературы и источников

1. Алексеенок А.А., Каира Ю.В. Влияние экономической и политической ситуации в регионе на уровень социальной напряженности. Среднерусский вестник общественных наук. № 16(2). 2021. С. 196–209.
2. Hadzi-Vaskov M., Pienknagura S., Ricci L.A. The macroeconomic impact of social unrest. Vol. 16152. International Monetary Fund, 2021. – 30 p.
3. Ore K., Bagozzi B.E., Benson T.S. Food and water insecurity as causes of social unrest: Evidence from geolocated Twitter data // Journal of Peace Research. Vol. 58(1). 2021. P. 67–82.
4. Barrett P., Bondar M., Chen S., Chivakul M., Igan D.O., Peria M.S. Pricing protest: the response of financial markets to social unrest. Vol. 079. International Monetary Fund, 2021. 70 p.
5. Houle C., Ruck D.J., Bentley R.A., Gavrillets S. Inequality between identity groups and social unrest // Journal of the Royal Society Interface. Vol. 19(188). 2022. 20210725.
6. Яппарова Р.Р., Каримова Р.М. Влияние социальной напряженности на общегражданскую идентичность населения (по материалам социологических исследований) // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1. 2021. С. 148–155.
7. Karras J.E., Castro E.M., Emuka Ch. Examining the sociopolitical development of immigrant-origin youth during a season of social unrest // Journal of Research on Adolescence. Vol. 32(3). 2022. P. 1042–1063.
8. Олесиук О.С., Светлаков А.Г. Современные противоречия в снижении социальной напряженности в негородских (сельских) территориях // Продовольственная политика и безопасность. № 8(1). 2021. С. 85–96.
9. Golenkova Z. T., Khagurov T.A. Regional youth in a nonlinear global-local society: New forms of social tension // RUDN Journal of Sociology. Vol. 22(2). 2022. P. 291–305.
10. Pang L. Mask as identity? The political subject in the 2019 Hong Kong's social unrest // Cultural Studies. Vol. 36(4). P. 624–643.
11. Шангутов О.А, Шангутов А.О. Превентивная идентификация районов социальной напряженности // Russian Journal of Education and Psychology. № 12(1). 2021. С. 101–122.

12. Goebel Ch. Social unrest in China: a bird's-eye view. Handbook of Protest and Resistance in China. Edward Elgar Publishing, 2019. P. 27–45.

13. Iakov K., Klimenko A., Safronenkova I. A Method of Automatic Social Tension Detection on the Internet Based on Cognitive Analysis and Individual's Emotional State. Computer Science On-line Conference. Springer, Cham. 2022. P. 82–93.

14. Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Катермина В.В. Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.? // Политическая наука. № 4. 2021. С. 135–160.

15. Tesnière L. Elements of structural syntax // Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins, 2015.

16. Chomsky N., Lightfoot D.W. Syntactic Structures // Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2002.

*Марков С.М., г. Хабаровск,
Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России)*

ДИСПУТ О ПРИЧИНАХ ПРЕСТУПНОСТИ И ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕЗИСОВ ПРОФЕССОРА ХАНЛАРА АЛИКПЕРОВА

Диспут о причинах преступности и преступного поведения в Международном Криминологическом клубе Санкт-Петербурга состоялся 22 апреля 2022 года, в рамках которого с главным докладом выступил со своими тезисами профессор, д.ю.н. из Азербайджана Ханлар Джафарович Аликперов¹.

Питерский форум, или как здесь говорят беседа, по обыкновению собрал самых известных учёных-криминологов, а также представителей смежных профессий России и других дружественных

¹ Аликперов Х.Д. Новое видение причин индивидуального преступного поведения: Проблемы причинности в криминологии // Санкт-Петербургский Международный криминологический клуб / URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/438-problemy-prichinnosti-v-kriminologii>.

стран: Дальний Восток (Владивосток и Хабаровск), Сибирь, Поволжье, Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Кавказ, Беларусь, Казахстан, Средняя Азия и etc.

Международный университетский диспут прошёл в лучших традициях средневековых споров Абеляра и Боэция, о чём Вы можете убедиться, заглянув на сайт Криминологического клуба, где на главном фото открывается мой любимый герценовский педагогический институт по адресу Мойка, 48.

Тезис первый: «Существуют ли в культурной среде индивидуумы, способные не совершать преступления, вести себя всегда правопослушно?».

Тезис второй: «Является ли преступность генетическим *attributum Homo sapiens* или она есть «социальный конструкт» типа *Lega*, возникающий под воздействием социальных факторов в девиантной общественной среде?».

Другими словами, что является *fons et origo* преступности и делинквентного поведения с философско-юридической, криминологической, социологической, психологической точек зрения, если все их концепты соединить вместе, и в результате выработать, как считает профессор Ханлар Аликперов, новую теорию преступности в криминологии. Кстати, монография известного азербайджанского учёного-криминолога «Преступление и наказание» недавно вышла из печати в Питере [1].

Как считает профессор Ханлар Аликперов, корневая причина преступности – нереализованные (генетические) потребности *Homo Sapiens*, а преступления как индивидуального противоправного акта – «продиктованы его потребностями, то есть, психофизиологическим явлением, формирующим мотивацию поведения человека и выступающим внутренним возбудителем его активности. Они предшествуют следствию [преступлению – *прим. С.М.*] и запускают причинно-следственную связь [преступности – *прим. С.М.*]» (Х. Аликперов). Иными словами, на первый свой тезис о том, что «существуют ли в культурной среде индивидуумы, способные не совершать преступления, вести себя всегда правопослушно?» профессор однозначно дает отрицательный ответ. Итак, «многие глубинные пласты причин преступности и по сей день остаются для науки неизведанными» (Х.

Аликперов). Как считает, профессор Ханлар Аликперов, у каждого человека есть «ген» преступности, который реализуется в благоприятной девиантной среде.

В питерском Криминологическом клубе в «подвальчике на Мойке» учёные-криминологи вернулись к вечным философским вопросам: «Почему в мире существует зло?». Спор же между ними разгорелся остросюжетный как в средневековых дебатах между номиналистами и реалистами, то есть «преступность» – это универсалия, созданная человеческим умом (разумом) или есть материальная (социальная) действительность, законодательно оформленная в данном уголовном законе или международном праве. Проблема детерминантов преступности, а также рефлексии преступного поведения, на самом деле сложная. Можно кратко сказать, логико-философская и социологическая. В качестве примера можно рекомендовать логический анализ «коррупции», выполненный в соавторстве с питерским учёным Виталием Витальевичем Балахонским из Санкт-Петербургского университета МВД России [2], а также логический и юридический анализ концепта «должностное лицо», представленный мной на Ростовском Конвенте в 2021 году [3].

Были вновь (в который уже раз) упомянуты две стороны преступления: *de jure* и *per se*, ранее сформулированные питерским криминологом, профессором Дмитрием Анатольевичем Шестаковым: «Если преступность отдельного человека, в принципе, может равняться нулю, то преступность общества всегда имеет положительную величину» [4, с. 71].

Критический подход к детерминантам преступности профессора Ханлара Аликперова мы решили просветить, по возможности, оценить в качестве философа и логика, черед метод японского писателя с мировым именем Харуки Мураками, у которого тема преступлений и наказаний является основной во всех его произведениях, больших и малых (рассказах). Везде Мураками ориентируется на Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, но здесь решил детерминанты преступности, или как говорит Аликперов, «волатильные стимуляторы» (термин введенный автором), взять за основу «Дядю Ваню» А.П. Чехова.

«Сядь за руль моей машины» (ドライブ・マイ・カー) – японский художественный фильм режиссёра Рюсюкэ Хамагути, вышедший

в российский прокат по рассказам Харуки Мураками «Мужчины без женщин»¹. «Как нам раскрыть (идентифицировать) исходный базис современного человека, его внутренний духовный мир или казус сочетания в нем бытия и сознания, используя при этом умозрительные методы идентификации... Конечно, человек создан «по образу» и «по подобию» и есть сегодня «*homo sapiens*». Правда, чаще всего его именуют «габитусом» Пьера Бурдьё, одновременно существующим в двух полях социального взаимодействия» [5, с. 255].

Как известно, «волатильность» – отклонение цены актива (акции, облигации, опциона, драгоценного металла, крипто- или обычной валюты) от среднего значения на протяжении какого-либо времени. Волатильность бывает исторической и ожидаемой. Первая – описание изменение цены в прошлом. Вторая – прогнозы на будущее. Криминогенная волатильность Аликперова, видимо, есть знаковый показатель «гена преступности». Иными словами, если мы вводим термин из финансов (экономики) в философско-правовую тему, его надо адаптировать. Это значит, во-первых, показать его функции через преступление, убеждение и наказание в философско-правовом ракурсе. Иными словами, рефлексировать волатильность в уголовном убеждении и наказании. Во-вторых, показать, как «прошлое-настоящее» детерминирует данное преступление, например, как это делает японский писатель Харуки Мураками.

На мой вопрос, присутствует ли свободная воля в умышленных преступлениях, уважаемый Боэций Кавказа дал отрицательный ответ.

У классического Боэция иначе: «Свобода воли существует, и нет такого разумного существа, у которого отсутствовала бы свобода воли» [6, с. 201]. Философия в разговоре с Боэцием утверждает: всякий, кто одарен разумом, обладает свободой воли, но степень свобода зависит от способностей индивида различать необходимость и случайность.

В любом случае, подобные диспуты всем на пользу – учёным, практикам и логикам, тем более. Санкт-Петербургский клуб и его журнал, как известно, является выразителем школы преступных подсистем с сильной теоретической, философски обоснованной состав-

¹ Марков С.М. “Сядь за руль моей машины”, или детерминанты преступности в зеркале Харуки Мураками и х/ф режиссёра Рюсюкэ Хамагути: Эссе к тезисам профессора Ханлара Аликперова // URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/the-last-sessions/438-problemy-prichinnosti-v-kriminologi>.

ляющей. В качестве примера можно привести беседу клуба на Мойке, 48 по философско-правовой проблематике преступности и ведения с главным докладом профессора МГУ, д.ю.н. Леонида Витальевича Головки «Культура и преступность: необходимость выбора между ценностным и квазиобъективистским подходами» (03.06.2022 г.).

Как считает председатель Санкт-Петербургского криминологического клуба профессор Д.А. Шестаков, преступности и ведение должно стать философией государственного реагирования на преступность. Участие философов в деятельности клуба традиционно. Здесь с докладами выступали В.А. Бачинин, О.Е. Иванов, П.А. Сапронов и др. Некоторые из выдвигаемых в питерской школе преступных подсистем концепций, например, «шар терпимости» А.П. Данилова [7], по существу философичны. Эту мудрую традицию надо продолжать. Как нам представляется забытое сегодня социологическое направление в криминологии надо вновь возрождать, как это делают наши коллеги в Европе и США.

Список использованной литературы и источников

1. Аликперов Х.Д. Новый взгляд на преступление и наказание. СПб.: Изд-во Юридический центр, 2022. 189 с.
2. Марков С.М., Балахонский В.В. Денотация и коннотация как логический приём в юридической технике // Вестник Санкт-Петербургского МВД России. 2021. № 4 (92). С. 10–17.
3. Марков С.М. Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта / XI Южно-российский политологический конвент «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина; Южный федеральный университет. Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 38–46.
4. Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб.: «Лань», 2001. 264 с.
5. Марков С.М., Балахонский В.В. Дискурс веры и разума в духовном мире современного человека: диалектика и онтология // Философская система на Хегел & Философията на религията: 250 г. от раждането и 190 г. от смъртта на Г.В. Фр. Хегел. Ч. 2. България; София: Sofia University, 2022. С. 253–269.

6. Бозций С. Утешение Философией. М.: РИОЛ классик, 2017. 254 с.

7. Данилов А.П. Преступностиведческое положение о терпимости (криминологическая теория толерантности) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 27–30.

*Михайловская О.Г., г. Луганск,
Луганский государственный педагогический университет*

АСИММЕТРИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Потребность в теоретической разработке понятия асимметричный конфликт возникла с изменениями в расстановке сил на геополитической карте мира и усилением конфликтогенности нового типа. Термин «асимметричный конфликт» был введен в научный оборот ученым-международником Эндрю Макком, который в 1975 г. опубликовал статью «Почему великие державы проигрывают малые войны: политика асимметричного конфликта».

По мнению российской исследовательницы Л. Дериглазовой, асимметричный конфликт, как и любой другой, конфликт выполняет важные регулятивные функции в системе международных отношений. Конструктивность асимметричных конфликтов в постбиполярном мире ограничена потому, что этот вид конфликта относительно новый, и динамика развития асимметричных проявлений в целом опережает динамику адаптации международной системы к таким типам угроз.

Асимметричный конфликт является следствием взаимодействия акторов по поводу материальных или нематериальных ценностей, при котором этим акторам присущи различные по характеру цели и средства их достижения. Причинами асимметричного конфликта выступают, во-первых, внутренние разногласия между участниками и, во-вторых, внешние факторы.

Основной предпосылкой возникновения асимметричного конфликта есть благоприятная для него структура международной

системы, в частности, одна из структурных особенностей системы – уровень ее гомогенности.

Разнообразие типов асимметричных конфликтов свидетельствует об их распространенности и сложности урегулирования. В тех или других формах асимметрия присутствует в системе международных отношений всегда. Имеется она и в конкретных международных конфликтах, в разных их фазах. При этом современные структурные изменения содействуют формированию комплексной асимметрии, которая интегрирует разные типы и виды и проявляется на всех уровнях.

Современная постбиполярная система характеризуется сдвигом конфликтогенности с глобального на региональный и локальный уровни, можно сказать, что ее структура стимулирует активизацию проявления асимметрии. Несбалансированность монополярной структуры порождает глобальные разногласия «Север-Юг», «золотой миллиард против сдачи мира» и т. п., которые являются источником структурной асимметрии. Другими словами, асимметричную стратегию чаще используют государства, несвязанные коалиционными обязательствами, тогда как участники разного рода альянсов воздерживаются от использования асимметрии. Т. е., в иерархизированной и институционализированной системе вероятность возникновения асимметрии уменьшается.

Принцип, который лежит в основе использования нетрадиционных форм войны, нацеленный на разрушение традиционных представлений об угрозах в сфере политики безопасности. Современные нетрадиционные стратегии предусматривают использование наиболее современного оружия, технических возможностей и других средств. При этом постоянно увеличивается опасность использования СМН в рамках асимметричных стратегий. В основном это создает новую стратегическую ситуацию для всех участников международных отношений, поскольку заставляет их по-другому оценивать источники угроз со стороны разного рода пертурбаторов международной системы. Именно поэтому асимметричные конфликты рассматриваются как источник структурного влияния не только на региональном, но и на глобальном уровнях.

Учитывая структуру постбиполярной системы, а также особенности государственных политик можно сделать вывод, что тенден-

ция к увеличению асимметричности конфликтов в системе будет увеличиваться вместе со смещением части конфликтогенного потенциала на региональный и локальный уровни.

Примерами асимметричного конфликта в постбиполярном мире стали Балканский кризис, вторая война в Персидском заливе, которая началась в 2003 г., региональные конфликты на Кавказе и др.

С одной стороны, между сторонами конфликта лежит пропасть относительно силовых ресурсов. Против выступает коалиция государств, военный бюджет которых в сотни раз больше территорий на которых ведутся боевые действия. С другой стороны, с самого начала конфликты имеют признаки идеологического. США заявляли о намерениях положить конец диктатуре и распространить демократию в регионе.

Асимметричность этих конфликтов проявляется во всём регионе, разрушает традиционные механизмы поддержания стабильности и провоцирует новые технологические, психологические и политические решения.

В основе урегулирования как симметричных, так и асимметричных конфликтов лежит устранение их причин. Это достигается благодаря поиску такого принципа деления объекта конфликта, который отвечал бы соотношению сил сторон и, таким образом, делал бы попытку пересмотра договоренностей маловероятной.

Эффективной реализации этого принципа, чаще всего, мешают два условия. Первое – неделимость объекта. Ресурсы, которые представляют интерес конфликта, не всегда возможно поделить, особенно когда речь идет об идеологических, религиозных факторах, стратегических преимуществах и т.п. К тому же иногда конфликт есть «игрой с постоянной суммой», когда увеличение выигрыша одной стороны автоматически означает увеличение проигрыша другой.

Вторым условием является динамика международных конфликтов. Зафиксированный статус-кво, как правило, недолго отвечает международным реалиям: изменения в соотношении сил принуждают стороны время от времени возвращаться к предыдущим спорам. Следствием такой ситуации есть политика реваншизма, ревизионизма и т. п.

Даже не переходя в военную фазу, асимметричный конфликт имеет специфические черты, вызванные ограниченным арсеналом

средств для менее сильных участников. В асимметричных отношениях сильный партнер часто не нуждается в применении дополнительных силовых мер для навязывания собственной воли. Поэтому конфликт находится в латентной стадии, что затрудняет его урегулирование.

Еще одним отличительным условием является то, что в симметричном конфликте взаимное истощение сторон нередко выступает необходимой предпосылкой урегулирования конфликта. Для асимметричных отношений такой принцип неприемлем. Асимметричный конфликт угрожает асимметричными последствиями. Универсализация и глобализация отдельных проявлений асимметрии (международный терроризм) увеличивают неравенство возможностей между государствами, стимулируют все более разрушительное использование асимметричных стратегий. Поэтому среди средств урегулирования асимметричного конфликта важное место занимают как традиционные процедуры – международные переговоры, посредничество, миротворчество, так и специальные средства – привлечение широкого международного участия, создание ситуаций взаимозависимости, организация взаимного внутреннего лоббирования интересов партнеров.

Усиление взаимозависимости субъектов международных отношений и распространение международных режимов на сегодня являются наиболее эффективными средствами предотвращения асимметричных конфликтов.

Асимметричные конфликты в постбиполярной системе международных отношений имеют тенденцию к активизации не только по количеству, а и ее интенсивностью влияния на отдельные элементы и систему в целом. Долгосрочные асимметрические конфликты в постбиполярной системе имеют тенденцию к сокращению. Но возрастает количество и влияние более разрушительных краткосрочных конфликтов, следствием чего существующая структура международных отношений испытывает серьёзные проверки на прочность. В ней учащаются случаи применения асимметричных стратегий с высокой степенью риска, таких как терроризм. Это объясняется, с одной стороны, ограниченностью доступа отдельных государств к более дорогим стратегиям,

а с другой – высоким негативным эффектом таких конфликтов. Конструктивный потенциал асимметрии в них минимален.

Основные тенденции современности – глобализация и регионализация – усиливают асимметрические тенденции. В частности, определенное размывание государственного суверенитета приводит к увеличению числа негосударственных акторов, которые чаще, чем государства, склонны к использованию асимметрии.

Асимметричный конфликт является следствием структурных изменений и катализатором дальнейших трансформаций. Он способен привести структуру к бифуркации и отрицательно повлиять на безопасность ее элементов. Однако асимметрия может выступать и инновацией, которая дает возможность выявить новые типы системных разногласий и своевременно их решить. В этом смысле асимметричный конфликт содействует системной стабильности.

Список использованной литературы и источников

1. Дериглазова Л. Асимметричный конфликт в современной американской политологии [Электронный ресурс] // Международные процессы. Том 8. Номер 2 (23). Май-август 2010. URL : <http://www.intertrends.ru/twenty-three/006.htm> (дата доступа: 27.09.2022).

2. Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. Монография. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 284 с.

*Михалева А.А., г. Улан-Удэ,
Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ «КЛАНОВЫХ НАРРАТИВОВ»: В ПОИСКАХ СВОЕОБРАЗИЯ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ?

В современном политическом анализе активно используется понятие клана. Речь идёт не об антропологии, социологии, а именно об исследованиях политических процессов. Клан как инструмент политического анализа постепенно закрепляется за определёнными локациями, политическими сообществами, этноконфессиональными

группами, то есть при исследовании политических процессов в одних регионах он намного популярнее, чем в других. С точки зрения этой тенденции интересен Азиатский регион. С одной стороны, политическая наука на протяжении многих десятилетий использует здесь концепт политических кланов, с другой – Азия также неоднородна, когда речь идёт о таком политическом анализе. Несмотря на то, что и в китайской деревне электоральные связи могут пониматься через кланы [1], одна из самых популярных территорий для таких исследований – Средняя Азия. Кэтрин Коллинз, авторитетный специалист в этой области, не отрицает существование кланов в других политических пространствах. Она говорит о том, что кланы пришли в упадок или исчезли в Западной Европе, в Восточной Азии поставлены под контроль, но постсоветской Средней Азии они играют преобразующую роль, «в одних обществах они обладают большей устойчивостью и политической властью, чем в других» [2, р. 5].

Модель политических кланов удачно подходит для объяснения характера политических трансформаций. Она позволяет объяснять неудачи на пути к демократизации государств, созданных после распада СССР, описывать посткоммунизм [3]. Кланов дают возможность искать причины происходящих политических процессов в традиционных социальных отношениях, в советской эпохе и делать выводы не только о причинах недемократических тенденций, но и, напротив, объявлять какой-то политический режим демократической аномалией, «демократией в клановом обществе» [4], как, например, когда речь идёт о Монголии.

Несмотря на признание того, что в том или ином регионе Азии кланы не только не утрачивают, но наращивают политический потенциал [5, р. 5], единого термина, разделяемого хотя бы большинством исследователей, не существует. В итоге каждый раз клан получает новое определение. Соответственно, сложно сопоставлять не только исследовательские подходы, но и феномены, которые описываются с их помощью. Политические группы, объединённые на принципах родства, считаются для Азии распространёнными повсеместно, но язык их описания отличается. Если в Юго-Восточной Азии сейчас ставится вопрос о значении политических династий [6], то термин «кланы» скорее использовался лишь для описания ситуации

на Филиппинах, особенно в период серьёзных политических трансформаций [7].

Когда речь о кланах как о политическом явлении на территории современной Азии, важно помнить, что и явление, которое пытаются объяснить с его помощью, – часть современности. Таким образом, учёные становятся, наряду с другими актёрами, например, средствами массовой информации, производителями «клановых нарративов» [8]. Они отвечают актуальным запросам и вписываются в текущую политическую ситуацию и конкретную социокультурную среду. При этом использование клана как исследовательской парадигмы может привести к тому, что, во-первых, совершенно разные явления будут описываться с помощью понятия клана (эта проблема будет решаться лишь уточнением этого термина), во-вторых, поиски причин современных политических процессов будут вестись в аскриптивных характеристиках конкретных обществ. Вопросом остаётся корректность использования самого термина «клан», когда речь о современных родственных группах на данной территории. Описание этих групп и родственных связей через термин кельтского происхождения «клан» является проблемой не только в антропологии [9, с. 15], но и в политическом анализе. Вопрос в том, почему за отдельными регионами закрепляется статус базирующихся на кланах политических систем, а для других используются иные термины и модели, хотя речь и там и там идёт о родственных группах?

Список использованной литературы и источников

1. Su F., Ran T., Sun X., Liu M. Clans, Electoral Procedures and Voter Turnout: Evidence from Villagers' Committee Elections in Transitional China // *Political Studies*. № 59 (2). 2011. P. 432–457, DOI: 10.1111/j.1467-9248.2011.00881.x.
2. Collins K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 392 p., DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
3. Matsuzato K. A populist island in an ocean of clan politics: the Lukashenka regime as an exception among CIS countries // *Europe-Asia Studies*. 2004. № 56 (2). P. 235–261, DOI: 10.1080/0966813042000190515.

4. Seeberg M. A. (2018) Democratization in clan-based societies: explaining the Mongolian anomaly // Democratization. № 25 (5). 2018. P. 843-863, DOI: 10.1080/13510347.2018.1425294.

5. Рекк Д.А., Егоров В.Г. Клань в постсоветской Центральной Азии. СПб.: Алетейя, 2022. 198 с.

6. Purdey J. Political families in Southeast Asia // South East Asia Research. № 24 (3). 2016. P. 319–327, DOI: 10.1177/0967828X16659027.

7. Putzel J. Democratization and Clan Politics: The 1992 Philippine Elections // South East Asia Research. № 3 (1). 1995. P. 18–45, DOI: 10.1177/0967828X9500300103.

8. Jacquesson S. From clan narratives to clan politics // Central Asian Survey. № 31 (3). 2012. P. 277–292, DOI: 10.1080/02634937.2012.720868.

9. Ламажаа Ч.К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. 2021. С. 6-21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1.

*Отроков О.Ю., г. Ростов-на-Дону,
Ростовский государственный экономический университет
(РИНХ)*

ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБОВ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

Одним из ключевых, системообразующих направлений работы государства в настоящее время выступает демографическая политика. Несмотря на некоторое улучшение демографической ситуации, количество молодежи продолжает сокращаться, и, учитывая текущую экономическую обстановку, негативные тенденции могут сохраниться и в дальнейшем. Поскольку ведущую роль в вопросах демографии играет молодежь, особое значение приобретает поддержка молодых семей, создание определенных условий, далеко не только материальных, для увеличения количества семей и рождения нескольких детей.

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» молодую семью определяет, как лиц, состоящих в заклю-

ченном в установленном законодательством Российской Федерации порядке браке, в том числе воспитывающие ребенка (детей), либо лицо, являющееся единственным родителем (усыновителем) ребенка (детей), в возрасте до 35 лет включительно¹. Подход к определению молодой семьи применялся и ранее в Основах реализации государственной молодежной политики, однако на уровне федерального закона определение было впервые закреплено лишь в 2020 году. Несмотря на отсутствие самого понятия в концепции государственной семейной политики² предусмотрен целый комплекс механизмов поддержки молодых семей, как имущественной, материальной, так и в части разработки специальных программ и мероприятий для профилактики негативных проявлений, пропаганды здорового образа жизни и так далее.

Одной из достаточно успешных форм работы с молодыми семьями выступают клубы молодой семьи, которые работают по месту жительства и реализуют целый спектр востребованных направлений. Они позволяют не только расширить спектр оказания услуг семьям, но и создают условия для поэтапной профилактической и коррекционной работы с молодой семьей по мере ее становления и развития [1, с. 61]. Помимо этого, именно программы клубной деятельности позитивной направленности способствуют сплочению молодых семей, позволяют задействовать мощный фактор взаимной психологической поддержки и являются одной из самых привлекательных форм мотивации на последующую профилактическую и коррекционную работу [2, с. 105].

Автором проведен анализ работы 20 клубов молодых семей в разных городах и регионах страны для выявления общих тенденций и направлений работы, наиболее интересных практик их функционирования в интересах целевой аудитории.

Работа клубов, в основном, строится в рамках трех ключевых направлений: дети (молодежь), дети (молодежь) и молодые родители, молодые родители. Для каждого направления предусмотрен свой

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ О молодежной политике в Российской Федерации / URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>.

² ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РАСПОРЯЖЕНИЕ от 25 августа 2014 года N 1618-р [Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года] / URL: <https://docs.cntd.ru/document/420217344>.

набор мероприятий, который можно группировать в рамках следующих крупных блоков:

1. Организация семейного отдыха (семейные фестивали, слеты, конкурсы, праздники и т.п.).
2. Организация консультаций психолога, педиатра, юриста, специалиста по работе с молодежью, логопеда и других специалистов.
3. Работа в социальных сетях по пропаганде семейных ценностей и традиционной культуры.
4. Участие в мероприятиях местного, регионального и федерального уровня для целевой аудитории.
5. Информирование молодых семей о реализации национальных проектов и специальных программ, возможностях участия в их реализации.
6. Привлечение внимания государства к проблемам молодых семей через сбор и анализ информации, информирование о проблемах и предложениях.
7. Развитие творческих способностей.
8. Помощь в разрешении проблемных ситуаций в бытовой сфере, воспитании детей.

Основными целями работы клубов молодой семьи выступает укрепление авторитета и поддержка института семьи, пропаганда бытовых семейных ценностей, формирование положительного микроклимата в семьях в первые годы совместной жизни, популяризация регистрации семейных отношений среди молодежи, психолого-консультативная поддержка молодым супругам, создание условий для творческой самореализации и другие.

Организационно-правовые формы клубов дифференцированы в разных территориях от государственных учреждений и их филиалов, до некоммерческих организаций и объединений граждан по месту жительства. Форма деятельности определяет и источники финансирования и возможности охвата таким клубом целевой аудитории. Наиболее массовые такие объединения работают либо при государственных учреждениях, либо за счет поддержки в виде грантов и субсидий, в том числе Росмолодежи, фонда президентских грантов, либо региональных программ.

Например, в Ярославле клуб «Молодая семья» создан в 2004 году на базе филиала центра «Молодость» и объединяет более 60 семей из всех районов города. Сотрудниками клуба работают на профессиональной основе.

Клуб «Любящие сердца» в Черкесске не проводит специальных мероприятий, ограничиваясь консультациями для молодых (и не только) семей в связи с ограниченностью ресурсов и достаточно низкой посещаемостью мероприятий. Клуб создан в форме общественного объединения. В Тамбове клуб молодой семьи работает на базе МАУ «Дом молодежи», в город Шацке Рязанской области клуб «КлубОК» работает на базе дома культуры.

В Красноярске в 2010 году создан молодежный центр «Академия молодой семьи», который является муниципальным автономным молодежным учреждением, реализующим целый ряд направлений по работе с молодыми семьями и молодежью.

Практически все клубы молодой семьи представлены в социальных сетях, либо имеют свой собственный сайт. У клуба «Молодая семья» города Сочи есть свой сайт с достаточно большим объемом актуальной информации, страничка в социальной сети «ВКонтакте». У большинства клубов, как например «Мы вместе» из Таганрога социальные сети созданы, но активно не ведутся, отдельные сайты отсутствуют.

В качестве декларируемых показателей результативности деятельности молодых клубов по итогам анализа документов (положений, информации на информационных ресурсах и в социальных сетях) можно определить следующие:

1. Уменьшение доли разводов среди молодых семей.
2. Увеличение информированности молодых семей о воспитании детей.
3. Уменьшение случаев насилия, недопонимания внутри семьи.
4. Создание условий для общения, проведения содержательного досуга в свободное время, совместное решение возникающих бытовых проблем.

Рассмотрев различные формы и модели работы клубов молодой семьи можно сделать вывод, что количество клубов, их активность и охват целевой аудитории явно недостаточен, хотя запрос на

участие в их работе явно прослеживается у молодежи. Отдельные исследователи выделяют необходимость создания виртуальных клубов молодых семей через социальные сети в Интернете. Участвуя в них, родители могли бы консультироваться не только у специалистов, но и посоветоваться друг с другом [3, с. 128] в более удобном формате. Дистанционная форма работы решает и ряд организационных вопросов о функционировании клуба: не требуется отдельное помещение и расходы на его содержание, возможно вести деятельность на более широкую аудиторию.

Учитывая высокую роль и значение той работы, которую проводят клубы молодой семьи, высокие оценки результативности со стороны семей, уже участвующих в их деятельности, требуется особое регулирование и поддержка деятельности клубов молодой семьи. Сейчас отдельные направления поддержки практически отсутствуют для всех подобных учреждений. Проведенный учеными анализ опыта субъектов Российской Федерации по социальной поддержке молодых семей показывает, что отсутствует единая правовая база социальной политики в отношении студенческой семьи [4, с. 132], такая же ситуация и с остальными категориями молодых семей.

Также необходима разработка единых методических материалов, нормативов по работе таких объединений, создание информационного ресурса о работе клубов по месту жительства. В настоящее время информацию о работе организаций достаточно сложно найти, чтобы связаться и стать участником мероприятий, что сокращает число целевой аудитории, принимающей участие в их деятельности.

Список использованной литературы и источников

1. Энис Е.А. Клуб молодой семьи как одна из форм социально-психологической работы с молодыми семьями / Е.А. Энис // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2015. № 4. С. 59–62.

2. Меньшакова Т.Ю. Основные подходы к организации психолого-педагогического сопровождения формирования семейных ценностей молодой семьи / Т.Ю. Меньшакова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2020. № 1. С. 103–108. DOI 10.24411/2308-7218-2020-10111.

3. Ахмедова М.Г. Инновационный подход к воспитанию детей в молодых семьях / М.Г. Ахмедова, И.О. Багамаева, Н.У. Ярычев // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 126–128. DOI 10.24412/1991-5497-2021-691-126-128.

4. Лотова И.П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения / И.П. Лотова // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12. № 3. С. 129–134.

*Панкратов С.А., г. Севастополь,
Севастопольский государственный университет*

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ¹

Состояние кризисности мирового сообщества, проявляющееся в том числе в рамках специальной военной операции (СВО), когда России в процессе денацификации Украины пришлось столкнуться с противоборством так называемого цивилизованного «западного мира», доказывает тезис о том, что два ведущих типа субъектов национальные государства и международные организации не в состоянии обеспечить стабильность, безопасность и устойчивость развития мира. В этом контексте повышается значимость интеграции региональных пространств и институтов в процессы минимизации рисков и угроз не только на межрегиональном, но и глобальном уровне, а также актуализация использования регионального потенциала (экономического, политико-правового, социокультурного и т.д.) при неизбежном переосмыслении и модернизации принципов и технологий современного мироустройства.

Следует согласиться с позицией авторского коллектива монографии, акцентирующей внимание на том, что «разрушение региональной замкнутости, активизация роли регионов на международной арене

¹ Работа выполнена при поддержке программы Приоритет-2030 Севастопольского государственного университета (стратегический проект № 5).

способствует выходу традиционного понимания региона за “классические” и “общепринятые” рамки, ломая цивилизационные, культурные и геополитические барьеры» [1, с. 12]. При этом в контексте противоречивости процессов глобализации / деглобализации, которые во многом определяют первую треть XXI века, возникают как новые практики регионализации мирового пространства, регионального сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности, так и инновационные подходы к научному анализу самого феномена «регион».

В качестве позитивного примера позиционирования региональных институтов можно привести работу представителей 27 стран (в том числе 11 глав государств), занимающих около 90 % территории Азии, на VI саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в Астане. Как подчеркнул в своем выступлении Президент РФ Путин В.В., все собравшиеся выступают не за разрушение и изоляцию, а «за развитие и процветание Азии и создание в этих целях широкого открытого пространства взаимовыгодного торгового и инвестиционного сотрудничества, за расширение и углубление кооперационных связей в различных отраслях экономики»¹.

Фактически речь идет о том, что государства и цивилизации, сложившиеся на той или иной территории, вправе предлагать и выбирать наиболее приемлемый сценарий, доминирующую модель мирового развития. В данном конкретном случае важно говорить не о противостоянии демократии и авторитаризма (в чем методично западные страны обвиняют Россию, Иран, Турцию и другие страны, определяющие целостность рассматриваемого региона). Здесь существенно отражается потребность: в трансформации институционально закрепленной и функционирующей однополярной модели мира с доминированием Запада; институционализации многополярности через создание новых и модернизацию действующих универсальных международных и региональных организаций.

С нашей точки зрения, важнейшей сверхзадачей выступает исключение условий и факторов, способствующих безальтернативному доминированию одной страны или группы стран (в рамках любой региональной структуры / регионального пространства) при их

¹ Герейханова А. Многополярный день // Российская газета. 2022. 14 октября. С. 1.

стремлении безапелляционно навязывать свою волю другим государствам, считаясь лишь со своими интересами и приоритетами. Именно в таком ракурсе целесообразно рассматривать появление и использование в научном (политологическом, геополитическом и др.) дискурсе таких понятий как «международный регион», «транс-национальный регион», «мегарегион», «макрорегион», одновременно с осмыслением новой междисциплинарной методологией пространственно-временного анализа месторазвития [2, с. 7].

В настоящее время складываются научные школы, связанные с разработкой методологии комплексной регионалистики на примере Большого Средиземноморья в НИУ «Высшая школа экономики», МГИМО (У) МИД России, Севастопольском государственном университете и других научных и образовательных центрах. При этом как отмечают сами исследователи, разработка методологии нового регионализма может быть использована при анализе «точек турбулентности» в современной системе международных отношений, «включая политическое самоопределение Крыма, государственное строительство Федерации Боснии и Герцеговины и послевоенную реконструкцию на Украине» [3, с. 8].

Притягательность и неоспоримая научная и практическая значимость концептуализации многоуровневого рассмотрения процессов регионализации в исторической (пространственно-временной) перспективе позволяет выделить проблемные кластеры социально-политических транзитов, направленности миграционных потоков и конфликтных векторов противостояния и т.д., в конечном итоге предложить обоснование соотношения глобализации и регионализации, с акцентированием внимания на том факте, что современные региональные пространства и расположенные на них государства являются эволюционным (революционным) продуктом синтеза политических, экономических систем и культур [4].

Таким образом, региональная составляющая в ближайшей перспективе будет во многом предопределять векторы мирового развития и параметры нового мироустройства.

Список использованной литературы и источников

1. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: что, как и зачем изучаем?: коллективная монография / Мин-во науки и высшего образования Российской Федерации, Севастопольский гос. университет; отв. ред. О.В. Ярмак. Севастополь: СевГУ, 2022. 80 с.

2. Ильин М.В. Введение в рубрику. Новые способы изучения мегарегионов и месторазвитий // Полис. Политические исследования. № 3. 2022. С. 7.

3. Ильин М.В., Нечаев В.Д. Вызовы и перспективы изучения Большого Средиземноморья // Полис. Политические исследования. № 3. 2022. С. 8–23.

4. Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований // Полис. Политические исследования. № 3. 2021. С. 129–146.

*Раевский А.Н., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Если обратиться к вопросу о роли новых религиозных движений в современном мире, то она не столь велика, как роль традиционных религий. Прежде всего это связано с невысокой численностью и большой разобщённостью последователей НРД. Но есть известная группа - Фалуньгун или Фалунь Да Фа, которая является одной из самых часто упоминаемых в контексте политических процессов новых религиозных движений. Группа, основанная в 1992 году на территории Китая отставным военным, в 1999 году была запрещена, как указывалось, из-за опасности для здоровья последователей и обозначается с тех пор, как «злая секта». Региональное отделение китайской секты "Фалуньгун" признано в России экстремистской организацией в 2020, а книга «Чжуань Фалунь» внесена в список экстремистских материалов. Кроме того, ряд зарубежных организаций: «Всемирная организация по расследованию преследований Фалунь-

гун», «Буддистское сообщество «Родники дракона»», «Друзья Фалуньгун» и др., аффилированных с Фалуньгун, признаны нежелательными в нашей стране.

Основатель группы, Ли Хунчжи, еще в 1995 эмигрировал в США, однако в Китае впоследствии были задержаны значительное число последователей данного учения. Задержания сопровождались крупными для Китая протестами. Как и многие другие группы, Фалуньгун претендует на истинность учения и заявляет о ложности большинства других религиозных систем. Так, по мнению основателя «Большинство новых религий, возникших в нынешнем столетии, и не только в нынешнем, а и в нескольких предыдущих столетиях, относятся к фальшивым» [1, с. 88]. Многими исследователями отмечается отождествление лидера движения Ли Хунчжи с Божеством, с Вселенной [2, с. 211]. Это не может не вызывать определенные опасения, так как именно группы, имеющие живого харизматического лидера, находящегося в тесном контакте с общиной верующих, зачастую имели трагическую историю – примеров много: «Храм Народов» и «Небесные Врата».

На наш взгляд, важно отметить ряд факторов: во-первых, абсолютная неопределенность с числом последователей. По мнению Дэвида Оунби [3] число адептов группы в 2008 году насчитывало от 40 000 до нескольких сотен тысяч последователей. Модель распространения группы близка к так называемым клиентурным культам, в терминологии Р. Старк и В.С. Бэинбриджа, и потому довольно сложно сказать точно о численности последователей. Есть множество человек практикующих эту версию Цигун как упражнения для улучшения здоровья и не относящие себя к данному учению как к религиозной традиции. Фалуньгун имеет минимальную организационную структуру и не имеет жесткой иерархии, мест поклонения и формального членства. Возможность заниматься практиками на свежем воздухе и в арендуемых залах затрудняет определение численности последователей. На территории материкового Китая группа к настоящему времени утратила свое влияние, однако цифры 1999 года говорили о широком распространении данных идей в Китае в тот период. Как и в случае с некоторыми группами Нью-Эйдж, в литературе, посвященной Фалуньгун, можно встретить совершенно нереалистичные оцен-

ки в сотни миллионов последователей [4, с. 33]. Аналогичные оценки – в 100 миллионов практикующих дает и сайт Фалуньгун, вполне нормально функционирующий, несмотря на ряд запретов, связанных с организацией в нашей стране.

Во-вторых, следует отметить сильную политизированность вопроса статуса данной группы. В тех странах, которые стараются объявить о поддержке Китая, данное учение может оказывается в статусе запрещенного, как например в нашей стране. Но Россия не единственный союзник Китая в данном вопросе. Во Вьетнаме также введены ограничения на деятельность данной группы, однако сообщается о продолжении функционирования ячеек Фалуньгун. Следует отметить, что статус Фалуньгун не был закреплён в договорах Китая с другими странами и потому различный в регионе. Так в Кыргызстане дважды регистрировали и дважды отменяли регистрацию организаций, связанных с Фалуньгун. В ряде стран, например, в Казахстане, Фалуньгун не дают официально зарегистрироваться, но при этом не препятствуют существованию данной группы. В целом, на территории центральной и восточной Азии с большим уважением относятся к Китаю и стараются или ограничить деятельность Фалуньгун, или по крайней мере не поддерживать ее.

В тех странах, которые предпочитают критиковать Китай по ряду вопросов, данная группа получает поддержку и защиту – прежде всего речь идет о США, где группа и получила наибольшее распространение, прежде всего среди эмигрантов китайского происхождения. На протяжении последних 25 лет регулярно проходят митинги, шествия и различные иные виды активности в поддержку Фалуньгун, вплоть до обсуждения вопроса Фалуньгун на уровне конгресса. Также на территории Европы и Австралии неоднократно проходили митинги у посольств Китая, связанные с данным движением. Некоторые исследователи считают, что «, Ли Хунчжи находится сегодня под защитой правительственных структур, активно использующих организацию Фалуньгун в качестве повода для вторжения во внутреннее дела Китая». [Ах 2021, с. 117].

Итак, на примере Фалуньгун, видно, как новые религиозные движения в современных политических процессах играют роль центра притяжения внимания дипломатов и масс медиа. При этом мы

можем наблюдать повышенный интерес к данным группам, обусловленный политическими причинами.

Список использованной литературы и источников

1. Ли Хунчжи. Чжуань Фалунь. М., 1999. 339 с.
2. Ахмадулина С. З. Возникновение и история развития китайского религиозного движения Фалуньгун в России (на материалах Республики Бурятия) // Вестник БГУ. 2015. № 7.
3. Ownby D. Falun Gong and the Future of China. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
4. Рабогошвили А. А. Политические отношения КНР и США в контексте проблемы Фалуньгун // Вестник ЗабГУ. 2008. № 1.
5. Ахмадулина С. З. Китайское движение Фалуньгун в России: сущность, причины возникновения и история развития / С. З. Ахмадулина // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. Т. 10. С. 113–119.

*Рябинин Е.В., г. Мариуполь,
Мариупольский государственный университет*

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Современный мир находится в состоянии глубокой турбулентности, которая является отражением смены мирового порядка. Мировой порядок после распада Советского Союза характеризовался однополярностью, что привело к системному кризису в международных отношениях. С. Караганов в своем интервью отметил, что «Украина – важная, но малая часть процесса распада старого мирового порядка, в котором царил глобальный либеральный империализм, навязанный США, и движения к более справедливому и свободному миру многополярности и многообразия цивилизаций и культур. Один из центров такого мира создается в Евразии, идет возрождение великих цивилизаций, которые подавлялись на протяжении нескольких сотен лет» [2]. Эта же мысль была отражена и в выступле-

нии президента России по случаю принятия новых регионов в состав нашего государства [1].

Коллективный Запад болезненно реагирует на текущие изменения, но его неспособность защищать свои интересы сегодня, как это осуществлялось в 1990-е гг., свидетельствует о снижении его влияния по причине внутреннего финансового и общественного кризиса. Сегодня мы наблюдаем слом старой системы, которая не разрушилась полностью после 1991 года и современный мировой порядок зиждился на поспешных договоренностях руководителей ведущих стран того времени без учета интересов населения, в частности населения стран бывшего СССР. В начале 1990-х годов западные эксперты, в частности Ф. Фукуяма, поспешили заявить миру о том, что потенциала для конфликтов больше нет и человечество достигло «кантовского вечного мира». Однако, данное утверждение, как показала практика, было в корне неверным и на смену конфликтам на идеологической основе пришли конфликты на основе идентичности. Именно войны на постюгославском и постсоветском пространстве показали, что следующие войны будут основываться непосредственно на факторе идентичности, а стратагема «свой – чужой» долго подготавливалась в украинском обществе, и как следствие, дала свои отрицательные результаты.

Главным вызовом для Соединенных Штатов, как для «Левиафана», которым они себя провозгласили после распада СССР, стал рост геэкономического влияния Китая и геополитического влияния России. Началом возвращения России в большую геополитику можно считать мюнхенскую речь В. Путина и ее продолжение в виде российско-грузинского конфликта 2008 года. Вторым серьезным фактором российского влияния стала военная кампания в Сирии и успешное уничтожение Исламского государства. Третьим событием, которое повлияет на геополитическую мощь России на ближайшие десятилетия, является военная операция на Украине, которая привела к вхождению, пока еще не полному, исторически русских земель. И в связи с этим событием возникает очередная проблема для России и, в частности, для новых территорий в контексте рисков, как политических, так и экзистенциональных, это вопрос обеспечения безопасности. После конфликтов на Северном Кавказе Россия страдала от споради-

ческих террористических актов, проводимых исламистами. После завершения СВО с этой же ситуацией столкнутся, а в некоторых случаях уже сталкиваются, новые регионы России. В связи с этим вопрос актуальности обеспечения безопасности новых регионов должен стоять первым на повестке дня.

Сегодня мы наблюдаем инфраструктурную войну как одну из составляющих в текущем конфликте. Прежде всего, украинские войска обстреливают города, целью этих обстрелов становятся не военные объекты, а объекты городской инфраструктуры, в частности, жилые дома, школы, больницы, церкви. Это свидетельствует о том, что, осознавая потерю данных территорий, украинская власть пытается нанести максимальный урон населению регионов. Второй целью являются объекты, важные с финансовой точки зрения (трубопровод «Северный поток»), а также логистические (крымский мост). Третьей целью является гражданское население, но уже в индивидуальном его проявлении. Так, украинские диверсанты проводят террористические акты с целью физической ликвидации представителей администраций городов и регионов, присоединившихся к России 30 сентября. В этих регионах осталось немалое количество людей, которые симпатизируют украинской власти, и они используются СБУ для проведения диверсионной и террористической деятельности. Так, они выполняют роль наводчиков, после чего гражданские объекты подвергаются обстрелам, собирают и передают важную информацию, минуют автомобили представителей органов власти. Данные лица могут стать членами опасных террористических организаций и наносить ощутимый вред новым субъектам РФ. Убийство Дарьи Дугиной свидетельствует о том, что украинские спецслужбы не ограничивают свою деятельность территорией новых регионов.

Среди причин, побуждающих людей к ведению террористической деятельности, могут быть политические, социально-экономические, этнонациональные, межрасовые. Межэтнических трений в регионах не может быть, поскольку разницы между русскими и украинцами как представителями разных этносов, не существует. Если говорить о представителях Донбасса и Галичины, разница существует не только в этническом плане, но и культурном, ментальном, языковом и религиозном; разницы между представителями

новых регионов в вышеперечисленных аспектах не существует. В новых регионах главной причиной терроризма является нежелание отдельных лиц принять факт выхода этих территорий из состава Украины и их вхождение в состав РФ, т. е. главной причиной осуществления террористической деятельности является политическая. Именно эти люди и будут использоваться украинским режимом для дестабилизации ситуации в регионах.

В связи с этим, необходимо провести ряд мероприятий, которые будут определять будущее развитие новых регионов, а именно:

1. Сотрудничество всех ветвей власти в выявлении потенциальных террористов и обеспечении максимального уровня безопасности для местного населения;
2. Предотвращение проникновения в органы власти и безопасности людей, симпатизирующих украинской власти;
3. Недопущение оправдания террористической деятельности в контексте патриотических чувств к Украине;
4. Разработка специальной программы ведения пропаганды, осуждающей разные виды терроризма;
5. Разработка и реализация программ патриотического воспитания по системе детский садик – школа – университет;
6. Разработка и реализация программы, направленная на информирование местного населения относительно настоящих героев Великой Отечественной войны и создания пантеона героев СВО через призму современных событий.

Список использованной литературы и источников

1. Полный текст обращения Владимира Путина 30 сентября 2022: стенограмма выступления // 30.09.2020 URL: <https://www.kp.ru/daily/27452.5/4655517/> (дата обращения 09.10.2022).
2. Шмеманн С., Караганов С. Почему Россия уверена, что не может потерпеть поражение в конфликте на Украине? // СВОП. 01.08.2022. URL: <http://svop.ru/main/42826/> (дата обращения: 02.08.2022).

*Рябченко Н.А., г. Краснодар,
Кубанский государственный университет*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ¹

Что такое информационная война в современных условиях существования глобального информационного пространства, социальных и политических кризисов, политики отмены?

Прежде всего, это кризис коммуникации! Коммуникации, понимаемой не как акт передачи сообщения от источника к получателю, а коммуникации, рассматриваемой с точки зрения постнеклассической науки с ее автопоэтическими закрытыми системами и миром больших данных [1]. Такой подход позволяет перевести «Информационные войны» из политического явления, описываемого как констатация произошедших событий и их последствий во вполне поддающуюся моделированию и прогнозированию сложную, нелинейную систему благодаря тому, что в таком случае структурными элементами информационной войны как системы становятся дискурсивные поля и продуцируемые ими паттерны социально-политического действия – гибридные когнитивные конструкторы, определяющие вторичную концептуализацию действительности и детерминирующие поведение субъектов, подвергшихся прямому или опосредованному информационному воздействию [2].

Неизбежное потребление паттернов социально-политического действия пользователями цифрового пространства в процессе коммуникативного взаимодействия приводит к формированию в их сознании «да»-формулировок и «нет»-формулировок в отношении объекта или причины информационный войны, что в итоге усиливает дискурсивные поля, повышая потенциал их силового поля, и стимулирует продуцирование новых паттернов социально-политического действия. В момент накопление критической массы «да»-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020-2022 гг., рук. В.В. Катермина).

формулировок и «нет»-формулировок в дискурсивном поле онлайн-пространства, происходит формирование точки бифуркации системы, в которой усугубляется течение информационной войны и усиливается проницаемость границ онлайн-офлайн и в полной мере затрагивается цифровое пространство, воспринимаемое как «реальная действительность», в результате чего происходит разъединение людей и/или их консолидация.

Можно ли управлять, моделировать, прогнозировать развитие дискурсивных полей и формирование паттернов, а значит управлять, моделировать, прогнозировать развитие информационных войн? Информационное пространство в системно-аналитической парадигме – это многомерная сложная (безмасштабная) сеть, продуцирующая массивы неструктурированных сетевых данных: сообщения социальных сетей, видеоконтент, информацию о пользователях и их взаимодействиях (например, ветках комментариев). Наличие API-сервисов, совокупных методов Data Science, сетевого анализа и компьютерной лингвистики позволяет извлекать, структурировать и анализировать неструктурированные сетевые данные, непрерывно генерирующиеся в цифровом пространстве. Это позволяет осуществлять моделирование дискурсивных полей как динамических социальных графов и, соответственно, применять для их анализа весь накопленный опыт и знания из соответствующих разделов математики, компьютерной лингвистики, прикладной политологии, коммуникативистики. В результате мы получаем аналитико-прогностную модель структуры информационной войны как многослойной сети, каждый слой которой формируют дискурсивные поля как динамические социальные графы, отражающие роли, степень влияния и характер взаимодействия социально-политических акторов в модели/структуре информационного противоборства [3].

Возможность описания текущего состояния и прогнозирования динамики развития информационных войн и предполагаемых офлайн-последствий их реализации базируется на том, что элементарной единицей дискурсивного поля является социально-политический контент. Рассматривая социально-политический контент в контексте лумановской теории коммуникации [4] и определяя его как событие, актуализирующее социально-политический контент

и трансформирующее состояние дискурсивного поля, мы можем описать существующие и прогнозировать формирование векторов трансформации информационной войны и проводить прескриптивную аналитику как аналитическую дорожную карту развития социально-политической системы для нивелирования социальной турбулентности и обеспечения её стабильности.

Одной из ключевых проблем анализа и прогнозирования развития информационных войн является высокая скорость генерирования, распространения и потребления контента. Так, например, на видеохостинге YouTube каждую секунду открывается для просмотра более 98 тысяч новых видео, под которыми формируются многомиллионные ветки комментариев. Своевременная обработка социально-значимого контента, в котором эксплицируется информационное противостояние, приводящее к формированию деструктивного социального действия, является принципиальной задачей в эпоху глобальных кризисов. Поэтому основным стратегическим решением должно стать создание междисциплинарных аналитических команд, способных прогнозировать и предупреждать развитие информационных войн любого уровня. И создание таких команд должно начинаться с формирования комплекса междисциплинарных компетенций у студентов высших учебных заведений разных направлений подготовки.

Список использованной литературы и источников

1. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 39.
2. Малышева О.П., Рябченко Н.А. Сетевые лингвистические данные и дискурсивное управление: президентские выборы в США 2020 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 3. С. 39–53. DOI: 10.15688/jvolsu2.2022.3.4.
3. Тимофеева Л.Н., Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. Цифровая социально-политическая повестка дня: апробация новой модели исследования на российском кейсе «Коронавирус-2020» // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 23–39. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.03.

4. Луман Н. Что такое коммуникация? / пер. с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114–125.

*Сенюшкина Т.А., г. Симферополь,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского;
Сенюшкин Е.А., г. Симферополь,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского*

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В условиях расширения пространства рисков в современной российской политической системе актуализируются исследования, посвящённые методологическим аспектам данной темы. В целом можно сказать, что в постсоветской политической науке проблемы методологического характера являются одними из наиболее очевидных. И если в прикладной политологии арсенал методов достаточно хорошо разработан, то в теоретической части российской политической науки каких-либо явных достижений, претендующих на несомненную методологическую новизну, не наблюдается. В современной российской политологии, также, как и у наших соседей из стран СНГ, так и не сформировались исследовательские школы, которые бы отличались концептуальной и методологической оригинальностью.

Обзор публикаций на эту тему подтверждает вывод о небольшом интересе российских политологов к исследовательским проблемам в области методологии. Кроме этого, как отмечает Жуковский А.Г., «существует ряд научных парадигм, которые подчас противоречат друг другу» [1]. В связи с этим автор предлагает «основываться не на взаимоисключении различных парадигм политологического исследования, а на установлении компромисса между ними, выявлении точек соприкосновения и формулировании некоторых общих положений, которые в равной степени могли бы быть признаны представителями различных школ и концепций» [1]. Этот же автор подчёркивает важность методологического плюрализма «в условиях стремительных изменений в социально-политическом пространстве» [2, с. 120].

Особый ряд методологических вопросов возникает при исследовании проблемы управления рисками, которая имеет очевидный междисциплинарный характер. Основную библиографическую базу здесь составляют труды экономистов, которые преимущественно занимаются темой финансовых или бюджетных рисков. В качестве примера можно привести исследования Борисовой Е.Р., которая изучает вопросы необходимости методологического обоснования системы управления финансовыми рисками [3].

Управление политическими рисками по своему предмету затрагивает ряд смежных научных направлений, что требует расширения методологического арсенала исследований в этой сфере. При этом «главной теоретической проблемой, связанной с эффективным управлением политическими рисками, можно считать отсутствие основательной методологической базы» [4, с. 196].

Так как политические риски тесно связаны с религиозными, демографическими, геополитическими, экономическими, социально-психологическими и другими процессами, проблему управления политическими рисками целесообразно исследовать при помощи системного подхода, который предполагает «целостное рассмотрение ключевых факторов, формирующих рисковое пространство в политике. Структурирование данной системы может быть основано на выявлении подсистем и их функционального взаимовлияния» [4, с. 196].

Одним из эвристически ценных методов может также выступать синергетика, при помощи которой можно «проследить зависимость возникновения рисков от степени устойчивости политической системы» [4, с. 196].

Объединяя возможности системного подхода и синергетики, мы сможем найти эвристически ценное методологическое основание для анализа политических рисков, которые по своей сути являются отражением нелинейных процессов в пространстве самоорганизации социальных и политических групп.

Кроме того, при помощи двух названных выше методологических подходов можно «проследить, как изменяется соотношение между организацией и самоорганизацией в политической системе, благодаря чему становится возможным объединение методологии научного познания политических рисков с разработкой механизмов

практического управления ими со стороны государства и гражданского общества» [4, с. 196].

Подводя итог сказанному, отметим, что проблема управления рисками с точки зрения её методологической проекции может быть рассмотрена на более обобщённом уровне теоретической рефлексии на тему методологии российской политической науки в целом. Очевидность данного исследовательского направления в качестве одного из приоритетов гуманитарного знания очевидна. В этой связи следует акцентировать внимание на вопросах методологического характера при разработке стратегических приоритетов научных исследований в сфере российской политической науки.

Список использованной литературы и источников

1. Жуковский А.Г. Методологические проблемы теории и практики в политической науке // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 10(54). URL: <http://soc-journal.ru>.

2. Жуковский А.Г. Проблема методологического плюрализма политической науки // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2010 № 2. С. 120–131.

3. Борисова Е.Р. Проблемы методологического обоснования управления финансовыми рисками // Вестник российского университета кооперации. 2017. № 4 (30). С. 18–21.

4. Сеньюшкин Е.А. Управление политическими рисками как теоретическая проблема // Религия и политика в постсекулярном обществе / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 191–197.

*Симонова А.И., г. Москва,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РФ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Страны Содружества Независимых Государств представляют собой первостепенную стратегическую мишень Российской Федера-

ции по линии молодежной политики. Действительно, бывшие советские республики имеют достаточно близкое географическое расположение, общее прошлое советского и досоветского исторических периодов, общий культурный багаж, и, как следствие, общий менталитет.

Конечно, многие специалисты узкого профиля вполне обоснованно поспорят с нами, аргументируя свою позицию уменьшением удельной доли русскоговорящего молодого населения государств-членов СНГ¹. Тем не менее, культурные и бытовые реалии современной молодежи СНГ во многом схожи с реалиями их российских сверстников. В доказательство приведем мнения доктора социологических наук Т.К. Ростовской и кандидата политических наук Т.Б. Калиева, которые полагают, что географическая близость по-прежнему оказывает решающее влияние на возникновение и проявление схожих материальных и нематериальных ценностей у молодежи России и молодежи Казахстана². Отметим, что схожие ценности наблюдаются не только между российской и казахстанской молодежью, но и между представителями других республик.

Для будущего политического и экономического сближения России с государствами-членами СНГ упор делается на проведение крупных международных молодежных мероприятий, имеющих государственную поддержку. В качестве примеров такого рода мероприятий можно назвать: Международный молодежный лагерь «Диалог», Российско-Белорусский молодежный форум, дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Организация работы с молодежью на пространстве СНГ» и др.

Организаторами Международного молодёжного лагеря «Диалог» выступают Национальный Совет молодёжных и детских объединений России, Молодёжный Департамент Совета Европы, Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по делам молодёжи и Институт молодежной политики и международных отношений ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский техно-

¹ Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/status-russkogo-yazyka-v-stranah-sng> (Дата обращения 05.07.22).

² Ростовская Т.К., Кулиев Т.Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsennostey-molodogo-pokoleniya-rossiyan-i-kazhastantsev> (Дата обращения 13.06.22).

логический университет» (РТУ МИРЭА). Официальной целью проведения лагеря является «создание образовательного пространства, объединяющего молодёжных лидеров и активистов с разной культурной идентичностью и опытом, с целью развития и применения их компетенций для продвижения межкультурного диалога и укрепления мира в современном обществе»¹.

Анализируя как само проведение подобного рода мероприятий, так и пользу, получаемую по итогам их проведения для внешнеполитической выгоды России и для карьерных перспектив молодых участников из разных стран, делаем объективный вывод о высокой ценности международных молодежных мероприятий как сильнейшего рычага «мягкой силы» России нового типа. Кроме того, молодые люди, пообщавшись в рамках лагеря, имеют возможность создать совместные НКО, стартапы, международный социально ответственный бизнес или просто найти работу по своим способностям и интересам в другой стране.

Единственная, по-настоящему серьезная проблема, возникающая на такого рода мероприятиях – это несколько «слабые», не имеющие достаточного образования и/или опыта общественной деятельности, участники. Данная проблема обусловлена официально пропагандируемым западными СМИ невыгодным и неконкурентноспособным имиджем Российской Федерации, который, в свою очередь, формирует отрицательный образ России в глазах молодежи СНГ. Результатом таких политических медиа-приемов становится скудный выбор среди подавших заявки на участие молодых иностранцев.

Российско-Белорусский молодежный форум ежегодно проводится на высочайшем уровне. На форуме традиционно присутствуют Президенты двух государств. В форуме также принимают участие видные политические деятели и руководители крупнейших молодежных общественных объединений России и Беларуси² 1.

¹О проекте Международный молодёжный лагерь «Диалог» – 2017 // Национальный Совет молодёжных и детских объединений России [Электронный ресурс]. - URL: <http://youthrussia.ru/news/otkryta-registraciya-na-uchastie-v-ix-mezhdunarodnom-molodoyozhnom-lagere-dialog> (Дата обращения 13.06.22).

² IV российско-белорусский молодежный форум // Интернет-портал «Молодежь Беларуси» [Электронный ресурс]. - URL: <http://brsm.by/news/iv-rossijsko-belorusskij-molodezhny-j-forum/> (Дата обращения 08.07.22).

Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Организация работы с молодежью на пространстве СНГ» проводится во исполнение решений Совета по делам молодёжи государств-участников СНГ². Обучение представляет собой онлайн-процесс, в ходе которого слушатели курса из разных регионов РФ имеют возможность ознакомиться с новейшими методическими разработками отечественных и западных специалистов по работе с молодежью, сдать необходимые зачеты, пройти итоговую аттестацию и затем пройти стажировку в одном из столичных городов государств-участников СНГ.

Данный образовательный формат нам представляется наиболее предпочтительным, т. к. позволяет значительно повысить профессиональные компетенции большого количества специалистов по работе с молодежью (в т. ч. из отдаленных регионов РФ) при минимизации материальных затрат.

Подводя итог, необходимо сказать, что за последние годы Россия добилась ощутимых успехов в деле построения государственной молодежной политики по линии СНГ. Так, была установлена институциональная база сотрудничества, положено начало проведению совместных международных молодежных мероприятий. Вместе с тем многие из намеченных целей РФ еще ждут своей реализации.

Список использованной литературы и источников

1. Пьянов А.Е. Статус русского языка в странах СНГ // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/status-russkogo-yazyka-v-stranah-sng>.

2. Ростовская Т.К., Кулиев Т.Б. Мир ценностей молодого поколения россиян и казахстанцев // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsennostey-molodogo-pokoleniya-rossiyan-i-kazahstantsev>

¹ В Петербурге пройдет российско-белорусский молодежный форум // Российская Газета [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/2019/07/08/reg-szfo/v-peterburge-projdet-rossijsko-belorusskij-molodezhnyj-forum.html> (Дата обращения 08.07.22).

² Специалисты по работе с молодежью прошли стажировку в г. Бишкеке // МИРЭА - Российский технологический университет [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.mirea.ru/news/professionals-working-with-youth-were-trained-in-bishkek/> (Дата обращения 10.07.22).

3. О проекте Международный молодёжный лагерь «Диалог» – 2017 // Национальный Совет молодёжных и детских объединений России [Электронный ресурс]. URL: <http://youthrussia.ru/news/otkryta-registraciya-na-uchastie-v-ix-mezhdunarodnom-molodyozhnom-lagere-dialog>.

4. IV российско-белорусский молодёжный форум // Интернет-портал «Молодежь Беларуси» [Электронный ресурс]. URL: <http://brsm.by/news/iv-rossijsko-belorusskij-molodezhny-j-forum/>.

5. В Петербурге пройдет российско-белорусский молодёжный форум // Российская Газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/07/08/reg-szfo/v-peterburge-projdet-rossijsko-belorusskij-molodezhnyj-forum.html>.

6. Специалисты по работе с молодёжью прошли стажировку в г. Бишкеке // МИРЭА - Российский технологический университет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mirea.ru/news/professionals-working-with-youth-were-trained-in-bishkek/>.

*Скоробогатов А.В., г. Казань,
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)*

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Российская правовая реальность переживает транзитивный период своего развития и функционирования, который характеризуется сложным, противоречивым, в определенной степени кризисным состоянием не только институтов государства и права, но и общества, что связано как с критическим переосмыслением практики их функционирования в предшествующий период, так и поиском новых моделей социального развития, которые могут адекватно отвечать потребностям человека, общества и государства в определенном пространственно-временном хронотопе. Это обуславливает необходимость анализа факторов, влияющих на содержание социальной и правовой транзитивности. Одним из таких факторов выступает правовой риск, который мы рассматриваем в контексте функционирования как позитивного, так и неписанного права. При этом необходимо

учитывать, что чем выше правовая неопределенность [1], тем дольше период социальной транзитивности.

Исходя из представлений о субъективно-объективной природе правовой реальности и явлений, составляющих ее содержание [2, р. 256], мы определяем правовой риск как возможность (вероятность) наступления определенных последствий (результатов), которые субъект мог (или должен был) предусмотреть и совершить действия (воздержаться от действий), которые направлены на устранение данных последствий или сокращение их негативного влияния на содержание правоотношений [3, с. 337]. Правовой риск при этом выступает как определяющий фактор существования, развития и эволюции правовой реальности. Содержание правового риска раскрывается через его признаки [4, с. 19]: (1) правовой риск отличается сценарной неопределенностью, обусловленной наличием альтернативных вариантов развития ситуации риска, вплоть до амбивалентных, бинарных векторов правового поведения субъекта для его преодоления; (2) имеющая оценочный характер альтернативность правового риска, дающая субъекту основания для выбора наиболее оптимальной и эффективной стратегии не только с точки зрения удовлетворения его потребностей, но и в контексте ее соответствия групповым и социальным интересам; (3) потенциальная возможность оказания негативного воздействия на правовой статус, правовое поведение и(или) правосознание субъекта юридических фактов рискогенного характера; (4) имманентность риска природе правовой реальности, для которой рискогенность является не только эмпирическим, но и мировоззренческим фактором эволюции; (5) субъект-объектный характер правового риска, материальную основу которого составляют фактор риска и ситуация риска, а субъективная сторона связана с потенциальной возможностью субъекта управлять риском, влияя не только на его содержание, но и воздействуя на сценарий.

Вероятностный анализ последствий правового риска позволяет его классифицировать на правомерный и противоправный. При этом необходимо учитывать, что последствия правового риска могут выходить за пределы требований позитивного права, внешним выражением которого является законодательство. Однако для эффективного развития и функционирования правовой реальности наиболь-

шее значение имеют риски законодательного характера, обусловленные принятием нового нормативного правового акта, содержание и юридическая сила которого детерминированы исключительно волей политической элиты, которая в данном случае выступает адресантом правовой коммуникации. При этом необходимо учитывать, что подобное деяние, осуществленное адресантом, может быть обусловлено не только объективными потребностями, но и его физическим или психическим состоянием [5]. Такой акт, в целом выступая в легальном качестве, не обладает признаками легитимности и в случае его несоответствия или противоречия социальным интересам, будучи реализован не только изменяет существующее правовое регулирование общественных отношений [6], но и воздействует на правовое сознание и правовое поведение адресатов с целью конструирования новой правовой реальности [7, р. 142]. Чем выше степень несоответствия потребностей адресанта и интересов адресата, тем больше будут организационные и (или) имущественные затраты при реализации этого акта и тем выше будет степень транзитивности правовой реальности. Отсюда логично вытекает необходимость учета рискогенных факторов как на уровне правового регулирования, так и при формировании прогнозов правового и социального развития [8].

Одновременно подобная ситуация способная привести к рискогенности правовой реальности и в контексте развития неофициального права, под которым мы понимаем правила поведения, которые сформировались в определенном сообществе и являются не только обязательным средством поддержания бесконфликтного и бесколлизийного сосуществования данной группы, но и выступают ценностным основанием социальной и правовой идентификации субъектов, позиционирующих свою приверженность или членство в данной группе. Чем больше степень различия норм официального права и ценностных ориентаций социального права, тем больше характер дисгармонизации правовой реальности. Это проявляется, прежде всего, в апелляции при разрешении конфликтов не к законодательству и органам, его применяющим, а к неформальным средствам поддержания правопорядка, даже в случае их противоречия позитивному праву (их незаконности с позиций адресанта). В качестве таковых

средств может выступать теневое право, коррупция, кумовство, фаворитизм и т. д.

Таким образом, правовой риск обозначает возможность (в т. ч. вероятность) наступления определенных правовых последствий, которые могли быть преодолены субъектом в случае их предвидения. Крайним проявлением правового риска является формирование ситуации рискогенности правовой реальности, которая характерна для транзитивного этапа социально-правового развития. Формирующееся при этом общество риска ориентировано при разрешении конфликтных ситуаций и поддержании социальной стабильности на неформальные средства, даже в случае их противоречия законодательству. Учет рискогенности в правовом прогнозировании позволит повысить эффективность воздействия позитивного права на правовое сознание и правовое поведение, а в конечном итоге и способствовать преодолению социальной транзитивности.

Список использованной литературы и источников

1. Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8–17.
2. Beever A. Law's Reality: A Philosophy of Law. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. xviii, 324 p.
3. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой риск в постклассическом измерении // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 333–337.
4. Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 27 с.
5. Протасовицкий С.П. Понятие и юридическая природа риска // Юридические исследования. 2017. № 9. С. 60–73. DOI: 10.25136/2409-7136.2017.9.19910. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_19910.html.
6. Тюляков Д.С. Категория «риск» в общетеоретической модели механизма правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6(107). С. 72–75.
7. Wagner A., Werner W., Cao D. Interpretation, Law and the Construction of Meaning: Collected Papers on Legal Interpretation in Theory, Adjudication and Political Practice. Dordrecht: Springer, 2007. xi, 219 p.

8. Агамиров К.В. Прогнозирование правовых рисков: моногр. М.: РУСАЙНС, 2017–2018. Т. 1–2.

*Слатинов В.Б., г. Курск,
Курский государственный университет*

**НАПРАВЛЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ
В ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПОПРАВК 2020 ГОДА**

Принятие поправок в Конституцию РФ в 2020 году оказало сильное влияние на организацию публичной власти в российских регионах. Заметим, что теперь категория «публичная власть» имеет конституционное закрепление, а положение о единой системе публичной власти в стране позволило запустить процесс реформирования организации государственной власти и местного самоуправления на территории России. Процесс этот не завершен, но идет довольно интенсивно – в конце 2021 года принят ФЗ-414 «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ», в стадии обсуждения в Государственной Думе находится проект ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Рассмотрение последнего сейчас приторможено, но понятно, что конструкция «единой системы публичной власти» вскоре будет достроена – в правовом и организационном отношениях.

В настоящий момент законодательство и структура органов государственной власти субъектов РФ приводятся в соответствие с требованиями ФЗ-414. Федеральный законодатель определил весьма короткий переходный период для этого процесса – к 1 января 2023 года нормативно-правовая база в российских территориях должна быть адаптирована к требованиям нового закона, притом, что коррекции подлежат огромный пласт законодательства всех уровней [1, с. 32].

В содержательном смысле конституционные поправки и разработанные на их основе изменения в федеральном законодательстве направлены на дальнейшее укрепление президенциализма [2, с. 11], а

также на «вертикализацию» отношений по линии «федеральный центр – регионы – муниципалитеты». Кроме того, наблюдается унификация требований в части организации и даже наименований органов государственной власти и должностных лиц на региональном уровне. Одновременно главы регионов получают дополнительные возможности в сфере регулирования территориальной организации, определения полномочий и формирования органов муниципальной власти. Тенденция к сочетанию усиления политического, кадрового и антикоррупционного контроля над главами регионов с параллельным расширением их прав в части формирования дизайна системы управления территориями наблюдалась в региональной политике федерального центра с 2012 года, но теперь приобрела системный характер. На правовые новеллы, закрепившие новые формы «вертикальной» подотчетности глав регионов, накладываются правовые и фактические механизмы формирования кадрового корпуса глав субъектов РФ – выборы «референдумного» типа, на которых побеждает креатура федерального центра, создание кадрового резерва для губернаторского корпуса, обучение, политехнологическое и методическое сопровождение деятельности губернаторов «новой волны». Преимущественно «вертикальный» характер подотчетности сочетается с легитимизацией выдвиженцев федерального центра на выборах, погружением их в проблемы территории в процессе избирательных кампаний и формированием инструментов «отзывчивого» реагирования на импульсы со стороны граждан через специально созданные институты (Центры управления регионом), наличие которых обязательно в каждой территории и контроль за работой которых обеспечивает федеральная власть. Политико-правовой статус глав регионов стал более зависимым от федерального центра – Президент получил право отрешать глав регионов от должности по «утрате доверия», при этом закон не раскрывает деталей наступления оснований для данного события, иначе говоря глава государства имеет право отрешить главу субъекта РФ по своему усмотрению. У Президента РФ также появилось право объявлять выговор руководителю региона. Одновременно сняты ограничения на замещение должности главы субъекта РФ по количеству сроков, что ставит процесс сменяемости руководителей регионов в еще большую зависи-

мость от федерального центра. Усилено кадровое влияние федеральных ведомств на отдельные сферы управления в регионах – законодатель предписал федеральным органам исполнительной власти согласовывать назначения на уровне субъектов РФ руководителей исполнительных структур в обширном количестве сфер – образовании, здравоохранении, государственных финансах, госрегулировании тарифов, жилищном контроле, строительном надзоре. Таким образом, «вертикализация» отношений по линии «федеральный центр – регионы» ведет к прогрессирующему «сжатию» автономии последних в сферах социального и экономического развития территорий.

Одновременно регионы получают возможность «сжимать» автономию органов местного самоуправления. Концепция еще не принятого нового федерального закона о местном самоуправлении постулирует, что за исключением небольшого перечня базовых или «неотчуждаемых» полномочий муниципальных органов, основную долю сфер компетенции между уровнями региональной и местной власти перераспределяет субъект РФ. Ему же принадлежит право определять характеристики систем управления муниципалитетами, в том числе – особенности наделения полномочиями главы муниципалитета и главы местной администрации (через прямые выборы населением или выборы депутатами представительного органа в разных вариациях). Здесь сохранена вариативность моделей, но сам выбор оставлен за субъектом РФ в лице его законодательного органа, а фактически – высшего должностного лица. Глава субъекта РФ также получает (это уже закреплено ФЗ-414) право на объявление выговора и вынесение предупреждения главе муниципалитета в связи с ненадлежащим исполнением переданных государственных полномочий и даже отрешение от должности последнего в случае отсутствия позитивной реакции на выговор или предупреждение. Право главы региона обратиться к депутатам представительного органа муниципалитета с предложением удалить главу муниципального образования в отставку дополнено основанием, связанным с «недостижением показателей для оценки эффективности органов местного самоуправления», что делает положением глав муниципалитетов крайне неустойчивым и зависимым от оценок и воли руководителя региона.

В целом, направленность уже принятых и предлагаемых к принятию новелл в организации публичной власти на региональном и местном уровне закрепляет и «цементирует» систему вертикального политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней публичной власти над нижестоящими. Указанная система обеспечивает соответствующую экономическую и социальную политику, основанную на «проектном» и «программном» перераспределении ресурсов, аккумулируемых в федеральном центре вниз по «вертикали». Ключевыми проблемами в такой конструкции являются умаление региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов и низкая прозрачность их освоения, отчуждение граждан от процесса выработки и реализации государственной политики, искажение информации при превалировании «вертикального» политико-управленческого контроля. В кризисной ситуации с распространением новой коронавирусной инфекции федеральный центр, осознавая невозможность действовать исключительно в «вертикальной» логике, был вынужден пойти на «неформальную децентрализацию», предоставив региональным властям право оперировать полномочиями «поверх» официальных правовых конструкций и прав федеральных структур. Поиск нового баланса полномочий и ответственности в организации публичной власти в России возможен при осознании ключевыми общественными акторами исчерпанности сложившейся «вертикальной» конструкции политико-управленческой системы.

Список использованной литературы и источников

1. Глигич-Золотарёва М.В., Лукьянова Н.И. Новые контуры трансформации публичной власти в Российской Федерации // Федерализм. 2022. Том 27. № 1 (105). С. 23–49.
2. Деконструкция Конституции: что нужно и что не нужно менять в российском Основном Законе. Серия «Либеральная миссия – Экспертиза». – Вып. 8 / под ред. К. Рогова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 80 с.

*Стеценко В.В., г. Таганрог,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)»*

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПАРИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Произошедшие мощные трансформации геополитического масштаба стали констатацией стремительного изменения мира. В данных реалиях многие страны вслед за Россией понимают необходимость выхода из пространства иллюзий, симулякров и лицемерия в рамках внешнеполитического дискурса. А внутривнутриполитическая реальность требует от власти и общества консолидации усилий в рамках выработки продуктивного инструментария обеспечения суверенитета страны. По нашему глубокому убеждению, важно сконцентрировать внимание на укреплении суверенитета ценностного, культурного, образовательного как на опорах развития российского общества и государства, факторах повышения качества человеческого потенциала нации.

Президент Владимир Путин заявил о необходимости консолидации российского социума в целях защиты основополагающих ценностей, таких как национальная культура, язык, история. По мнению российского президента, национальное единство должно основываться на ценностно-смысловых ориентирах, среди которых суверенитет, свобода, созидание, справедливость, человеколюбие, милосердие и сострадание¹.

Политолог Сергей Михеев обращает внимание на необходимость сохранения русской культуры – богатейшего пласта многовековой традиции наших предков. Бездумно подражая современной массовой культуре, подменяя ею подлинные ценности и смыслы, мы таким образом «отменяем» собственную культурную идентичность².

Последствия распада СССР привели к реинтеграции не только в области политики и экономики, но и в сфере культуры. Был прерван

¹ Путин: сегодня нам нужна консолидация всего общества [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Yzb6lGeHKV8BXKhq> (дата обращения: 30.09.2022).

² Что я понимаю под русской музыкой [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YsaDrWcSijwfMN4F> (дата обращения: 30.09.2022).

единый культурный процесс. Русский язык в качестве связующего элемента на постсоветском пространстве начал подвергаться агрессивным нападениям.

Как отмечает писатель Юрий Поляков, влияние людей, причастных к развалу Советского Союза, сохраняется прежде всего в культурной и медийной среде. Присутствие антигосударственных элементов прослеживается, по мнению публициста, на уровне управленцев среднего звена, т.е. чиновников, ответственных за конкретную реализацию государственной политики в сфере культуры. Это проявляется, в следующих процессах: угасание русского языка в соседних государствах, разрыв международных культурных связей, морально-нравственный, интеллектуальный кризис, депрофессионализация творческой деятельности. По мнению Ю. Полякова, в российской литературной среде сохраняется негативная тенденция, когда писатели, придерживающиеся патриотической, государственнической позиции не получают должной поддержки, в связи с чем, многие важные, волнующие российский народ остросоциальные вопросы и проблематики не находят своего отражения в интеллектуально-творческом пространстве¹.

Полагаем, что обозначенные негативные тенденции в сфере культуры оказывают комплексное воздействие на российский культурный суверенитет, определяемый исследователем В.А. Куцем как способность российской культуры к саморегуляции и самозащите в условиях дестабилизирующих внешних воздействий [1].

В качестве маркера, свидетельствующего о негативных процессах в социуме, может также рассматриваться процесс гедонизации, что, по мнению российского и советского философа и политолога А. Панарина означает подмену норм этики, морально-нравственных ориентиров материальными благами и стремлением к удовольствиям. На фоне легализации пороков неизбежно происходит размывание моральных границ и снижение интеллектуального уровня в обществе [2].

Мы считаем, что в условиях переходного периода новой реальности, который переживает Российское государство, приобретает

¹ Юрий Поляков: В России идёт сознательный саботаж [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/YupIFmkHFWJ-JibS> (дата обращения: 30.09.2022).

особую значимость просветительская деятельность как трансляция социально значимых знаний, ценностей и смыслов, а продуктивным инструментарием укрепления консервативного потенциала культуры, формирования в картине мира молодежи уважительного отношения к родной истории, культуре, традиционным ценностям, составляющим ядро российского культурно-цивилизационного кода могут послужить аксиологические технологии, в частности социально-проектные технологии, технологии когнитивного типа, формируемые посредством интенсификации культурно-образовательной деятельности.

По нашему мнению, культурное просветительство как технологическая платформа государственной культурной политики включает три важных аспекта: во-первых, передача знаний в целях наращивания темпа социально-экономического роста общества, а также поддержания национального единства и территориальной целостности государства; во-вторых, совершенствование общественных институтов в контексте культурных ценностей, развитие правосознания, культуры гражданской активности, овладение правовыми приёмами защиты прав и свобод; в третьих, в системе функционирования образовательных институтов современной России укрепление человеческого потенциала осуществляется в контексте гражданско-патриотического, семейного и антикоррупционного просветительства через интеграцию государственной культурной, молодёжной и образовательной политики. Просветительский контент в его формальном и неформальном измерении может рассматриваться в качестве эффективного инструментария введения личности в социум и усвоения духовно-нравственных ориентиров в рамках традиционных ценностей российской культуры [3].

Список использованной литературы и источников

1. Куц В.А. Культурный иммунитет как передовая линия информационной самозащиты русской культуры и интеллекта россиян // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). № 4 (29). 2013. С. 159–164.
2. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2004. 334 с.
3. Стеценко В.В. Разработка и внедрение технологий культурного просветительства в контексте государственной культурной по-

литики: смысловые ориентиры и приоритетные направления // Коммуникология. Том 9. № 2. 2021. С. 67–77.

*Тамби С.А., г. Москва,
МГИМО МИД России*

ЭСТОНСКИЙ РЕФЕРЕНДУМ ПО ЧЛЕНСТВУ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ КАК ФАКТОР КРИСТАЛЛИЗАЦИИ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА

Проведение 14 сентября 2003 г. эстонского референдума по вступлению в Европейский союз (ЕС) явственно обнажило два обособленных лагеря – сторонников и противников евроинтеграции Эстонской Республики. Итоги этого исторического голосования стали некой определенной точкой невозврата. Его результаты виделись как условно необратимые, они зафиксировали водораздел между еврооптимистами и евроскептиками. Наконец, референдум стал лакмусовой бумажкой отношения эстонских избирателей к ЕС. Он убедительно показал, что евроскептические настроения в эстонском обществе довольно сильно укоренены. Референдум стал своеобразным триггером для политико-институционального и структурного оформления евроскептицизма в Эстонии в том плане, что как анонсирование даты его проведения после принятия в декабре 2002 г. соответствующего решения парламента страны [1], так и в целом набравшая обороты поддержка еще с начала 1990-х гг. эстонской политической элитой выбранного европейского внешнеполитического вектора страны, способствовали мобилизации эстонских евроскептических сил, организационному становлению и укреплению лагеря евроскептиков.

Качественная кристаллизация к 2003 г. евроскептицизма в Эстонии была выражена целым рядом событий, происходивших начиная примерно с 1998 г., а именно: создание евроскептически настроенных политических движений; резкое усиление евроскептической риторики со стороны некоторых непарламентских политических партий; проведение широкой анти'ЕСовской агитации, не только в среде эстоноземельцев, но и в СМИ, а также в набравшей популяр-

ность сети Интернет; наконец, издание и распространение среди широкой общественности большого количества разнообразных печатных материалов (в т. ч. книг) евроскептического толка. В широком контексте всё это было нацелено на интенсификацию и поддержание в обществе евроскептических настроений, формирование крепкого евроскептического лагеря, а в узком контексте (уже после определения точной даты проведения референдума) евроскептики ожидали своей неотвратимой победы по итогам голосования.

Кампания сторонников вступления Эстонии в ЕС имела мощную финансовую и политическую поддержку (аналогичная кампания евроскептиков была гораздо скромнее). Еврооптимистические взгляды со всех сторон широко освещались в мейнстримных СМИ. Такая масштабная работа еврооптимистов, продемонстрировавшая несомненные и очевидные преимущества членства Эстонии в ЕС, значительно повлияла на настроения избирателей (в особенности из числа неопределившихся). Если согласно данным социологических опросов вступление Эстонии в ЕС в 1997 г. поддерживало 58 % опрошенных, к апрелю 1998 г. это число сократилось до 49 % [2, с. 3], а к сентябрю того же года – до примерно 27 % [3, с. 3]. Но к 1999 г. произошёл коренной перелом: в поддержку эстонского членства в ЕС высказалось уже около 40 % населения [4, с. 59]. В начале лета 2003 г. около 50 % эстонского населения избирательного возраста поддерживали вступление в ЕС [5], а незадолго до референдума среди граждан избирательного возраста этот показатель составил 62 % [6]. Количество евроскептиков стабилизировалось: отсеялись сомневающиеся и колеблющиеся избиратели.

Отметим, что большинство партий, входивших в Рийгикогу (эстонский парламент), а также многие непарламентские партии и движения выражали еврооптимизм. Евроскептиком являлся член фракции Объединенной народной партии Эстонии, член Рийгикогу IX созыва (1999–2003 гг.) Тийт Тоомсалу. Относительно нейтральную и осторожную позицию заняла *Центристская партия* (из парламентских партий). Евроскептицизм выкристаллизовался у нескольких непарламентских крайне правых и левых партий, среди них: преобразованная в 1998 г. из Эстонской демократической рабочей партии *Эстонская социал-демократическая рабочая партия*; созданная в 1998 г. *Эстонская*

христианская народная партия; учрежденная в 1999 г. *Республиканская партия*; наконец, образованная в 1999 г. из Эстонской партии будущего *Партия независимости Эстонии*. Уже через день после проведения референдума, 15 сентября 2003 г. появились планы создания евроскептически настроенной *Радикальной партии эстоноземельцев* [7].

Стан евроскептиков существенно увеличивался за счет создаваемых в то время (зачастую в форме НКО) политических движений, среди них: *Движение «Нет Европейскому союзу!»* (зарегистрировано в 1996 г.; лидер – У. Сильберг), *Эстонский правоцентристский молодежный форум* (1997 г.; А. Оттер), *Движение Юрьевой ночи* (1998 г.), *Движение «Евродезинтегратор»* (2000 г.; К. Кульбок), *целевое учреждение «Исследовательский центр «Свободная Европа»* (октябрь 2002 г.; Мартин Хельме; активисты – И. Райг, Март Хельме, И. Грязин и др.), *НКО «Информационный центр «Свое государство»* (январь 2003 г.; А. Пооламетс), *НКО «Движение «Эстонская Свобода»* (май 2003 г.; В. Сяэск), *ООО «Независимость»* (июнь 2003 г.; М. Раун) и др. Как видно, многие евроскептические политические движения были зарегистрированы незадолго до проведения референдума. Евроскептические взгляды также были присущи критиковавшему экологическую политику Евросоюза *Эстонскому движению зелёных* и *Вильяндискому центру евроскептиков*. Представители евроскептических партий и движений поддерживали высокий уровень активности как в преддверии референдума, так и после: проводили уличные акции [8, с. 5], расклеивали листовки [9, с. 5], организовывали конференции [10]. В то время широко издавались в печати книги и брошюры эстонских евроскептиков [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], а также журналы [18] и постеры [19] евроскептического содержания.

Референдум по членству Эстонии в ЕС состоялся 14 сентября 2003 года. В нем приняли участие 64,06 % граждан страны (555 835 чел.), обладавших правом голоса. По итогам подсчета голосов выяснилось, что 66,83 % проголосовавших выступили в поддержку вступления в ЕС, против – 33,17 % [20]. Неграждане (в основном русскоязычные жители страны), которых к 2003 г. насчитывалось примерно 12 % от населения, не смогли отдать свой голос. 1 мая 2004 г. Эстония (вместе с 9-ю другими государствами) стала членом ЕС.

Таким образом, в преддверии референдума по членству в ЕС убежденные эстонские евроскептики значительно активизировались, радикализировались, тем самым качественно выкристаллизовались. Произошло их политико-институциональное, структурное и организационное оформление: был создан ряд евроскептических политических движений, значительно усилилась евроскептическая риторика нескольких политических партий. Евроскептический дискурс прочно вошел в политическую жизнь Эстонии и закрепился в ней, он стал довольно устойчивым. Количественная же кристаллизация евроскептиков заключалась в том, что ко дню проведения референдума в их рядах остались самые верные своим анти-ЕС'овским убеждениям и преданные евроскептическим идеалам избиратели, прочно и устойчиво стоявшие на евроскептической позиции и проголосовавшие в итоге против вступления Эстонии в Европейский союз.

Список использованной литературы и источников

1. Rahvahääletuse korraldamine Euroopa Liiduga ühinemise ja Eesti Vabariigi põhiseaduse täiendamise küsimuses. Vastu võetud 18.12.2002 // Riigi Teataja. RT I 2002, 107, 637.
2. Euroliidu maine on kahanenud // Sõnumileht. 1998. № 130. 17.05.1998. Lk. 3.
3. Tramm T. Eurovaimustus kahaneb // Sõnumileht. 1998. № 313. 16.12.1998. Lk. 3.
4. Пальк П., Маде В., Симпсон Э., Яансалу Л. История объединения Европы. Таллин: Эстонская школа дипломатии. 2003. С. 59.
5. Tigasson K.-R. Arnold Rüütel – stagnatsiooni sümbol või argirituaalide president? // Eesti Päevaleht. 19.09.2006. URL: <https://epl.delfi.ee/artikkel/51056905/arnold-ruutel-stagnatsiooni-sumbol-voi-argirituaalide-president> (дата обращения: 08.09.2022).
6. Toetus Euroopa Liidule kasvab // Õhtuleht. 03.11.2003. URL: <https://www.oh tuleht.ee/148290/toetus-euroopa-liidule-kasvab> (дата обращения: 08.09.2022).
7. Ole radikaalne! / [Eestimaalaste Radikaalne Erakond]. Tallinn: Tallinna Raamatutrükikoda, 2004. 24 lk.
8. Eurovastased lähevad pealinnas meelt avaldama // Sakala. 2004. № 116. 17.06.2004. Lk. 5.

9. Eurovastased kleepisid plakateid // Õhtuleht. 30.07.2003. Lk. 5.
10. Konverentsi "Eesti Euroopa Liiduga ühinemise põhiseaduslikud ja poliitilised probleemid" materjalid: Akadeemia Nord, 22.02.2002 / Uurimiskeskus "Vaba Euroopa". Tallinn: Akadeemia Nord, 2002. 39 lk.
11. Kulbok K. Euroopa Liit – skeptiku vaatenurk. Tallinn: Ühendus Eurodesintegraator. Tartu, 2001. 48 lk.
12. Leito V., Silberg U. Euroopa Liit tagantvaates. Tallinn, 1998. 124 c.
13. Leito V. Eesti & geopolitika: olukord, võimalused, missioon. Tallinn: Liikumine "Ei Euroopa Liidule": Eesti Iseseisvuspartei. 155 lk.
14. Ei? Jaa? – eurovõitluse alused. Tallinn: Liikumine "Ei Euroopa Liidule", 2001. 143 lk.
15. Eesti Küsimus: Kas loobume vabadusest? Ei! Kas on ainult üks ja õige tee? / Liikumine Ei Euroopa Liidule. Tallinn: Ajakirjade Kirjastus, 2003.
16. Eesti Märk On Ei. Tallinn: Ei E-Liidule, 2003.
17. Sääsk V., Kaljo E. Eesti Iseseisvuspartei: mida tähendab olla iseseisev riik? Eesti: Eesti Iseseisvuspartei, 2003. 46 lk.
18. These Tides for all those working for the post-EU Europe: the magazine of Uurimiskeskus Vaba Euroopa. Tallinn, 2005, vol. 5, № 2.
19. Ütle "ei" Euroopa Liidule! Tallinn: Teabekeskus Oma Riik, 2003. Plakat
20. Hääletamistulemus. Rahvahääletus 14.09.2003 // Vabariigi Valimiskomisjon. URL: <http://www.vvk.ee/varasemad/?v=rh03> (дата обращения: 08.09.2022).

*Тупаев А.В., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

ОТТЕПЕЛЬ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мысль о том, что история есть политика, опрокинутая в прошлое, приписываемая советскому историку М.Н. Покровскому, в современной России явно переживает бурное, всеобъемлющее возрождение, что сказывается на актуализации интереса к исследованию

существующих практик и тенденции проработки прошлого в современной России. В фокусе внимания предлагаемой статьи будет историческое сознание, под которым понимается отношение к прошлому во взаимосвязи с современными социально-политическими процессами через оценки исторических фактов каждым поколением [1, с. 313]. Признавая право излагать историю за каждым поколением, важно понимать, что это не право на деформацию фактов, а только на их перегруппирование для наиболее достоверной интерпретации прошлого. По мнению Х. Арендт, истина факта является продуктом коллективной жизни и составляет саму ткань политического пространства, истина факта наиболее уязвима к забвению и ложной интерпретации, а также воздействию со стороны власти. Над любым фактом всегда существует опасность быть вычеркнутым из истории или повседневности посредством системы организованной лжи, путем превращения факта во мнение [2, с. 320–349]. Исходя из такого тезиса, одной из важных политических проблем является фактичность (наполнение фактами) общей для всех реальности. Данный процесс осложняется тем, что здесь сталкиваются интересы различных политических сил, идеологизированных групп, общественных организаций и науки. Этот интерес заключается в возможности влияния на интерпретацию факта и конструирования исторического сознания. Сразу можно отметить, что наука и ученые проигрывают в этой борьбе за факты, стереотипные, официальные и идеологические интерпретации ближе и понятнее для российского общества, чем научные описания.

Принципиальную роль в формировании исторического сознания в странах с тоталитарным и авторитарным наследием играет проработка прошлого, понятие, употребленное Т. Адорно [3] для обозначения практик осмысления применения репрессий для управления обществом. Технологии проработки прошлого довольно разнообразны, многое зависит от того, присутствует ли в обществе консолидация на основании осознания необходимости осмысления репрессивного прошлого, которое включает в себя культурные, научно-исторические, политические инициативы, а также юридическо-правовые средства [4, с. 24–25]. Первопроходцем в преодолении прошлого стала Западная Германия, реализуя политику памяти, осно-

ванную на критическом осмыслении нацистского прошлого и репрессивных институтов управления, немецкому обществу удалось осознать собственные преступления и сформировать национальную идентичность на тотальном осуждении нацистского прошлого. Опыт России демонстрирует иной путь – потребность десталинизации и отказа от масштабных репрессий выдвинула на вершину власти нестандартного Н.С. Хрущева, однако начавшаяся оттепель настолько напугала партийное руководство и выявила неготовность детально пересматривать сталинское прошлое, что Никиту Сергеевича оперативно отстранили от власти и даже не позволили праху упокоиться возле Кремлевской стены. Вопрос о проработке прошлого был отложен на неопределенный срок, и только с распадом СССР к нему обращаются вновь, однако прошедшее время, снявшее остроту памяти о насилии, сокращение числа свидетелей, неоднозначная стратегия государственной политики – все это не позволило детально приступить к формированию политики памяти на основании широкой дискуссии в отношении тоталитарного прошлого. В 1990-х годах начавшиеся тенденции пересмотра советских принципов организации властно-управленческого аппарата, работы силовых органов, а также ключевых символов эпохи не были завершены вопреки ожиданиям институционализации проработки прошлого на государственном уровне и избавления от советского наследия не произошло. Об этом свидетельствуют опросы «Левада-центра», проводящиеся с 2000-х годов и демонстрирующие увеличение доли россиян, дающих положительную оценку сталинизму и советскому историческому периоду. Можно констатировать, что прошлое не успело уйти и возвращается в сознание россиян, но уже в более деструктивной и циничной форме, переплетаясь с имитационными институтами права и демократии, которые сформировали политический порядок с постоянно усиливающимся контролем за интерпретациями прошлого и историческим сознанием. Процессом политического воспитания историей и формированием исторического сознания с учетом сложившейся внутривнутриполитической и геополитической обстановкой с разной степенью эффективности занимаются государственные и политические институты. Основной вклад в конструирование исторического сознания, приемлемого для обоснования легитимности политической системы

и социального порядка, вносят институты образования [5] и культурно-просветительские общегосударственные и региональные проекты, целью которых является актуализация определенных исторических событий, личностей и нарративов. Современная российская политика подтверждает тезис Х. Арендт о том, что политическая сфера в силу своей природы противоборствует истине, а те, кто посягает на приверженность истине факта, воспринимаются властью как деструктивные элементы [2, с. 353].

Свидетельств наращивания контроля за историей предостаточно, сюда можно отнести и политику создания единого учебника по истории и введение универсального курса о российской государственности для студентов университетов, перманентную борьбу с обществом «Мемориал» и другими независимыми структурами. Однако какими бы способами власти не отодвигали вопрос о проработке прошлого и как бы не размывалась истина фактов, в российском обществе сохраняется потребность в осмыслении и проработке прошлого. Другой вопрос, какие технологии политики памяти в этом процессе будут задействованы, а также какую роль на данном этапе может играть наука как сфера, аккумулирующая истину фактов? Идея сохранения истины факта, фундаментальная для проработки прошлого, на наш взгляд, формируется именно такими работами, как «Оттепель: события. Март 1953 – август 1968» С. Чупринина [6], которые способствуют такому сохранению. Это фундаментальный труд, наполненный каждодневной хроникой об исторических событиях культурной и социальной жизни эпохи оттепели. Ценность такой работы для формирования исторического сознания сложно переоценить не только с позиции представленных фактов, но и с позиции взаимосвязи событий и обстоятельств, в которые вовлечены множество судеб людей. Оттепель сконструировала взаимосвязь свидетелей, истину фактов и обстоятельства, вдохновляемая различными интересами, дала пищу для формирования социально-политической субъектности и свободы мысли. Вот как сам С. Чупринин характеризует свою книгу: во-первых, это помещение литературы, писателей и поэтов в плотный культурный контекст, включающий события в кино, театре, музыке, церкви и изобразительном искусстве; во-вторых, книга должна передать гибридность государственной политики де-

сталинизации. Вот некоторые противоречия: политические заключенные были амнистированы, однако возобновились преследования верующих, сельское население оставалось без паспортов, но в СССР проникали западные культурные ценности, репрессии и культ личности подверглись осуждению, что не препятствовало расстрелу в Новочеркасске, введению войск в Венгрию и Чехословакию. В-третьих, фундаментальное значение книги заключается именно в создании комплексного базиса для дальнейших исследований и культурного осмысления оттепели [7].

В заключение отмечу, что оттепель и 1990-е годы являются знаковыми историческим примерами обращения к истинности факта для проработки прошлого, стремления к формированию гражданского согласия вне контекста тотальной лжи. Важно понимать, речь не идет о договоренности о нужной или правильной интерпретации фактов между различными заинтересованными субъектами, задача заключается в безоговорочном признании как можно большего числа истинных фактов, чтобы изъять их из поля возможной манипуляции, сделать их максимально публичными и неоспоримыми.

Список использованной литературы и источников

1. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
2. Арентс Х. Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 416 с.
3. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого»? // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 36–45.
4. Лёзина Е. XX век: проработка прошлого. Практики переходного правосудия и политика памяти в бывших диктатурах. Германия, Россия, страны Центральной и Восточной Европы. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. 584 с.
5. Карпенко А. Забыть историю // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2022. № 1. С. 135–139.
6. Чупринин С. Оттепель: События. Март 1953 – август 1968. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 1192 с.
7. Чупринин С.: «Оттепели сопротивлялась не только власть, но и население». Новая Газета. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://novayagazeta.ru/articles/2020/10/25/87689-sergey-chuprinin-ottepeli-soprotivlyalas-ne-tolko-vlast-no-i-naselenie> (дата обращения: 08.11.2022).

*Хайруллин Т.Р., г. Москва,
Институт Африки РАН;
Финансовый университет при Правительстве РФ*

РАЗВИТИЕ АССОЦИАЦИИ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ» ПОСЛЕ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

События Арабской весны для «Братьев-мусульман» стали «звездным часом», поскольку предоставили долгожданную возможность победить на парламентских и президентских выборах. Созданная на платформе «Братьев-мусульман» Партия свободы и справедливости (ПСС) на парламентских выборах 2011–2012 гг. в Египте сумела удержать 47,2 % мандатов от общего числа. Объединившись с салафитской партией «Ан-Нур», которая набрала 24,7 % мандатов, ПСС придала сформированному парламенту исламистский облик [1; 2]. Более того, по итогам президентских выборов, проведенных в июне 2012 г. новым лидером Египта стал представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси.

Победа представителей «Братьев-мусульман» на парламентских и президентских выборах привела организационному укреплению их структуры, а также некоторым идеологическим сдвигам, направленным в сторону либерализации. Так, лидеры «Братьев-мусульман» неоднократно в либеральном духе высказывались о совместимости ислама с демократией, свободе как неотъемлемой части предписаний ислама и республике как наилучшей форме правления [3]. Таким образом, усиление либерализации в Ассоциации, в которой и так преобладали умеренные исламистские взгляды, говорит о формировании т. н. демократического исламизма.

Однако политических успех «Братьев-мусульман» оказался кратковременным. Уже спустя год, в июне 2013 г. исламисты были свергнуты военной элитой Египта во главе с Абдель Фаттахом ас-

Сиси. В декабре 2013 г. «Братья-мусульмане» были объявлены террористической группировкой, а Партия свободы и справедливости была официально запрещена судом в августе 2014 г. Отметим, что после свержения исламистов последовал один из самых жестких периодов репрессий против «Братьев-мусульман» с момента их образования в 1928 г. Все основные функционеры как консервативного, так и умеренного крыла Ассоциации были либо уничтожены, либо посажены в тюрьму [4].

Политическое поражение и переход остатков Ассоциации «Братья-мусульмане» на сторону оппозиции по отношению к правящему режиму сопровождались очередным организационным кризисом и расколом. Радикально настроенные представители совместно с молодежным отделением сформировали орган под названием «Высший административный комитет», который возглавил Мухаммед Камаль [5; 6]. Ссылаясь на устав Ассоциации, они утверждали, что Руководящий орган и Консультативный совет не могут работать, если не присутствует по крайней мере половина их представителей. Поскольку после массовых репрессий такого количества представителей не могло быть, они объявили старые версии этих институтов недействительными.

Однако серьезный раскол произошел среди консервативного крыла Ассоциации, остатки членов которого являлись ядром руководящего органа «Братьев-мусульман». Исполняющим обязанности руководителя Ассоциации после ареста прежнего руководителя Мухаммеда Бади был Махмут Эззат. Заместителем М. Эззата являлся Ибрагим Мунир, живший в Лондоне с 1980-х гг. Однако бежавший в Турцию секретарь Ассоциации Махмуд Хусейн считал себя руководителем организации, контролировал финансы и средства массовой информации. После раскола представители М. Эззата и М. Хусейна не признавали легитимности друг друга. Все эти разногласия существенно сказались на имидже Ассоциации и его функционировании.

После ареста Махмуда Эззата в августе 2020 г. в Каире новым исполняющим обязанности руководителя Ассоциации был избран Ибрагим Мунир. Отметим, что египетские «Братья-мусульмане» поддерживали кандидатуру И. Мунира, что было важным аргументом в условиях существовавшего раскола и отказа части представителей, находившихся в Турции, признавать его в качестве руководителя.

Усиление позиций И. Мунира позволило ему приостановить членство М. Хусейна в рядах «Братьев-мусульман» и организовать против него и его соратников (Хаммама Юсефа, Мамдуха Мабрука, Медхата аль-Хаддада, Мухаммеда Абдель Вахаба и Раджаба аль-Банни) внутреннее расследование на основании «финансовых и административных нарушений». Однако турецкие «Братья-мусульмане» отказались признавать власть И. Мунира, сославшись на то, что перенос выборов руководителя Ассоциации с июля на октябрь 2021 г., означает, что его легитимности пришел конец [7; 8]. В итоге в октябре 2021 г. Консультативный совет египетских «Братьев-мусульман» принял решение лишить доверия И. Мунира, находившегося в Лондоне, и освободить от должности руководителя Ассоциации. Под давлением турецкого отделения «Братьев-мусульман» новым исполняющим обязанности руководителя Ассоциации был назначен Мустафа Толба.

В идеологическом отношении раскол произошел относительно того, как реагировать на репрессии со стороны режима и какую стратегию необходимо принять, чтобы сохранить дееспособность Ассоциации.

Консервативное крыло призывало своих членов сохранять спокойствие, подчеркивая, что «Братья-мусульмане пережили несколько волн репрессий за свою долгую историю, придерживаясь своей отличительной стратегии: а именно, ненасильственного эволюционного подхода к содействию постепенным изменениям снизу путем реформирования сначала отдельных лиц, а затем общества, с конечной целью изменения политической системы. Как отметил М. Хусейн, «борьба с тиранией должна основываться на отсутствии паники, даже если это приводит к злоупотреблениям, арестам, убийствам, пыткам и преследованиям» [4].

В то время как консервативное крыло склонно приспособляться к репрессиям режима и оставляет дверь открытой для переговоров и примирения, радикально настроенные представители заняли конфронтационную и бескомпромиссную позицию [9]. Стремясь переосмыслить имидж Ассоциации как революционного движения, радикально настроенные представители заявили, что возможно использование насильственной тактики против правительства ас-Сиси, если это необходимо. Не прибегая к радикальным идеям С. Кутба, они предложили использовать шариатское понятие кисас (возмездие), опираясь на фетву 2015 г., которая разрешает насилие в исключи-

тельном контексте жестоких репрессий в Египте. Эта концепция допускает такие действия, как убийство сотрудников государственной безопасности, судей и даже журналистов, причастных к подстрекательству против группы. Они считают, что кисас должен применяться немедленно и их собственными руками, а не через судебную систему [4].

За последние несколько лет среди руководства движения возникли новые разногласия по поводу того, кто должен руководить организацией, контролировать ее финансовые активы, управлять ее средствами массовой информации и определять ее повестку дня.

В настоящее время Ассоциация «Братья-мусульмане» переживает глубокий организационный и идеологический кризис, связанный с последствиями «арабской весны». Отметим, что вслед за «братьями» в целом ряде государств Арабского мира произошло ослабление позиций умеренных исламистов. Исходя из того, что «Братья-мусульмане» имеют колоссальный опыт оппозиционной борьбы и не раз попадали под действия репрессивного аппарата, можно сделать вывод, что скорее всего им удастся найти силы для преодоления нынешнего кризиса.

Список использованной литературы и источников

1. Ketchley N. Egypt in a Time of Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 218 p.
2. Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // Азия и Африка сегодня. 2019. № 10. С. 2-9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2.
3. Хайруллин Т.Р. Тенденции в политическом исламе: переход в сторону либерализации // Общественные науки и современность. 2022. № 1. С. 91-99.
4. Ranko A., Yaghi M. Organizational Split and Radicalization Within Egypt's Muslim Brotherhood // The Washington Institute. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/organizational-split-and-radicalization-within-egypts-muslim-brotherhood> (accessed 12.09.2022).
5. Stott P. Splits continue in the Muslim Brotherhood: latest developments // Policy Exchange. URL: <https://policyexchange.org.uk/splits-continue-in-the-muslim-brotherhood-latest-developments/> (accessed 12.09.2022).

6. Etaat J., Karimi H. Geopolitical Analysis of the Muslim Brotherhood Failure in Egypt // *Geopolitics Quarterly*. 2021. Т. 17. №. 62. С. 149–181.

7. What the Muslim Brotherhood Split Tells Us // *European Eye on Radicalization*. URL: <https://eeradicalization.com/what-the-muslim-brotherhood-split-tells-us/> (accessed 12.09.2022).

8. Хайруллин Т.Р. Современный исламизм в Арабском мире. М.: ЛЕНАНД, 2022. 224 с.

9. Al-Anani Kh. What happened to Egypt's Muslim Brotherhood? // *Al-Jazeera*. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2017/2/15/what-happened-to-egypts-muslim-brotherhood> (accessed 12.09.2022).

*Черкашин К.В., г. Донецк,
Донецкий национальный университет;
Линтер Д.С., г. Донецк,
Донецкий национальный университет*

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМОВ ПО САМООПРЕДЕЛЕНИЮ ОСВОБОЖДЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ НА ПОСТУКРАИНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Преамбула. Нижеследующий текст был полностью закончен 19 сентября 2022 года, т. е. до оглашения решений о проведении референдумов 23–27 сентября и о частичной мобилизации в РФ, и может рассматриваться в качестве прогноза (удачного/неудачного) на уже прошедшие события. Недоучтённый фактор – возможность проведения голосования в режиме поквартирного/подомового обхода, в котором в значительной степени и были проведены референдумы в условиях недалеко идущих активных боевых действий.

В мае 2022 года в российском информационном пространстве стали звучать заявления о намерении проведения референдумов по вхождению в состав Российской Федерации освобождённых частей Херсонской, Запорожской, а несколько позже и Харьковской областей бывшей Украины. Заявления о намерении провести такие референдумы по Л-ДНР звучали ещё раньше – в начале СВО, но, как правило, подчёркивалось, что они могут быть проведены только после полно-

го освобождения территории Республик. Причина организации таких волеизъявлений в целом ясна: изначальный февральский план СВО по замене политического режима на Украине на пророссийский или хотя бы нейтральный к концу весны, очевидно, стал неактуален, и от попыток взять всю территорию под контроль перешли к налаживанию стабильного контроля над уже освобождёнными регионами. Проведение таких референдумов могло бы: и ослабить нынешнюю прозападную, пронацистскую Украину, лишая её значительной части территории, выходов к Азовскому морю – полностью и к Чёрному морю – частично; и продемонстрировать населению освобождённых территорий серьёзность намерений РФ, тем самым, склоняя это население к более тесному сотрудничеству. По задумке, проведение референдумов, однозначно усиливало бы позиции РФ на Украине в целом и на её освобождённых территориях – в особенности. То есть проведение референдумов опосредованно и в определённой степени способствовало бы и более успешному ведению боевых действий. С другой стороны, отступление российских сил из Харьковской области в начале сентября, угрозы и намерения вооружённых формирований Украины наступать во многих других направлениях делают возможность скорого проведения таких референдумов очень прозрачной. То есть здесь налицо очевидная дилемма: сначала референдумы, а потом победа или наоборот, – сначала военная победа, а потом референдумы.

Логика развития событий ведёт скорее ко второму варианту. К началу осени 2022 года Украина накопила существенные военные резервы, в определённом плане владеет инициативой на фронте и сделает всё для того, чтобы не допустить проведения подобных референдумов, особенно в Херсонской и Запорожской областях. Вопрос переходит в плоскость техническую: провести нормальное голосование в условиях недалеко идущих активных боевых действий невозможно.

Украинское руководство попытается не допустить проведения референдума по присоединению к РФ на освобождённых территориях. Делаться это будет при помощи: наступления ВФУ или его угрозы; обстрелов избирательных комиссий и пунктов для голосования; терактов против организаторов референдума; угроз привлечения к от-

ветственности всех проголосовавших [1]. С другой стороны и общественные настроения на освобождённых территориях, особенно если это не территории Л-ДНР, на данный момент не такие уж однозначно пророссийские. Несмотря на оптимистические прогнозы (по итогам опросов большинство жителей освобождённых частей Херсонской и Запорожской областей примут участие в референдуме и проголосуют за вхождение в состав РФ [2]) украинская пропаганда и уничтожение пророссийского актива на протяжении восьми лет имеют свои последствия. Часть населения в «Союзных войсках» видят не освободителей, а оккупантов, и чтобы изменить эту точку зрения необходимо время и тщательная работа. Даже многие сторонники и особенно нейтральные/колеблющиеся, тем более, после отступления из Харьковской области, побояться принимать участие в голосовании. Наибольший вопрос – уровня избирательной активности на референдумах. Как показал опыт подобных референдумов в Крыму и Донбассе 2014 года – на эти волеизъявления придут почти исключительно сторонники, уровень поддержки составит 97–98 %. Противники и значительная часть колеблющихся это голосование будут бойкотировать. По наблюдениям авторов хорошо, если действительный уровень избирательной активности на освобождённых территориях Херсонской и Запорожской областей сейчас составит несколько более 50 %. По итогам распространяемых социологических опросов заявляют о намерении проголосовать 61–74 % респондентов [2]. Но даже для мирного времени действовало определённое социологическое правило: обычно действительная явка будет меньше заявляемой на 20–25 %. К этому следует добавить существенное число беженцев, которые не смогут проголосовать, но своим наличием в избирательных списках автоматически сокращают явку. А также, вероятно, некоторое число противников, уклоняющихся от участия в каких-либо действиях российских государственных и общественных структур, в том числе и в проводимых опросах.

Здесь возникает ещё один вопрос: а может быть можно создать видимость проведения референдума, а результаты «нарисовать» какие надо? Пусть действительно, будут созданы все структуры необходимые для голосования, некоторая часть избирателей проголосует, а в СМИ мы дадим нужную «картинку» происходящего (и о якобы вы-

сокой явке). Если противоположная сторона манипулирует, референдум будет проходить «под дулом автомата», направленном с украинской стороны, может быть мы обеспечим справедливость фактически, сфальсифицировав действительные итоги такого голосования? Выбор такого пути весьма сомнителен. Весь вопрос – кого мы хотим убедить фактом проведения референдумов. Запад и его сателлиты всё равно итогов этого волеизъявления не признают [3]. Значит, референдумы есть смысл проводить для широкой общественности на освобождённых территориях и внутри Российской Федерации, а также для международных союзников. Однако если станет очевидно, что референдум был проведён, но уровень избирательной активности был существенно ниже, чем официально заявлено, то такое волеизъявление потенциальных адресатов ни в чём серьёзном не убедит. Тем более, что имеются методики, позволяющие более-менее аргументировано определять уровень достоверности прошедших голосований [4–5].

На нынешнем этапе лучшая гарантия стабильности и безопасности для жителей освобождённых территорий уже даже не референдумы, а готовность военного и политического руководства РФ вести боевые действия всерьёз, добиваться победы. Именно военная составляющая сейчас выходит на первый план. Конечно, можно провести голосование в тыловых районах, опубликовать действительные или «какие угодно» результаты, но сам факт проведения референдума не защитит население освобождённых территорий от возможной украинской оккупации, а союзную армию не застрахует от поражения в случае наступления ВФУ, подобного «харьковскому».

Список использованной литературы и источников

1. Киев пригрозил украинцам тюрьмой за участие в референдуме // Lenta.ru – URL: <https://lenta.ru/news/2022/09/04/threat/> (дата обращения: 19.09.2022).
2. Опрос: в Запорожье и Херсоне люди выступили за присоединение к России // РИА Новости – URL: <https://ria.ru/20220907/opros-1815152855.html> (дата обращения: 19.09.2022).
3. Блинкен: США примут быстрые меры против вхождения украинских территорий в состав России // ТАСС – URL: <https://tass.ru/>

mezhdunarodnaya-panorama/15327977?utm_source=nova.rambler.ru &utm_medium=referral&utm_campaign=nova.rambler.ru&utm_referrer=nova.rambler.ru (дата обращения: 19.09.2022).

4. Сепрей Шпилькин // Троицкий вариант – Наука. URL: <https://trv-science.ru/tag/sergejj-shpilkin> (дата обращения: 19.09.2022).

5. Киреев А. Самый обсуждаемый пост в моём блоге // Журнал Александра Киреева: о политике, выборах и не только. – URL: <https://kireev.livejournal.com/1094816.html> (дата обращения: 19.09.2022).

*Ширяев И.М., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ АНАБАПТИСТОВ XVI ВЕКА

Идеи религиозного происхождения способны оказывать значительное влияние на меры экономической политики, нормативные и позитивные положения в экономических учениях. Специфические подходы к справедливости, дополненные мистическими элементами, наряду с личными экономическими интересами, являются одними из важнейших критериев поддержки населением того или иного экономического учения. Одним из исторических примеров экономической политики, проводимой с опорой на религиозные идеи, является анабаптистская коммуна в Мюнстере.

Анабаптистские секты широко распространились по Германии после начала Реформации. Спецификой данного религиозного течения была не только вера в предопределенность избрания, как в лютеранстве, но и убежденность в собственной избранности. Эту избранность анабаптисты подчеркивали тем, что проходили обряд крещения уже во взрослом возрасте. В отличие от массовых религий данные секты не предполагали возможности избранности и, соответственно, спасения для всех членов общества [1].

Внутренняя неоднородность воззрений среди анабаптистов направила их по двум различным направлениям. Умеренное крыло выбрало путь самоизоляции и ненасильственного сопротивления,

фактически приняв идеи анархизма. Но ультратеоκραтическое крыло анабаптизма выбрало путь насильственного захвата власти, принуждения и истребления неверных. Особенностью лидеров данных анабаптистских фанатиков была претензия на божественное вдохновение, мистическое откровение и просветление.

Томас Мюнцер (род. между 1488 и 1490 г. - ум. 1525 г.)¹ происходил из семьи ремесленников из Штольберга. В ходе обучения в Лейпцигском и Франкфуртском университетах получил степени бакалавра теологии и магистра свободных искусств. С 1514 г. работал священником. Мюнцер заявлял, что обладает совершенным знанием божественной воли, предназначен для выполнения божественной миссии и даже богоподобен, призвал своих сторонников к войне для истребления грешников. В 1525 году, после захвата власти в Мюльхаузене, осуществленного его сторонниками, Мюнцер принялся устанавливать в городе коммунистический режим. Вся собственность была объявлена общей, что на практике означало оправдание грабежа. Стимулы к труду совершенно исчезли. Мюнцер был намерен расширить поле деятельности, провоцируя крестьянские восстания около соседних городов. Немецкие князья вступили в сражение с крестьянской армией и разбили ее. Мюнцер был взят в плен и после пыток казнен.

Дело Мюнцера было продолжено его учеником Гансом Хутом, который ранее работал переплетчиком [1]. Хут объявил себя пророком и предсказывал второе пришествие Христа в 1528 году. При его поддержке «святые» (сторонники Хута) должны были установить правление Хута на Земле, попутно отомстив попам и правителям. Но в 1527 году Хут был схвачен и убит. К 1530 году власти на юге Германии в основном расправились с коммунистическими фанатиками.

После поражения на юге Германии деятельность анабаптистских фанатиков сместилась на северо-запад, где в северной Голландии и Мюнстере распространился мельхиоризм – учение о втором пришествии в 1533 году, созданное странствующим проповедником

¹ Степаненко Е.А. Мюнцер // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2242298 (дата обращения: 27.09.2022); Томас Мюнцер // Thomas-Müntzer-Gesellschaft e.V. URL: <https://www.thomasmuentzer.de/ru/ru-thomas-muentzer/> (дата обращения: 27.09.2022).

Мельхиором Гофманом (род. ок. 1500 г. - ум. ок. 1543 г.)¹. Гофман родился в Халле в Швабии. Работал подмастерьем скорняка, странствовал с проповедями по северной Европе. Отличался миролюбием и призывал своих последователей воздерживаться от насилия. Для Гофмана была характерна апокалиптическая убежденность в неизбежности второго пришествия. Во время пребывания в Страсбурге в 1533 г. провозгласил себя пророком Илией, но был помещен в тюрьму местными властями, где и умер через 10 лет.

Бернхард Ротман (род. ок. 1495 г. - ум. ок. 1535 г.) родился в Штадтлоне в Вестфалии. После окончания школы работал учителем в Варендорфе, затем изучал гуманитарные науки в Майнце, где в 1524 году получил степень магистра. После дополнительного изучения богословия в Кельне стал продвигать реформистские идеи. Ротман проповедовал, что все имущество должно быть общим, и каждый должен получать по его потребностям. Во время правления в Мюнстере Яна Бокельсона был одним из его сторонников, написал ряд памфлетов. После падения его режима Ротман пропал без вести.

Ян Матис (род. ок. 1500 г. - ум. 1534 г.)² родился в Харлеме в Голландии. Работал булочником. Был осужден за ересь. После распространения мельхиоризма присоединился к этому движению, но после ареста Гофмана объявил себя истинным пророком и создал собственную доктрину. В отличие от выжидательной позиции Гофмана революционная доктрина Матиса предусматривала насильственное ниспровержение существующего строя. Для подготовки к этому Матис направлял своих сторонников в качестве миссионеров («апостолов»), чтобы они заново крестили всех согласных. В числе сторонников Матиса оказались Бернхард Ротман, Ян Бокельсон и Бернхард Книппердоллинг. В 1534 году анабаптистам удалось захватить власть в Мюнстере. Захват власти сопровождался разграблением города. Матис стал фактически диктатором в городе и начал реализовывать коммунистический эксперимент. Основная часть католиков и лютеран, не принявших анабаптизм, была изгнана из города, а их имуще-

¹ Гофман // Православная Энциклопедия. Т. 12. С. 236. URL: <https://www.pravenc.ru/text/546267.html> (дата обращения: 27.09.2022).

² Чистозвонов А.Н. Ян Матис // Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/21159/%D0%AF%D0%9D> (дата обращения: 27.09.2022).

ство конфисковано. Те, кто отказались покинуть город, были казнены. В ответ на это епископ Мюнстера, поддержанный правителями соседних городов, набрал армию наемников и начал осаду Мюнстерской коммуны. В самом Мюнстере началось обобществление всего имущества горожан, было запрещено денежное обращение и списаны все долги. Против несогласных проводились репрессии. Блага централизованно распределялись по решению диаконов – заместителей Матиса. Для борьбы с инакомыслием были сожжены все книги, кроме библии. Вначале борьба с осаждавшими Мюнстер наемниками епископа шла успешно; анабаптисты даже совершали успешные вылазки против осаждавших. В ходе одной из таких вылазок и погиб Ян Матис, самонадеянно возглавивший атаку на вражеский лагерь.

Ян Бокельсон (позднее ставший известным как Иоанн Лейденский) (род. ок. 1509 г. - ум. 1536 г.)¹ родился в местности около Лейдена. Работал учеником портного, женился на богатой вдове, но разорился после неудачного открытия собственного торгового дела. Был в числе апостолов Матиса. В 1534 г. Бокельсон женился на дочери Бернта Книппердоллинка, богатого торговца и предводителя гильдий Мюнстера, и заручился его поддержкой в деле захвата власти в Мюнстере. После гибели Матиса взял власть в городе в свои руки. Он сформировал новый городской совет из 12 старейшин из числа собственных сторонников, наделив их абсолютной властью над жителями города. Была введена система принудительного труда, по которой ремесленники работали бесплатно в интересах государства. Гильдии были распущены. Была введена смертная казнь за любое неповиновение. Было введено принудительное многоженство, которое обосновывалось подражанием образу жизни в древнем Израиле. Сам Бокельсон собрал себе гарем из 15 жен, включая вдову Матиса [1]. Бокельсон добился определенных успехов в противостоянии епископу, который был вынужден временно снять осаду с Мюнстера. В этот момент Бокельсон достиг верха могущества, провозгласив себя царем мира и мессией. Он и его приближенные начали носить роскошные одеяния и украшения. В то время как новоявленный царь и его приближенные жили в роскоши, прочим жителям города было

¹ Иоанн Лейденский // Православная Энциклопедия. Т. 24, С. 404. URL: <https://www.pravenc.ru/text/471346.html> (дата обращения: 27.09.2022).

предписано жить в условиях строгого аскетизма. Недовольным жителям было предложено следующее обоснование этого неравенства: Бокельсон имеет право жить в роскоши, потому что он расстался со всем мирским, и материальные блага для него не имеют ценности. Более того, после того как жители Мюнстера с божьей помощью завоюют весь мир, они также начнут обладать столь же значительным и равным богатством. Но армия епископа вскоре возобновила осаду. Бокельсон потратил много денег на неудачные попытки спровоцировать анабаптистские восстания в соседних городах. Осаждающая армия полностью блокировала город, что вызывало недостаток продовольствия и голод среди широких слоев населения. Бокельсон пытался успокоить народ лживыми обещаниями и популизмом. В городе были запрещены скопления народа. Для устрашения каждый день проводились казни. Но все это не помогло и, в конце концов, в 1535 году город был взят войсками епископа. Бокельсон, Книппердоллинк и другие анабаптисты были взяты в плен и после пыток казнены [1].

Подводя итог деятельности анабаптистских фанатиков, следует отметить их крайне низкий собственный вклад в развитие экономической науки. Опубликованные ими работы в основном посвящены религиозным и политическим вопросам. Многие из сторонников данного течения были малограмотными и больше стремились сжечь чужие публикации, чем опубликовать собственные. С другой стороны, воплощение их идей на практике в коммунистическом Мюнстере показало, каковы могут быть реальные последствия реализации социально-экономических утопий. Так же как и сторонники утопического социализма, анабаптисты Мюнстера позднее вызывали интерес у экономистов с социалистическими взглядами [2].

Список использованной литературы и источников

1. Ротбард М. Экономическая мысль: в 2 т. Т. 1. От Античности до Адама Смита. Москва; Челябинск: Социум, 2020.
2. Каутский К. История социализма: Предтечи новейшего социализма. М.: Академический Проект, 2013.

*Штанько М.А., г. Таганрог,
Таганрогский институт управления и экономики*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современных условиях все большее количество российских граждан склонны высказывать недоверие и недовольство существующей властью. Чаще всего, это недовольство не обусловлено определенными обстоятельствами, а выражает то ощущение, которое возникает у людей в связи с различными условиями и обстоятельствами, в которых они находятся.

Как правило, подобное понимание политических реалий обусловлено отсутствием научных знаний о политике и отражает обыденные представления о том, какой политики должна была бы быть. особый отпечаток накладывает и сравнение с советской политической реальностью, при этом, в процессе сравнения, забывается отрицательная характеристика советской политики и вспоминается только устоявшее выражение «везде был порядок».

Несмотря на то, что уже более четверти века российское общество живет в условиях демократического режима, сознание российских граждан по – прежнему остается тоталитарным. В нем отсутствует понимание того, чем же на самом деле является демократия, но есть устоявшее представление о том, что основной задачей государства является обеспечение благосостояния населения, а население при этом не должно предпринимать никаких активных действий.

Во многом, подобная проблема обусловлена низким уровнем политической грамотности, не позволяющей человеку дать объективный анализ существующей политической ситуации и осознать свою роль в этой ситуации. Население по-прежнему склонно требовать только от политических лидеров решительных действий, забывая о том, что демократический режим предполагает активные действия, в первую очередь, со стороны общества, т.е. «снизу». Неготовность, неспособность и непонимание того, каким образом надо реализовывать и защищать свои права приводит к политическому абсентеизму и постоянному обвинению в существующих проблемах

представителей власти. У большинства российских граждан отсутствует мировоззренческий индивидуализм, позволяющий им понять, что именно человек несет ответственность за свое настоящее и будущее, а отсутствие знаний, которые позволили бы им осуществлять деятельность, направленную на формирование этой ответственности, делает их политические решения бессмысленными.

Причины, по которым граждане предпочитают не углубляться в объективность политических ситуаций, много, но самая главная из них, на наш взгляд, – нежелание осознать собственные ошибки и признать личную ответственность за то, что происходит в настоящее время в государстве. Избавиться от этой проблемы возможно при условии активного вовлечения российского сообщества в систему политического образования. Начиная со средней школы, в рамках курса «Обществознание» необходимо формировать у подростков устойчивое понимание их роли в политике. Как утверждал Лао – цзы, *путешествие в тысячу ли начинается с первого шага* [1]. Фактически, первый шаг по пути формирования объективного понимания политики начинается именно в средней школе в рамках учебного курса «Обществознание, в котором один из его разделов – «Политика» включает в себя специальные знания о политическом мироустройстве. Не лишним будет включить ОГЭ и ЕГЭ по обществознанию в перечень обязательных экзаменов.

Кроме того, необходимо ввести в качестве обязательного семестрового курса в системе высшего образования курс «Политология», вот только преподавать его должны не историки, философы и переученные специалисты с высшим техническим образованием, а профессиональные политологи, которых в избытке выпущено в России начиная с 1991 года. Заканчиваться этот курс должен сдачей экзамена, а не зачета, что обеспечит более высокий уровень знаний.

П. Бурдье в одной из своих работ утверждал, что для того, чтобы человек жил по-другому, надо научить его думать по-другому [2]. Без специального политического образования думать россияне по-другому не будут, что, соответственно, будет приводить наше государство к постоянным политическим кризисам.

Список использованной литературы и источников

1. Дао дэ Цзин. Книга о Пути и Добродетели [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/le-czy/dao-de-czin-kniga-o-puti-i-dobrodeteli-sbornik/read/> (дата обращения: 15.10.2022).
2. Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bourdieu.name/bourdieu-opit-refleksivnoi-sociologii> (дата обращения: 15.10.2022).

*Шульга Д.П., г. Новосибирск,
Сибирский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ*

АКТУАЛЬНОСТЬ МНЕНИЯ Л.Д. ТРОЦКОГО ПО ПОВОДУ ГЕНЕЗИСА НЕОНАЦИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Эволюция системы управления в трёх крупных европейских постсоветских государствах, России, Беларуси и Украине дала различный результат. В РБ в 1994 г. к власти пришёл А.Г. Лукашенко, создавший стабильный авторитарный режим, позволивший сохранить значительную часть заводов на территории республики. В РФ в начале 2000 г. произошёл переход власти от Б.Н. Ельцина к В.В. Путину, взявшему курс на построение «суверенной демократии» [Чернышев, 2007]. В гораздо более сложной ситуации оказалась Украина. В Киеве с 1991 г. не оказалось достаточно сильной фигуры, способной вытеснить олигархат из политики. Возможно, одной из причин тому стали принципиально различные симпатии избирателей на правом и левом берегах Днепра. Также не следует забывать, что по мере деиндустриализации страны уровень жизни неизбежно падал, а остававшиеся крупные предприятия оказывались под контролем крупного бизнеса, который, таким образом, мог влиять на заметную часть населения.

«Евромайдан», по результатам которого президентом Украины стал олигарх П.А. Порошенко, серьёзно нарушил существовавший до селе четверть века баланс сил. Воссоединение Крыма с Россией, провозглашение ЛНР и ДНР существенно сократили количество избирателей в тех регионах, которые до сих пор были основой прагматич-

ных руководителей (президентов Л.Д. Кучмы и В.Ф. Януковича, премьер-министра Н.Я. Азарова). Придя к власти и разграничив сферы влияния, крупный капитал начал построение удобной для себя системы государственного правления. Важную роль в таковой играла и играет «улица», т.е. около-нацистские формирования.

В современном медиа-пространстве часто звучат различные версии по поводу причин, приведших к достаточно массовому распространению в пост-майданной Украине нацистской идеологии. Однако зачастую «за скобками» остаётся ряд важных моментов. Появление подобных организаций вполне соотносится с тем, что писали видные марксисты об ультраправых режимах Европы в 30-е годы. Очень актуальной и современной выглядит фраза Л.Д. Троцкого: *«Историческая функция фашизма состоит в том, чтобы громить рабочий класс, уничтожать его организации и подавлять политические свободы, когда капиталисты оказываются неспособными управлять и господствовать с помощью демократического механизма»* [Trotsky, 1934]. На наш взгляд, именно классовая суть и непосредственная связь с олигархическим капиталом является краеугольным камнем как классического нацизма, так и его украинской редакции. В этом смысле определение, данное РАН в 1995 г. выглядит куда более «внешним», не касающимся сути проблемы. Украинский пример показывает, что «предельный национализм» не мешает боевикам Азова, Правого Сектора и иных экстремистских организаций быть на содержании олигархов еврейского, татарского или смешанного происхождения. Этот феномен, однако, совершенно не удивителен, если рассматривать украинский неонацизм с марксистских позиций.

Список использованной литературы и источников

1. Чернышев А.Ю. Классовое и национальное в концепции «суверенной демократии» // Новые идеи в философии. 2007. № 16. С. 366–371.
2. L. Trotsky. Fascism: What It Is and How To Fight It (Раздел: The Collapse Of Bourgeois Democracy, 1934). URL: <https://www.marxists.org/archive/trotsky/works/1944/1944-fas.htm>. Дата обращения 20.09.2022.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Авакян Г.С., Ростов-на-Дону,

Южный федеральный университет

*Научный руководитель: Поцелуев С.П., доктор политических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии,*

Южный федеральный университет

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: ЗАКАВКАЗСКИЙ КЕЙС

Начиная с 1991 года, в постсоветских государствах Закавказья (Азербайджанская Республика, Грузия, Республика Армения) ведется своя политика памяти (*politics of memory*), которая выражается в принятии законов, в контроле над средствами массовой информации, в системе образования, в символической политике, в создании музеев, памятников, монументов и мемориальных комплексов и использовании других методов. Политика памяти – это одна из областей символической политики, в которой, согласно Бурдье, производится «ретроспективная реконструкция прошлого при применении потребности настоящего» [1]. Предметом данного исследования является реализация механизмов политики памяти в государствах Закавказья.

Азербайджан признает себя в качестве правопреемника своей первой республики 1918-1920 годов. Советская эпоха, а также период, когда территория современного Азербайджана входила в состав Российской империи, оцениваются негативно. В частности, это фиксируется в Конституционном акте «О государственной независимости Азербайджанской Республики» [2].

Есть еще турецкие исследования, изучающие политику памяти в Азербайджане, в частности, анализирующие преподавание истории. Согласно исследованию Ясемин Килит Аклар, преподавание истории в Азербайджане нацелено на воспитание ненависти и чувства национального превосходства в отношении русских, армян и иранцев [3].

Мемориальная политика в Азербайджане имеет цель в виде формирования новой азербайджанской идентичности. Прodelывает-ся огромная работа в сфере политики памяти, нацеленной на «удрев-ление» азербайджанской истории и доказательство автохтонности азербайджанцев в этом регионе. Это, безусловно, задевает и армян-ское культурное наследие, оставшееся под контролем азербайджан-ской власти, оно подвергается либо уничтожению, как, например средневековое армянское кладбище в Джульфе, либо «албанизации» [4], т.е. причислению к культурному наследию Кавказской Албании.

Важными сюжетами мемориальной политики Азербайджана являются эпизоды Карабахской войны. После окончания Второй Ка-рабахской войны в Баку был открыт «Парк трофеев», в котором при-сутствовала захваченная военная техника Армии Оборонь Нагорного Карабаха, изуродованные манекены, олицетворяющие армянских сол-дат, окопы, траншеи, каски погибших солдат, а также их экипировка.

Грузия, как и Азербайджан, признает себя в качестве преемника своей первой республики. Главный праздник в стране сегодня – 26 мая, День независимости. В этот же день 1918 года было принято решение и объявлено о распаде Закавказской Демократической Фе-деративной Республики, а после зачитан Акт о независимости Гру-зии. В современном «Акте о восстановлении государственной неза-висимости Грузии» упоминается сперва «аннексия» со стороны Рос-сийской империи, а далее «оккупация путем вооруженной агрессии» грузинского государства со стороны Советской России.

9 апреля считается «Днём национального единства, граждан-ского согласия и памяти погибших за родину в Грузии». В этот день в 1989 году был разогнан митинг в Тбилиси, одним из лидеров которо-го был Звиад Гамсахурдиа. Во время демонстрации использовались антисоветские, антикоммунистические и антироссийские лозунги [6] . «День советской оккупации», 25 февраля – тоже значимая дата в рамках реализации политики памяти Грузии. В этот день 1921 года Красная армия вступила в Грузинскую Демократическую Республику. Это памятная дата утверждена относительно недавно, указ об утвер-ждении парламентом Грузии был принят 21 июля 2011 года. С 2011 года 25 февраля во всех административных зданиях Грузии государ-ственный флаг приспускается. Такие акции обозначают, как правило,

траур. Вместе с этим объявляется минута молчания. В Грузии с 2006 года существует Музей советской оккупации. Он является частью Национального музея Грузии и посвящен эпохе, когда Грузия была под советской властью, жертвам политических репрессий и деятельности националистических движений на территории Грузинской Советской Социалистической Республики. Подобные музеи существуют также в Украине, Латвии, Литве, Эстонии и Узбекистане.

Политика памяти в Армении выстраивается в русле древности армянского народа и государства. Большое внимание уделяется периоду Великой Армении, правления Тиграна Великого, принятия Христианства, борьбы за право быть христианами, а также армянского национально-освободительного движения.

Важным фрагментом мемориальной политики является Геноцид армян. Каждый год 24 апреля армяне всего мира проводят мероприятия ко Дню памяти жертв Геноцида армян в Османской империи. Существует большое количество мемориальных комплексов по всей Армении, самый значимый из них – Цицернакаберд (ласточкина крепость). Есть Музей-Институт Геноцида армян. Политика признания и осуждения Геноцида армян зафиксирована в ряде документов и нормативно-правовых актов. В декларации о независимости Республики Армения есть целый пункт под номером 11, согласно которому Армения способствует международному признанию геноцида армян 1915 года [7].

Принятие христианства, христианская культура – это важнейший аспект и сюжет в мемориальной политике и коллективной памяти армянского народа. Принятие и сохранение христианской веры – это объект гордости для армян. Церкви удалось сохранить армянскую самобытность, письменность, и она до сих пор выполняет данную функцию. В Конституции страны есть статья, которая признает исключительную миссию ААЦ в развитии культуры и сохранении армянской идентичности [8]. Вспомним также слова одного из известнейших армянских полководцев Вардана Мамиконяна: «Кто мнил, что мы носим христианство, как одежду, ныне не может заставить сменить ее, как и цвет кожи» [9].

Историческая политика в государствах Закавказья тесно связана с различными факторами. В первую очередь, с использованием ис-

торической памяти в качестве ресурса конструирования идентичности новообразованных «политических наций». Во вторую очередь формирование исторической политики сталкивается с влиянием текущих геополитических реалий и обстоятельств. Политика памяти – важная сфера взаимодействия общества и государства. На примере изучения ее реализации в государствах Закавказья можно прийти к выводу о том, что влияние политики памяти очень значимо, и что спектр ее последствий весьма широк, начиная от формирования национальной идентичности и заканчивая позицией и субъектностью государства на международной арене. Все представленные механизмы политики памяти мы наблюдаем сегодня в реальной жизни. И на каждого человека, проживающего на территории Азербайджана, Грузии и Армении, все эти методы ведения мемориальной политики так или иначе оказали влияние.

Список использованной литературы и источников

1. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-kak-oblast-simvolicheskoy-politiki> (дата обращения 14.10.2022).
2. Акт О государственной независимости Азербайджанской Республики / URL: <http://nurlu.narod.ru/ARMA.htm> (дата обращения 10.10.2022).
3. Yasemin Kilit Aklar (Kocaeli University). The Teaching of History in Azerbaijan and Nationalism, 2005
4. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с. ISBN 5-946280118-6
5. Акт о восстановлении государственной независимости Грузии / URL: <https://constitutions.ru/?p=5921> (дата обращения 10.10.2022).
6. Кречетников А. Тбилиси-89: «Ночь сапёрных лопаток» (рус.), «Русская служба Би-би-си» // news.bbc.co.uk (дата обращения 10.10.2022).

7. Декларация о независимости Армении / URL: <https://www.gov.am/ru/independence/> (дата обращения 10.10.2022).

8. Конституция Армении URL.: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus#1> (дата обращения 10.10.2022).

9. Евстратов А.Г. Вардан Мамиконян – армянский рыцарь без страха и упрека URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/vardan-mamikoyan-a-knight-without-fear-and-reproach> (дата обращения (дата обращения 10.10.2022)).

*Акопян А.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Тупаев А.В., кандидат политических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НОВОЙ ВОЙНЫ В НАГОРНОМ КАРАБАХЕ: АНАЛИЗ ОПЫТА ПРЕДЫДУЩЕГО СТОЛКНОВЕНИЯ И ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ В БУДУЩЕЕ

Большой проблемой для Закавказья остаётся неразрешимость Карабахского конфликта и продолжающаяся конфронтация, в которой отмечается усиленное давление на Армению, уже в рамках её собственных суверенных границ. Для понимания того, когда может начаться новый конфликт для его прогнозирования нужно, в первую очередь, обратиться к прошлому опыту и рассмотреть предпосылки к началу Карабахской войны 2020 года. События тех лет показали, что война произошла в условиях общей геополитической турбулентности. Факторы, способствовавшие росту напряжения можно выделить следующие: а) внутренняя политика Армении и Нагорного Карабаха б) внутренняя политика Турции и Азербайджана в) общемировая обстановка г) положение стран Минской группы ОБСЕ. Если рассматривать ситуацию 2020 году с позиции этих четырёх факторов, то выстраивается следующая картина:

А) Политическая среда Армении. К началу войны резка возросла легитимность властей Армении в связи с июльскими столкновениями на армяно-азербайджанской границе, которые закончились в пользу армянских властей. Правительство, пришедшее к власти путём Бархатной революции в 2018 году и активно обвинявшееся оппозицией в планах по сдаче Арцаха, получило своё первое “боевое крещение”. Впервые революционная власть наградила солдат орденами, а один из участников столкновения впервые с 90-ых годов получил звание “Национального героя”. Аналогичным образом в НКР, за несколько дней до начала войны президент Араик Арутюнян объявил о возможном переносе столицы из Степанакерта в Шуши, символическом городе для армян и азербайджанцев. Параллельно этому, в Азербайджане произошла отставка министра иностранных дел Мамедъярова и резким образом усилилась критика деятельности правительства. Подобное различие в легитимности властей оказалось угрозой для Азербайджана, учитывая также, что правительство Пашиняна с 2018 года попыталось изменить переговорный процесс, включив туда НКР, как это было в начале 90-ых, в попытки реституции доминирующего переговорного положения Армении.

Б) Политическая среда Турции и Азербайджана. С одной стороны, пандемия коронавируса значительно ослабила как Турцию, так и Азербайджан. Однако к этому прибавились и дополнительные внешние факторы. Произошёл очередной спад курса турецкой лиры и ухудшение американо-турецких отношений, в том числе в связи с признанием ещё в 2019 году Сенатом США геноцида армян, а также на фоне усилившегося кризиса в отношениях с арабским миром (в частности, Египтом и Саудовской Аравией) на протяжении 2019-2020 гг. Мало того, обе арабские страны использовали тему геноцида армян как средство давления на Турцию (как те же саудиты поддержали резолюцию о признании геноцида, профинансировав её в Сенате). В Азербайджане лето сопровождалось высокой температурой и высушиванием главной водной артерии, реки Куры, в котором также обвинялась коррупционность властей, причём это имело место накануне июльских столкновений. Таким образом, вопрос усиления доверия общественности к властям встал на повестку обеих стран, в то время как что внутренние, что внешние отношения Армении испытывали виток развития.

В) Общемировая обстановка. Пандемия коронавируса сама по себе стала мировым трендом и значительным образом обеспечила информационную тишину касаясь Карабахской войны, которая освещалась в значительной степени скупой, в отличие от многих других конфликтов подобных масштабов в современности. Национальные государства были более заинтересованы в международной изоляции и ликвидации последствий пандемии.

Г) Позиция вовлечённых в регион стран. Минская группа ОБСЕ в полном своём составе оказалась в невыгодном для Армении положении. В отношениях с Россией наблюдалось определённое охлаждение в связи с недоверием к революции, утверждаемыми связями некоторых представителей новой власти в прошлом с западными фондами, арестом представителей бывших властей, имевших тесное сотрудничество с российскими властями и многими другими последствиями трансформаций после 2018 года. Накануне войны опубликованные на сайте покинувшего Россию оппозиционера Ходорковского сведения указывали на наличие “российской агентуры” среди властей Армении. Глава Службы Нац. Безопасности Армении Аргишти Кярамян за неделю до войны заявил о проведении расследования на эту тему, что не могло не быть воспринято негативно (в октябре он уже был отправлен в отставку). Что касается второго члена группы, США, то на тот момент страна была занята избирательным процессом и смогла отреагировать лишь в январе-феврале 2021 года, когда война уже завершилась. А третий член группы ОБСЕ, Франция, на момент конфликта вновь попала в поле дискуссий касаясь миграционной политики (рост исламофобии во Франции вырос за 2020 на 52 % согласно CNCNDN), что автоматически усложнило возможности Франции поддерживать Армению в конфликте, которому часто приписывали религиозный контекст. Таким образом, все члены Минской группы ОБСЕ оказались недееспособны или в трудных отношениях с Арменией, чтобы привести к однозначному давлению на Азербайджан-Турцию.

Отсюда можно заметить, что началу Карабахской войны 2020 года способствовали значительные изменения и процессы в политике Армении, Турции и Азербайджана, а также общемировая обстановка и позиции стран, регулирующих переговорный процесс.

К 2022 году существует возможность на основе этой схемы спрогнозировать предпосылки к началу нового витка масштабного

конфликта. На данный момент триада Россия-Франция-США во многом видоизменилась в формате Россия-Иран-Турция. Легитимность армянской власти подвергнута жёсткому спаду, в то время как в Азербайджане и Турции ситуация также приближается к новым внутривполитическим кризисам (в частности, в Азербайджане развивается недовольство касаво низких или отсутствующих социальных пособий семьям погибших и инвалидов в войне, а также до сих пор взятые территории Карабаха остаются незаселёнными).

Недавний визит Нэнси Пелоси в Армению и поддержка армян от президента Франции Эммануэля Макрона показывает на активизацию абстрагированных от событий 2020 года “Франции-США” в новых условиях, в том числе в связи с усилением критики российского присутствия в Армении и Арцахе. Следуя логике анализа Карабахской войны 2020 года, можно говорить о следующих процессах:

А) Политическая ситуация Армении. Правительство Армении на данный момент очевидным образом ищет дополнительных партнёров для усиления своей переговорной позиции и защиты территории Республики Армения от посягательств Азербайджана. Усиливается критика ОДКБ в связи с отсутствием поддержки страны в связи с вторжением азербайджанских войск на территории самой Армении. Также Армения впервые подписала крупный контракт с Индией на закупку вооружения, дав старт диверсификации военных закупок. Протестное движение в стране достаточно слабо, отчего можно лишь прогнозировать возможную радикализацию нынешних армянских властей или же, минимум, стремление к сохранению нынешнего статуса-кво, неудовлетворяющего Азербайджан. Кроме того, за эти два года Азербайджан так и не добился целей по созданию “Зангезурского коридора” в Нахичеван через территорию Армении, что удваивает потенциал к конфликту.

Б) Политическая ситуация Азербайджана и Турции. Курс лиры в сентябре 2022 года вновь приблизился к историческому минимуму. Страна так и не разрешила основные для себя вопросы касаво подавления курдского партизанского движения у себя, в Ираке и в Сирии; продолжает активный конфликт с Грецией; усиливает отношения с Россией, ухудшая их со странами Европы и НАТО. Аналогичным образом, Азербайджан не решил для себя основные послевоенные задачи, не добившись новых крупных уступок от Армении (коридор,

передача анклавов, демаркация границ стран), а также наблюдая сохранность российского миротворческого контингента на оставшихся территориях НКР. В общей перспективе конфликт не был разрешён, этническая напряжённость не снята, а социо-экономические явления в Азербайджане продолжают способствовать усилению напряжения. Война превращается в средство мобилизации масс и отвлечения от внутренних проблем.

В) Общемировая обстановка. На данный момент, новым мировым инфоповодом является проведение Россией СВО в Украине. Данный сюжет затуманил многие другие процессы, в том числе и в Нагорном Карабахе, для мировой общественности. Данный пример показывает, что в современности вполне очевиден феномен активизации “инфоповодов”, становящихся главной мировой повесткой на определённый период. Малым примером подобного был визит Пэло-си в Тайвань, на время заставивший огромную часть населения при-мкнуть к экранам телевизора в ожидании возможной войны. Следова-тельно, данные инфоповоды могут многократно проявляться и ис-пользоваться для прикрытия любых иных конфликтов. Кроме того, стремление к изоляции России также отражается и на Армении, ассо-циированной как союзник и партнёр страны.

Г) Позиция вовлечённых в регион стран. В связи с широтой но-вых и старых акторов в Закавказье, обусловленных резким измене-нием положения в 2020 году, данный фактор следует разделить на четыре составляющих:

1. Положение России. Любые процессы в рамках СВО тут же от-ражаются в Закавказье: сентябрьские обстрелы Сюника – после со-бытий на Харьковском фронте; августовские обстрелы – после попы-ток Херсонского контрнаступления украинцев; ещё до этого апрель-ское взятие сёл – в первый тяжёлый период, когда стало понятно, что столкновение будет затяжным. Параллельно реакции на успехи Рос-сии, происходит усиление позиций Турции, которая становится всё большим партнёром России, особенно на фоне подрыва Северного потока-1 и 2, а отсюда поисков альтернативах путей доставок через Турцию. Это также будет отражаться на карабахском процессе, где у Эрдогана появляется больше возможностей для давления.

2. Положение Ирана. Он не поддерживает попытки азербай-джанцев лишить их стабильной армяно-иранской границы и укре-

питься в Сюнике в рамках “Зангезурского коридора”. Ирану важна связь с Россией в рамках крупных экономических проектов (в которых участвует также Индия и Китай), так что Армения здесь воспринимается в общем экономическом поле, как союзник России. Особенно улучшаются отношения между странами на фоне закупок РФ иранских беспилотников. Тем не менее, пока что Турция остаётся важным партнёром страны, а Азербайджан для Ирана всё-таки шиитская страна и сфера влияния. Последняя не довольна политикой Ирана в карабахском процессе, однако на данный момент конфликт не выходит за рамки экономического.

3. Положение стран Запада. Усиление конфликта с Турцией и Россией делают из Запада некую альтернативу им в переговорном процессе. Кроме того, у армян сохраняется ресурс диаспоры в этих странах, однако сильные связи Армении и армянской власти с Россией однозначно отодвигают возможности западного лоббизма на задний план. Тем не менее, США и Франция навряд ли обеспечат признание НКР, однако могут закрепить суверенность границ хотя бы самой Армении. Эти дискуссии имеют место в оппозиционной армянской среде и неспроста на фоне затяжной ситуации в Украине США пытаются восстановить формат, при котором только они с Россией и Францией были участниками процесса. Кроме того, на Запад у Азербайджана куда меньше возможностей политического давления в нынешней ситуации.

4. Новые игроки. Таковым очевидно становится Индия, подписав контракт с Арменией на продажу оружия, а также гипотетический Китай, в связи с его интересами в усиление торговых связей между Ираном и Россией в составной части торговых путей в Китай.

Следовательно, для Азербайджана удачным политическим раскладом будет следующий расклад касемо последнего фактора, так как он, на мой взгляд, на данный момент играет более актуальную роль, чем остальные, в связи с аморфностью внутренней жизни в Армении и классическими мотивами турко-азербайджанской внутренней политики. Это: а) ослабление России и усиление Турции; б) абстрагирование Ирана; в) отсутствие западного влияния в Армении г) отсутствие новых политических игроков. В случае соблюдения этих критериев в один момент вкупе с озвученными тремя факторами,

можно будет констатировать очевидное усиление эскалации и новый виток, в попытке окончательно разрешения конфликта.

Список использованной литературы и источников

1. Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение // ИМЭМО РАН. 2020. № 2 (59).
2. Юматов К.В. Политика Европейского союза на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 года // Вестник КемГУ. 2022. № 1 (89).
3. Чолахян В.А. Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2021. № 3.
4. Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника "Россия-Турция-Иран" // Мировая политика. 2021. № 3.
5. Гладкин Ю.А. Ирано-азербайджанские отношения: посредничество Ирана в решении проблемы Нагорного Карабаха // Научный журнал. 2018. № 4 (27).

*Artem A. Astvatsaturov, Rostov-on-Don,
Southern Federal University
Academic Supervisor – Radmila S. Airiyan,
PhD in History, Associate Professor, Southern Federal University*

ROLE OF THE HYPERSONIC WEAPONS IN MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS AND NEW SYSTEM OF NUCLEAR DETERRENCE

Hypersonic weapons are part of the new type weapons of the mass destruction, which can afford on the stability in the world. Some scholars of strategical stability claim that hypersonic weapons might be an instrument in era of "hybrid war" and destruct the objects of military infrastructure [1]. In 2019 year apart from Russia and the USA also People's Republic of China stated that Chinese military agency successfully tested hyper-

¹ Speier Richard H. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017.

sonic middle-range missiles “DF-17 [1]”, what created more public attention to the process of armament of this type of WMD in the field and area of strategical stability. Also, the North Korea in 2021 year stated about testing their hypersonic weapons. For our opinion, these steps created the main role in strategical stability of the process of armament hypersonic technologies around the relations between centers and peripheries.

Hypersonic weapons made up by two types of new type of strategics nuclear arms: hypersonic cruise missiles and hypersonic glide vehicles [2]. The second variation the most popular decision in world military trends and engineers just link HGV with launch vehicle like Russian HVG “Avangard”, which linked with intercontinental ballistic missile – RS-28 “Sarmat [3]” with range up to 18.000 kilometers. Hypersonic weapons have a capacity to maneuvering in limited distance over the Earth. Consequently, no one modern missile defense system can radar and recognize the hypersonic weapon by the high speed of hypersonic weapons (hypersonic weapons can reach a speed of 27-28 Mach) and possibility to maneuvering in the zone of low Earth orbit. By this cause hypersonic weapons have a key role in the sphere of strategical stability as the most dangerous WMD.

Key-players pointed in history of international relations and history of the “cold war” that nuclear weapon is the instrument deterrence for creating in world politics balance of powers and not to let one player in international area used WMD to destruct each other. That is one of the most effectiveness formulas of creating stability environment in “cold war” and post-cold war eras. Also, there is another one principle in strategical stability about using nuclear weapons – maneuvering in the edge of war. This principle was suggested by the U.S. SECDEF in 1961-1968 years Robert McNamara, whose conception is aimed to play with other players in world politics on the principle of intimidation by using especial weapon and of-

¹ Tracy C. L. and Wright D. ‘Modeling the performance of hypersonic boost-glide missiles’, *Science & Global Security*, vol. 28, no. 3 (2020), pp. 137 and 147–48.

² Fomin V. M., Aulchenko S. M. and Zvegintsev V. I., ‘Skip trajectory flight of a ramjet-powered hypersonic vehicle’, *Journal of Applied Mechanics and Technical Physics*, vol. 51 (10 Aug. 2010).

³ Podvig P. “Avangard system is tested, said to be fully ready for deployment,” Russian Strategic Nuclear Forces blog, December 26, 2018, http://russianforces.org/blog/2018/12/avangard_system_is_tested_said.shtml, and Michael Kofman, “Russia’s Avangard hypersonic boost-glide system,” Russia Military Analysis, January 11, 2019, <https://russianmilitaryanalysis.wordpress.com/2019/01/11/russias-avangard-hypersonic-boost-glide-system/>.

ten WMD [1]. The main task – not to show other key-players a feeling of fear and make offensive side to leave the game of armament weapons and bluffs. This McNamara's conception was effective but in new building multipolarity era players' actions have a huge number of differences. In modern political situation in international area hypersonic weapons can take a role of nuclear weapons by capacity of using nuclear warhead and new type WMD – non-nuclear strategic weapon (next – NNSW). Hypersonic weapons like Russian "Avangard" reach a speed of 27 Mach and by the capability to reach a huge speed created a big hit wave, which can destruct the military infrastructure objects without the nuclear warhead equipment. We point that SNWs are type of instrument of maintain the world sequence to using some elements of applied theory of war to show the readiness for another side in international politics. It is transition element above the McNamara's theory and conception of anarchistic IR system. In other words, by our assumptions, there is a world policy situation where sides of this system refused from idealist of liberalism in IR conception about possibility to create a cooperation with actual refusing from war mechanism and situation of attempts to devastate world sequence by offensive actions. NNSWs can be used to destruct the military installations for realization strategy of "hybrid war" to devastate objects of decision-making and logistic for dropping the elements in military system. Hence, role of hypersonic weapon and especially NNSW caused by taking off in offensive side's army structure integrity principles of unity of command and integrity in real war actions. We state the main aim in using NNSW is to create an entanglement for putting a wedge opposite side in a war.

For our site, opinion about offensive and attack role of own troops and using nuclear weapons to destroy opposite side's land at all is outdated by the factor in strategical stability agenda of armament not heavy IC-BMs with a huge loadout but maneuvering, swift, lightweight, precision-guided missiles. This can tell us about tendency to use new type WMD to control situation in major theater of war for command-and-control elements of unity of opposite side. We must state the in modern warfare area NNSW can be an instrument of "hybrid war" by its precision-guided char-

¹ McNamara R. C. In retrospect: the tragedy and lessons of Vietnam. NY: Vintage Books Publ., 1996. 518 pp.

acter and capability to reconnaissance and NNSW can be key-part of order of a battle.

Another aspect in case of modern strategical stability agenda is a system principle in modern IR and in the field of nuclear deterrence. Exact system of deterrence can formulate position on arms control by the understanding the conception of functioning elements in that system. By this case Russian scholars in international security policy V. A. Veselov and A. V. Lis created a theory of central and periphery nuclear deterrence, which caused that in the field of strategical stability there are two types of players: centers, which represented by most influence key-players and control and maintain a balance of powers, and peripheries, which are controlled by these central players. This theory strictly shown the right way in the strategical stability about system of deterrence but in contemporary world politics this theory and formation cannot demonstrate type of scheme of actors' actions by the enhance of multipolarity in international relations and character of today system of strategical security as the nuclear polycentricity. North Korea shown the world community that this non-influent on world politics and its processes state has an authority to became a [art of the system of strategical stability with role of centers. The North Korea has big and powerful nuclear arsenal and cannot be controlled and deterred by China, but it is impossible to have 2 centers in geostrategic region by the V. A. Veselov and A. V. Lis theory, so in new multipolarity era it is needed to formulate new conception of role of strategical stability and its elements.

Hence, we may suggest principles of new formation to the new theory of role of states' nuclear powers and system of strategical stability:

1) In contemporary system of international security there are no centers and no peripheries. Every element in system of international security makes policy of strengthen own national and regional security and elements in that system are characterized as subjects deliberately wish to the retaliation for getting more positive reputation among own allies. Consequently, modern system of strategical stability and nuclear deterrence has anarchistic character and by this reason there are only elements of new system with no roles of players in there.

2) All elements in system mutually depend on each other's and no one can control arms armament agenda.

3) New building system is developing by circumstances, which created only by elements of system. For each element there are no boundaries in prism of system of strategical stability.

4) Only “effect of attrition” can influence on differentiation on the system processes and elements’ relations. “Effect of attrition” is creating unintended contingencies what can afford on the differentiation on the structure system.

In conclusion, hypersonic weapon has a key role in contemporary international relations by its possibility of ensuring swift attack on the lines of logistics in warfare as the NNSW without using nuclear power and its capacity. This is creation to new using WMD as the political disorienting tool and military structure determining. In this paper was mentioned that hypersonic weapons in role of NNSW can create entanglement in modern warfare. The main aim for hypersonic weapons is not to devastate 60% of Earth, the main aim of this new type of WMD is to control-and-command parts of directorate in warfare to disorient opposite side. It is the instrument of political control to manipulate and direct the especial way in the conciliation of war or in warfare actions. Apart from that, was claimed the new elements of system of strategical stability with elements of mutual control each other for functioning as the elements of this system.

References

1. 6 TsNII MO RF – 55 let, *Voennaia mys’*, No. 11, 2017.
2. Veselov V.A., Liss A.V. Nuclear deterrence. Moscow: Maks Press, 2005. pp. 22–39.
3. Speier Richard H. Hypersonic Missile Nonproliferation: Hindering the Spread of a New Class of Weapons. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017.
4. Tracy C. L. and Wright D. ‘Modeling the performance of hypersonic boost-glide missiles’, *Science & Global Security*, vol. 28, no. 3 (2020), 189 pp.
5. Fomin V. M., Aulchenko S. M., and Zvegintsev V. I., ‘Skip trajectory flight of a ramjet-powered hypersonic vehicle’, *Journal of Applied Mechanics and Technical Physics*, vol. 51 (10 Aug. 2010).
6. Podvig P. “Avangard system is tested, said to be fully ready for deployment,” Russian Strategic Nuclear Forces blog, December 26, 2018, http://russianforces.org/blog/2018/12/avangard_system_is_tested_said.s

html, and Michael Kofman, "Russia's Avangard hypersonic boost-glide system," Russia Military Analysis, January 11, 2019, <https://russianmilitaryanalysis.wordpress.com/2019/01/11/russias-avangard-hypersonic-boost-glide-system/>.

7. McNamara R. C. In retrospect: the tragedy and lessons of Vietnam. NY: Vintage Books Publ., 1996. 518 pp.

*Бадминова А.С., г. Ростов-на-Дону,
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель: Кондратенко Е.Н.,
кандидат политических наук, доцент,
Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АБСЕНТЕИЗМА КАК МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Одним из важнейших принципов демократического государства является предоставление каждому гражданину права на участие в свободных, честных и регулярно проводимых выборах. Однако важной проблемой в современной России является делегитимизация власти. Это выражается в народном недоверии политической системе, непризнании власти обществом. В настоящее время все большую популярность приобретает термин "абсентеизм" – (лат. *absens* (*absentis*) отсутствие)– уклонение от политического участия, политическая апатия [1; с.115].

Согласно теории политического участия У. Милбрайта, абсентеизм, как форма политического протестного поведения, является конвенциональной формой с отсутствующей активностью. Однако было бы неправильным относить абсентеизм к некой форме протеста. Ученые выделяют два вида политического неучастия: пассивный абсентеизм и активный абсентеизм. Причиной первого является низкая политическая и правовая культура определенных слоев населения, которая, в свою очередь, порождает неосознанное безразличие к политическому процессу. Активный абсентеизм проявляется в сознательном отказе от участия в выборных процедурах по каким-

либо политическим мотивам [2; с. 043–045]. Стоит отметить, что именно активная форма уклонения вызывает наибольший резонанс в российском современном обществе.

Причины пассивного политического поведения и отказа от осуществления своего избирательного права, разнообразны, и часто варьируются от одной электоральной группы к другой. Так, выделяя возрастные особенности абсентеизма, можно проследить прямую зависимость - старшее поколение более активно принимает участие в политической жизни страны, среди молодого поколения активно прослеживается тенденция к абстрагированию от выборных процедур и недоверию к власти в целом.

С точки зрения психологического подхода (бихевиорального) учеными выделяются следующие причины политического отчуждения: низкий уровень правовой компетенции, оставшиеся рудименты культуры подданничества (привычное состояние ожидания обещаний и отсутствие понимания, что улучшение жизни - результат деятельности граждан с активной позицией); семейный абсентеизм (весомость мнения старшего поколения и приверженность его точки зрения); неконформизм как форма несогласия (приверженцы этой идеологии противопоставляют себя существующей политической системе, выражая протест через бунты, восстания, революции и т. д.) [4; с. 156–157].

Исторические особенности также значительно повлияли на психологию политического поведения населения нашего государства. В императорской России правом избирать обладала лишь привилегированная часть населения, примером тому являются выборы в Государственную думу в 1907 году. Избирательный ценз ограничивал отдельные группы населения, что порождало развитие незаинтересованности и неучастия в выборных процедурах. В Советской России, наоборот, высокий уровень участия обеспечивался авторитарными методами, коллективистские ценности играли важную роль в установлении высокой явки на выборах.

Однако стоит отметить, что приверженность абсентеизму зависит не только от вышеуказанного, но и от личности человека. Говоря о пассивности, стоит рассмотреть этот термин в рамках психологии. Пассивность - (лат. *passivus* – недейтельный) - свойство личности,

противоположное активности и имеющее ряд проявлений: бездеятельность, безразличие, безучастность, безынициативность, безволие, несамостоятельность [5; с. 115]. Эти качества существенно влияют как на принятие решений в обыденной жизни, так и на вовлеченность в политическую жизнь общества. Выбирая отказ от участия в силу своего характера, осознанно или неосознанно, эта категория людей лишает политического веса свой голос на выборах и поднимает проблему делегитимизации власти. Как следствие, с каждым годом, в течение последних двадцати лет, мы наблюдаем постепенно падающий процент явки на выборах и растущий процент людей, не доверяющих политикам.

Как же избавить государство от “абсентеистического синдрома” граждан? В некоторых странах, например, в Бельгии, Австралии и Бразилии лица, не участвовавшие в голосовании и не предоставившие оправдательных документов, подлежат штрафу. Однако применение таких методов относительно нашей страны только усугубит ситуацию, ведь человеку, который придёт на выборы из-за нежелания платить штраф, с большей вероятностью будет все равно за кого отдавать свой голос. Таким образом, проблема делегитимизации не решится и только ухудшатся отношения государства и народа.

Для повышения доли участвующих в политике, государственным органам необходимо начать с образовательной сферы, ведь, как отмечалось выше, именно у молодежи самый большой процент абсентеизма. Различные мероприятия, связанные с политикой, открытые уроки и в целом повышение электоральной культуры поможет повысить интерес подрастающего поколения к выборным процедурам. Молодые люди должны понимать, что нельзя изменить что-то в стране при помощи электората без его непосредственного участия [6; с. 5–12]

Большинство граждан-абсентеистов часто выбирают уклонение от выборов из-за “подбросов” бюллетеней и отсутствия реальных результатов выборов. Электронное голосование на выборах в Государственную думу 2021 года, являющееся новой технологией, повысило явку, и, казалось бы, должно было снизить уровень недоверия граждан к избирательной комиссии, но этого не произошло, потому что наблюдатели и члены комиссии были лишены объективной информации, необходимой для подсчета голосов и проверки правиль-

ности установления итогов голосования. Необходимо усовершенствовать систему удаленного голосования, предоставив возможность наблюдателям и членам избирательной комиссии проверить, голосовали ли избиратели сами, все ли электронные выписки из оригинальных бюллетеней, отображаемых на экранах устройств избирателей, попали в систему, были ли они обработаны без ошибок. И в этом случае большее количество людей будет поддерживать и выбирать электронное голосование в качестве формы участия в выборах.

Вывод. В настоящее время в нашей стране остро стоит вопрос политического абсентеизма, и достаточно большое число граждан выбирают “отчуждение” именно из-за психологических факторов. Облегчить ситуацию в стране поможет осознание каждым гражданином своей причастности к реальным результатам выборов, доверие к выборным процедурам и сохранение демократизма политической системы.

Список использованной литературы и источников

1. Глоссарий по политической психологии. -М: РУДН. 2003.
2. Беляев А.Ю. Тенденция абсентеизма в современном российском обществе / А.Ю. Беляев, Е.Н. Тарасов // Власть. 2013. № 5. С. 043–045.
3. Сова О.Н. Нонконформизм как психологический, политический и культурный феномен / О.Н. Сова // Чтения памяти профессора Евгения Петровича Сычевского : Сборник докладов, Благовещенск, 09 февраля 2008 года / Отв. ред. А.И. Донченко. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2008. С. 152–165.
4. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. М. Высш. шк. 1984.
5. Баскакова Ю.М. «Мы эту власть не выбирали»: абсентеизм на выборах 2011–2012 гг. //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. No 5. С. 5–12.

*Бартенев С.В., г. Москва,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель: Тураев А.В., кандидат политических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ В.В. ПУТИНА

Геополитические амбиции и агрессивная политика ведущих мировых держав породили масштабнейший военный конфликт в Европе, подобных которому не было со времён окончания Второй мировой войны. Начавшийся в конце 2021 года кризис, вызванный расширением НАТО на Восток и последовавшей за тем реакцией российского руководства, перерос в силовое противостояние России, с одной стороны, и существенной частью Западного мира, именуемой «Коллективным Западом», с другой.

С момента объявления Российской Федерацией 21 сентября о начале частичной мобилизации начался новый виток конфликта. О результатах противостояния, и его второй фазы в особенности, судить, на данный момент, не представляется возможным в силу непрекращающегося характера военных действий. Однако подвергнуть анализу события, ознаменовавшие собой их начало, своеобразные точки бифуркации, представляется более чем возможным. В силу этого, в данной статье будут рассмотрены обращения президента России Владимира Путина к народу от 24.02.22 и 21.09.22 соответственно. Инструментарий для выявления эволюции риторики российской власти, общих концептов и расхождений, составят интент-анализ и контент-анализ.

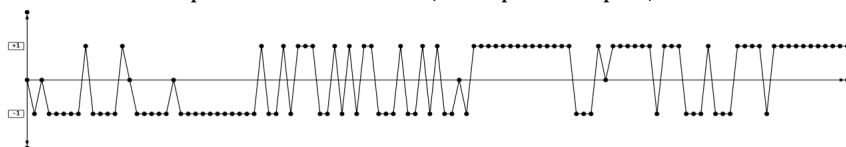
Для полноты картины и объективного толкования полученных нами результатов следует обозначить базовые различия двух материалов. Прежде всего, это тематика обращений. В первом случае, в обращении говорилось о неизбежности надвигающегося конфликта и начале проведения «специальной военной операции». Вторая речь, в своей основной сути, сообщала гражданам России о проведении частичной мобилизации, начавшейся в тот же день. Технически, обра-

щения также имеют разное время продолжительности. Первое выступление по хронометражу в два раза длиннее второго: 28 и 14 минут соответственно.

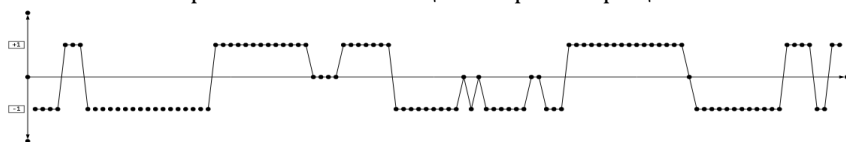
Ниже представлена таблица с результатами анализа интенций, произведённого по методике Ушаковой, а также графики интенциональной направленности первого и второго обращений. [1]

Интенциональные категории	Интенции	Направленность	24.02.22	21.09.22
Россия	Самопрезентация	+	33	25
	Самооправдание	+	12	10
	Самокритика	-	2	0
Украина и «Коллективный Запад»	Обвинение	-	25	36
	Кооперация	+	2	0
	Критика	-	16	12
Ситуация (обстановка и перспективы)	Анализ 1	0	7	9
	Анализ (+)	+	9	13
	Анализ (-)	-	15	5

Направленность интенций первого обращения

Направленность интенций второго обращения

Исходя из данных, представленных на графиках выше, можно сделать выводы о том, что президент в своей риторике регулярно прибегает к противопоставлениям по типу «они-мы», «правда-ложь» и т. д.

Оба обращения местами носят довольно экспрессивный характер, выстраивая аргументацию на контрастах, дабы увеличить уровень легитимности принимаемых решений и снискать поддержку среди россиян.

Зимнее обращение имело немалую «историко-просветительскую» часть, в рамках которой президент обращался к сюжетам второй мировой войны, послевоенного устройства мира, холодной войне и «главной геополитической катастрофе двадцатого века» (распаду СССР). В связи с чем, в тексте выступления было выявлено 9 упоминаний Советского Союза. Спустя семь месяцев президент упомянет его лишь один раз, отказавшись от экскурса в историю и реваншистских конструктов, призванных обосновать своё решение о начале операции. В первом выступлении Путин неоднократно обращается к интенции «обеспокоенности» употребляя такие слова как: озабоченность, тревога, беда (суммарно: 5 раз). В обращении же от 21 сентября подобных интенций нет вовсе. Объективно, это была бы не самая подходящая риторика для объявления мобилизации. Та же ситуация с другой интенцией, а именно, обвинением «Запада» в нарушении договорённостей и пассивной агрессии по отношению к России. Дефиниции: «давление», «наглость», «шантаж» и «пренебрежение» – в первом случае были использованы суммарно 10 раз. Во втором же их число резко сокращается до двух, что, опять-таки, символизирует серьёзный пересмотр методов воздействия на аудиторию. Ещё одной, не менее распространённой в февральском обращении, эмоцией президента стало негодование и упрёки Запада в «нечистой игре». «Обман», «враньё», «кинули» и «шулер» – эти слова встречаются в речи целых 6 раз. Налицо очевидная попытка уличить «Коллективный Запад» и обосновать долгосрочное назревание принятого властью решения о начале «специальной военной операции». Во втором обращении от данной риторики откажутся, не прибегнув ни разу.

Немаловажен и тот факт, что в своём первом обращении Владимир Путин не раз обращается к ООН (а именно 6 раз), отдавая ей дань уважения и подчёркивая приверженность России соблюдению принципов международного права. По сути, вся аргументационная линия президента о необходимости проведения «специальной военной операции» концептуально базируется на, открывающих её, отсылках к Уставу ООН: “В связи с этим, в соответствии со статьёй 51 части 7 Устава ООН... мною принято решение о проведении специальной военной операции. Более того, ожидаемо, президент упрекает американскую сторону в обратных действиях: «Без всякой санкции

Совета Безопасности ООН провели кровопролитную военную операцию»; «Имело место враньё с высокой трибуны ООН». Во втором обращении способов легитимации политического решения через международное право мы не наблюдаем.

Слово «терроризм» встречается в обращении от 24.02.22 пять раз. Что интересно, два раза в смысловой спайке с США и Западом, а остальные три уже в сочетании с Россией. В первом случае акцент делается на том, что действия “коллективного Запада” «породили язвы международного терроризма». Во втором обозначается решающая роль России в деле борьбы с международным терроризмом: «Мы победили; сломали хребет». В обращении от 21.09.22, несмотря на уже подмеченную ранее разницу в продолжительности первого и второго заявлений, «терроризм» встречается в разных формах также пять раз. Однако, все они касаются уже исключительно противника и что интересно, лишь один раз в отношении Запада и четыре в связке с украинской властью.

Говоря о «противнике», не будет лишним внести ясность, как Владимир Владимирович идентифицирует противников. В связи с этим был проведён контент-анализ обращений с выявлением основных акторов и индикаторов, их характеризующих.

Характеристики		
<i>Актор</i>	<i>Индикатор (Обращение первое)</i>	<i>Индикатор (Обращение второе)</i>
Запад (НАТО)	«Циничный обман и враньё»; «Попытки давления и шантажа»; «Наплевательское и пренебрежительное отношение» «Низкий уровень культуры и чванство»	«Агрессивная политика»; «Русофобия»; «Геноцид, блокада, террор»; «Накачивает оружием»; «Военная машина коллективного Запада»; «Перешёл всякую грань» «Ядерный шантаж»

США	«Империя лжи»; «Грубая прямолинейная сила»; «Сила есть ума не надо»; «Имело место враньё, подтасовка блеф»; «Кинули, шулеры»; «Пренебрежение международным правом огромные жертвы и разрушения»	Отсутствуют
Украина	«Анти-Россия»; «Государственный переворот»; «Антинародная хунта»; «Крайние националисты и неонацисты, нацики»; «Кошмар-геноцид, кровавые преступления, преступные приказы»	«Неонацистский режим»; «Антироссийский плацдарм»; «Неонацисты, националисты»; «Зверства»; «Наследники бандеровцев и нацистских карателей убивают, пытаются, расправляются» «Террористические удары»

Упоминание Украины относительно соизмеримо (20 в первом и 7 во втором), так же, как и Запада/НАТО (19 в первом случае и 14 во втором). Однако поистине интересен тот факт, что в сентябрьском обращении президент ни разу не упомянул США. В то время как второе выступление было наполнено упоминаниями Штатов (14 раз). В феврале президентом даже было предложено словосочетание «империя лжи», за которым явно прослеживался перифраз известного рейгановского выражения «империя зла», разве что СССР был заменён самими США. Помимо снижения уровня антиамериканской риторики, участилось “нацистское” маркирование Украины: с 8 отождествлений в первом обращении до 12 во втором, при сокращении самой речи в два раза.

Что же касается мотивации проведения «спецоперации», здесь налицо эволюция понимания целей её проведения. В феврале россияне слышали о том, что: «Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины». Во втором обращении ни разу не были употреблены дефиниции «демилитаризация» и «денацификация». Судя по всему, данные формулировки были отброшены в силу концептуальной сложности создания объективных критериев достижения поставленных задач. Фокус сместился к Донбассу, число упоминаний которого возросло с 5 до 9 случаев, и это при условии, что вто-

рое обращение ровно в два раза короче. «Её (операции) главные цели – освобождение всей территории Донбасса – были и остаются неизменными», – заявил Владимир Путин.

Риторика политического руководства России в отношении «спецоперации», рассмотреть которую удалось на примере двух обращений президента, претерпевает эволюцию и видоизменяется в новых политических условиях: корректируются основные задачи и цели, меняются объекты критики и перенастраивается инструментарий методов воздействия. Какие-то модели, за их неуспешностью, отбрасываются прочь, какие-то наоборот, модернизируются и развиваются. Очевидно, по мере развития событий в Украине, мы ещё наблюдаем определённые преобразования государственной риторики по мере того, как ситуация будет складываться далее.

Список использованной литературы и источников

1. Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент-анализ политических текстов // Психологический журнал. 1998. № 4.
2. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. М.: Университетская книга; Логос, 2006. 384 с.
3. Шалак В.И. Современный контент-анализ: Приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М.: Омега-Л, 2004. 272 с.
4. Почепцов Г.Г. Теория коммуникаций – М.: Рефл-бук, 2001.

*Бахтиярова В.П., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

*Научный руководитель: Поцелуев С.П., доктор политических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: РЕАЛИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Информационная война – это конфликт на уровне общества или между нациями, который ведётся с помощью средств массовой информации и коммуникации [1].

Важно отметить, что за последние два десятилетия появилось несколько новых, постоянно совершенствующихся типов ведения информационной войны [2]:

- гуманитарная война – использование слов, в качестве влияния на массы, больше нет необходимости с помощью технических средств создавать нужные картины – все может сделать слово, которое в воображении уже сформирует нужный посыл для общества;
- кибервойна – делает акцент на усилении электронной и когнитивной составляющей для влияния на массы. Она строится вокруг присвоения компьютерных данных пользователей, которые позволяют достичь необходимых результатов: привлечь людей к какому-либо событию, опорочить в глазах соратников и т.д.

Основными технологиями ведения информационной войны являются: агрессивная реклама, пропаганда, дробление текстов и информационных сообщений, создание новостей, слухов и т.д.

Информационная среда, в которой осуществляются операции влияния, выполняет задачи по изменению картины мира в отдельно взятом сообществе, а также обеспечению поддержки военных операций, благодаря созданной комплексной системе манипуляций.

А.В. Фененко в своей работе «Парадокс информационных войн», приходит к выводу, что для ведения информационной войны необходимо единое информационное пространство, то есть согласие всех ее участников играть по определенным правилам. Следовательно, каждый участник международных отношений понимает, что на него будет оказываться влияние и давление со стороны его соперников [3].

Информационная война, начиная с 2010-х г., ведется не только с помощью средств массовой информации, но и социальных сетей. Развитие технологий способствует внедрению все большего числа субъектов в информационный конфликт. Сегодня каждый человек, у которого есть смартфон, может ретранслировать информацию из разных источников, воздействовать на разные группы лиц, и тем самым, влиять на отношение к тем или иным событиям.

В современном пространстве информационной войны можно скрыть истину или представить её социуму таким образом, что на первоначальном этапе человек не сможет определить, правда сказанное, или ложь. Это в конечном счете приведет к дезинформации,

установлению в обществе устойчивого мнения о том, что именно первая информация наиболее достоверная, а все последующие попытки нивелировать воздействие данной информационной атаки будут приводить лишь к агрессии, вызванной страхом и защитными инстинктами, призванными создать психологический барьер между принимаемым и действительным.

Почему же информационная война оказывает все большее влияние на происходящие в мире события?

Дж. Аркилла, американский академик и аналитик в области международных отношений, утверждает, что развитие информационной сферы, увеличивающаяся мощь сетевых организаций и всеобъемлющая цифровизация, приводят к тому, что информационная война пронизывает все сферы общественной жизни без исключения.

В современном мире информационная война воздействует на нравственную основу сообществ. Для сведения на нет физического насилия используются моральные формы давления, которые не менее эффективны для достижения поставленных задач. На сегодняшнем этапе исторического развития войны, направленные на физическое уничтожение людей, воспринимаются демократическими странами как нечто недопустимое и неприемлемое для развитого постиндустриального общества.

Для качественной работы аналитики изучают обычаи, традиции, моральные нормы общества, на которое будет направлено воздействие, и в зависимости от полученных результатов формируют информацию, которую предоставляют информационным службам.

Все чаще используются несколько базовых теорий ведения информационной войны: имитационная дезинформация (внесение изменений в пропаганду другой стороны), псевдологические выводы и принуждающая пропаганда [4].

Псевдологические выводы, в особенности, если они сделаны одним из авторитетных граждан (артист, ученый, преподаватель), способны утвердиться в сознании большинства и закрепить необходимое политическим элитам понимание проблемы.

Информационная война перманентна по своей сути. С начала 21 века можно выделить несколько ключевых информационных войн: информационная война грузино-осетинского конфликта 2008, ин-

формационная война «Майдан», информационная война «Выборы Трампа» и наиболее затяжная информационная война, которую можно выделить среди остальных – «Запад и Россия – трансформация взаимоотношений».

Если разобрать в качестве современных технологий информационной войны пример грузинского конфликта, то по мнению одного из ведущих экспертов, влияющих на формирование информационного сознания общества, доктора социологических наук Козырева западные политики и подконтрольные им СМИ пытались представить Грузию жертвой агрессии, подвергшейся нападению со стороны России. В формате данной информационной войны её видение, сложившееся внутри российского общества, представляется как нивелирование образа «жертвы» грузин и формирует образ «героя» российских миротворцев. А мировое сообщество, воспринимающее западный вариант видения конфликта, сформировало для себя совершенно противоположные образы: Россия – агрессор, а Грузия – жертва [5, с.63].

Важно понимать, что информационные войны не видны большинству населения. Общество, отдельные граждане могут отрицать, что они подвержены влиянию механизмов информационных войн, но, уже утверждая данный тезис, они подтверждают факт влияния и изменения общественного сознания под воздействием технологий информационной войны.

При грамотном и эффективном воздействии информационных механизмов одной группы на другую, путём изменения мнения сообщества на необходимое для определённых политических сил, можно не только изменить вектор политики власти в каком-то целевом обществе, но и подтолкнуть к свержению его лидеров и господствующих слоев.

Список использованной литературы и источников

1. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is Coming! // Comparative Strategy. 1993. Vol. 12 (April-June). P. 141–165.
2. Фролов Д. Б. Информационная война: эволюция форм, средств и методов // Социология власти. 2005. № 5. С. 121146.

3. Фененко А.В. Парадокс информационных войн. [Электронный ресурс] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/>.

4. Сулейманова Ш.С. Информационные войны: история и современность: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Ш.С. Сулейманова, Е.А. Назарова. Москва: Международное издание "Этносоциум и межнациональная культура", 2017. 126 с.

5. Козырев Г.И. Конструирование «жертвы» как способ создания управляемой конфликтной ситуации / Г.И. Козырев // Социологические исследования. 2009. № 4(300). С. 63–72.

*Беденкова А.С., г. Москва,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель: Соловьев А.И, доктор политических наук,
кандидат философских наук, профессор,
заведующий кафедрой политического анализа,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК ПРОБЛЕМА ТРЕХ ИЗМЕРЕНИЙ

Масштабы происходящих и ожидаемых изменений вследствие цифровизации настолько велики, что некоторые исследователи рассматривают эти процессы как драйвер новых парадигм, концепций и подходов к государственному управлению – «государственному управлению новой эпохи». Однако реализация новых практик на старом фундаменте нерешенных проблем не только осложняет процесс цифровизации, но и детерминирует усложнение существующих и появление новых трудностей, негативно влияющих на работу государства в целом.

Важной проблемой является цифровое неравенство, которое можно представить сразу в трех измерениях: неравенство между пользователями, неравенство между государственными органами и неравенство между регионами.

Начать следует с разбора первого измерения, которое не является новым, однако претерпело значительные изменения по ходу

развития технологий и общества. Под цифровым неравенством принято понимать ограничение возможностей социальной группы из-за неравного доступа к современным средствам коммуникации. В настоящее время очевидно, что цифровое неравенство – это уже не просто ограничение доступа к ИКТ. Хотя данная проблема и сохраняется, но в течение последних 20 лет многим странам удалось минимизировать технологический разрыв среди населения.

Сейчас цифровое неравенство в большей степени состоит в способности получать социальные выгоды от использования инновационных технологий. Можно выделить две классификации модифицированных классов в цифровом пространстве. Первая – это деление на нетократию и консьюмериат [1]. Именно нетократы обладают реальными знаниями. В нетократическом обществе всегда включена дезинформационная дымовая завеса. Консьюмериат погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть реальное знание. Каждый занят процессом распространения информации и не успевает познакомиться с ее содержанием [1]. По мере того, как информация становится ключевым товаром новой экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание, которое зачастую недоступно для широких масс общественности [1]. Принцип открытости и прозрачности сетевых сообществ в реальности оказывается лишь декларируемым. Открытые сетевые сообщества постепенно трансформируются в закрытые, доступ к которым могут получить далеко не все пользователи. Создавая закрытые системы, нетократы устанавливают особые правила функционирования и самоконтроля. Именно эти площадки содержат и распространяют реальные знания. Все остальные превращаются в бесполезные платформы информационного шума. Нетократы создают и распространяют между собой реальные знания. Они обладают необходимыми сетевыми связями и контактами, которые устанавливаются лишь в закрытых сообществах и повышают статус и влияние сети.

Для своего господства нетократы используют комплекс мер, среди которых стоит выделить создание дымовой информационной завесы, распространение реальных знаний только в закрытых сообществах, строгий порядок включения новых пользователей в данные

сети. Огромное количество информационного мусора и низкий уровень медиаграмотности основной массы населения также создает благоприятные условия для манипуляций. Вследствие всего этого формируется ассиметричная структура постинформационного общества, где наверху находятся нетократы с их неотчуждаемыми привилегиями, а внизу – остальные граждане, у которых практически нет рычагов для противостояния новой элите.

Вторая, предложенная Львом Мановичем, это структура *data classes*, которая состоит из создателей данных, акторов, обладающих возможностями и компетенциями сбора цифровых данных и акторов, обладающих компетенциями анализа данных и имеющих доступ к цифровым массивам [2]. В данной классификации акцент делается на механизмы сбора и обработки *Big data*, что непосредственно связано с новыми цифровыми технологиями. Подчеркивается ограниченность в использовании цифровых массивов данных, так как большинство собранных данных не находится в открытом доступе и доступно преимущественно лишь представителями цифровой элиты – нетократии. Стоит обратить внимание, что в данной классификации отсутствует слой акторов, которые не имеют никакого доступа к цифровым данным. Однако этот слой, представителями которого являются практически все рядовые граждане, является наиболее многочисленным. Именно этот пласт является «ущемляемым».

Неравенство между гражданами существенно усложняет цифровизацию, так как одной из главных целей данного процесса является предоставление качественных услуг всем членам общества, а не отдельным индивидам или группам.

Второй составляющей цифрового неравенства является неравенство между органами государственной власти, которое выражается как в недостаточной финансовой и технической поддержке, так и в приоритетах государственных служащих. Разрыв между техническим оснащением и использованием цифровых технологий в различных государственных органах значительно усложняет их взаимодействие и препятствует активной цифровизации.

Также наблюдается колоссальная цифровая асимметрия в регионах. Можно выделить ряд ключевых барьеров, которые порождают цифровое неравенство между регионами [3].

Во-первых, это коммуникационные барьеры:

- Отсутствие должного уровня взаимодействия между органами региональной государственной власти, бизнес-структурами и гражданским обществом по выявлению приоритетных направлений использования цифровых технологий;
- Недостаточный уровень осведомленности граждан о предоставлении государственных услуг в цифровом формате;
- Ориентация большинства регионов на предоставления услуг в офлайн-формате, что демонстрирует, с одной стороны, неготовность самих структур к переходу на полностью цифровой формат, а с другой создает негативное отношение у граждан к данным платформ из-за отсутствия необходимого опыта использования;
- Ограничение возможностей граждан напрямую взаимодействовать с государственными органами при помощи новых технологий (проблемы возрастного-гендерной пирамиды, отсутствие необходимых устройств и т.д.)

Во-вторых, концептуальные барьеры:

- Недостаточно детально проработанный план цифровизации государственных органов власти, что в итоге приводит к путанице и непониманию концепции цифровизации государственного управления;
- Отсутствие единого понимания сути цифровизации среди представителей органов государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне;
- Отсутствие понимания объема затрат на реализацию цифровизации органов власти и сопутствующих направлений;
- Отсутствие единой внешней системы контроля, а также рейтингов отслеживания цифровизации государственных органов;

И в-третьих, это технические барьеры, которые представлены в отсутствие необходимой техники вследствие неравномерного финансирования регионов, а также из-за недостаточного внимания глав регионов к данному вопросу. В данном аспекте основным является технологическая инфраструктура как широкополосный интернет и обеспечение государственных служащих новой компьютерной техникой и доступом к сетям.

Цифровой разрыв между регионами четко прослеживается по уровню развития и применения технологий умного города, стимулирующих внедрение цифровых технологий и социально-экономического развития страны. Согласно данным НИИТС, разрыв между пятеркой лидеров в области внедрения технологий умного города от остальных регионов превышает показатели от двух до девяти раз [4].

Существование такого многосоставного цифрового неравенства оказывает негативное сдерживающее влияние на цифровизацию государственного управления и общества в целом. Сложившаяся ситуация в очередной раз доказывает необходимость индивидуального подхода к развитию цифровых технологий в каждом регионе, ориентацию на специфику цифровизации в конкретной области.

Список использованной литературы и источников

1. Зодерквист Я., Бард А. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма." СПб: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
2. Manovich L. Trending: The promises and the challenges of big social data // Debates in the digital humanities. № 1. 2011. P. 460–475.
3. Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. № 84. 2021. С. 277–299.
4. Индикаторы умных городов НИИТС-2017. URL: <http://niitc.ru/publications/SmartCities.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

*Бусинаева Д.С., г. Волгоград,
Волгоградский государственный университет*

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ: ОСОБЕННОСТИ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ

Политический анализ, как известно, состоит из нескольких элементов, одним из которых является политическое прогнозирование.

ние. Несложно догадаться о значении этого термина – это суждение, подкрепленное аргументами, о политической картине мира сквозь определенное время. Политическое прогнозирование появилось довольно давно, к нему прибегали в своих работах Аристотель, Платон, Николло Макиавелли, Томас Гоббс и другие. Однако проблема заключалась в том, что авторы фокусировались исключительно на идеальном будущем, но не рассматривали пути его достижения.

К нашему времени данная проблема пропала, однако появилась другая: кризисы и конфликты перестали поддаваться прогнозированию. Примером тому могут послужить относительно недавние протестные движения в некоторых постсоветских государствах (Украине, Грузии, Киргизии и др.), к которым политологи не были готовы, в связи с чем в странах изменилась власть. Обусловлено это, в первую очередь, устареванием компаративного подхода политического прогноза, которым пользовались еще во времена Холодной войны, когда в мире существовало всего два полюса и два вектора развития. Не нужно быть политологом, чтобы понять, что сейчас ситуация в мире радикально изменилась. Любое звено в системе внешне-, внутривнутриполитических отношений может влиять на развитие различного рода процессов. Именно это затрудняет прогнозирование.

Анализируя современные кризисы и конфликты, мы можем прийти к выводу, что все они имеют некоторые особенности. Наверное, самой главной из них является вовлечение в конфликт третьих лиц (государств, организаций и даже компаний), которые оказывают финансовую, военную и/или гуманитарную помощь одной из сторон конфликта. Многие могут не согласиться с этим пунктом, так как участие третьих лиц в конфликтах было всегда, однако стоит помнить, что оно, как правило, было закреплено официально (то есть договором, пактом, соглашением). Сейчас же «внешние субъекты» даже несмотря на помощь не принимают какую-то сторону конфликта на официальном уровне, отрицают свою вовлеченность и могут с легкостью прекратить поддержку. Примером тому может послужить компания Илона Маска SpaceX, которая, по словам владельца в запрещенной в РФ социальной сети, помогла ВСУ на \$85 млн. Однако Илон Маск никогда не утверждал, что принимает какую-либо из сторон. А 14 октября 2022 г. объявил о прекращении помощи.

Следующей особенностью современных конфликтов можно считать использование идеологических ценностей и патриотизма как обоснования и оправдания агрессии. Мы можем проследить на множестве примеров, что даже когда несовместимость интересов сторон преодолевается, конфликт не приходит к завершению, так как настоящие цели понятны единицам, а манипулирование ценностями государства использовалось лишь как инструмент для более активной мобилизации.

Третьей ключевой особенностью является сопутствие конфликтов и кризисов информационными войнами. СМИ и социальные сети широко освещают события, однако зачастую не в правдивом свете, а в выгодном для одной из сторон [1].

Таким образом, эти три особенности также значительно затрудняют политический прогноз и анализ современных конфликтов, превращая их в сложную задачу с большим количеством неизвестных. Количество кризисов и конфликтов в современном мире все еще находится на высоком уровне, связано это в первую очередь с увеличением уровня конфликтогенности в мире, его определяют следующие факторы:

1. соперничество субъектов за военно-политическое господство (пусть даже путем использования «мягкой силы»).

2. возросшей активностью оппозиции и их поддержки. Чаще всего оппозиционерами является молодежь. В Азии, Африке, на Ближнем Востоке люди до 30 лет составляют от 50 % населения, однако власти стран в данных регионах не предлагают какие-либо способы интеграции молодого населения в различные структуры общества, потому можно предположить, что именно они через несколько лет станут причиной социально-политической нестабильности в этих регионах [2].

Здравомыслов А.Г. в своей работе «Социология конфликта» утверждает, что во многом фактором конфликтогенности является стремление к этноконфессиональному самоутверждению. Данная проблема наиболее остро стоит в странах ЕС, так как в эти государства ежегодно наблюдается большой наплыв иммигрантов. С. Хантингтон писал, что если иммигранты не будут ассимилированы должным образом, то именно они начнут гражданскую войну. Все это

ставит перед экспертами задачу: выявить условия конфликта, пока он не приобрел разрушительный характер [3].

Что же касается кризисных ситуаций, то здесь все немного иначе: фаза зарождения протекает незаметно, постепенно, неявно. События и идеи кажутся несерьезными и не влекущими последствий. На следующей стадии кризис приобретают настолько крупный масштаб, что оказывает влияние на страну в целом, правительство в попытках подавить его прибегает к использованию сил МО, СВР, ФСБ, МВД и т. д. На третьем этапе наблюдается вооруженное противостояние сторон, совершаются террористические акты и т. д. На завершающей стадии в кризис вовлекаются третьи стороны в лице правозащитных и гуманитарных организаций. В случае, если противостояние переросло в гражданскую войну и сменить власть не выходит (как было, например, в Ливии и Сирии), то в таком случае в СБ ООН ставится вопрос о военной помощи в свержении действующего политического режима [4].

Анализируя мировые кризисные ситуации, мы можем найти закономерность в итогах вооруженных противоборств. Каждый из сценариев заканчивается одним из следующих образов [5]:

1. Быстрая победа одной из сторон. Однако побежденная сторона может набраться сил и объявить о повторной борьбе (примером тому может послужить революция в Египте (2011 г.) из-за прихода «Братьев-мусульман» к власти).

2. Наблюдается паритет сторон, в связи с чем кризис приобретает затяжную форму и зачастую его разрешение невозможно без привлечения третьих лиц (Гражданская война в Сирии, Йеменский кризис, Ливийский кризис, Венесуэльский кризис, которые начались более 11 лет назад и до сих пор не утихают).

3. Обе стороны терпят поражение, не имеют более ресурсов для продолжения противоборства, потому приступают к урегулированию кризисной ситуации. Или обе стороны приходят к пониманию, что дальнейшее противостояние может привести ко взаимному уничтожению (Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны).

Итак, прогнозирование современных конфликтов и кризисов – невероятно сложная, практически невозможная задача. Таковой ее делают различные факторы: большое число внешних и внутренних

участников, влияние на конфликт пропаганды в СМИ и социальных сетях и др. Несмотря на то, что современные конфликты практически не поддаются прогнозу, мы все еще можем их анализировать.

Список использованной литературы и источников

1. Лебедева М.М. Мировая политика [Электронный ресурс], URL: http://igf.chuvsu.ru/bibl/lebedeva_mirpolit.PDF (дата обращения: 14.10.22).
2. Юзефавичус Т.А. Проблемы социальной работы с молодежью [Электронный ресурс], URL: <http://db.rgub.ru/youthlib/9/pdf/936666.pdf> (дата обращения: 14.10.22).
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [Электронный ресурс], URL: http://tower-libertas.ru/wp-content/uploads/2014/01/Hantington_S_Stolknovenie_Civilizaciyi.a6.pdf (дата обращения: 14.10.22).
4. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения [Электронный ресурс], URL: https://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf (дата обращения: 14.10.22).
5. Шеллинг Т. Стратегия конфликта [Электронный ресурс], URL: <https://jurkniga.ua/contents/strategiya-konflikta.pdf> (дата обращения: 14.10.22).

*Бобров К.М., г. Иркутск,
Иркутский государственный университет
Научный руководитель: Рыбалко М.Л., кандидат исторических наук,
доцент, Иркутский государственный университет*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Украинский кризис стал ярким проявлением бифуркационной фазы, в которой оказалась система международных отношений. Так, Президент России В. В. Путин в своей Георгиевской речи отметил, что однополярный миропорядок, построенный на неокOLONIALной по-

литике и гегемонии США, разрушился¹. С трансформацией миропо-
рядка меняется и сознание людей, а, следовательно, меняются мето-
ды и подходы политической коммуникации.

В более ранних исследованиях уже отмечалось, что политиче-
ская коммуникация претерпевает значительные изменения [1, с.
181]. Однако, если ранее такие изменения были связаны в первую
очередь со всё возрастающим влиянием новейших информационно-
коммуникационных технологий на политические процессы, то сего-
дня, в условиях политической турбулентности появление качествен-
но новых методов и практик политической коммуникации стало
стратегически необходимым. Возникновение новых методов и прак-
тик политической коммуникации связано в первую очередь с вызо-
вами, вставшими перед политической наукой и исследователями в
условиях информационной войны, как составляющей гибридной
войны между Россией и коллективным Западом.

Предметом исследования в данной работе выступают интер-
претационные и исследовательские парадигмы, посредством кото-
рых ученые-политологи, международники и политические акторы
могут проанализировать и описать Украинский кризис.

Необходимо принять во внимание, что Украинский кризис
находится сейчас в фазе обострения и не является законченным про-
цессом, что осложняет проведение политического и научного анали-
за. Однако, хронологические рамки Украинского кризиса начинаются
не в 2022 г., а в 2014 г. и, следовательно, некоторые аспекты Украин-
ского кризиса как международно-политического процесса видятся
вполне устоявшимися для того, чтобы их проанализировать.

Незаконченный характер Украинского кризиса делает возмож-
ным одновременное существование множества разнообразных интер-
претационных парадигм и создаёт предпосылки для формирования
новых в зависимости от изменений условий в международных отноше-
ниях и политической науке. Выделим ключевые интерпретационные
парадигмы: 1. цивилизационная, 2. русофобская, 3. системная.

Цивилизационная парадигма вытекает из обширной историко-
политологической теоретической базы. Теоретико-

¹ В. В. Путин Георгиевская речь / Официальный сайт Президента России «Kremlin.ru» // URL:
<http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 19.10.2022)

методологической основой парадигмы являются труды Н.Я. Данилевского [2], А. Дж. Тойнби [3], С. Хантингтона [4]. Украинский кризис, исходя из цивилизационной парадигмы, рассматривается как закономерный и естественный этап обострения противостояния в процессе взаимодействия Российской и Европейской цивилизаций. НАТО в своей стратегической концепции 2022 г. объявило Россию главной угрозой, что подтверждает мысль о противостоянии цивилизаций¹.

Территория Украины стала местом столкновения цивилизаций по той причине, что по её территории проходит цивилизационный разлом (граница) между Российской и Европейской цивилизациями [4, с. 245]. Исторически Европейская цивилизация для противостояния «варварам» основывала на границе цивилизаций так называемые «форпосты» [3, с. 142–164]. В роли таких европейских форпостов, направленных против Российской цивилизации, в разное время выступали Прибалтика и Польша, а в XXI в. Грузия и Украина.

Русофобская парадигма представляет из себя систему эмоционально-оценочных образов, описывающую Украинский кризис как детище российской империалистической политики. Россия через призму русофобской парадигмы предстаёт как оплот всего самого плохого. Русофобская парадигма описывает Россию как нецивилизованную страну, попирающую общечеловеческие ценности, нарушающую нормы международного права и продолжающую экспансионистские устремления Российской империи и Советского Союза. Русофобская парадигма опирается на сложившийся в общественном сознании россиян психологический комплекс, связанный с виктимизацией и криминализацией исторической памяти о советском и революционном этапах в российской истории.

Очевидно, что русофобская парадигма является инструментом западных политехнологов, созданным в рамках информационного противостояния с Россией. Русофобская парадигма преследует две основные цели: 1. обосновать экономическую войну и политическое противостояние с Россией перед обычными европейцами и американцами, 2. использовать проевропейские настроения части россий-

¹ NATO 2022 Strategic concept / URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (19.10.2022)

ской политической элиты и населения для дестабилизации обстановки в стране.

Системная парадигма вытекает из теории международных отношений. Система международных отношений (или миропорядок) представляет из себя совокупность политических ролей и отношений между странами. Г. Киссинджер отмечал, что в любой исторический период существовавшие системы международных отношений опирались на определённый баланс сил, а изменение соотношения сил было способно разрушить систему международных отношений [5; 6]. Падение Советского Союза в этом контексте стало причиной разрушения биполярного миропорядка и установления однополярного миропорядка.

Однополярный миропорядок основан на доминирующем положении США в экономическом и политическом отношениях. Возросшая экономическая и политическая мощь развивающихся стран и стран, выключенных из системы международных отношений (как Россия) меняет соотношение сил и создаёт предпосылки для кризиса системы международных отношений. США, пытаясь сохранить однополярный миропорядок делают попытки разжечь конфликты между потенциальными противниками с целью их ослабления или уничтожения. В этом контексте Украинский кризис выступает как одна из попыток США искусственно разжечь конфликт между Россией и Евросоюзом как потенциальными конкурентами Америки в политической и экономической сферах соответственно.

В рамках системной парадигмы важно и понимание роли Украинского кризиса для будущего России. С точки зрения З. Бжезинского Россия, получив контроль над Украиной, станет в геополитическом отношении намного сильнее и восстановит своё влияние в Европе, подорвав тем самым влияние США на международной политической арене. В национальных интересах США не допустить такого исхода Украинского кризиса и разрушить Россию как независимое государство [7].

В завершении важно отметить, что существует значительное количество интерпретационных и исследовательских парадигм, используемых для осмысления причин и потенциальных последствий Украинского кризиса. Цивилизационная, русофобская и системная

парадигмы являются с точки зрения автора оказывающими наибольшее влияние на современную политическую науку и политические процессы как внутри отдельных стран, так и на международном уровне. Необходимо подчеркнуть, что с течением Украинского кризиса, обострением последствий мирового экономического кризиса и дальнейшей трансформацией политического процесса будет меняться степень влияния отдельных парадигм, а также станет возможным появление новых исследовательских и интерпретационных парадигм.

Список использованной литературы и источников

1. Бобров К.М. Политическая коммуникация в повестке генеральных конференций Европейского консорциума политических исследований / К.М. Бобров // Клио-2021 : Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Иркутск, 26 ноября 2021 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2021. С. 178–181.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии А.В. Белова / Отв. ред. О.А. Платонов. Изд. 2-е – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; Вступ. Ст. Уколовой В. И.; Закл. Ст. Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
5. Киссинджер Г. Мировой порядок / М.: AST Publishers, 2015. – 268 с.
6. Киссинджер Г. Дипломатия / М.: научно-издательский центр «Ладомир», 1997. – 850 с.
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / М.: Междунар. отношения, 1998. – 112 с.

*Большакова Ю.С., г. Ярославль,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Научный руководитель: Фролов А.А., кандидат политических наук,
доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова*

МОТИВЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШЕСЕЛЬСКОГО ВОЛОНТЕРСКОГО ОТРЯДА «ВВЕРХ»

Волонтерская деятельность – одна из возможных форм проявления гражданской активности, которая отличается тем, что такая деятельность добровольна, и более того, она не направлена на получении прибыли. Как правило, волонтерами становятся люди, у кого есть свободное время, и они готовы провести его с пользой не только для себя, а в первую очередь для окружающих. В основном такой вид деятельности популярен среди учеников школ, студентов, их деятельность распространяется на любую сферу общественной жизни страны.

Одним из приоритетных направлений государственной политики в России является привлечение граждан к добровольческой деятельности. Волонтерский труд помогает государственным структурам в решении общественно-политических задач, и все большему развитию третьего сектора. Значительное число федеральных и региональных программ в области добровольчества ориентировано на молодежь. Добровольческая деятельность способствует развитию у молодежи лидерских качеств, навыков и опыта общественной деятельности, чувств сопричастности с общественной жизнью своей страны, умению находить общий язык с людьми и работать в команде, формированию нравственных идеалов и ценностей [1].

Развитие всевозможных волонтерских направлений, необходимо на всех уровнях власти. Это позволяет гражданам формировать чувства сопричастности с государством, предлагать различные инициативы, направленные на улучшение жизни общества и конкретно своей территории. В данном исследовании особое внимание было обращено на мотивы проявления волонтерской деятельности участников Большесельского волонтерского отряда «Вверх», так как для

дальнейшего развития добровольческих движений необходимо в первую очередь учитывать этот фактор, поскольку именно мотив является «двигателем» человека к подобной деятельности. Отметим, что многие ученые говорят о мотивации волонтеров не в материальных благах, а в удовлетворении социальных и духовных потребностей [2]. Мотивом проявления добровольческой деятельности могут выступать: желание заявить о себе, потребность помогать людям, достаточное количество свободного времени, желание провести свободное время с пользой, совершенствование личных качеств. Именно такие варианты мотивов были представлены респондентам в анкете. В ходе исследования было выявлено, что желание провести свободное время с пользой – мотив, который выбрали большинство респондентов – 33,6 %. Следующими по популярности мотивами являются потребность помогать людям – 22,7 % и совершенствование личных качеств – 21 %.

В ходе исследования были получены результаты и по предпочитаемым видам волонтерской деятельности. 44 респондента (37 %) опрошенных выбрали участие в спортивных мероприятиях и 33 (27,7 %) выбрали просветительскую деятельность по ЗОЖ. Объяснение этому – частота мероприятий в волонтерском отряде, посвященным этим видам, больше, чем у всех других видов волонтерской деятельности. Меньше всего волонтеры уделяют внимание обучению различным практическим навыкам детей-сирот – 11 участников опроса (9,2 %) и участию в разработке различных проектов и мероприятий – 15 респондентов (12,6 %). Обработав результаты анкет, стало видно, что у некоторых волонтеров, которые занимаются проведением мастер-классов для детей, члены семьи занимаются таким же видом деятельности, раздают игрушки в детские дома, обучают практическим навыкам детей-сирот. Так ответили 4 респондента. Можно сделать вывод, что волонтерам интересен такой вид деятельности из-за того, что это одобряется в семье, имеет преемственность.

Еще одним важным выводом в исследовании является тот факт, что волонтерской деятельностью больше занимаются девочки в возрасте от 14–16 лет, чем мальчики той же возрастной группы. В данном случае можно предложить руководству отрядов ориентироваться на данную половозрастную группу, ее интересы и предпочтения, с

целью привлечения новых участников данной половозрастной группы, а также увеличения количества мероприятий, которым они отдают предпочтение.

Проблемой волонтерского движения чаще всего является нехватка свободного времени у молодежи, поскольку бывает довольно сложно совмещать учебу и добровольческую деятельность, т.к. некоторые мероприятия могут проходить во время занятий, стоять в неудобное время для участников и т. д. Если говорить о количестве времени в неделю, которое волонтеры данного отряда готовы посвящать добровольческой деятельности, то было выяснено, что 49 человек (41,2 %) готовы посвящать волонтерской деятельности 3–4 часа в неделю, и в большинстве случаев это девочки от 14–16 лет. Скорее всего, это связано с отсутствием экзаменов, поступления. Возраст тех, кто готов посвящать волонтерской деятельности 1–3 часа в неделю варьируется от 16–18 и от 18–25. Причиной этого может служить высокая нагрузка в школе, колледже или институте, подготовка к экзаменам.

Волонтерское движение в современной России приобретает все большую популярность и среди взрослого населения. В основном вид деятельности заключается в раздаче игрушек и вещей в детские дома, проведение мастер-классов для детей, обучение практическим навыкам детей-сирот, поиске пропавших людей. В настоящее время на территории Российской Федерации существует добровольческое некоммерческое общественное объединение «Лиза Алерт», которое занимается поиском пропавших людей. По данным ПСО, за 2019 год поступило 25 255 заявок, из них волонтеры нашли живыми 19 051 человек и погибшими 2 043. По данным проведенного исследования выяснилось, что у 39 респондентов из 119 родственники тоже занимаются добровольческой деятельностью.

Таким образом, добровольческая деятельность является одним из важных и приоритетных направлений в государственной политике России. В настоящее время на территории нашей страны функционируют множества волонтерских отрядов, и деятельность их разнообразна. В моем исследовании главной задачей было выявление мотивов проявления волонтерской деятельности среди участников волонтерского отряда «Вверх». Главным мотивом проявления добро-

вольческой деятельности респонденты выбрали возможность проведения свободного времени с пользой. Данный ответ выбрали 40 человек (33,6 %), в большинстве случаев это девочки. 27 человек выбрали мотив потребности помогать людям. Данный вариант ответа как правило выбирали те респонденты, которые отдают предпочтение проведению мастер-классов для детей, раздаче листовок и обучению практическим навыкам детей-сирот. Респонденты, отдающее предпочтение участию в спортивных мероприятиях и театрализации, в большинстве случаев главным мотивом отметили желание совершенствования личных качеств. Общее число респондентов, выбравших данный мотив 25. Меньше всего выбирали мотивы достаточное количество свободного времени и желания заявить о себе, всего 17 и 10 человек соответственно.

Список использованной литературы и источников

1. Кузнецова Е.И., Сычева А.В., Юрков С.Е. Государственная политика в сфере волонтерства: тенденции и перспективы// Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 4. 2017. С. 19–21.

2. Стегний В.Н. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. №1. 2018. С. 146–147.

*Вильчинский А.С., г. Москва,
Дипломатическая академия МИД России Научный руководитель:
Гаврилова С.М., кандидат исторических наук, доцент кафедры
политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России*

ИСПАНСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ МНОГОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ

Королевство Испания в настоящее время представляет собой унитарное государство, однако в нем имеются некоторые элементы федерации, поэтому многие исследователи называют его «государством автономий». Оно наделено рядом специфических характери-

стик, отсутствующих у других унитарных государств. Более того, установление в стране многопартийной системы актуализировало проблему определения роли регионализма в политическом процессе государства.

Современная форма территориального устройства Испании была заложена в ходе демократической трансформации страны, которая началась после смерти Франсиско Франко в 1975 г. (находился у власти с 1939 г.). В 1978 г. была принята новая Конституция¹, которая утвердила принцип политического плюрализма в стране и сформировала основу для расширения прав регионов в сфере самоуправления.

В 1979 г. были приняты Статуты об автономии Каталонии и Страны Басков, двух регионов, которые на протяжении десятилетий пытались отстоять свою самобытность, борясь с режимом Ф. Франко. В 1981 г. автономию получила и Галисия – третья «историческая область», которая, аналогично баскам и каталонцам, находилась на продвинутой стадии разработки своего статута об автономии в начале 1930-х гг. Тогда формальному утверждению документов помешала начавшаяся в 1936 г. Гражданская война, которая завершилась победой сил Ф. Франко. Поскольку именно Каталония, Страна Басков и Галисия достигли наибольшего прогресса в подготовке своих статутов об автономии, они имеют статус «исторических областей» и наделены более широкими компетенциями в самоуправлении, чем остальные 14 автономных сообществ Испании.

В настоящее время Королевство Испания состоит из 17 автономий, сохраняя при этом статус унитарного государства. С.М. Хенкин выделяет два подхода к оценке современного территориального устройства страны. Сторонники первого считают Испанию «де факто федерацией», поскольку регионы наделены автономным статутом. Ученый придерживается второй позиции, согласно которой Королевство находится на «переходной стадии от унитарного к федеративному государству» [1, с. 183–184].

Позиция С.М. Хенкина может быть подкреплена тем фактом, что испанские власти активно взаимодействуют с Каталонией и Страной Басков по вопросам передачи им дополнительных автономных ком-

¹ Constitución Española // Gobierno de España. URL: http://www.lamoncloa.gob.es/documents/constitucion_es1.pdf (comprobado: 01.10.2022).

петенций. Оба региона нацелены на реформирование своих Статутов об автономии и обновление системы взаимодействия с центром.

Рассматривая сущность государства автономий, важно обратить внимание, что регионализм в Испании выражается в попытках ряда автономных сообществ отстоять свою этническую, языковую и культурную самобытность. При этом регионы признают наличие центральной власти и не стремятся к сецессии.

Феномен регионализма следует отделять от национализма, ведущего к сепаратизму. В настоящее время в испанском политическом процессе правительство Страну Басков придерживается регионалистской повестки, в то время как Каталония тяготеет к более явному националистическому курсу, который близок к сепаратистскому [2, с. 37–38]. Одной из главных задач каталонского лидера Пере Арагонеса является согласование с центром проведения референдума о статусе региона. А для Страны Басков важнейшей задачей является расширение своих полномочий в составе Испании.

Вопрос развития регионализма в Испании получил дополнительную актуальность после результатов досрочных парламентских выборов, прошедших в Королевстве 10 ноября 2019 г.¹ Голосование привело к ряду существенных изменений в конфигурации партий в нижней палате испанских Кортесов – Конгрессе депутатов. Во-первых, он стал крайне фрагментированным – в нем представлено рекордно большое количество движений. Во-вторых, ни одна партия не набрала достаточного числа депутатских мандатов, чтобы сформировать правительство самостоятельно.²

В этой связи неотъемлемым условием эффективного функционирования парламента является способность и готовность крупнейших партий страны – левой Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) и правоцентристской Народной партии (НП) – находить компромиссы с идеологически близкими силами. Для ИСРП это движение Унидас Подемос, а для НП – ультраправая VOX, сблизиться с которой сложнее, поскольку это может привести к потере умеренно консервативной части электората.

¹ Elecciones generales 2019 10N // El País, 12.11.2019. URL: <https://resultados.elpais.com/elecciones/generales.html> (comprobado: 28.09.2022).

² Ibid.

Важнейшим итогом голосования ноября 2019 г. стало формирование в январе 2020 г. коалиционного правительства левых сил ИСРП – Унидас Подемос. Кабинет возглавил лидер социалистов Педро Санчес. Это ознаменовало завершение эпохи двухпартийной системы в испанском Конгрессе депутатов, которая существовала в стране с 1980-х гг. Раньше борьба за власть происходила между НП и ИСРП, которые формировали правительство самостоятельно, получая необходимое большинство на выборах. Регионы не могли влиять на общегосударственную повестку.

Главной особенностью сформированного в январе 2020 г. коалиционного правительства является отсутствие необходимого большинства для утверждения законодательных инициатив. У блока есть только 155 мандатов в нижней палате парламента, однако для успеха выдвигаемых проектов нужно получить одобрение 176 депутатов. Подобные условия значительно повысили роль региональных партий, в особенности, движений, представляющих Каталонию (Левые республиканцы Каталонии и «Вместе за Каталонию») и Страну Басков (Баскская националистическая партия и «Бильду»). Многопартийная система дала новые возможности для развития регионализма.

Так, Каталония и Страна Басков активизировали свое взаимодействие с центром. В частности, летом 2021 г. испанское правительство сделало серьезный шаг навстречу каталонским властям, когда была объявлена амнистия 12 высокопоставленным каталонским политикам, которые были осуждены за организацию незаконного референдума, прошедшего 1 октября 2017 г. Уступка вызвала недовольство многих консервативно настроенных испанцев, однако каталонцы рассчитывали на дальнейшие шаги со стороны Мадрида в пользу предоставления региону права на самоопределение.

Тем не менее, этот шаг позволил провести два раунда переговоров между премьер-министром Испании Педро Санчесом и главой Каталонии Пере Арагонесом в июле и сентябре 2021 г. Стороны подтвердили необходимость продолжения диалога в рамках профильных групп, однако достичь прогресса по вопросу референдума о статусе Каталонии не удалось.¹

¹ El nuevo Govern de ERC y JxCAT dotará a los catalanes de una identidad digital propia // El Confidencial, 21.05.2021. URL: https://www.elconfidencial.com/espana/2021-05-21/nuevo-govern-erc-y-jxcata-catalanes-identidad-digital-propia_3090940/ (comprobado: 08.10.2022).

Следующая встреча между П. Санчесом и П. Арагонесом прошла спустя 10 месяцев – в июле 2022 г. Основным препятствием для развития переговоров была трудность в согласовании повестки нового раунда диалога. Каталония рассчитывала на обсуждение референдума о статусе региона, а Мадрид нацелен на взаимодействие в рамках правовой базы, утвержденной Конституцией 1978 г. и Статутом об автономии. Помимо этого, центральные власти объяснили неоднократный перенос переговоров ограниченностью ресурсов в условиях сложной геополитической ситуации, сформировавшейся на европейском пространстве ввиду украинского кризиса [3, с. 121–123].

В свою очередь, Страна Басков выбрала менее амбициозную повестку. Регион нацелен на расширение своих полномочий в самоуправлении в составе Испании. Летом 2021 г. автономное сообщество сумело добиться более конкретных успехов в этом направлении. Так, региону были переданы полномочия на сбор новых видов налогов в таких сферах, как электронная торговля, онлайн-услуги и определенные финансовые операции.¹ Однако в 2022 г. Страна Басков, как и Каталония, отошла на второй план в повестке дня испанского правительства, которое было вынуждено решать социально-экономические проблемы, усугубившиеся после начала санкционного давления Европейского союза на Россию.

Таким образом, формирование многопартийной системы в Испании предоставило Каталонии и Стране Басков новые возможности для влияния на разработку и реализацию повестки дня испанского правительства, чего автономии не имели в условиях двухпартийной системы. Теперь голоса националистических партий этих двух регионов играют решающую роль в успехе инициатив кабинета П. Санчеса. В 2021 г. автономии добились ряда успехов, получив уступки от Мадрида, однако в 2022 г. процесс переговоров центра с регионами замедлился ввиду украинского кризиса и последствий антироссийских санкций для экономики Испании.

¹ El Gobierno cede a Euskadi la recaudación de nuevos impuestos // La Expansión, 28.07.2021. URL: <https://www.expansion.com/pais-vasco/2021/07/28/6101427d468aeb50218b45db.html> (comprobado: 08.10.2022).

Список использованной литературы и источников

1. Хенкин С.М. Партийно-политическая система Испании: время испытаний // Полития. 2020. № 2. С. 182–191.
2. Верников В.Л. Парламентские выборы в Испании: социалисты вернулись во власть, и теперь – надолго // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. № 3. 2019. С. 34–41.
3. Орлов А.А. Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период // Современная Европа. № 2. 2022. С. 117–131.

*Вихрев Г.С., г. Липецк,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
Научный руководитель: Беляев Д.А., доктор философских наук,
профессор кафедры философии, политологии и теологии,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

ТЕОРИЯ КОРПОРАТИВИЗМА И ПРАКТИКА ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном мире мы каждый день наблюдаем определенную тенденцию усиления роли крупных корпораций в нашей обычной жизни. На примере государств Европы и США, мы можем видеть, как действия компаний национального и транснационального масштаба влияют на политику в их странах и наоборот, как государство влияет на развития этих компаний. За примерами далеко ходить не нужно: в июле 2020 года главы Apple, Google и Amazon и др., крупнейших американских компаний, выступали в конгрессе США на слушаниях по антимонопольному делу, отвечая перед государством о своем влиянии; в свою очередь, одна из важнейших социальных сетей Twitter, заблокировала аккаунт Дональда Трампа, что разразилось большим скандалом и многие заговорили о том, что позволительно делать корпорациям, а что нет. О подобной связи бизнеса и власти размышляют сторонники теории корпоративизма.

Целью нашей работы является экспликация основных признаков корпоративизма и их практическая реализация в рамках современной политической системы России. Для этого мы обозначим, что входит в понятие обсуждаемого термина, изучим кратко его историю, в частности в России и выделим главные особенности, присущие ему в нашей стране.

Чтобы глубже понять смысл этого понятия, обратимся к истокам его появления. Восходят они со специфической практики организации европейского общества. Ее суть заключалась в объединении индивидов в особые союзы, как правило, построенные по функциональному принципу. Другими словами, работая в одной отрасли, люди объединяются, чтобы продвигать свои интересы государству. Индивид в такой ситуации способен повлиять на государство тогда и только тогда, когда он имеет свой род деятельности и способен с кем-то объединиться, чтобы извлечь из него максимальную для себя выгоду.

Наиболее последовательная программа достижения общественной солидарности посредством корпоративного подхода построения социально-политических отношений была представлена в трудах Э. Дюркгейма, а подобных идей также придерживался Л. Дюги и даже католическая церковь – в лице Льва XIII, папы начала 90-х годов девятнадцатого века, они были изложены в фундаментальной энциклике *Regum Novarum*.

Имея подобную теоретическую базу, эта идея очень сильно распространилась в XX веке. Первой реализацией формы организации власти на практике являются фашистские режимы. При них эта модель начала играть на руку государству, так как корпорации создавались для облегчения их управления, ведь в объединения также собирались и государственные институты, что позволяло влиять на подобную форму организации управления как внешне, так и изнутри. А.В. Павроз пишет: «Фактически указанный тип корпоративизма стал своеобразной подсистемой тоталитарных и авторитарных режимов, суть которой состояла «в наличии жестких связей между принудительным образом созданными “корпорациями” или “синдикатами” и институтами государства, ответственными за состояние экономики и социальные отношения» [1].

Подобный опыт надолго оставил этот инструмент вне рамок обсуждения, хотя практики, которые он предлагает, активно использовались в государствах. На это указывает П.Я. Фельдман: «Даже в развитых странах Запада, демонстрирующих твердую приверженность идеалам политического плюрализма и либерализма, как правило, наличествуют «зонтичные» профцентры, которые берут на себя ответственность выступать от имени всей совокупности наемных работников». [2]

Появление термина в Российской научной среде можно отнести к середине 1990-х годов, однако ученые отмечают, что практиками корпоративизма в нашей стране пользуются с начала двадцатого века. Если исходить из этого, то изначальная горизонтальная и взаимовыгодная связь власти и бизнеса повернулась на 90 градусов, превратив эти отношения в более неравноправные.

Для российского политологического дискурса вообще характерно дуалистическое восприятие данной идеи. П.Я. Фельдман выделяет основные точки зрения: первая, которую он относит к середине 90-х и до середины 00-х, что становление этой формы взаимодействия государства и общества напрямую угрожает демократии, которая только начала становиться в нашей стране; и вторая, согласно которой, корпоративизм рассматривается уже с более нейтральной позиции. Некоторые исследователи считают, что в нашей стране уже существует подобная форма взаимодействия власти и общества. В качестве доказательства тезиса он пишет: «Наиболее характерные корпоративистские принципы воплощает в себе отечественная модель трипартизма, ориентированная на консенсус между государством, наемными работниками и собственниками капитала». [3]

Есть и такая точка зрения, что корпоративизм может нести за собой множество рисков как для нашего государства в целом, так и для общества в частности. Если говорить конкретно, то он может вести к монополизации институтов политического представительства, потере суверенитета гражданского общества, чрезмерной лояльности глав бизнес-гигантов и корпоративным сговорам.

Для примера существования корпоративизма в нашей стране можно взять слова М.И. Ивановой: «Бизнес элита нашего времени была сформирована из старой (советской) номенклатуры, и в то же

самое время была от нее отделена» [4], эти слова подходят под третье условие, о котором я говорил выше.

Говоря непосредственно об характеристиках российской модели корпоративизма важно упомянуть, что они существенно отличаются от характеристик этой модели в предшествующих государственных образованиях, то есть СССР и дореволюционная Россия. Однако, есть и общие черты, с которых мы и начнем говорить.

Самое важное – это наличие центрального, жесткого стержня в ведении внутренней политики. Государство стремится к тому, чтобы контролировать все больше и больше сфер жизни общества, что и создает так называемый государственный корпоративизм, при котором субъекты отношений вступают в жесткую административно-бюрократическую и политическую иерархию. Исходя из этого и характеристик, данных А.Э. Костиным [5], выделим такой список особенностей: Артикуляция идеи о создании корпораций исходит от властных элит; генеральных директоров государственных корпораций можно отнести к политическим фигурам, они не профессионалы, а имеют лояльность, необходимую властной элите; госкорпорации выступают политическими акторами; низкая эффективности.

Политологи дают и список причин, из-за которых подобные особенности имеют место быть в современной России. Это и несовершенство правовой базы в переходный период страны; и неразвитость слоя собственников, которые не привыкли владеть, распоряжаться чем-либо – качества, которые позволили бывшей и складывающийся политической элите приватизировать собственность государства себе в пользу, создавая полезные внутренние связи. Нельзя забывать об социальной незащищенности основной массы населения, которая находилась в состоянии сильнейшего социального расслоения – это уже мешало складываться среднему классу и гражданскому обществу, порождало патерналистские настроения. А до этого, в СССР институт профсоюзов, который должен был помочь в создании свободного и диктующего права общества института, был слишком сложен с властными структурами, что противоречило изначальной идее такого общественного объединения.

Как мы говорили ранее, корпоративизм как форма реализация власти может нести для общества и государства большие риски и

угрозы. Наша политическая система, как мы выяснили в этой статье, имеет множества признаков корпоративной формы взаимодействия власти и общества в лице компаний. Изначальная дореволюционная форма взаимодействия перешла в нынешний симбиоз, внутри которого государство заняло главенствующую позицию. Корпоративизм глубоко вошел в политическую культуру наших элит. Однако, для эффективной работы подобной формы во главе крупных корпоративных объединений должны стоять люди, желающие для страны блага и развития, патриоты страны. И не маловажно, чтобы во главе также находились люди, заинтересованные не в своей собственной выгоде, а в благополучии общества и каждого гражданина в отдельности. Иначе, имея сильную вертикаль власти и недобросовестную элиту, мы рискуем оказаться в условиях «клиентелизма», при котором государство становится заложником олигархических сил и клановых связей. Политическая элита в условиях корпоративизма является главами «мегакорпорации», которая имеет бюджет, производственные мощности, ресурсы и своего рода акционеров – граждан как потребители и имеет монополию на насилие, которым может воспользоваться.

Список использованной литературы и источников

1. Павроз А.В. Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология № 4. 2009 г. С. 50–61.
2. Фельдман П.Я. Становление корпоративизма в современной России: Угрозы и возможности // Свободная мысль. № 1 (1667). 2018. С. 15–22.
3. Фельдман П.Я. Корпоративистские тенденции в конституционном процессе современной России // Свободная мысль. № 3 (1681). 2020. С. 105–116.
4. Иванова М.И. Корпоративность как приоритетный фактор формирования российской политической элиты // Государственная служба. № 6 (104). 2016. С. 16–20.
5. Костин А. Э. Политические особенности современной модели российского государственного корпоративизма: власть и корпора-

тивные структуры // Управленческое консультирование. № 7 (115). 2018. С. 139–145.

*Вьюкова А.И., г. Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Будко Д.А., кандидат политических наук,
доцент кафедры политических институтов и прикладных
политических исследований, Санкт-Петербургский государственный
университет*

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Под влиянием глобализационных и геополитических процессов, в условиях нестабильности внешней среды особенно остро поднимается вопрос состояния идеологического пространства современной России. Обращаясь к ретроспективному анализу цивилизаций, видно, что признание центральной идеи, наиболее полно отражающей общую цель, интересы, единую стратегию взаимодействия и развития противостоит упадку социального образования. В реалиях сегодняшнего времени совокупность представленных ценностей трактуется как национальная идея.

С усилением эклектизма обращение к концепту “идеологического пространства” происходит все чаще. Идеологическое пространство представляет “систему ментальных ценностей данного общества [1]. Ментальные ценности лежат в основе социально-культурного ориентирования и формирования жизненных приоритетов граждан. В.С. Пусько обозначает идеологическое пространство как “место реализации идеологических явления, процессов и событий, в которых заинтересовано большинство индивидов, социальных групп и институты власти” [2]. Идеологическое пространство, идеологическое время и идеологическая инерция являются основополагающими компонентами формирования определенной идеологии.

Современные исследования трактуют о кризисе идеологических процессов в России, которые наиболее ярко проявляются в

упадке национально-мировоззренческих ценностей, в неспособности объективно оценить реалии гибридной войны и противостоять ее вызовам, а также отложенный вопрос о национальной идее в российском многонациональном обществе [3].

В политическом пространстве России после распада Советского Союза стали выделяться идеология либерализма, идеология консерватизма, идеология европеизма, социально-демократическая и др. И отсюда важный вопрос, возможно ли обеспечить прогрессивную динамику развития общества при отсутствии базисных положений, идей, синтезирующихся в единую идеологию? Деидеологизация общества может стать одним из весомых факторов риска, приводящих общество к деструктивным последствиям в самых различных сферах: политический беспорядок, экономический спад, дезориентация в духовно-нравственном плане.

Де-юре государственная идеология в России на сегодняшний день отсутствует. Идеологическое многообразие и невозможность установки никакой идеологии в качестве государственной или обязательной юридически закреплено в Конституции РФ ст.13 пункты 1 и 2¹. Таким образом, идейное многообразие может порождать проявления феномена кентавризма [4], представляющего нечто подобное сосуду общественного сознания, наполненного различными идеологическими структурами. В противовес оформлению государственной идеологии представляло бы артикуляцию интересов современного российского общества. В качестве выхода из состояния разобщенности общества целесообразно обратиться к идеологии как концентрату преобладающих социальных интересов, скрепляющих самосознание российских граждан.

Нужно отметить, что несмотря на наличие в идеологическом пространстве противоречий, например между традиционными национальными идеями и глобальной идеологической экспансией, анализ нормативных-правовых источников показывает, что происходят постепенные процессы создания государственного варианта идеологии.

¹ Конституция Российской Федерации. 1993. (дата обращения 10.10.2022 г.). URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701f8e63f48c943e8175be16462/?ysclid=9a0hf9szh959855510

Заметим, что Конституция содержит в себе идеологемы, например “человек, его права и свободы являются высшей ценностью”¹ и т.д. Однако, легальное толкование Конституционным судом РФ государственной идеологии, которое подразумевает в первую очередь факт навязывания, разрешает в какой-то мере коллизию, возникшую на основе фиксации в идеологическом документе невозможности установления государственной идеологии [5]. Помимо основного закона РФ идеологемы встречаются в Посланиях Президента РФ, в таких программных государственных документах как “Стратегия национальной безопасности”, что отображает процесс формирования особого рода идеологии, имеющую неочевидную и обтекаемую форму, но используемую в государственном регулировании социальных процессов.

Среди разнообразных идеологических концепций, отметим одну из самых актуальных на сегодняшний день – это идеология патриотизма. Здесь нужно проявить аккуратность, поскольку идеология патриотизма в том числе может использоваться такими негативными формами самоопределения как экстремизм, расизм, фашизм и др. Но, обратившись к определению патриотизма отечественного исследователя А.А. Крупника, видим, что “патриотизм-идеология и психология, политика и деятельность, выражающие особое, любовно возвышенное, преданное отношение к Отечеству” [6]. То есть, сущность патриотизма заключается в осознанной любви к своему Отечеству, к своей нации, национальной и культурной идентичности, а также проявляется в готовности защищать цели своего государства. Патриотизму не присущ негативизм, это есть компиляция высших чувств к Родине пассионариев народов России. Особенное внимание уделяется подрастающему молодому поколению. Как отмечает О.В. Афанасьева “сохранение и развитие духовных ценностей...важнейший вектор воскресения России” [7]. Нельзя не отметить, что молодое поколение наиболее восприимчиво для интериоризации ценностей, не свойственных для традиционной системы национальных ценностей, а навешанных экзогенными источниками. И здесь можно еще раз проанализировать предлагаемое трактование

¹ Конституция Российской Федерации. 1993. (дата обращения 10.10.2022 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ec8354bcf00aac2d2899fbf033c3ef963e91411e/?ysclid=19a2rava42184885662

“идеологического пространства” как системы ментальных ценностей. То есть, кризис идеологических процессов берет свое начало на уровне ментальности. Так, А.В. Тонконогов пишет, что “ментальность – это иммунитет нации...Утрачивая идеалы, которые понятны нации на ментальной уровне, мы утрачиваем свою уникальность как национальную, так и общечеловеческую” [8].

Несмотря на наличие антиномии идеологических платформ в российском идеологическом пространстве на фоне мировой идеологической экспансии, легитимная идея в конституционно-правовом поле присутствует и нацелена на перспективное развитие общества. В качестве наиболее ярких проявлений кризиса отмечается отсутствие фигурирующей национальной идеи. Однако, в XXI веке ставится упор на национальную идеологию патриотизма. Например, это можно проследить, рассматривая в качестве одного из приоритетных образовательных направлений в российском образовании - патриотическое воспитание в общеобразовательных школах. При активном воссоздании идеологии как минимум на уровне российских ментальных ценностей, опирающихся на идеи об уважении к своему Отечеству, ожидается лишь укрепление силы и культурного процветания Российской Федерации.

Список использованной литературы и источников

1. Комлева Н. А. Идеологическая граница как предел идеологического пространства: сущность и специфика технологии защиты // Н. А. Комлева // Пространство и время. 2010. № 1. С. 22–26.
2. Пусько В.С. Идеология в конституционном поле современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 3. С. 137.
3. Аникиев М.В., Богатырев Д.К., Борисов И.В. Идеологии и генезис ценностей современного общества: монография. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 351 с.
4. Тощенко Ж. Т. “Кентавр-проблема” как особая форма противоречий общественного сознания и социальной практики // Социология власти. 2011. № 2. С. 14–19.

5. Коровина Ю.Ю. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в сфере идеологического многообразия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2017. С. 78–83.

6. Крупник А.А. Патриотизм в системе гражданских ценностей общества и его формирование в воинской среде. Автореф. Дис. Канд. филос. Наук. М., 1995. 196 с.

7. Афанасьева О.В. Социально-гуманитарные знания – основа социального управления российским государством // Социально-гуманитарные науки и мир в XXI веке. М.: «Социально-гуманитарные знания», ч. 1, 2009. С. 45.

8. Тонконогов А.В. Патриотизм как идеология современной России // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 5. С. 31–38.

*Гаас А.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Коротец И.Д., доктор философских наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

ДОКЛАД RAND О ДЕЙСТВИЯХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ И СДЕРЖИВАНИЮ: ПОНЯТИЯ, ВОПРОСЫ, ГИПОТЕЗЫ И ВЫВОДЫ

В последние годы США и их союзники по НАТО серьёзно обеспокоены множеством инцидентов между самолётами и кораблями России и стран блока НАТО, а также участвовавшими военными учениями разной степени масштабности, проводящимися РФ как ответ действиям союзников вблизи своих границ. Все эти действия со стороны России оцениваются в альянсе как ограниченные военные акции, которые несут определённые сигналы, адресованные непосредственно США и их союзникам. До недавнего времени не проводилось серьёзных исследований, которые могли бы объяснить и классифицировать сигналы, которые РФ отправляет НАТО в случае каких-то событий, связанных с политической и военной составляющей. В этих целях корпорацией RAND, которая является одной из «фабрик мысли», было

проведено масштабное политологическое исследование, целью которого было выявить мотивы, характер, тенденции и закономерности военных и дипломатических сигналов, посылаемых Россией блоку НАТО и конкретно Соединённым Штатам Америки.

Перед тем, как перейти к основной сути, мы должны прояснить несколько важных для понимания исследования RAND терминов, и начнём мы с «signaling». В западной традиции этот термин обозначает набор большого количества различных действий и акций, включая заявления и дипломатические соглашения, которые государства используют для общения друг с другом. В российской военной науке нет похожего термина, однако, есть несколько смежных с ним концепций, которыми (предположительно) пользуется российское военное и политическое руководство для общения с блоком НАТО и США, в частности. Вместо термина «signaling» в российской традиции авторы RAND выделяют несколько смежных понятий, на основании которых строятся мероприятия военно-политического руководства РФ по «сигнализированию» альянсу о своём статусе, красных линиях и недовольстве. Среди этих понятий можно выделить «демонстрационные действия» и «сдерживающие действия». Демонстрационные действия – «целенаправленная и открытая демонстрация военной мощи государства возможному или формирующемуся противнику, подтверждающая готовность и решимость руководства страны использовать имеющуюся военную силу для защиты жизненно важных интересов государства и обеспечения стратегического сдерживания... Они (мероприятия) осуществляются в мирное и военное время.» Сдерживающие действия – показательные действия, демонстрация противнику изменений в состоянии готовности сил, однако они имеют специфическую особенность, а именно открытость (противник может быть заранее уведомлён об этом).

Главные вопросы, которые американские исследователи из RAND поставили перед собой в своём труде, звучат следующим образом:

- 1) Какие основные движущие силы принудительного сигнального поведения России?
- 2) Есть ли тенденции и закономерности в таком поведении?
- 3) Что думают о сигналах российские военные стратеги?

4) Как США могут наилучшим образом интерпретировать будущие действия России?

Для ответа на 1 и 2 вопросы, они выдвинули 9 гипотез и проверили каждую из них имевшимися у них средствами, после чего составили ряд схем для объяснения и обобщения результатов по этим гипотезам.

Гипотеза Н1а – тактическое принуждение, направленное к изменению текущих военных акций.

Гипотеза Н1b – оперативное принуждение, направленное на изменение модели поведения, обычно для того, чтобы данное действие не повторялось в будущем.

Гипотеза Н1с – дипломатия принуждения, направленная на принуждение к переговорам и связанная с текущими событиями.

Гипотеза Н2 – сдерживание возможной агрессии противника.

Гипотеза Н3 – сигнализирование статуса, направленное на то, чтобы противник признал высокий статус России.

Гипотеза АН1 – российские пилоты и капитаны действуют непрофессионально, или без разрешения.

Гипотеза АН2 – любое увеличение числа инцидентов связано с возрождением военного потенциала России.

Гипотеза АН3 – инциденты являются искусственными попытками разжечь напряженность в отношениях с Западом, чтобы создать эффект сплочения страны и укрепить рейтинги Владимира Путина.

Гипотеза АН4 – Россия провоцирует США на эскалацию, дабы собрать как можно больше подробных разведданных о возможностях США, их готовности и концепциях применения сил.

По итогу исследования этих гипотез, наиболее вероятными были признаны гипотезы Н1а, Н1b и Н2. В ходе проверки гипотез применялись 3 основных метода – case studies, количественный анализ и анализ стратегии. Исследователи отмечали, что для анализа некоторых гипотез не хватало исходных данных, или же если они и имелись, то их нельзя было качественно подтвердить или опровергнуть. Это касалось гипотез Н1с, Н3 и гипотез АН1-АН4.

На основании того, что согласно исследованию, самыми вероятными остались гипотезы Н1а, Н1b и Н2, были сделаны следующие выводы: основные движущие силы принудительного сигнального

поведения связаны с действиями США и альянса в государствах, граничащих с Россией. Чем больше действий США и НАТО в странах бывшего СССР, тем большее количество инцидентов на море и в воздухе происходит в определённый месяц. Согласно американскому исследованию, количество опасных манёвров российских истребителей, бомбардировщиков и кораблей около военных кораблей и воздушных судов США и НАТО возрастает в 7 раз. Эта деятельность направлена не только на формирование поведения НАТО и США в ближайшем будущем, но и на пресечение их деятельности в тех географических точках, где это вызывает «боль» у России. Учения и тренировочные полёты ВС РФ в то же самое время не несут серьёзной угрозы для безопасности стран НАТО, так как являются плановыми и предсказуемыми.

Ответ на 3 вопрос учёные корпорации RAND ставят достаточно прямо – российские военные стратеги считают, что поступают абсолютно верно в текущей политической и военной ситуации в мире. С их стороны, упреки в адрес российских пилотов и капитанов необоснованны (в то время как критика военных НАТО является, по их мнению, абсолютно справедливой). НАТО и США постоянно демонстрируют враждебность и угрозу РФ, часто нарушают воздушное и водное пространство РФ, поэтому российские самолёты и корабли постоянно отгоняют «непрощенных гостей» от своей территории, делая это сугубо профессионально и безопасно, жалобы НАТО на «не профессионализм» российских военнослужащих, по их мнению, не являются правдивыми.

Отвечая на последний вопрос, американские исследователи акцентируют внимание на проведённом исследовании, отмечая, что отчёт является эмпирически обоснованным. Это исследование первое в своём направлении по анализу сигналов, которые Россия адресует НАТО и США. Фактически, эта работа является шаблоном для будущих исследований поднятой в нём проблематики. Если он покажет свою состоятельность в значительном временном промежутке, то результаты этого исследования будут полезными и эмпирически обоснованными инструментами для понимания российской политики и стратегии сдерживания и принуждения.

В качестве вывода можно сказать, что исследователями RAND были проанализированы большие объёмы данных, полученных с 2014 по 2021 год, которые позволили впервые получить объективное представление о том, как, когда и при каких условиях российские военные стратеги используют принуждение и сдерживание как ответные и показательные меры на активность американских и союзнических войск, подтвердив свои гипотезы количественным подсчётом, методом case studies и анализом официальных опубликованных российских документов по военной стратегии.

Список использованной литературы и источников

1. Charap, Samuel, Andrew Stravers, John J. Drennan, Dara Massicot, Sean M. Zeigler, Gregory Weider Fauerbach, Mark Staczynski, and Melissa Shostak, Understanding Russian Coercive Signaling. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR198-9.html.

2. Военная энциклопедия [Текст] : в 8 т. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории ; гл. ред. комис.: П.С. Грачев - пред. [и др.]. - Москва : Воениздат, 1994.

3. «Носит враждебный и провокационный характер»: в ВКС заявили об отработке США авиаударов по России // russian.rt.com URL: <https://russian.rt.com/russia/article/782481-vks-rf-trenirovka-udar-ssha> (дата обращения: 14.10.2022).

4. Сдерживание стратегическое // encyclopedia.mil.ru URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14206@morfDictionary> (дата обращения: 14.10.2022).

5. Пентагон обвинил российских военных летчиков в непрофессионализме // fedpress.ru URL: https://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1428903814-pentagon-obvinil-rossiiskikh-voennykh-letchikov-v-neprofessionalizme (дата обращения: 14.10.2022).

*Головина Н.С., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет;*

*Широков В.О., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

*Научный руководитель: Морозова Е.А., кандидат политических
наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА ПОСРЕДСТВОМ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА

Особую роль в современном обществе играют такие источники коммуникации между властными структурами и гражданами страны, как информационные агенты, ТВ-каналы, газеты и т.д. Они выполняют ряд задач, направленных на информирование населения, представление позиций различных участников социально-политической жизни, а также транслируют свое видение происходящих в мире событий. СМИ выступают площадкой для сражений «за правду», и какая сторона окажется более убедительной, которой доверятся массы, та и одержит победы в реальных сражениях. В данной статье мы рассматриваем работу масс-медиа в России, начиная с февраля 2022 года, поскольку в этот период произошел значительный сдвиг политического курса, выявляем методы и стратегии, используемые в процессе информирования населения о событиях, происходящих как в Российской Федерации, так и в мире в целом.

Характерной особенностью репрезентации политического курса посредством наиболее цитируемых российских ТВ-каналов (по данным Медиагогии) в период начала СВО (конец февраля 2022 года) является практически полное отсутствие новостей, описывающих и информирующих массового зрителя о событиях внутренней политики страны. Информационное медиаполе перегружено новостями о начале проведения специальной военной операции на Украине: СВО освещается в позитивном ключе, российская армия рассматривается в качестве защитников и спасителей русскоязычного населения Донбасса и остальной части Украины. В то же время российские ТВ-каналы формируют у массового зрителя соответствующее отноше-

ние к Украине и, в первую очередь, к правительству и вооруженным силам Украины, прямо используя в телепрограммах такие слова-маркеры, как «наркоманы», «бандеровцы», «неонацисты», «террористы», «хаос», «беспредел». Основной кейс для российских ТВ в данный период времени заключается в том, что СМИ рассматривают украинских военных как преступников, использующих в качестве живого щита невинное гражданское население. Кроме того, в весенних выпусках ТВ-новостей учащаются репортажи и материалы о пленных военных ВСУ, которые в новостном медиадискурсе выступают в качестве жертв киевского режима. «Брошенные командованием», «отправленные на смерть» и «незаконно мобилизованные» украинцы дают интервью российским телеканалам, где подробно и в негативном ключе описывают свое пребывание в ВСУ, несправедливое отношение командования к ним на фронте. Данные материалы реализуют кейс «народ Украины – не руководство Украины», разграничивают для российского массового зрителя данные понятия и объясняют, что главный враг СВО и России в целом – не простой украинец, а, в первую очередь, украинские военные генералы и политические элиты, отдающие преступные приказы.

Необходимо отметить новостные сюжеты со следующей позицией: Россия встала на путь избавления от долларовой зависимости – в данном ключе ее образ представляется как мировой освободитель от экономического гнета США. СМИ подтверждают подобные выводы особой подборкой новостного ряда, с высказываниями и поддержкой России более дружественных к нам стран. СМИ демонстрируют способность России функционировать и в период санкций, Владимир Путин неоднократно подчеркивает желание стран Запада нанести ощутимый урон России с давних времен. Кроме того, стоит отметить появление в официальных новостях публикаций, связанных с былыми великими победами России. Все это подтверждает простым обывателям мощь и исключительность Российской Федерации, а также несомненную правомерность и успех тех действий, которые проводит политическая элита. Усиление консолидации общества в кризисные периоды является приоритетной задачей правящих групп, поддержка гражданами курса, выбранного властью, стабилизирует ситу-

ацию внутри страны и направляет общие усилия на достижение поставленных задач.

Если рассматривать методы влияния СМИ на массового зрителя, то можно отметить следующие тенденции: освещение угрозы безопасности Донбасса, подкрепляемое наличием нацистских взглядов украинской элиты, специальную военную операцию масс-медиа представляют как способ денацификации и демилитаризации Украины, с целью защиты жителей ЛНР, ДНР и РФ. Кроме того, в СМИ активно распространялась информация о наличии химических лабораторий на территории Украины и соседних стран СНГ – данный кейс вызывает у массового зрителя страх за себя и своих близких, что впоследствии ведет к одобрению политических действий любого характера, такими способами руководство Российской Федерации пытается донести до своих граждан необходимость перехода на использование активной военной силы.

Отслеживается четко выстроенная структура формирования новостной повестки: выпуски начинаются со сводки ситуации на территории проведения СВО, подчеркиваются особые способности и успехи военных РФ, ДНР и ЛНР. Вторая половина выпуска сопровождается информацией об успехах России в преодолении трудностей в экономической сфере, заканчивается выпуск освещением позитивных событий. Если рассматривать мировые новости, то, чаще всего, повестка выглядит следующим образом: создается общая картина глубокого кризиса, в первую очередь, в недружественных к России странах, в то же время ситуация в дружественных и нейтральных странах обычно презентуется СМИ положительно. Такая структура позволяет направить мысль адресата и закрепить в его памяти те участки программы, которые имеют особую значимость и создать определенную картину мира, после просмотра новостей у зрителей в их сознание, все услышанное ими упорядочивается, выстраивается в целостную картину, вследствие чего у них формируется их собственное мнение о происходящих событиях.

В современном мире масс-медиа стали крупными игроками политической арены. Они одними из первых получают информацию о событиях и имеют огромное влияние на ее распространение. Агенты информационных служб задают повседневный дискурс, вокруг кото-

рого выстраиваются наиболее обсуждаемые темы. Власть осуществляет свою политику через данные структуры, используя методы и приемы для более эффективного распространения своего влияния. Особенно явно это можно наблюдать в период напряженной ситуации внутри общества. Из нашего исследования можно выделить приемы, которыми пользуются властные структуры, для экспликации своей деятельности посредством масс-медиа. В целом трансляция основного политического курса проводится успешно, можно наблюдать в обществе поддержку политических лидеров и их действий, что говорит об эффективной работе информационных агентов.

Список использованной литературы и источников

1. «Воскресное время» 27 февраля 2022 // 1tv.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2022-02-27/21:00> (дата обращения: 14.10.2022).
2. «Воскресное время» 8 мая 2022 1tv.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.1tv.ru/news/issue/2022-05-08/21:00> (дата обращения: 14.10.2022).
3. «Время» 1tv.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2022-07-01/432452-vypusk_programmy_vremya_v_21_00_ot_01_07_2022 (дата обращения: 15.10.2022).
4. «Воскресное время» 1tv.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2022-07-31/434663-vypusk_programmy_voskresnoe_vremya_v_21_00_ot_31_07_2022.
5. «Новости за неделю» 8 мая 2022 smotrim.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2408755> (дата обращения: 15.10.2022).
6. «Новости за неделю» 31 июля 2022 smotrim.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2452583> (дата обращения: 15.10.2022).
7. «Новости за неделю» 27 февраля 2022 smotrim.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2387946> (дата обращения: 15.10.2022).

*Горошкова А.С., г. Екатеринбург,
Уральский федеральный университет Научный руководитель:
Куныщиков С.В., доцент,
зам. директора Департамента политологии и социологии,
Уральский федеральный университет*

РАЗВИТИЕ ТАЙВАНЬСКОГО ВОПРОСА В ХХІ ВЕКЕ

Тайваньский вопрос на протяжении нескольких десятилетий остается актуальным, а в настоящее время является одним из важнейших вопросов международной повестки. Он возник после окончания гражданской войны в Китае, когда Коммунистическая партия Китая во главе с Мао Цзэдуном одержала победу над Гоминьданом, лидером которого был Чан Кайши, чье правительство бежало на Тайвань, где и была провозглашена Китайская Республика, которая тогда объявила себя официальным представителем всего китайского народа. [1, с. 9].

После провозглашения КНР в 1949 году возникла проблема существования «двух Китаев», оба государства находились в “полупризнанном состоянии” в течение нескольких десятилетий. США признали КНР лишь в 1979 году. До 1971 года китайскую нацию в ООН представляла Китайская Республика, а не КНР. [2, с.148] В настоящее время несмотря на то, что КНР является одним из крупнейших государств, постоянным членом Совета безопасности ООН, есть страны, признающие Китайскую Республику как представителя китайского народа.

Тайвань – остров, с населением более 20 млн человек имеет развитую экономику. На Тайване располагается крупнейший в мире производитель полупроводниковых компонентов TSMC (Taiwan Semiductor Manufacturing Com), по различным оценкам на его долю приходится от 50 % всего рынка полупроводниковой промышленности. Тайвань имеет важное стратегическое местоположение для контроля судоходства и торговли в Южно-Китайском море, через эти морские пути, а также через Малаккский пролив проходит примерно 40% трафика мировой торговли и транспортируется до 80 % объемов китайского импорта нефти и газа, а через Малаккский пролив

проходит около половины всего мирового тоннажа торгового флота и трети общемирового морского трафика. [3, с.22]

Тайваньский вопрос обострился с приходом к власти Демократической Прогрессивной партии (ДПП), которая считает Тайвань – суверенным и независимым государством, в настоящее время и администрация Цай Инвэнь, правящего президента острова, выступает за официальное провозглашение и признание независимости острова. [3, с. 21].

Очевидно, что мирное воссоединение материкового Китая и Тайваня, было бы наилучшим вариантом для обеих сторон. Однако этому существуют препятствия как внутренние, так и внешние, решение проблемы «двух Китаев» во многом зависит от *позиции США*. КНР многократно превосходит КР в численности населения, экономической мощи и военной силе и в условиях силового противостояния становится очевидным, что остров не может противостоять материковому Китаю в одиночку.

США выгоден затяжной конфликт между материковым Китаем и островом, так как он ослабляет наиболее сильного потенциального противника США, поскольку американская экономика подвержена негативному влиянию инфляции, приближаясь к рецессии, поэтому в целях сохранения первенства сохранения экономического и политического влияния на международной арене Соединенные Штаты будут и дальше провоцировать Китай на применение военной силы, также администрация Президента США может поддерживать провозглашение независимости Тайваня. Так, разыгрывание «тайваньской карты», педалирование проблемы китайской угрозы в американском обществе помогает политикам США отвлечь население от внутренних проблем. Тайваньский кризис и последующие за ним последствия как экономического, так и военного характера могут быть использованы американской администрацией с целью обвинить в происходящем КНР и консолидировать общество вокруг внешнего врага.

Еще в 1979 году Конгрессом США был принят “Закон об отношениях с Тайванем”. [2, с.160] Данный законодательный акт устанавливает обязательства США по предоставлению оборонительных средств и услуг, в том числе в случае внешних угроз безопасности социальной, экономической системы Тайваня, характер и объемы ко-

торых определяются Президентом и Конгрессом США. Обязательства об оказании военной поддержки, или вступлении в конфликт на стороне Тайваня официально не закреплены.

Если на стороне Тайваня вступят США, то их противостояние с Китайской народной республикой может стать крупнейшим военным конфликтом XXI века. В то же время необходимо понимать, что открытое противостояние Китаю грозит очень серьезными издержками, тогда как оказание материальной и военной поддержки Тайваню является гораздо более приемлемым вариантом. Оказывая Тайваню военную помощь, Соединенные Штаты затягивают конфликт, заставляя материковый Китай отвлекаться от решения внутренних социально-экономических проблем, что даёт время на восстановление американской экономики.

До сих пор США придерживаются политики “стратегической двусмысленности” по отношению к Тайваню: с одной стороны, нынешняя администрация признает Тайвань частью КНР, с другой стороны, Соединенные Штаты поддерживают экономические и дипломатические отношения с островом.

Визит спикера Палаты Представителей, третьего по значимости лица в политической системе США, Нэнси Пелоси на остров, – знаковое событие в истории китайско-американских отношений в XXI веке.

После поездки Нэнси Пелоси произошли некоторые изменения в линии отношения США к проблеме «двух Китаев». Например, в ходе недавней поездки на Тайвань бывший госсекретарь США Майкл Помпео назвал Тайвань независимым государством, а ранее Марша Блэкберн, сенатор США от штата Теннесси также заявила о независимости Тайваня после посещения острова. Джон Болтон, бывший Советник президента США по национальной безопасности предложил США отказаться от политики “стратегической двусмысленности” и признать Тайвань независимым государством. Вероятно, бывшие и действующие американские государственные деятели будут продолжать высказываться за независимость Тайваня.

Китай не начал военных действий после визита Пелоси, однако НОАК провела ряд беспрецедентных крупномасштабных военных учений. Военные учения в Тайваньском проливе становятся новой

нормой. Китайские военные самолеты и корабли все чаще заходят за срединную линию, разделяющий Тайваньский пролив.

Тайваньский кризис будет иметь и серьезные экономические последствия: с ростом напряженности китайско-американских отношений, на транснациональные компании, работающие в КНР, начали оказывать давление США, требующие, чтобы они диверсифицировали своих партнеров по бизнесу, так, например, компания Apple расширила производство своих гаджетов в Индии.

Международные компании также рассматривают возможность переноса бизнеса с территории Тайваня или составляют планы эвакуаций в случае напряженности в Тайваньском проливе. По данным Willis Towers Watson, британо-американской страховой консалтинговой компании, страховые фирмы уже повысили стоимость страховки для финансовых организаций, работающих в Китае и на Тайване, в среднем на 67 %, а семь компаний из списка Fortune 500 попросили американскую фирму Global Guardian описать возможные события, которые оправдали бы эвакуацию людей и активов с Тайваня.

Тайваньский вопрос в настоящее время представляется одним из самых сложных и противоречивых, несмотря на стремление Тайваня отсоединиться от КНР, экономики регионы тесно взаимосвязаны, во многом Тайвань зависит от торговли с материком. Однако провоцирование конфликта со стороны США, изменение риторики и действий США и КНР говорит обо всё большей неизбежности военного конфликта на острове.

Список использованной литературы и источников

1. Кулешова Н. С., Чжан Ч. Силовой путь объединения Тайваня с материковым Китаем // Обозреватель № 9–10. (165.) 2022. С. 5–28.
2. Сведенцов В. Л. Тайваньский вопрос на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. № 3(54). 2019. С. 146–164.
3. Зайнуллин Т.Р., Пеньковцев Р.В. Тайваньский вопрос в системе межгосударственных отношений КНР и США в XXI веке. // Человеческий капитал № 5 (161). С. 21–27.

*Груздев Д.Д., г. Чебоксары,
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
Научный руководитель: Шумилов А.В., кандидат политических наук,
доцент, Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова*

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ВКЛАД В ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИИ

В современных условиях мы видим, что взаимовлияние государства и общества сталкиваются с множеством трудностей, что в контексте необходимости постоянной модернизации и развития, является отягчающим явлением, обычно государственные СМИ стараются мобилизовать граждан под идеей сильной и самодостаточной державы, однако, само же государство берёт под свой контроль эти процессы, тем самым ухудшая качество и степень самоорганизации населения, которое по самоцели гражданского общества должно быть своеобразным противовесом гегемонии государства.

Причины малочисленности гражданских институтов можно найти в истории нашей страны, в Советское время идеи этатизма и тоталитаризма были фундаментом общественной жизни, что не позволило после его распада создать в России полноценный средний класс, построить конкурентоспособную рыночную экономику и до сих пор немалая часть населения думает не о том, как улучшить свою страну и внести вклад в её развитие, а как бы выжить и сохранить то, что имеет.

Знаменательно, что немало людей всё же сохранили ценности коллективизма, согласно исследованию, наши граждане чувствуют ответственность за положение страны на международной арене, около 40 % следят и стараются принимать участие в жизни своего района, улицы, дома. Однако доля людей, обращающих внимание за новостями и событиями в масштабе города и региона, уменьшается до 15–16 %, в стране в целом 13 %. Вероятно, это связано со значительной дифференциацией и разбросом населения по огромной территории государства, что несколько затрудняет контакты и взаимосвязь жителей разных муниципалитетов и регионов, а также ориен-

тация большинства населения на создание благополучного экономического положения в первую очередь вокруг себя, своей семьи, а уже потом улицы, города и всей страны [1].

Ключевой особенностью современности является возрастание значения СМИ и повсеместная информатизация и интернетизация общественных отношений. Быстрота, удобство и вовлеченность молодёжи мотивируют новую сетевую модель активности граждан. К основным признакам можно отнести: существование и достаточно большая степень децентрализации информационно-технологического рынка, рост непроизводственного, постиндустриального сектора экономики, рост доминирования информации, как ключевой ценности общества, наличие доступной и широко представленной сети интернет (в России интернет один из самых дешёвых и доступных в мире); существование глобальной сети при независимости отдельных информационных пространств, то есть своеобразная свобода слова в сети, хоть и имеющая ряд ограничений [2].

В контексте выступлений граждан последнего времени можно отметить тот факт, что общественные движения (За свободные выборы в Москве, Зелёное Содружество, выступления союзов дальнобойщиков или жильцов) могут произвести значительно больший эффект за минимальное время в политической борьбе, благодаря своей стихийности и массовости, меньшему порогу входа и отсутствию строгого соблюдения партийной идеологии и т.п.

Активная работа и функционирование инициатив и форм организации через добровольную консолидацию населения даёт того, нужного для модернизационных процессов конкурента, который при пассивности гос. аппарата сможет предоставить альтернативу в управлении. Наше государство пресекает это попытки «на корню», тем самым создавая для себя условия комфортной стабильности. Однако молодое поколение видит застойные явления и всячески хочет их преодолеть, помочь этому может изменение законодательства, заступающее долго находится в «чиновничьем кресле», возрастание количества и качества общественных и молодёжных форумов, налаживание контакта всей вертикали власти с населением, немаловажным является введение возможности отзыва мандата депутатов, которые по мнению народа уже не представляют его интересы.

В настоящее время многие жители России небезосновательно убеждены, что стать не только на верхние, но и на средние ступени социальной лестницы невозможно без использования коррупции или «связей», требующие нарушения законов и норм морали, на которые обычно ставят акцент политики в своих выступлениях. Исходя из этого, проблемой усовершенствования сферы политики является мотивация политической активности граждан, их продвижение во властные институты для управления государством и обществом наиболее достойными и компетентными людьми, что опять же требует открытости системы полит. элит и более сильного общественного контроля за ней [3].

Решением должно стать реанимирование прежних и создание новых механизмов влияния гражданского общества на власть. Для этого реформирование политической системы должно выйти за границы федерального уровня и охватить политическую жизнь регионов и муниципалитетов. Созидание гражданами структур гражданского общества строится именно из городов и посёлков, где люди тесно контактируют друг с другом и обмениваются мнениями по тем или иным вопросам социально-политической жизни, если создать правовое пространство и разрешить реальное влияние органов местного самоуправления и объединений граждан, за счёт этого возрастёт количество людей, заинтересованных в качественном изменении своей жизни, начиная со своего села или города, что должно начать процесс всеобщей модернизации с «низов».

Роль главного конкурента в лице консолидации населения составляет государство панически запрещать или подчинять себе самые активные из институтов, тенденция формирования среднего класса всё же растёт, новое поколение осознаёт свою причастность в создании будущего России (повсеместное создание молодёжных правительств и ориентация партий на создание молодёжных отделений). Ещё один значимый результат межсекторного взаимодействия – это улучшение отношения людей к добровольчеству, всё больше граждан осознанно проявляют себя в этой сфере, государство же взяло на себя роль учредителя волонтерских центров и ввело систему конкурсного выделения финансирования [4].

Комплекс субъектов гражданского общества и политических элементов – будет предотвращать опасные проявления авторитаризма и тоталитаризма государства, всегда возникающих в периоды преодоления кризисных явлений на внутренней или международной арене. Для этого всё же требуются небольшие уступки от всеобъемлющего контроля государства, что с учётом жёсткой вертикали власти, большого влияния армии и правоохранительных органов на общественную жизнь исключает опасения по поводу революций, прихода к власти иностранных агентов и т. п.

В процессе вертикального диалога гражданские институты способны более внятно и конкретно объяснить их цели и задачи для дальнейшего роста благосостояния и справедливости. Для улучшения отношения общества и эффективного существования других институтов гражданской самоорганизации государству следует выделять определённые квоты на помещения для НКО и неправительственных организаций за счёт муниципальной собственности, где могли бы свободно собираться, генерировать идеи представители активных слоёв населения, немаловажно в таком случае периодически создавать открытые сессии, где люди смогут высказывать свои предложения и помогать более качественно решать вопрос, упрощение процесса регистрации и ослабление административного давления увеличит приток граждан к социально-политическому аспекту жизни. Институты публичной власти сейчас выступают в роли «исполнителя желаний», которые не сбудутся, часто используя популистские высказывания для поднятия рейтинга и создавая минимум благ, необходимых для этого. Выход за эти рамки должен включать повсеместное создание советов инициативных граждан, СМИ, партий и других субъектов, которые смогут грамотно донести проблемы конкретной группы населения и проконтролируют их решение путём всесторонней публичной огласки, выступлений на заседаниях правительств, обращений в уполномоченные органы или путём внутренней добровольной мобилизации. Всё это невозможно без обновления политической ориентации правительства, которое везде видит врагов и «подрывников» государственной стабильности, кто если не мы, граждане России, желаем для неё и всех людей, проживающих в ней достатка и процветания, социальной справедливости и экономико-

культурного роста. Гос. структуры должны смотреть не в краткосрочную перспективу, отнимающую у неё политическое влияние, а на долгосрочную, создающую процессы рационализации и демократизации управления страной.

Список использованной литературы и источников

1. Maximova S. G. Indicators of Civil Society Development in the Border Regions of the Russian Federation // International Journal of Social Science and Humanity. 2017. Т. 7. № 9. Р. 3–4.

2. Kemp S. More than half of the people on earth now use social media // KEPIOS. DataReportal [Электронный ресурс]. – URL: [https:// data-reportal.com/reports/more-than-half-the-world-now-uses-social-media](https://data-reportal.com/reports/more-than-half-the-world-now-uses-social-media) (дата обращения 20.10.2022).

3. Алисова Л.Н., Прядкина И.М. Политическая модернизация в России: современный ракурс // Власть. 2016. № 3 С. 3–4.

4. Ветренко И.А. О развитии институтов гражданского общества: оценка эффективности и потенциал внедрения новых инструментов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3. С. 3–4.

Долгова Е.В., г. Тула,

Тульский государственный университет

Научный руководитель: Шумилова О.Е., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРАГНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Социальные сети проникли во все сферы жизни общества и стали претендовать на лидерство в распространении информации в средствах массовой информации. В сфере политики social media также активно используются для обеспечения информационной прозрачности, формирования благоприятного имиджа политиков, кроме того, они стали неотъемлемым инструментом в деятельности орга-

нов власти, в том числе в деятельности органов местного самоуправления.

Устойчивые и развитые связи с общественностью в деятельности органов местного самоуправления становятся фундаментом их функционирования [1]. Развитие этих связей на местном уровне необходимо, так как муниципальная власть в нашей стране является наиболее социально-ориентированной формой публичной власти. Близость к местному сообществу и обуславливает применение социальных сетей, как канала коммуникации, который позволяет оперативно и без посредников доносить информацию до населения муниципальной территории.

Необходимость развития обратной связи в деятельности органов местной власти заключается в том, что городское самоуправление представляет собой наиболее социально-ориентированную форму публичной власти. Приближенность к гражданам и обуславливает применение социальных сетей, как коммуникационного канала, позволяющий быстро и без посредничества информировать местное общество.

На данный момент соцсети являются основным каналом связи с населением муниципальной территории. По данным аналитического отчета «Левада-центр», количество ежедневных пользователей social media увеличилось в полтора раза – в 2017 году 37 % респондентов ежедневно или почти ежедневно пользовались социальными сетями, в 2021 году этот процент увеличился до 57 % [2]. Также, согласно отчету Global Digital 2021, 67,8 % россиян пользуются социальными сетями, что составляет 99 миллионов человек. При этом жители России зарегистрированы как минимум в двух разных социальных сетях.

При помощи social media муниципальные органы могут докладывать гражданам о проделанной работе, освещать профильные темы, получать информацию от граждан по насущным проблемам, оказывать воздействие на мнение общественности. Также через свои аккаунты в интернете депутаты и чиновники могут улучшать свой имидж, а также повышать уровень популярности среди местных целевых групп [3].

В России опыт использования social media в работе органов местного самоуправления не такой огромный, но не так давно Госу-

дарственная Дума приняла закон, который обязывает органы власти создавать и вести свои официальные страницы в социальных сетях. Данный законопроект предполагает установить обязанности для органов и организаций по созданию и использованию официальных страниц в социальных сетях для размещения актуальной информации о своей деятельности¹.

Перечень платформ, на которых чиновники и депутаты будут размещать информацию о своей деятельности, будет определять Правительство РФ. Аккаунты будут опубликованы на официальных сайтах ведомств. Депутаты и чиновники будут выкладывать результаты своей работы; выступления руководства ведомств; материалы, которые выносятся на общественное обсуждение; результаты общественных опросов.

Министерство цифрового развития занимается разработкой специальной системы на основе портала «Госуслуги», при помощи которой представители органов местного самоуправления смогут управлять и редактировать свои аккаунты в соцсетях.

Если муниципалитет не может создать свой сайт, то информацию об их деятельности будут публиковать на сайте региона. Также допускается возможность создания единого портала, который будет объединять информацию о деятельности нескольких департаментов, муниципалитетов или организаций.

Важной предпосылкой для использования соцсетей в деятельности местной власти являются центры управления регионами, которые открылись с 2020 года во всех регионах страны. Эти региональные центры занимаются наблюдением за открытыми группами в интернет-пространстве, обнаружением проблем граждан и их регулированием. Центры управления регионами на основе анализа контента в интернете отслеживают кризисные ситуации, оперативно и содержательно передают ответ от органов местного самоуправления. Такой механизм «обратной связи» внесет значительные коррективы в работу региональной власти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социальные сети представляются важным инструментом в работе органов власти.

¹ Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»

Они способствуют решению многих проблем и облегчают работу депутатов и чиновников, а также помогают гражданам реализовать их запросы. В России органы местного самоуправления не так часто пользуются в работе аккаунтами в социальных сетях, но уже сделаны первые шаги для эффективной коммуникации власти и граждан в сети Интернет.

Список использованной литературы и источников

1. Симачевский Р. Как социальные сети помогают местному самоуправлению // Глава местной администрации. 2021; № 7. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://panor.ru/magazines/glava-mestnoy-administracii.html/>. (Дата обращения: 30.09.2022).
2. Социальные сети в России. 23.02.2021 / Аналитический центр «Левада-Центр» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/> (Дата обращения: 29.09.2022).
3. Институт муниципального управления [Электронный ресурс] / Ред. Ю. Кириллов, Л. Шапиро. – Режим доступа: <http://emsu.ru/lg/default.asp>, свободный – Загл. с экрана. (Дата обращения: 30.09.2022).
4. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

*Карулин А.А., г. Москва,
Государственный академический университет гуманитарных наук
Научный руководитель: Шарова В.Л.,
кандидат политических наук, профессор,
Государственный академический университет гуманитарных наук*

ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА. ИДЕИ ЛЕВОГО АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМА

Бесконечная критика со стороны представителей левой идеологии капитализма была призвана вскрыть пороки капиталистической системы и наметить контуры будущей борьбы за более спра-

ведливый мир и систему социально-политических отношений – выразителем данного направления являлся коммунизм, провозглашенный немецкими мыслителями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в «Манифесте коммунистической партии» [1, с. 23]. Пафос коммунистической идеи, её метафизичность в политической плоскости привел к попытке создания коммунистического государства в лице СССР, но данный проект в 1991 г. потерпел крах. Таким образом, капитализм, который не был нивелирован и преодолен представителями левых движений XX в., наоборот, исторически продемонстрировал цикличность собственного существования – подобно кондратьевским циклам капиталистическая система имеет спады и пики своего развития, которые стимулируются кризисами [2, с. 176]. Такая динамика позволяет адаптироваться капитализму к новым условиям и продолжать собственное бытие, но в новой форме. Важным фактором динамики развития капитализма стала способность производить инновации как в технологической, так и общественной жизни – об этом, в частности, говорил австрийский мыслитель Йозеф Шумпетер [3, р. 176]. В конечном итоге, на современном историческом этапе капиталистическая система существует в неолиберальной форме, которую можно редуцировать к следующим характеристикам: экстраполирование рыночной логики на общественно-политические процессы, расширение рыночной экономики за пределы западноевропейского мира, ограничение вмешательства государства в экономическую жизнь, глобализация, финансиализированный капитал и др. Тем не менее, сложившийся в мире, неолиберальный порядок сегодня порождает «глобальные дисбалансы» и «финансовые кризисы» [4, с. 52].

Кризис неолиберализма сегодня актуализирует обильную критику в гуманитарной и академической среде мыслителей. Одним из таких критических явлений является левый акселерационизм, зародившийся в западноевропейском дискурсе и на данный момент мало исследованный российским академическим сообществом.

Так или иначе левый акселерационизм – достаточно молодой политико-философский проект. Данное направление берет своё начало с «Манифеста акселерационистской политики» Ник Срничека и Алекс Уильямса. Их работа, по моей гипотезе, выдержанна в духе «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса –

так, в манифесте Срничека и Уильямса отмечается кризис современного неолиберального капитализма: «меры экономии, приватизация социальных служб, массовая безработица и стагнация зарплат. Усиление автоматизации производственных процессов, в том числе и «интеллектуального труда», свидетельствует также и о том, что долговременный кризис капитализма вскоре будет проявляться в неспособности поддерживать нынешние жизненные стандарты даже для бывшего среднего класса стран глобального Севера» [5, с. 8]. Помимо этого, главные идеологи левого акселерационизма подвергают критике существующие социал-демократические партии и движения за их локальные акции протеста, не ведущие к коренным изменениям и преобразованиям системы, а также за отсутствие проекта будущего, способного наметить контуры альтернативного миропорядка: «современная политика неспособна производить новые идеи и новые способы организации. Паралич политического воображения лишает нас самого будущего» [5, с. 8]. Левые акселерационисты уверены, что необходимо формирование нового мировоззрения для возвращения «утраченного будущего». По их мнению, современная капиталистическая система блокирует какие-либо возможности конструирования «будущего» из-за постмодернистского эффекта «ностальгии» по прошлому, которое постоянно воспроизводит его архаичные образы, не давая возможности сделать рывок в будущее [6, 509]. Постмодернистская идея крушения социально-политических «метанарративов» для левых акселерационистов выступает негативным аспектом именно для левого проекта будущего, поэтому необходимо переосмыслить опыт Просвещения, а самое главное – категорию прогресса [7, 109]. Для достижения же этого будущего, возможности преодолеть нынешний капитализм авторы левого акселерационизма видят в социотехнологическом ускорении капиталистических процессов.

Так или иначе на сегодняшний момент левый акселерационизм подвергается аргументированной и конструктивной критике со стороны различных современных мыслителей. Например, Бенджамин Нойс отмечает проблему отсутствия субъекта в идеологическом проекте левого акселерационизма, то есть непосредственно тех акторов, которые будут выражать идеи: «Переориентированию, которое

предлагают современные акселерационисты, недостает понимания того, какой субъект будет его производить, и размышления над проблемой такого «оформления» производственных сил. Оно просто не способно произвести эпистемический или политический сдвиг, который ухватывал бы данную слоистую конструкцию» [7, с. 133]. В свою очередь, Антони Негри разделяет позицию левых акселерационистов не только в тезисе о кризисе неолиберального капитализма, но и в необходимости формирования радикально нового проекта – отличного от капиталистического – в условиях неспособности нынешних левых сил сформировать внятный проект будущего: «В этих условиях будущее отменяется полным параличом политического воображаемого. Невозможно вдруг выйти из этого состояния. Только систематический классово-ориентированный подход к конструированию новой экономики вместе с новой политической организацией рабочих сделает возможной реконструкцию гегемонии и отдаст будущее в руки пролетариата» [7, с. 105].

Таким образом, идеи левого акселерационизма несут эвристический потенциал для размышлений о будущем посткапиталистической системы, что сегодня является актуальным в политическом дискурсе, но и отражают одну из линий современной критики капитализма со стороны левого фланга, имеющей огромный потенциал.

Список использованной литературы и источников

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., Политиздат, 1974. 63 с.
2. Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989. 523 с.
3. Schumpeter. J. Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process (New York, 1939) 647 p.
4. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
5. Срничек Н., Уильямс А. Манифест акселерационистской политики. ЛОГОС. ТОМ 28.# 2.2018. 20 с.
6. Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время / А.В. Павлов. 2-е изд. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 560 с.

7. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019. 330.

8. Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма. ТОМ 28.#2.2018. 125–137 с.

9. Негри А. Размышления о Манифесте акселерационистской политики. ТОМ 28 #2 2018. 103–116 с.

*Каташевич Е.Д., г. Москва,
РАНХиГС;*

*Сошилова П.А., г. Москва,
РАНХиГС*

*Научный руководитель: Климова Г.С., кандидат исторических наук,
заместитель декана факультета политических исследований, РАНХиГС*

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Введение

5 октября 2022 г. в состав Российской Федерации вошло 4 новых региона. Как само это событие, так и ожидание его скорого свершения предсказуемо привели к всплеску патриотических чувств среди представителей российской политической элиты разного уровня. Тем не менее, как утверждает К. Ф. Завершинский, говорить о существовании единого патриотического нарратива в этих кругах не приходится [1, ст. 93]. Данное обстоятельство открывает возможность для сравнения различных дискурсивным профилей патриотизма, присущих определённым элитным группам – в частности, такое сопоставление может быть проведено между федеральной и региональной властью. Таким образом, проблема настоящего исследования заключается в соотношении патриотических дискурсов политической элиты регионального и федерального уровней по поводу присоединения к РФ новых территорий.

Рабочей гипотезой исследования будет следующее положение: наборы топосов в структуре дискурсов патриотизма федеральной и региональной элиты неидентичны.

Целью работы является выявление особенностей патриотического дискурса политической элиты регионального и федерального уровней, соотносённого с темой присоединения новых регионов к России.

Ведя разговор о таких сложных понятиях как патриотизм и дискурс, необходимо учитывать неоднозначность их толкования.

Вокруг первого сегодня разгорается череда споров о соотношении его с понятием «национализм», где главным аргументом против отождествления выдвигается антиисторичность, поскольку национализм является продуктом модерна [2, ст. 1], в то время как патриотизм появляется гораздо раньше. Отсюда вытекает фундаментальное различие в их политических языках. Первый ставит своей целью укрепление единства нации, в то время как последний апеллирует к республиканским добродетелям [3, ст. 1]. Однако начавшийся несколько веков назад процесс смещения объекта патриотических чувств с республиканских институтов на нацию [4, ст. 72–74] сегодня привёл к тому, что эти политические языки стали в значительной степени пересекаться [5, ст. 71–72]. Поэтому в работе патриотизм будет рассматриваться как принцип соответствия национальной общности и государства – что особенно хорошо согласуется с эпизодом присоединения новых территорий.

Вышеобозначенное дискурсивное измерение патриотизма невозможно осуществить без предварительного пояснения значения термина «дискурс». Под дискурсом будет пониматься «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах)»¹. Поскольку своей целью работа ставит выявление особенностей патриотического дискурса определённых политических групп, то необходимо исследуемые тексты рассматривать как результат речевой активности не просто конкретных политических фигур, но представленных ими политических групп – то есть следовать социолингвистическому подходу [6].

¹ Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 136–137.

Методология

Эмпирическим материалом для работы стали посты в Telegram-каналах 8-ми глав регионов России, либо находящихся поблизости к району проведения СВО, либо чьи главы напрямую принимают участие в операции¹, и речи представителей политической элиты федерального уровня, содержащиеся в стенограммах 529-ого заседания Совета Федерации² и заседания Государственной Думы от 3 октября 2022 г.³

Исследовать речь как компонент, участвующий в механизмах сознания людей, представляется возможным, если обратиться к методу дискурс-анализа с использованием структуры топосов. Топосы представляют собой «части аргументации, принадлежащие к обязательным (как явным, так и выводимым) посылкам. Они выступают в роли связанных с содержанием базовых оправданий или «правил выведения», перед которыми стоит задача связать аргумент(ы) с заключением, утверждением» [7, ст. 74–75]. В исследовании анализ осуществляется на основе 16 топосов, предложенных Рут Водак и Мартином Рейсиглом [7, ст. 75–80].

Результаты и обсуждение

Для составления профилей патриотического дискурса федеральной и региональной власти было посчитано математическое ожидание для каждого топоса, т.е. ожидание среднего значения каждого топоса в соответствующих текстах. Для этого относительно каждого автора была подсчитана структура топосов⁴, после чего были вычеркнуты аномальные значения (они отмечены красным цветом и перечёркнуты), искажающие полученные данные. Также для федеральных элит топос гуманизма (5) не имеет математического ожидания, поскольку

¹ Настоящий Гладков / URL: <https://t.me/vvgladkov/820>; Kadyrov_95 / URL: https://t.me/RKadyrov_95/2907; Аксёнов Z 82 / URL: <https://t.me/Aksenov82/1544>; URL: <https://t.me/Aksenov82/1538>; URL: <https://t.me/Aksenov82/1536>; URL: <https://t.me/Aksenov82/1529>; Вениамин Кондратьев / URL: <https://t.me/kondratyevvi/4700>; ru Роман Старовойт / URL: https://t.me/gubernator_46/1675; Василий Голубев / URL: https://t.me/golubev_vu/318; Гусев / URL: https://t.me/gusev_36/953; AV БогомаZ / URL: <https://t.me/avbogomaz/1025>; URL: <https://t.me/avbogomaz/1023> (дата обращения: 10.10.2022).

² 529 заседание Совета Федерации / Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/137343/transcript/> (дата обращения: 10.10.2022).

³ Стенограмма заседания 03 октября 2022 г. / Государственная Дума. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5912/> (дата обращения: 10.10.2022).

⁴ Нумерация топосов в соответствии с тем порядком, в котором они появляются в вышеупомянутой работе Водак и Рейсигла.

распределение данных здесь свидетельствует о невозможности построить для них единое значение; помимо этого специфический формат коммуникации в Федеральном Собрании, подразумевающий активную ссылку на правовые нормы, некорректно сравнивать с моделью общения в сети, поэтому топос закона или права (12) не брался в расчёт. Если полученное значение математического ожидания для топоса оказалось меньше 0,5 – то оно не учитывалось при составлении профиля дискурса патриотизма как недостаточно значимое. Результаты подсчётов и исходные данные представлены в таблице.

1.Таблица 1. Ожидание среднего значения каждого топоса в дискурсе федеральных и региональных властей

Фамилии\Топосы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Зюганов	1		9	6	1					1			4	7	1	
Слуцкий	1		4	2			1				4		2		1	
Миронов	1		4	3				1		1		1	2	1	3	
Нечаев			1	1						1			1			
Васильев	4		1	3				1			3		2			
Володин		1		4	1					2	2		5		1	
Лавров	1	1	5	9	5	1		1		13	4	10	2	10		1
Калашников			1	1	2		1				2	3	2			
Крашенинников				1	4					1		3	6			
Матвеев			1	8	4					4	3		2		2	1
Мат. ожидание для фед. элиты	< 0,5	< 0,5	1,89	2,63		< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 0,5	1,11	1,8		2,8	< 0,5	0,8	< 0,5
Гладков	1		2								2				2	
Кадыров	3		3	2	1			1		1	1		1	1		
Аксёнов	3		7	2			1	4			1		5	1	1	
Кондратьев			2								1					
Старовойт			2	1									1			
Голубев	1		3	1				1			2		2			
Гусев	2		1							1			1			
Богомаз	1		4	2						1			1			
Мат. ожидание для рег. элиты	1,38	< 0,5	2,42	1,14		< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 0,5	< 0,5	0,88		0,71	< 0,5	< 0,5	< 0,5

Как видно из представленной выше таблицы, в профилях дискурса патриотизма представителей федеральной и региональной власти не

ождается появление топосов 2, 6–9, 14 и 16; в это же время в обоих профилях представлены топосы определения или толкования имени (3), опасности или угрозы (4), чисел (11) и власти (13), однако одни и те же топосы в первом и во втором случаях занимают различные места и порой разность их математических ожиданий достаточно серьёзна (так, мат. ожидание топоса власти для федеральной элиты превышает тот же показатель для региональной почти в 4 раза). Помимо этого, наблюдается сверхпредставленность определённых топосов: топос власти и опасности для федеральной элиты и топос определения или толкования имени для региональной.

Заключение

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что гипотеза, скорее, не подтверждена. Хотя ранжировка наиболее важных топосов в патриотических дискурсах у региональной и федеральной политической элиты различна, в их профилях следует ожидать возникновения 4 определённых стратегий аргументации (топосы 3, 4, 11, 13), которые, тем не менее, будут представлены там в разном количестве.

Это позволяет предположить существование некоего общего нарратива среди разных уровней властной элиты. Разрыв же в математических ожиданиях топосов, возможно, объясняется невеликой выборкой и может быть скорректирован дальнейшими исследованиями с темой, подразумевающей больший объём эмпирического материала.

Список использованной литературы и источников

1. Завершинский К.Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7, No 2. С. 77–96.
2. Nairn T. Faces of Nationalism. Janus Revisited – London: Verso, 1997. 246 p.
3. Viroli M. For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism – NY: Oxford University Press Inc., 1995. 206 p.
4. Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 160 с.: ил. – [Азбука понятий; вып. 12].

5. Брубейкер Р., Лоскутовой М. Именем нации: Размышления о национализме и патриотизме / *Ab Imperio*, 2, 2006. С. 59–79.

6. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр.* Волгоград, 2000. С. 5–20.

7. Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism* – New York: Routledge, 2001. 298 p.

*Кирьянова А.О., г. Тула,
Тульский государственный университет
Научный руководитель: Махрин А.В. кандидат политических наук,
доцент кафедры СИП, Тульский государственный университет*

ОСНОВНЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Политический имидж по своей структуре является довольно сложным феноменом. Технологии его формирования связаны, прежде всего, с особенностью политики как вида деятельности, а также тем, какое место она занимает в жизни людей. Выделяют множество определений политического имиджа, среди которых можно выделить следующее: политический имидж – это образ, который создается в сознании граждан. Созданный специалистами имидж лидера должен обладать определенной способностью к изменению, если этого требует сложившаяся политическая ситуация, и здесь особую роль играют современные информационные технологии. Следует рассмотреть следующие технологии:

1) Спичрайтинг – подразумевает под собой написание текста, который будет использован в качестве устного выступления. Также может рассматриваться как исполнение текста устного публичного выступления для некоего должностного лица.

2) Использование СМИ для создания различных информационных поводов.

Многие исследователи считают, что формирование имиджа является своего рода процессом, который затрагивает две стороны.

С одной стороны, процесс формирования имиджа происходит за счет лидера, а с другой, избирателя. А для того, чтобы эта связь протекала существуют разного рода посредники, среди которых особым образом выделяют СМИ.

Среди многих исследований в этой области можно выделить те, которые позволяют утверждать, что услышанная информация более эффективна, чем прочитанная. Любую информацию, в том числе и политического содержания в зрительном виде воспринимается дольше. Фото или картинка, а также печатные слова затухают менее чем за 1 секунду. А слуховое восприятие на 45 секунд больше.

Все это доказывает тот факт, что СМИ являются мощным средством психологического воздействия на электорат. Они играют большую роль в период выборов, а также позволяют на короткое время мобилизовать избирателя в своих интересах.

3) Следующей технологией создания имиджа является перформанс. Используя такую технологию, политик регулярно почувствует и организует своего рода «перформансы». С помощью данной технологии политик может быстро сформировать необходимый имидж.

4) Проведение массовые акции способно охватить долю значительную электората. Политтехнологи подбирают соответствующую музыку, а также создают группы, которые в процессе выступления политика будут в определенный заранее обговоренный момент поддерживать ключевые тезисы оратора, тем самым задавать толпе нужный темп.

5) Следующей технологией формирования политического имиджа является использование газет и листовок, что позволяет обеспечить широкую известность кандидата, а также возможность повысить его популярность.

С помощью листовок, особенно в период избирательной кампании избирателей знакомят с биографией кандидата, его предложенной программой.

6) Интернет, является своего рода объединяющий сетью десятки тысяч различных государственных, корпоративных, общественных, образовательных организаций. Особенность данной технологии является то, что сеть Интернет предоставляет возможность выступать не только политикам и в целом политическим организациям, но

и возможным избирателям. С помощью такой глобальной сети информация, передаваемая через интернет способна достигать большую аудиторию, однако возможности вещания значительно ограничены рядом обстоятельств.

На основе всего сказанного можно сделать вывод, что в современном мире категория политического имиджа играет очень значимую роль во всех процессах, затрагивающих не только сферу политики. С помощью правильно сформированного имиджа политику будут довольно легко создать определенное мнение у избирателей и привлечь избирателей.

Имидж, над которым работают имиджмейкеры, создается только с условием того, какие предпочтения и ожидания у целевой группы электората. Именно поэтому важно сформировать необходимое восприятие политического деятеля в массовом сознании. Однако важно и то, что процесс поддержания политического имиджа также имеет огромное значение.

Стоит выделить то, что технологии формирования политического имиджа особое значение имеют в период избирательной кампании. Ведь именно в данный период необходимо использовать имиджевых технологий, с помощью которых становится возможным увеличение уровня популярности своего кандидата.

Рассмотренные мной современные технологии политического имиджа включают: спичрайтинг, использование СМИ и интернета, а также организация различных массовых акций и перформансов, активно используются во всем мире и помогают политическим лидерам формировать и поддерживать имидж.

Список использованной литературы и источников

1. Белинский А.В. Проблемы формирования положительного имиджа современного политика / А.В. Белинский // Вестник Пермского государственного университета. 2012. № 1. С. 26–29.

2. Белинский А.В. Формирование позитивного имиджа современного политика / А.В. Белинский // Вестник РГГУ. 2012. № 1. С. 226–234.

3. Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Власть. 2007. № 3. С. 25–29.

4. Нейматова А.Я. Проблема имиджа в политике и политической науке / А.Я. Нейматова // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 268–274.

5. Ольшанский Д.В. Политический PR / Д.В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2003. 544 с.

6. Полянская О.А. Проблемы формирования и поддержания имиджа политика в условиях развития информационного общества в РФ / О.А. Полянская, Г.И. Пономарева, М.В. Проскурина // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 6. С 18.

7. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2005. 640 с.

Коломийцева М.Г., г. Москва,

МГУ им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: Шульц В.Л., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ И ОБЩЕСТВОМ

На фоне проведения Специальной военной операции ведущие российские социологические структуры ВЦИОМ и ФОМ (Фонд общественного мнения) отмечают стабильно высокий уровень одобрения деятельности Президента В.В. Путина (80,9 %), Премьер-министра М.В. Мишустина (62 %), а также зафиксирован рост рейтингов «Единой России» как правящей партии, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 13 п.п. (в настоящий момент составляет порядка 40 п.п.) [1]. Однако, наряду с ростом согласия с деятельностью ключевых должностных лиц и политических институтов, социологи констатируют феномен рутинизации СВО, принятия ее обществом как факта жизни. Последующее отождествление новостей о ходе СВО в качестве факта повседневности по аналогии с Сирийским кейсом 2015 года может стать причиной снижения вовлеченности общества в информационную повестку специальной военной опера-

ции, запустив процессы рассеивания эффекта сплочения вокруг флага. Соответственно важно пролонгировать сформировавшуюся тенденцию социального консенсуса на волне патриотических настроений, конвертируя общественное одобрение внешнеполитического курса, проводимого государством, в удовлетворенность его социальным администрированием.

Одним из возможных сценариев проецирования социального консенсуса на внутреннюю работу институтов государственного управления является конструирование образа антропоцентричного государства, ориентированного на воспроизводство человеческого капитала.

В последние годы система государственного управления активно перестраивается на сервисно-ориентированный курс взаимодействия с обществом. Новый вектор развития государственной системы проектируется, исходя из центральной идеи отчуждение некоторых полномочий управления самостоятельным акторам, гражданам, вовлечённым в процесс соуправления. Несмотря на эффект сплочения и сопутствующее невмешательство в принимаемые властями решения при существующих внешних угрозах, в выборе личной жизненной стратегии российские граждане, являясь частью постиндустриального общества, обладают пониманием приоритетности собственных целей и жизненного комфорта. Поэтому конструирование модели конвертации общественного доверия к ключевым политическим лицам и структурам должно происходить в соответствии с ориентацией на развитие государства с точки зрения института, предоставляющего публичные услуги, главная ценность которого - благополучие и социальное развитие общества. Плодотворной почвой для конструирования модели государства как человекоцентричной системы является нереализованность катастрофических прогнозов относительно обрушения российской экономической системы, высоких рисков возникновения продовольственного дефицита за счёт введения беспрецедентных санкций не только на уровне государства, но и на уровне российского потребителя.

В интервью Aif.ru Валерий Фёдоров, Глава ВЦИОМ, прокомментировал рост оптимистических настроений россиян за 10 лет на 20 п.п. относительно способности правительства добиться улучшений в

стране. По его мнению, позитивные ожидания – это единение вследствие внешней турбулентности, не сопровождающееся высокой степенью вовлечённости потребительского поведения. Также эксперт отметил социальные надежды общества, возлагаемые на государство в принятии релевантных управленческих решений, способных предотвратить возможные кризисные явления. То есть, конструирование модели конвертации общественного доверия необходимо выстраивать в соответствии с существующим общественным запросом равномерного распределения работы государственной системы как на внешнюю защиту государственного суверенитета, так стабилизацию социально-экономической системы [2].

Конструирование модели конвертации общественного доверия, полученного от эффекта сплочения, возможно при согласованности действий между обществом и государственными институтами в процессе работы над достижением социального блага, базирующегося на феномене человекоцентричности. Человекоцентричность выступает ключевым желаемым конструктом в понимании образа государства гражданами. Моделирование данного конструкта возможно через развитие культуры партисипативного управления [3].

Одним из приоритетов российского гражданина остается ориентация на собственный комфорт. Однако, вводимые западными странами санкции, сказались на уровне потребления населения. Предрекаемого кризиса не случилось, тем не менее прогнозируемый уровень инфляции в 2022 году составляет 14 % [2]. Рост цен не становится причиной общественных волнений, но является поводом социальных переживаний. В сложившихся условиях важно поддерживать ощущение нормальности у граждан через развитие образа государства как института, предоставляющего качественные социальные услуги, оправдывающие условия общественного договора. В состоянии политической турбулентности при конструировании общественного консенсуса следует сочетать патерналистскую и человекоориентированную партисипативную модель организации жизни населения.

Патерналистская модель – ответ на общественный запрос выполнения государством социальных и экономических обязательств, таких как выплаты детских пособий, помощь пострадавшим отрас-

лям бизнеса из-за санкционного давления, дозволение параллельного импорта и т. д.

Партисипативная человекоцентричная модель, ориентированная на сохранение состояния комфортной жизни граждан через развитие возможностей государственного сервиса [4]. Конструирование партисипативной человекоцентричной модели возможно через усиление работы инструментов социального сервиса, таких как: система социальной защиты, социальные институты, глобальные национальные проекты и т. д.

Таким образом, сохранение консенсуса между институтами государственного управления и обществом возможно при конвертации текущего уровня доверия за счет эффекта сплочения в согласие с социальной политикой государства. Оптимальным (позитивным) сценарием пролонгации консенсуса выступает введение в текущую повестку выстраивания диалога между государством и обществом решения социального запроса на сохранение состояния комфортности повседневной жизни граждан. Достижение позитивного сценария возможно при комбинировании партисипативной антропоцентричной и патерналистской модели социального управления.

Список использованной литературы и источников

1. Рейтинг доверия политикам [Электронный ресурс: официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения]. Режим доступа <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam> (Дата обращения 09.10.2022).

2. Градус оптимизма. Глава ВЦИОМ в интервью Aif.ru о спецоперации, кризисе и «черных лебедях» [Электронный ресурс: официальный сайт Всероссийского центра исследования общественного мнения]. Режим доступа: <https://wciom.ru/sobytie/gradus-optimizma-glava-vciom-o-specoperacii-krizise-i-chernykh-lebedjakh> (Дата обращения 15.10.2022).

3. Туманян Г.В. «Антропосоциетальный подход в контексте трансформаций парадигмы публичного управления. Партисипативное управление в «сервисном» государстве» // Вестник МГЭИ. 2020. № 1. С. 206–219.

4. Большакова Ю.М. В поисках парадигмы публичного управления: консентианетика-сознательное управление // Власть. 2019. № 4. С. 181–186.

*Кречуняк Г.А., г. Москва,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Научный руководитель: Мизулин М.Ю., кандидат философских
наук, доцент кафедры политологии и политического управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИКИ СУВЕРЕНИЗАЦИИ

Сегодня мы наблюдаем как общество, перед лицом длительного мирового политико-экономического кризиса переживает сильную турбуленцию. Очевидно, остаться без изменений уже не получится, так как процесс разрушения старого уже запущен. Из этого следует, что строить придётся с самого начала, закладывая основы, а именно ценностные основы, но какие они должны быть?

Если исходить из Гегелевской традиции единства общества и государства [1, с. 316–317], проблемы общества отражаются на государстве, которое также переживает кризисное время. В отличие от общества, которое ограничено нормами морали, этики, государство руководствуется нормами конституции и права в целом, что ограничивает пути решения. В ответе на вопрос, что именно ограничивает государство, есть две точки зрения: правовая и политологическая. С *правовой* точки зрения Конституция РФ 1993 года является результатом заимствования либеральных основ из системы англосаксонского права [2, с. 116–117], что было характерно для всех стран бывшего советского союза, обретавших свою государственность. Опасностью для действующей либеральной Конституции РФ являлась любое её изменение, так как оно произошло с учётом ценностных оснований современного российского политико-правового пространства, а это значит являлось актом суверенизации. С *политоло-*

гической – именно в противостоянии со странами Запада (странами источниками англо-саксонского права) произошёл развал Советского союза, в результате чего и потребовалась новая Конституция как новый «общественный договор», который смог сбалансировать интересы властной элиты, народа и новой буржуазии. На первый взгляд очевидно, что это естественный ход событий и перемены так и приходят, с волной демократизации на постсоветском пространстве. Но существует важный нюанс: перемены исходящие из вне и перемены исходящие изнутри с точки зрения перспективы – совершенно разные перемены. В первом случае происходит скачок с одного пути на другой, и создаётся впечатление развития, что со временем проходит. Во втором же случае движение продолжается по той же траектории, но оно становится качественно новым. И даже если на начальном этапе разницу заметить крайне сложно, то спустя 30 с лишним лет, становится заметно, что развития по первому пути не происходит, оказывается этот путь ведёт в тупик.

Современные общественные ценности претерпели сильные изменения за последние десятилетия. Среди учёных существует устойчивое мнение, что жители России являются носителями особой многогранной культуры, обусловленной её географическим положением, историческими факторами, этническим разнообразием и т. д. В частности, группа российских авторов в одной из своих статей, исходя из концепции ценностного основания суверенитета, обосновывает единство личностного, народного и государственного суверенитета и приводит ряд ценностных оснований присущих российскому обществу [3]. Одним из таких оснований является «защита истории – что всегда является защитой государства и его суверенитета». История, однозначность исторических фактов, а также неизменность их трактовки имеют высокую важность для жителей страны. Наглядным подтверждением является количество участников в ежегодном шествии «Бессмертного полка» по всей России, позволяющее осознать масштаб человеческих потерь Советского Союза во Второй Мировой Войне. Историческая память как ценностная особенность российского общества делает безосновательными попытки переформулировать вклад нынешней России в победу в Великой Отечественной Войне. При этом уровень владения историческими фактами среди

жителей страны, в особенности среди молодёжи неизменно падает¹, что, говорит о незначительных изменениях современных ценностей.

Метафизическое противопоставление прав личности государству невозможно с практической точки зрения. Только государство способно обеспечивать эти права, защищать и оберегать их. Идея развивается в следующем ценностном основании – «человек сочетает себя с истинной, духовной историей государства» [3, 4]. Важность данного основания заключается в осознанном желании индивида быть частью государства, что в свою очередь подтверждает идею субъектности (государство субъект духовной истории) и идею единства. На практике духовная история российского народа воспроизводится через культурную политику и общественные события, которые популяризируют творчество русских писателей, художников, артистов и религию. Стоит заметить, что религия в данном случае не является центральным понятием, а используется в качестве исторического факта духовности предков современных россиян и как следствие – преемственности этой духовности. Но протяжении всей истории России, Христианство развивалось параллельно, власть монархов опиралась на религию, так же, как и религия поддерживалась правителям на протяжении всей истории, кроме одного периода – Советского. Религиозная составляющая, как и её атрибуты начиная с 1917 года и появлением Коммунистической партии во главе с В.И. Лениным были частично ликвидированы, частично заменены коммунистическими идеями, как более подходящие целям советской власти. Данный факт сильно отразился на общественных ценностях, подорвав его основы, лишив связи настоящие поколения с прошлыми. Последствием коренных ценностных изменений в наши дни, является их неустойчивость и примитивизация, в соответствии с мировыми трендами западной культуры, что само по себе является угрозой суверенитету. В свою очередь политико-правовые ценности не могут быть восприняты нацией вне их этнической окраски. «Христианские ценности» являются этнообразующим элементом нации и наши дни [3, с. 157].

¹ Четверикова А. Что россияне считают символами страны и знают об истории. Статья по результатам массовых опросов ФНИСЦ РАН от 27.04.2021 г. Электронный источник. Дата обращения: 15.02.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/04/27/opros-cto-rossiiane-schitaiut-simvolami>

Долгие годы советское общество жило в условиях социальной защищённости, которая проявлялась в бесплатной медицине, образовании (в том числе высшем), гарантированном трудоустройстве после него, обеспечении собственным жильём, гарантированном карьерном росте, а после этого в соответствующей занимаемому статусу пенсии. Прошло время и от социальной в том понимании не осталось практически и следа. Тем не менее, в понимании современного россиянина государство должно брать на себя социальные функции, возможно не в той мере, как это было, но и не так, как это делается сейчас. Этим обусловлена социальная функция государства как одна из ценностей. Так о ней говорят авторы вышеупомянутой статьи: «только социальное государство может быть истинно правовым государством, что, в свою очередь, соответствует российским государственно-правовым традициям» [3, с. 154–155].

«В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью» ещё одно ценностное основание, представляющее интерес для политики суверенизации. Речь идёт о той особенной правде, присущей только российскому обществу, его культуре и праву. «Русская правда», открытая В.Н. Татищевым, берущая истоки из истории древней Руси являлась «глубоким слиянием юридических, нравственных и религиозных категорий». Это о многом может сказать современным исследователям, на пример о том, что одного закона для установления порядка – мало. Нормы права должны быть взаимосвязаны с ценностями высшего порядка – духовными принципами, элементами нравственности, только тогда они будут восприняты обществом как несущие благо и тогда установленному закону будут следовать. Можно сделать вывод, что нормы права, в идеале должны быть следствием духовного развития общества, а не навязанными сверху требованиями.

Политика суверенизации как одна из сфер жизнедеятельности общества логически связана с другой его сферой – экономической. Общественные ценности, будучи «живыми», постоянно находятся в динамике, а именно в процессе субъективной верификации и актуализации. Одним из принципов верификации является благосостояние общества как носителя ценностей, в зависимости от которого, поступает внутренний сигнал к их поддержанию, корректировке или

смене. Низкий уровень доходов и жизни населения России само по себе является причиной пересмотра его ценностных оснований. Можно наблюдать, пересмотр происходит в пользу более привлекательных, афиширующих высокое материальное благосостояние ценностей, что наиболее в короткой перспективе наиболее легко достижимо. И основой стратегии в данном случае должны в ещё большей мере стать ценностные основания российского общества, которые будут устойчивым фундаментом экономического роста национальной экономики.

Список использованной литературы и источников

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Мизулин М.Ю. Изменения в Конституцию Российской Федерации или транзит за пределы легального права? // Публичная политика. 2020. Т. 4. № 1.
3. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Морозов А.И. Ценностное основание суверенитета (к вопросу о суверенной государственно-правовой идеологии) // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 11. С. 149–162.
4. Сальников В.П. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права / В.П. Сальников, Д.В. Масленников, С.И. Захарцев [и др.] // Мир политики и социологии. 2019. № 9. С. 170–178.

*Кривошеева Н.И., г. Волгоград,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель: Бардаков А.И., доктор политических наук,
доцент, доцент кафедры государственного управления и
менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал
РАНХиГС*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЕДИАСФЕРЫ В УСЛОВИЯХ «СЕТЕВОГО ФРОНТИРА»

Введение. В границах известной гипотезы, обоснованной М. Ка-
стельсом, новые информационные технологии и возможности ком-

муникации иницируют сетевую логику изменений в системе общества [1]. К примеру, последние 10–12 лет мировой политики знаменуются факторами, являющимися одной из причин политических конфликтов как в России, так и в мире, а именно развитие мобильного широкополосного интернета (сети 3G и 4G) и колоссальный рост использования сетевых технологий коммуникации, в частности социальных сетей. Это, в свою очередь, определяет две общемировые тенденции: снижение доверия к правительству, политическим институтам и высокую вероятность политических протестов. Исследователи дают оценку приросту протестной волны в мире в 11 % в год на протяжении 2009–2019 годов [2]. При этом средний уровень доверия к правительству в мире составляет около 50 % [3]. В результате этих изменений современные политические процессы становятся нелинейными и неопределенными в развитии, что, на наш взгляд, актуализирует дискурс символической власти и «сетевого фронта» в политических и медиаисследованиях.

Теоретико-методологическое основание исследования. Методологическим основанием исследования выступил социокультурный подход. Для анализа взаимосвязи медиасферы и политической реальности, поиска детерминант медиасферы в отечественном политическом процессе автор опирался на концепцию «сетевого фронта», представленную отечественными исследователями Е. Морозовой, И. Мирошниченко, Н. Рябченко, а также на концепцию символической власти Дж. Томпсона. Под сетевым фронтиром, или фронтиром сетевого общества, автор понимает «подвижную границу пространства контакта, взаимовлияния и взаимопроникновения социальных и культурных практик сетевого общества и предшествующих цивилизационных социальных и культурных практик» [4, с. 86]. Следует обратить внимание, что социальные практики имманентно включают в себя и практики политико-управленческие.

В формировании фронта сетевого общества выделяют три этапа [4, с. 87–89]: 1) первый этап связан с повсеместным распространением социальных медиа, в особенности соцсетей; 2) второй этап связан с переходом поколения Интернета на уровень Web 2.0, а также с социально-политическими практиками онлайн и сетевой мобилизацией протестной активности; 3) третий этап характеризуется

стремлением государства воздействовать на сферу Интернет и социальных медиа через механизм законодательства и цензуры.

В понимании символической власти автор руководствовался определением Дж. Томпсона – это способность вмешиваться в ход событий, влиять на действия индивидов и создавать события посредством производства и передачи символических форм [5, с. 17]. К ресурсам символической власти относятся, главным образом, средства информации и коммуникации. Среди институтов, исторически играющих важную роль в накоплении этих ресурсов, Дж. Томпсон выделяет медиа-институты, ориентированные на широкомасштабное производство и распространение символических форм.

В этой связи автор остановился на характеристике и анализе ряда аспектов актуальной российской политической практики последнего десятилетия в контексте этапов формирования сетевого фронта и с учетом обозначенных выше общемировых политических трендов. В частности, для решения исследовательской задачи автор обратился к волнам политических протестов России в период 2011–2021 годов: «болотная», «немцовская», «навальныйская» и волна в поддержку популярных политиков.

Результаты исследования: краткая характеристика. На первом этапе развития сетевого фронта символическая власть многообразных сетевых сообществ и индивидов преобладает над политической властью национальных государств и правительств, что оказывает влияние на природу властных отношений.

Второй этап знаменует начало протестного десятилетия современной России и активизацию роли социальных медиа в политическом процессе. К началу протестных акций настоящий бум социальных сетей выявил их функциональную системную роль как альтернативного канала передачи информации. Второй этап формирования сетевого фронта характеризуется точками перехода из онлайн активности в формы политической активности оффлайн, в отличие от первого этапа, в котором социально-культурные практики доминировали в онлайн-среде.

На *третьем этапе* сетевого фронта усиливается внимание законодателей и регуляторов к сегменту социальных медиа, что выражается в увеличении числа законодательных актов, регулирующих

поле социальных медиа, усилении практики правоприменения. Как следствие, символические формы, производимые в медиасфере, становятся средством властного подчинения субъекта.

Таким образом, анализ российской политической практики 2011–2021 годов показывает, что интеграция онлайн-пространства медиасферы в политический процесс, само продуцирование социально-культурных практик в медиасфере детерминируется рядом объективных и субъективных факторов:

1) этап и технология в развитии Интернета, характеризующиеся как Web 2.0, сопровождаемые ростом популярности социальных сетей и распространением мобильного широкополосного интернета;

2) уровень доверия общества действующей власти и оппозиции;

3) волны протестной активности 2011–2021 годов;

4) мобилизационный потенциал тех или иных символических форм протеста (протестных повесток);

5) функционирование социальных медиа как ресурса символической власти и самого вовлекаемого аудитории средства коммуникации в структуре медиапотребления, а также их роль в российских протестных движениях;

6) третий этап фронта сетевого общества, характеризующийся усилением воздействия государства на социально-политические практики акторов сети и его стремлением защитить внутреннее информационное поле;

7) политико-правовое регулирование интернета и социальных медиа и др.

Выводы. Совокупное давление выше указанных факторов может определять вероятность протестных мобилизаций, снижение доверия правительству, тенденции ослабления, радикализации, усиления или дестабилизации политического режима. Анализ российской политической практики в контексте протестной активности 2011–2021 годов, политико-правового регулирования Интернета и структуры медиапотребления доказывают корреляцию между точками перехода offline и online активности в политическом процессе в условиях этапов формирования сетевого фронта. В свою очередь, феномен сетевого фронта как условной границы взаимозависимости и вза-

имовлияния социально-культурных практик объясняет корреляцию медиасферы и политического процесса.

Список использованной литературы и источников

1. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; пер. с англ. предисл. к изд. 2013 г. А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 591 с.
2. Brannen S., Haig C., Schmidt K. The age of mass protests: understanding an escalating global trend. CSIS, 2020.
3. Guriev S., Melnikov N., Zhuravskaya E. 3G Internet and Confidence in Government / S. Guriev // Quarterly Journal of Economics. 2021.
4. Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтير сетевого общества / Е. Морозова, И. Мирошниченко, Н. Рябченко // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. № 2. С. 86.
5. Thompson J. The Media and Modernity. Cambridge: Polity Press, 1995. 324 p.

*Левченко Д.О., г. Краснодар,
Кубанский государственный университет
Научный руководитель: Мирошниченко И.В., доктор политических
наук, доцент, Кубанский государственный университет*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГРАНТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АНТИКРИЗИСНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКОГО «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» (НА ПРИМЕРЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ СО НКО)

В условиях глобальных геополитических и социальных вызовов, с которыми столкнулась Российская Федерация, проявился определенный дефицит ресурсного потенциала социальной системы и институтов гражданского общества. Одним из приоритетов для федеральных и региональных органов государственной власти становится раскрытие антикризисного потенциала некоммерческого сектора, который заключается в продуцировании инновационных способов и технологий преодоления дезорганизации российского обще-

ства и консолидации гражданского сектора вокруг антикризисной повестки административных структур (идеологическая составляющая).

Используя в управлении грантовый подход к финансированию деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), политическая власть в рамках конкурентной среды позволяет «третьему сектору» проявить собственную субъектную позицию в виде эффективного реагирования на дисфункции локальных и региональных сообществ. Федеральные структуры грантовой поддержки СО НКО в координации с региональными ресурсными центрами финансируют сглаживание социальных проблем, а также посредством оказания информационно-консультационной поддержки, установления «входных» условий конкурсного участия (соответствие формальным признакам), активного использования процедур аудита [1, р. 8] обеспечивают высокий уровень управляемости процесса реализации мероприятий проектов.

Грантовая поддержка СО НКО является постоянно действующим механизмом социальной гармонизации, т.к. с ее помощью осуществляется профилактика развития и расширения конфликтов и кризисов. Финансирование проектов, направленных на решение проблем экологического профиля, поддержку социально незащищенных слоев населения, реализацию образовательно-просветительских и спортивных инициатив – инструменты управления существующими и потенциальными девиациями, провоцируемыми в т. ч. диспропорциями централизованной национальной или региональной социально-экономической политики (преобладание унификации и «статистических категорий» над адресностью и «реальными образами многоаспектной и подвижной социальной жизни» [2, с. 7]).

Одновременно конкурсное финансирование выступает в качестве механизма экстренной антикризисной поддержки, когда цели организации грантового обеспечения коррелируются с факторами и причинами дестабилизации. Проведение специальной военной операции и возникновение негативных внешних эффектов в форме антироссийской санкционной политики актуализировали использование инструмента грантовой поддержки, чтобы, с одной стороны, произвести идеологическую консолидацию целевых групп вокруг патриотических ценностей, идей национального суверенитета и

единства «русского мира», с другой – оказать поддержку лицам, пострадавшим от недружественных действий зарубежных государств на территории Донбасса и Украины.

При поддержке СО НКО государство нацелилось на деактивацию точек социального напряжения, вызванного усилением миграционных потоков, новыми, более высокими требованиями к социальному патронированию ветеранов боевых действий¹ и другими причинами, совместно с социальной консолидацией на основе ценностей патриотического толка. Основными источниками ресурсного обеспечения выступают:

1) федеральные Фонд президентских грантов и Президентский фонд культурных инициатив, организовавшие специальные конкурсы для поддержки инициатив в контексте СВО, где объем совокупной грантовой корзины составил 3 млрд рублей²;

2) региональные ресурсные центры, где поддержка оказывается либо через универсальные конкурсы (большинство грантооператоров субъектов РФ), либо в узконаправленном формате (например, конкурс «Гранты губернатора Кубани» среди военно-патриотических и ветеранских проектов в апреле-мае 2022 г.).

Важную роль в повышении качества антикризисных инициатив СО НКО играет информационно-консультационная поддержка, оказываемая региональными ресурсными центрами. Один из позитивных кейсов – деятельность Центра развития гражданского общества Краснодарского края. Созданный на базе организации механизм предварительной верификации проектов, регулярное проведение методических и консультационных мероприятий с участием СО НКО, в т. ч. военно-патриотических, позволяют корректировать дизайн антикризисных инициатив организаций «третьего сектора» с целью максимизации их рациональности и эффективности.

Таким образом, развитие механизма грантовой поддержки СО НКО является для государственного администрирования, с одной

¹ Федеральный закон от 26.03.2022 г. № 69-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О ветеранах» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412684/ (дата обращения: 12.10.2022).

² Специальный конкурс 2022 года // Фонд президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 12.10.2022); Четвертый специальный конкурс 2022 года // Президентский фонд культурных инициатив. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/> (дата обращения: 12.10.2022).

стороны, инструментом ситуативно-реактивного реагирования, с другой – элементом проактивной политики в рамках стратегического планирования и управления потенциальными угрозами.

Список использованной литературы и источников

1. Pauly R., De Rynck F., Verschuere B. The relationship between government and civil society. A neo-Gramscian framework for analysis // European Group for Public Administration, Proceedings. 2016. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/pdf/55740683.pdf>.

2. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: аналитический доклад / под ред. Л.И. Якобсона, И.В. Мерсияновой. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 64 с.

Летова А.А., г. Тула,

Тульский государственный университет

*Научный руководитель: Шумилова О.Е., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии,
Тульский государственный университет*

GR-ТЕХНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Одним из эффективных инструментов для достижения баланса интересов органов власти, бизнеса, граждан в России в ближайшем будущем могут стать технологии GR. От качества взаимодействия властных органов и бизнеса зависит осуществление контроля крупных национальных проектов, состояние экономики и положение Российской Федерации на мировой арене.

На данный момент возникает потребность в качественном диалоге между государством и бизнесом в России. Существует необходимость организации взаимовыгодного партнёрства между государственными органами и бизнес-структурами, а также совершенствование механизмов сотрудничества для достижения наиболее успешного социального и экономического развития организаций и государства в целом.

Во многом становления и развития технологий GR в России определяет государственная политика и экономическая ситуация в стране, именно поэтому практики использования технологий взаимодействия органов власти и бизнеса имеют свой уникальный опыт, который отличается от опыта других стран мира.

В научной литературе GR-технологии определяются как «взаимодействие бизнеса и власти с целью обеспечения, отстаивания и продвижения интересов бизнеса в системе органов государственной власти» [1]. Партнёрство бизнеса и властных органов можно охарактеризовать как взаимовыгодное. Оно предполагает взаимную защиту интересов обоих участников взаимодействия.

На данный момент в России происходит формирование отношений общества и государства как управляемого и управляющего. Под влиянием многих факторов GR приобретает совершенно иное качество. Во-первых, государство выступает как субъект управления, который считает своей основной задачей регулирование отношений, возникающих во всех сферах жизни общества. По этим причинам отношения между государственными органами и социумом основывается на стратегии взаимодействия [2].

Только за счёт применения технологий Government Relations можно добиться более высокого результата в сфере GR, из чего можно сделать вывод, что два этих понятия – GR и GR-технологии – взаимосвязаны друг с другом.

Совокупностью приёмов и методов в деятельности government relations называют GR-технологии. Они ставят перед собой цель создать взаимовыгодное сотрудничество между различными структурами и госорганами.

Одним из видов деятельности в России являются отношения с государством, которые можно определить собой комплекс интегрированных технологий. Самыми известными технологиями, которые применяются в этой области, являются: связи с общественностью, лоббирование, маркетинг, анализ и прогнозирование, принятие решений и т. д. Так же существуют новые технологии: организация площадок для деловых переговоров бизнеса и власти на экономических форумах, политических и деловых консультациях и т.д., которые в

совокупности придают новое качество отношениям между бизнесом и государством, касающимся неполитической и политической сфер.

Чаще всего на практике специалисты примеряют такие виды технологий: взаимодействие с органами власти напрямую; организация экспертных опросов и участие в них; поддержка политической деятельности; media relations.

К технологиям прямого взаимодействия с органами власти специалисты относят: обсуждение вопросов власти, имеющих приоритетное значение; коммуникация с должностными лицами напрямую; выступления на различных форумах, саммитах, слушаниях; неформальные встречи на различных мероприятиях и т. д.

Наиболее популярный метод взаимодействия с государственными органами власти – это предоставление экспертной информации. Такой метод включает в себя участие авторитетных специалистов из различных сфер в качестве экспертов по спорным вопросам.

Одной из важных технологий GR является взаимосвязь со СМИ. Они формируют определенное мнение в обществе и среди политических элит, что имеет огромное значение в принятии политических решений органами власти.

Можно также выделить такую технологию GR, как поддержка политической деятельности. С помощью данной технологии осуществляется поддержка политических лидеров, например, во время выборов, а также участие высококвалифицированных экспертов в различных форумах и обсуждениях. Можно выделить несколько видов поддержки политической деятельности: информационная, техническая, добровольная и т.д. [3].

Практическое применение технологий government relations в России демонстрирует, что дальнейшее совершенствование технологий GR в формировании партнёрства между бизнесом и государством будет только способствовать прозрачности, открытости и законности их применения, что поспособствует увеличению общественных благ, а также развитию демократии в обществе.

Чтобы сотрудничество было эффективным должны быть созданы благоприятные условия для конкуренции предприятий России, также необходимо повышение эффективности [4]. Фирмы обязаны устанавливать взаимоотношения с федеральными и регио-

нальными органами власти, взаимодействовать с индустриальными и предпринимательскими ассоциациями и вместе с НКО. Для лоббирования интересов существует необходимость сохранять стабильные контакты в органах госвласти и искать способы взаимодействия с резидентами государственного сектора. Значимым условием считается создание и введение проектов коллективной социальной ответственности.

Таким образом, возможности Government Relations состоят в едином применении предприятиями интегрированных технологий, ранее известных в России и новых.

Список использованной литературы и источников

1. Сенин В. GR и «лоббизм» в банковом секторе // Банковое обозрение. № 5. 2011. С. 44–53.
2. Дениева А.К. GR-среда современной Российской Федерации: основные характеристики и проблемы формирования. // Сборник научных трудов научно-практической конференции «Социокультурное пространство современной России: вызовы 21 века». 2013.
3. Минтусов И.Е., Филатова О.Г., GR: теория и практика: Издательство СПбГУ, 2013. 180 с.
4. Климова В. GR-форум 2008. Бизнес и власть: как наладить диалог? // Национальные проекты. № 5 (24). 2008.

*Летуновский А.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

*Научный руководитель: Подшибякина Т.А., доктор политических наук,
доцент, Южный федеральный университет*

МЕТОДОЛОГИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ В ПРИМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТРА ДИСЦИПЛИН

Когнитивная наука – это направление, лежащее на стыке множества дисциплин, суть которого – регулярное продвижение в области исследование разума и человеческого сознания, охватывающее такие области знания как: философию, психологию, искусственный

интеллект, неврологию, лингвистику и антропологию. Академические и интеллектуальные начала когнитивной науки отсылают нас к середине прошлого столетия, к тому состоянию при котором разработка концептов приняла и осознала факт перспективности автоматизированных вычислительных процедур, когнитивная наука достаточно плотно связана с машинным обучением, программным обеспечением, а далее – с искусственным интеллектом.

Доминирующее сравнение между разумом и компьютером в когнитивной науке приобрела новый современное признание именно благодаря использованию другого аналога – мозга, в его естественном и не менее важном для нас понимании.

Ответ на вопрос применения данной дисциплины и ее реализации в социальных, прежде всего политического толка науках кроется в трех категорически важных направлениях. Причем речь идет уже не только о наименовании, того, что есть, знание, познание, мысль, разум или мозг, работать приходится в социальном поле. Это вопрос условный, хотя и определяющий методологию, тем не менее, выделение областей значительно облегчит нам задачу релевантности подхода вообще. Так вот, основными направлениями здесь будут следующие.

- Лингвистический (словесный) опрос семиотики. Дискурс. Как лингвистические структуры, речь, слово, политический жест способствуют пониманию мыслительных моделей.

- Имплицит. Скрытые побуждения, явления и процессы. Когда речь заходит о политическом сознании, да еще и в отношении мысли, (не статистики, а мысли, подлинной) – уже, чисто скептически, возникает логическое отторжение и вопрос, как исследовать мысль, как препарировать ее так, чтобы она не ввергла в заблуждение и даже ответила на тот вопрос, на который слово отвечать не стало бы. И есть вопрос имплицита, скрытых подразумеваемых, порой, бессознательных явлений.

- Фреймирование. Как смысловые рамки, позволяют определять идеологии. Для того, чтобы подлинно понять отношение личности к политической действительности, необходимо комплексно наблюдать за тем, какие схемы реальности эта личность строит. Каким абстрактными образами мыслит.

Начнем с вопроса дискурсивности. Правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков – все это те жанры, которые принадлежат сфере политики.

Политический дискурс – это дискурс политиков. Ограничивая политический дискурс профессиональными рамками, деятельностью, Дейк отмечает, что политический дискурс в то же время является формой институционального дискурса. Это означает, что дискурсами политиков считаются те дискурсы, которые производятся в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии.

Таким образом, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке – все это задает образ мысли, что в свою очередь – причина специфических черт человеческого сознания.

Теперь же о вещах еще менее очевидных. Даже неочевидных по своей природе, в чем и есть их исследовательская ценность – имплицит.

Крупное значение для имплицита имеет разработанный не столь давно макет теста неявной ассоциации, концепция которого впервые была изложена в работе Гринвальда, МакГи и Шварц «Измерение индивидуальных различий в неявном познании: тест неявной ассоциации» (Сокращенно IAT) [Подшибякина, 2018].

IAT – тестовый процесс косвенного получения ассоциативных рядов, суть которого содержится в измерении именно имплицитных выражений, через выявление автоматического рода ассоциативности между отдельно взятыми объектами и, скажем, атрибутикой, при дополнительном выявлении взаимосвязей.

Имплицитное изучение пытается спровоцировать на афиширование бессознательно, по сути, это даже психологический сеанс. Масовое тестирование осуществляется через специализированную веб-страницу, позволяющую самостоятельно пройти процедуру и собрать базу данных по семнадцати заданным тематикам.

Далее вопрос коснется категории фреймирования. Как через рамки сознания, можно определить идеологию и стиль политического мышления, предпочтения, отношения к определенным единицам, даже мораль.

Но для начала все же подробнее, что понимается под фреймом в психолингвистике и когнитивных науках. Внутри современного подхода к самому знанию, воспроизводству слова в пределах когнитивной лингвистики, есть два основополагающих трактовки вопроса фрейма: как специфической емкости для хранения знания (части от всеобщей когнитивной картины человека) и как своеобразной структуры, инструмента расширения и когнитивного картирования действительности.

Здесь существует определенная близость к тому, что именуется концептом. Тем не менее, сами по себе фреймы – завязаны на систематике, совокупно они формируют знание, по отдельности – они отражают единичные свойства.

Допустим есть исходное понятие - человек, вполне конкретный человек, наш знакомый. В данном случае одним из фреймов, будет его возраст, другим фреймом – статус, третьим – физические показатели. Но человек сам по себе фрейм, потому что он является представителем Ното, биологическим видом.

Как видно, фреймы завязаны на иерархичности. Так и в отношении социально-политических учений. Отсюда следующие характеристики и задачи.

- Фреймы фреймируют сами себя. Концепты находятся в регулярной трансформации, равноценно так же ведет себя и идеология.
- Фреймы описывают специфику – закрепляясь в своей систематике мы – они: все это становится идеальным срезом для когнитивиста. Этим остается лишь воспользоваться.

Политическое сознание – конструкт сложнейший, определяющийся теми самыми понятиями, о которых велась речь и которым, собственно, и посвящена работа. Ведь для начала необходимо определить, что вообще необходимо подвергнуть изучению.

Тем самым, можно вполне однозначно заверить и подтвердить изначальную гипотезу о возможностях применения того методологического спектра когнитивной науки, что был явлен в материалах выше на базе социально-политического знания. Перспективность когнитивистики велика, количество работ в области социального не многочисленно, а если понять, как важен факт применения скрытого, того, что содержится в сознании, но не становится достижением все-

общего понимания – интерес, иногда чисто утилитарный и технологический резко возрастет. Остается лишь стараться использовать концепт понимания когнитивного на человеческое благо, не забывая о стандартах научной этики, реализуя, в том числе политически, весь накопленный потенциал дисциплины.

Список использованной литературы и источников

1. Анохин К. В. Возможности нашей памяти безграничны [Электронный ресурс] / К.В. Анохин. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/health/life/17644>.
2. Бескова И.А. Эволюция и сознание. Когнитивно-символический анализ / И.А. Бескова. М. : ИФ РАН, 2001. 268 с.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.
4. Макаренко В.П. Моральные концепты политических идеологий: специфика концептологического подхода // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований.
5. Подшибякина Татьяна Александровна Имплицитная когнитивистика в политической науке: методологические возможности исследования идеологии // Политика и общество. 2018. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/implitsitnaya-kognitivistika-v-politicheskoy-nauke-metodologicheskie-vozmozhnosti-issledovaniya-ideologii> (дата обращения: 02.05.2022).

*Лиджиев О.Д., г. Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Межевич Н.М., доктор экономических
наук, профессор, профессор кафедры европейских исследований
факультета международных отношений, Санкт-Петербургский
государственный университет*

ПРОБЛЕМАТИКА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

После распада Советского Союза Республика Беларусь и Украина на протяжении многих лет являлись друг для друга одними из ос-

новых торговых партнеров в области энергетики. С целью развития отношений в этой сфере были подписаны необходимые договоры и нормативные акты, и начали работу институты, такие как Межведомственная украино-белорусская смешанная комиссия по вопросам торгово-экономического сотрудничества и др.

До 2020 г. белорусско-украинские торгово-экономические отношения носили взаимовыгодный, плодотворный характер. На протяжении многих лет товарооборот между государствами имел огромные показатели. Начиная с 2016 г. Украина являлась вторым партнером Беларуси по объему импортируемых оттуда товаров, уступая лишь России.

С 2016 г. можно было наблюдать ежегодный рост объема товарооборота, однако в 2020 г. его показатели упали ввиду усугубившегося кризиса геополитических отношений между Беларусью и Украиной и пандемии коронавируса. Так, если в 2016 г. товарооборот между двумя государствами находился на уровне 3,83 млрд. долл., то в 2019 г. этот показатель достиг 5,84 млрд долл.¹.

В 2019–2020 гг. в белорусско-украинских отношениях начал наблюдаться кризис, который был связан со следующими политическими событиями:

- НАТО как приоритет внешней политики Украины
- «Вагнергейт»
- Непризнание Украиной итогов президентских выборов в Беларуси летом 2020 г. легитимными и ее готовность присоединиться к санкциям Европейского Союза в отношении Беларуси
- «Шпионские войны»

*Начало кризиса белорусско-украинских отношений в отрасли
энергетики*

Кризис в белорусско-украинских отношениях в сфере энергетики начался весной 2021 г., после инцидента с посадкой самолета авиакомпании Ryanair в аэропорту Минска. Ответом белорусской стороны на введенные Украиной санкции – прекращение авиасообщения с Беларусью – стала приостановка экспорта бензина марки «А-

¹ Внешняя торговля Республики Беларусь

URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/dc3/1jscca4twkr6su8h3xtms371l1nn9ngfc.pdf>

95». Это сильно ударило по украинским топливным компаниям, т.к. Беларусь обеспечивала около 50 %¹ рынка 95го бензина на Украине.

Однако вскоре, после объявленной белорусскими властями приостановке экспорта нефти на Украину, поставки возобновились. Беларуси было крайне невыгодно отказываться от Украины как рынка сбыта для нефти, бензина и топлива. Поэтому во 2-4 кварталах в 2021 г. торгово-экономические отношения между двумя государствами были в хорошем состоянии. Так, объем товарооборота между государствами возрос и достиг рекордной отметки в 6,9 млрд долл². Основу экспорта из Беларуси составили нефтепродукты, доли которых на украинском рынке распределились следующим образом³:

- Рынок битума – 45 %
- Рынок бензина – 40 %
- Рынок дизеля – 35 %

*Эскалация кризиса белорусско-украинских отношений в отрасли
энергетики*

Полное прекращение поставок нефти, бензина и топлива из Беларуси пришло на 2022 г. Первым шагом стал введенный Беларусью запрет на железнодорожный транзит нефтепродуктов, химических и минеральных удобрений, загруженных на станциях «Литовских железных дорог» от 7 февраля.

Затем кризис в белорусско-украинских отношениях усугубила начатая Россией специальная военная операция. Беларусь поддержала российскую сторону, прекратила отправлять отгрузки автомобильного топлива на Украину, закрыла все поставки; ввиду этого Минск де-факто становится врагом для Киева.

Однако, несмотря на происходящее, Украина не готова отказываться от Беларуси как одного из основных экспортеров нефтепродуктов. Украина нуждается в топливе, бензине и других энергоресурсах. Как заявил советник руководителя Офиса президента В. Зелен-

¹ Санкции Украины против Беларуси: чем ответит Минск URL: <https://eurasia.expert/sanktsii-ukrainy-protiv-belarusi-chem-otvetit-minsk/>

² Беларусь и Украина URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/cis/ukraine/>

³ Украина имеет план на случай прекращения поставок топлива из Беларуси URL: <https://sputnik.by/20220211/ukraina-imeet-plan-na-sluchay-prekrascheniya-postavok-topliva-iz-belarusi-1060307146.html>

ского Алексей Арестович, Украина на данный момент не готова к полному разрыву экономических связей с Беларусью.

Практическое значение данного вопроса для Беларуси, России и стран Европы

В контексте новой образующейся ситуации в регионе наблюдается образование треугольника Россия-Китай-Беларусь и углубление отношений в его рамках, что создает совершенно новый политический климат. Ежегодно три государства увеличивают между собой товарооборот и заключают новые соглашения, касающиеся самых разных вопросов: от совместных исследований в космическом пространстве до сотрудничества в сельскохозяйственной отрасли.

Образование подобной триады в лице трех государств: России, Китая и Беларуси – укрепляет позиции антизападной коалиции, что позволяет уравновесить силы Запада и стран восточнее.

Ухудшение белорусско-украинских отношений может повлиять на углубление российско-белорусской интеграции в рамках Союзного государства. Углубление российско-белорусского стратегического партнерства и введение странами Запада экономических санкций ускорит интеграцию двух союзных государств, результатом чего может стать:

- Формирование общего рынка энергоносителей и нефтепродуктов
- Интенсификация взаимодействия в области ядерной энергетики
- Создание общей валюты
- Создание общей символики

Что касается европейских стран, то складывающаяся геополитическая ситуация оказывает влияние и на них, причем не только в вопросах цен на энергоносители, но и в вопросах политического единства государств Европейского Союза. Некоторые европейские страны продолжают сохранять торгово-экономические и политические отношения с Россией, в то время как другие выступают против этого.

Как примеры – Венгрия, которая заблокировала санкции Евросоюза о запрещении импорта нефти из России, и президентские вы-

боры во Франции, где 41,45 %¹ избирателей проголосовали за Марин Ле Пен, которая неоднократно выступала за выход Франции из НАТО и неприемлемость введения энергетических антироссийских санкций.

Список использованной литературы и источников

1. Внешняя торговля Республики Беларусь – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/dc3/1jscca4twkr6su8h3xtms371lnn9ngfc.pdf> (дата обращения: 16.10.2022). Текст: электронный.
2. Санкции Украины против Беларуси: чем ответит Минск – URL: <https://eurasia.expert/sanktsii-ukrainy-protiv-belarusi-chem-otvetit-minsk/> (дата обращения: 16.10.2022). Текст: электронный.
3. Беларусь и Украина – URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/cis/ukraine/> (дата обращения: 16.10.2022). Текст: электронный.
4. Украина имеет план на случай прекращения поставок топлива из Беларуси – URL: <https://sputnik.by/20220211/ukraina-imeet-plan-na-sluchay-prekrascheniya-postavok-topliva-iz-belarusi-1060307146.html> (дата обращения: 16.10.2022). Текст: электронный.
5. Макрон победил на выборах президента Франции – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5327011> (дата обращения: 16.10.2022). Текст: электронный.

*Матяшова Д.О., г. Санкт-Петербург,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Панцеров К.А., доктор политических наук,
профессор кафедры теории и истории международных отношений
ФМО, Санкт-Петербургский государственный университет*

РИСКИ И ВЫЗОВЫ ПОЛИТИКИ QUAD В СФЕРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КЕЙС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Четырёхсторонний диалог по безопасности, созданный в 2007 г. и де факто восстановленный в 2017 г. в годы президентства Д. Трампа, в настоящее время отличается фокусом на измерении так называ-

¹ Макрон победил на выборах президента Франции URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5327011>

емой человеческой безопасности (human security) – «защиты и расширения жизненно важных свобод людей, требующей как их защиты от острых угроз, так и предоставления им возможности самим отвечать за свою жизнь» [1]. В рамках данной концепции в качестве угроз рассматриваются не только деятельность государств, нацеленные на наращивание их влияния, но и деятельность деструктивных негосударственных акторов (террористические группировки, наркоторговцы, торговцы людьми), природные и климатические катаклизмы (землетрясения, лесные пожары, деградация экосистем) и процессы, протекание которых обусловлено существованием глобальной, объединяющей мир инфраструктуры (кибератаки и киберпреступность). Вместе с тем концепция человеческой безопасности не противоречит концепции национальных интересов [2] – напротив, предполагает их расширение до новых, глобальных сфер.

Данное понимание безопасности больше соответствует современной международной среде, нежели традиционное. Тем не менее, оно создаёт риски как «маскирования» агрессивной политики мотивами обеспечения человеческой безопасности, так и, напротив, неверного восприятия политики по защите от терроризма, последствий природных катаклизмов и т.д., особенно на фоне обострения глобальных и региональных конфликтов и воздействия когнитивных искажений, связанных с идеологией и историческими паттернами политики, на лица, принимающие решения.

Политика по обеспечению человеческой безопасности требует комплексного подхода от государств и их объединений: развития инфраструктурных проектов, выработки режимов в сфере защиты окружающей среды и кибербезопасности, совместных инициатив по противодействию невоенным рискам (в том числе, экономическим, например, последствиям наводнений) и т. д., в результате чего даже организации, изначально нацеленные на обеспечение безопасности в традиционных терминах, приобретают общие черты с интеграционными объединениями, изначальным драйвером объединения которых была экономика. В совокупности с принятием на себя интеграционными объединениями новых обязательств по безопасности – например, ЕС в 2018 г. запустил Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны (PESCO), а BIM-

STEC, исторически ориентированный на гуманитарное сотрудничество в Южной Азии, с 2018 г. проводит военные учения – это усложняет разграничение международных объединений и военных блоков и, как следствие, создаёт риск обострения конфликтов.

Наконец, развитие новых информационных технологий, одновременно становящихся объектом секьюритизации как драйверов повышения положения на международной арене и воспринимаемых как угроза вследствие их «двойного назначения», также влечёт за собой риск возникновения многоуровневых конфликтов, связывающих производителей, логистов, пользователей, лиц, принимающих решения, и лиц, обеспечивающих безопасность.

Фокус QUAD на человеческой безопасности прослеживается как на уровне совместных деклараций, так и на уровне конкретных инициатив. Так, ключевыми темами декларации 2021 г. являлись здравоохранение в контексте COVID-19, соблюдение Парижского соглашения и экологичные производственные цепочки, научно-техническая кооперация и создание устойчивых цепочек производства полупроводников, а также строительство и укрепление критической инфраструктурой совместно с партнёрами из ЕС и G7¹. В декларации 2022 г., несмотря на обновление повестки, появление фокуса на «уважение к суверенитету и территориальной целостности», тем денуклеаризации Кореи и разрешения политического кризиса в Мьянме, приоритеты остались схожими – экономическая кооперация с целью повышения благосостояния региона, противодействие Covid-19, инфраструктура, климат, развитие информационных технологий и кибербезопасность, при этом большой акцент был сделан на сотрудничестве с другими международными организациями, такими как АСЕАН и Форум тихоокеанских островов². В рамках сфер кибербезопасности и киберпреступности прослеживается «эффект перетекания» в другие сферы – так, в контексте образовательного сотрудничества в 2022 г. было объявлено о создании программы по обуче-

¹ September 24, 2021. Joint Statement from Quad Leaders// The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/joint-statement-from-quad-leaders/> (дата обращения: 13/10/2022).

² May 24, 2022. Quad Joint Leaders' Statement// The White House URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/> (дата обращения: 13/10/2022).

нию STEM-профессиям в рамках Schmidt Futures, поддерживающих инициативу 2021 г. «QUAD Fellowship»). Также он прослеживается ретроспективно – так, рамки сфер борьбы с терроризмом, поощрения экономического развития и науки, схожие с очерченными в декларации, содержатся в заявлении о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Индией и Австралией¹.

Тема ИИ значима для QUAD как в контексте обеспечения кибербезопасности, так и в контексте двухсторонних и многосторонних инициатив. Тем не менее, политику QUAD в сфере ИИ на декларативном уровне отличает намерение сделать свои модели технологического развития «альтернативой китайской техноавторитарной модели»², что, с учётом противодействия отдельными странами альянса развитию ИИ в КНР и приоретизации самой КНР данной технологии как ключевой для политического и экономического прорыва [3], несёт в себе риск углубления конфликта.

Другим риском для QUAD является то, что его участники связаны кооперативными связями в сфере искусственного интеллекта с КНР. Компании из КНР и китайские исследователи являются ключевыми партнёрами для коллег в США и вторыми по значимости (после США) – для Японии, Австралии и Индии³. Для сохранения этих кооперативных связей QUAD в случае обострения противоречий потребуются изменить не только риторику, но и тактику, что может подорвать связность альянса, стратегически объединённого целью создания демократически ориентированного «порядка, основанного на правилах».

Наконец, потенциальным риском для QUAD является то, что инвестиционная активность между странами «тройки QUAD» в сферу ИИ низка как по сравнению с сотрудничеством с США, так и по сравнению с сотрудничеством с КНР⁴, что понижает шансы ИИ стать драйвером равноправной кооперации и породить эффект перетека-

¹ Joint Statement on a Comprehensive Strategic Partnership between Republic of India and Australia // Australian Government URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/india/joint-statement-comprehensive-strategic-partnership-between-republic-india-and-australia> (дата обращения: 13/10/2022).

² Assessing AI-related Collaboration between the United States, Australia, India, and Japan// GSET URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/quad-ai/> (дата обращения: 13/10/2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

ния в образовательную кооперацию или сотрудничество в сферах, зависящих от развития высоких технологий.

Список использованной литературы и источников

1. James S. The Key Drivers of Human Security Discourse and the Challenge to Realism // Cornell International Affairs Review [Online]. № 4. 2011. Available: <http://www.inquiriesjournal.com/a?id=1228>.
2. Schütte R., Yamashiro Fordelone T. Human Security: a paradigm contradicting the national interest? // Carta internacional. № 1. 2006. P. 35–40.
3. Roberts H., Cowls J., Morley J., Taddeo M., Wang V., Floridi L. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // AI & Society. № 36. 2021. P. 59–77.

*Небоженко А.В., г. Рустов-на-Дону,
Южный федеральный университет Научный руководитель: Поцелуев С.П.,
доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и
прикладной политологии, Южный федеральный университет*

ЧАТ-РУЛЕТКА КАК СРЕДСТВО ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В современном мире контроль над распространением политической, экономической и другой информации приобретает все большее значение. Использование современных технологий информационно-психологического противодействия оказывает негативное влияние на сознание человека. А распространение неправдоподобной информации может привести к возникновению негативных социальных явлений. Поэтому изучение некоторых аспектов информационной войны, а именно одного из средств, с помощью которого она ведется, является актуальным.

Начать рассмотрение данной темы следует с определения понятия информационной войны. По мнению А.В. Манойло, «информационно-психологическая война – это политический конфликт по поводу власти и осуществления политического руководства, в котором политическая борьба происходит в форме информационно-

психологических операций с применением информационного оружия» [1, с. 380]. К информационной войне, как части информационного противоборства, относятся разнообразные виды политического и социального соперничества, для достижения успеха в которых, в первую очередь, применяются средства информационно-психологического воздействия.

Для того, чтобы определить является ли какое-либо приложение или СМИ средством информационной войны, необходимо обратиться к признакам информационной войны.

Среди основных признаков можно выделить следующие:

1. Главенствующим видом взаимного влияния конфликтующих сторон является насилие;

2. Применение информационно-психологических операций достигает уровня «специальной организационной формы оказания политического воздействия» [1, с. 382];

3. Основным продуктом информационно-психологической войны является сводка новостей.

«Чат-рулетка – это сайт, позволяющий анонимно общаться с помощью видео и текстового чата» [2, с. 3]. Пользователь сайта соединяется по интернету с выбранным случайным образом собеседником. Разговор может быть прекращен в любое время путем нажатия кнопки далее, также можно отключить звук собеседника.

Возникает вопрос – используется ли этот интернет-сайт в условиях информационного противоборства? В первую очередь необходимо обратиться к вопросу восприятия человеком какой-либо информации. «С помощью слов передается 7 % информации, с помощью звука и интонации – 38 %, а за передачу оставшихся 55 % информации отвечают мимика, поза, жесты, т. е. невербальные коммуникативные средства»¹.

Рассмотрим конкретные кейсы использования чат-рулетки в политических целях. Предметом анализа будут 4 интервью у авторов видеоблогов, посвященных общению в чат-рулетке, и один репортаж

¹ Mosmetod.ru. Проблемы виртуального общения / Mosmetod.ru // [Электронный ресурс] – URL: <http://security.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/72-problemvvirtualnogo-obshcheniva> (дата обращения 20.10.2022).

о них, вышедшие на канале «Александр Лукьянов [недлѣяфѣра]»¹: 1) «БЕЗ ЦЕНЗУРЫ! Разговоры русских с украинцами в чат-рулетке / Владимир» от 30 июн. 2022 г.², 2) «Чат-рулетка с украинцами/ "Петя Первый"»³ от 1 июл. 2022 г., 3) «Чат-рулетка с украинцами / "В чем сила, брат?" Евгений» от 2 июл. 2022 г.⁴, 4) Чат-рулетка с украинцами / "Лосев Live" #1 и 2 от 4 июл. 2022г.⁵, 5) НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ / специальный репортаж Александра Лукьянова "Россия 24" от 18 июн. 2022 г.⁶.

Исходя из содержания интервью можно сделать вывод о том, что некоторые пользователи чат-рулетки заходят в чат не для того, чтобы услышать аргументы, а чтобы попытаться доказать что-то собеседнику или пытаются пересказывать официальную точку зрения украинской пропаганды. Авторы видеоблогов рассказали о том, что поступают угрозы их жизни и здоровью. Также заявили, что агрессивное общение – это типичное явление для чат-рулетки. Что особенно интересно, упомянутые видеоблогеры выдвинули предположение, что некоторые из их собеседников представляют «Центр информационно-психологических операций» Вооруженных Сил Украины. Такие подозрения возникли из-за особого поведения этих «пользователей» чата-рулетки, а именно умелого применения техник манипуляции сознанием, владения приемами воздействия на психику собеседников.

Все вышеперечисленное может косвенно свидетельствовать об использовании чат-рулетки как средства информационной войны. Что говорит о необходимости создания эффективных механизмов

¹ YouTube. Александр Лукьянов [недлѣяфѣра] / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/c/alexlukynov/about> (дата обращения 21.10.2022).

² YouTube. «БЕЗ ЦЕНЗУРЫ! Разговоры русских с украинцами в чат-рулетке/ Владимир» / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HABvmGpqhMo&t=5s> (дата обращения 20.10.2022).

³ YouTube. Чат-рулетка с украинцами/ "Петя Первый" / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: https://www.youtube.com/watch?v=j_vxksqyZZs&t=1s (дата обращения 20.10.2022).

⁴ YouTube. «Чат-рулетка с украинцами / "В чем сила, брат?" Евгений» / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kQw5ofNI7Sc&t=2010s> (дата обращения 20.10.2022).

⁵ YouTube. Чат-рулетка с украинцами / Александр Лосев / интервью #1 / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mHb0fQzx3eM> (дата обращения 20.10.2022).

⁶ YouTube. НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ / специальный репортаж Александра Лукьянова "Россия 24" / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1vhTH0frPDQ> (дата обращения 20.10.2022).

противодействия информационному давлению. Но, в настоящее время в этой сфере они лишь начинают вырабатываться, причем чаще к противодействию подключаются не специалисты в области психологии или политологии, а обычные граждане, что вызывает некоторые опасения.

Однако, данная тема требует дальнейшей разработки и анализа большего числа источников информации.

Список использованной литературы и источников

1. Манойло А.В. Управление психологической войной / А.В. Манойло // Международные отношения. 2013. № 3. С. 377–389.
2. Соборнов Т.И. Социально-психологические аспекты интернет-общения молодежи / Т.И. Соборнов, А.Е. Зуева // Политехнический молодежный журнал. 2021. № 7(60).
3. Mosmetod.ru. Проблемы виртуального общения / Mosmetod.ru // [Электронный ресурс] – URL: <http://securitv.mosmetod.ru/internet-zavisimosti/72-problemvvirtualnogo-obshcheniva> (дата обращения 20.10.2022).
4. YouTube. Александр Лукьянов [недляэфира] / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/c/alexlukynov/about> (дата обращения 21.10.2022).
5. YouTube. «БЕЗ ЦЕНЗУРЫ! Разговоры русских с украинцами в чат-рулетке/ Владимир» / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HABvmGpqhMo&t=5s> (дата обращения 20.10.2022).
6. YouTube. Чат-рулетка с украинцами/ "Петя Первый" / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: https://www.youtube.com/watch?v=I_vxksqyZZs&t=1s (дата обращения 20.10.2022).
7. YouTube. «Чат-рулетка с украинцами / "В чем сила, брат?" Евгений» / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kQw5ofNI7Sc&t=2010s> (дата обращения 20.10.2022).
8. YouTube. Чат-рулетка с украинцами / Александр Лосев / интервью #1 / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mHb0fQzx3eM> (дата обращения 20.10.2022).

9. YouTube. НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ / специальный репортаж Александра Лукьянова "Россия 24" / YouTube // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1vhTNOfrPDQ> (дата обращения 20.10.2022).

*Незнанов А.И., г. Челябинск,
Южно-Уральский государственный университет
Научный руководитель: Фейгин В.Е., кандидат исторических наук,
доцент, Южно-Уральский государственный университет*

ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ: ПОИСК БАЛАНСА ВЫГОД И РИСКОВ

В данной статье речь пойдет о том, каковы интересы Российской Федерации в Афганистане, какие наиболее эффективные пути реализации данных интересов в условиях талибского Афганистана могут быть предложены и с какими проблемами при реализации данных интересов наша страна может столкнуться.

Фундаментальность выработки оптимального стратегического решения данного спектра вопросов, связанных с Афганистаном, трудно переоценить, ведь ввиду географического положения России, ее истории и как тактического, так и стратегического восприятия окружающей геополитической действительности, эти вопросы занимают одно из важнейших мест в ряду национальных интересов нашей страны и ее безопасности с разных точек зрения. В первую очередь это связано со статусом Афганистана как буферной зоны в стратегически важном для нашей страны центральноазиатском регионе.

Погружаясь в конкретику, следует отметить, что интересы России в Афганистане в наиболее общем виде включает в себя следующие моменты: сохранение стабильности и предсказуемости ситуации в самом Афганистане, получение гарантий против экспансий исламистов в Центральную Азию и недопущение усиления влияния исламистов внутри РФ.

Для того чтобы эффективно решать поставленные задачи, необходимо учитывать культурную, экономическую и политическую

специфику страны и региона, с которыми приходится иметь дело, особенности ситуации, которая сложилась в Афганистане после захвата власти талибами и провозглашения ими Исламского Эмирата Афганистан и наши собственные внешнеполитические возможности, в первую очередь в контексте региональных проблем. По мнению доктора политических наук, сотрудника ИМИ МГИМО МИД России Казанцева А.А., оптимальная линия поведения России по разрешению данных проблем в свою пользу могла бы выглядеть следующим образом:

- Содействие координации позиций разных стран по отношению к талибам. В первую очередь необходимо подключение к этой координации соседей Афганистана, ввиду географической близости к нему напрямую заинтересованных в ликвидации потенциальных для себя угроз, связанных с Афганистаном. Общие требования могли бы включать в себя изгнание из страны международных террористических группировок, поддержание мира и стабильности на границах Афганистана, создание инклюзивного правительства, соблюдение базовых прав человека и эффективное управление страной.

- Содействие осуществлению посредничества между конфликтующими группами (например, пуштунами и таджиками) внутри Афганистана, а также между различными государствами в интересах сохранения мира в стране.

- Поддержка координации деятельности региональных держав, имеющих интересы в Афганистане, – как членов ШОС, так и других. Это тем более актуально с учетом того, что Афганистан – страна-наблюдатель в ШОС. Координация позиций региональных держав необходима и в других региональных форматах (СВМДА и т.п.).

- С учетом обострения целого ряда нетрадиционных угроз безопасности, исходящих с территории Афганистана, (терроризм, религиозный экстремизм, организованная преступность) необходимо усиление военного сотрудничества и взаимодействия спецслужб России и ее союзников(в особенности Китая, представляющего собой одну из сильнейший военных сил в мире, находящимся с Россией в фактически союзнических стабильно-долгосрочных отношениях и являющимся в первую очередь ввиду своего географического положения одной из наиболее заинтересованных в урегулировании аф-

ганского вопроса сторон) в разных форматах (совместные учения, обмен информацией по экстремистам и террористам) на двусторонней и многосторонней основе, в частности в рамках ШОС и ее Региональной антитеррористической структуры.

- Существенным моментом представляется оказание гуманитарной помощи Афганистану как непосредственно со стороны России, так и на уровне международных организаций, что является актуальной повесткой дня прямо сейчас в связи с усиливающимся экономическим кризисом в Афганистане.

- Усиление дипломатического и экспертного диалога с теми странами, которые не относятся непосредственно к соседям Афганистана, но могут пострадать от негативных тенденций в нем. К ним можно отнести страны ЕС (угрозы неконтролируемой миграции, наркотрафика, терроризма с территории Афганистана). Страны ЕС также имеют большой интерес к развитию коннективности со странами Азии и Центральной Евразии по линии сопряжения с ИПП и предупреждению негативного влияния на эти процессы событий в Афганистане и сопредельных странах Центральной Азии. Страны ЕС, Япония, Южная Корея, Австралия также были крупными гуманитарными донорами Афганистана и сопредельных стран Центральной Азии.

- Усиление экспертного сотрудничества по центральноазиатской тематике, для чего можно использовать как существующие форматы (РСМД, Валдайский клуб, академический диалог), так и формировать новые, более специализированные.

- Усиление координации экономической помощи и помощи в сфере безопасности Афганистану и сопредельным странам Центральной Азии. Для этого есть много механизмов в рамках ЕАЭС, Инициативы пояса и пути, ШОС и других двусторонних и многосторонних форматов взаимодействия. Для России это такие форматы как ОДКБ, СНГ, «5+1» [1, 54–55].

Однако данные деликатные вопросы ввиду чрезвычайной и почти не имеющей аналогов в современном мире сложности анализируемой ситуации, далеки от того, чтобы их решение достигалось с легкостью и, что называется, малой кровью. Иначе столь подробный дискурс на эту тему не представлялся бы необходимым. В этой связи

хотелось бы подробнее остановиться на тех проблемах, с которыми объективно может столкнуться Россия в реализации намеченной дорожной карты.

Во-первых, ввиду событий, разворачивающихся на Украине, практически полностью прекращены как экономические, так и политические контакты России с западными государствами, которые, по утверждению Казанцева, могли бы по перечисленным уже причинам оказать России содействие в решении афганской проблемы: страны ЕС, Япония, Южная Корея, Австралия и т. д. Нельзя, безусловно, отрицать и тот факт, что в данной ситуации России косвенно поддерживали и отказались вводить в ее отношении экономические санкции такие ключевые региональные акторы как, например, Китай, Индия и Пакистан, каждый из которых напрямую заинтересован в урегулировании афганских проблем и как оказывал, так и будет оказывать России в обозримой перспективе содействие в данном урегулировании. Однако из-за того, насколько крупными как экономическими, так и геополитическими игроками являются перечисленные Казанцевым государства, содействия которых Россия однозначно лишилась на долгосрочную перспективу, и насколько велик общий вклад этих держав в разрешении афганского кризиса, поддержки лишь упомянутых пускай и солидных региональных игроков мало для эффективного разрешения как кризиса в целом, так и той его составляющей, которая касается нашей страны. К тому же прямая политическая поддержка со стороны перечисленных государств отсутствует, на уровне Совбеза ООН они неукоснительно придерживаются нейтралитета по вопросу российской спецоперации на Украине.

Во-вторых, как отмечает М.Д. Беседин, большая часть героина, потребляемого в Европе и Евразии, производится из афганского опиума, а пути незаконной транспортировки всей наркотической продукции проходят через государства Центральной Азии, с которыми граничит Российская Федерация. Наркобизнес приносит талибам, по подсчетам ЮНОДК (Управление ООН по наркотикам и преступности), 400 миллионов долларов в год. Захочет ли «новое» руководство Афганистана расстаться с данным важнейшим источником доходов? Это – серьезная проблема. Объективно она затрагивает соседние госу-

дарства, включая Россию. Решать ее придется многие годы и в обозримом будущем конструктивного ее решения не предвидится [2].

В качестве еще одной проблемной точки следует упомянуть и том, что между Россией и талибским Афганистаном существуют противоречия по еще одному фундаментальному для обеих стран вопросу-исламизации. И если с находящимся у власти нынче умеренным крылом талибов данный вопрос еще подлежит сглаживанию, то если представить, что рычаги правления перейдут в руки радикальных талибов (что в нынешнем турбулентном Афганистане более чем возможно), в частности в руки весьма активной группировки «Сеть Хаккани», то в таком случае в данном вопросе наверняка возникнут возможно даже антагонистические противоречия, способные ввести нашу страну в полосу достаточно серьезных угроз безопасности. Это объясняется с тем, что радикальные талибы исключают возможность ведения переговоров и рассматривают возможность экспансии идей радикального ислама. В первую очередь угроза связана с потенциальным распространением радикальной исламизации в странах Центральной Азии и, что еще более опасно, в самой России, в частности на территории Кавказа, где ячейки, потенциально симпатизирующие идеям радикального мусульманства, хоть и плотно засели в подполье, но все еще сравнительно многочисленны и опасны. Так, как сообщил директор ФСБ Александр Бортников, за 2020 год в 24 регионах нашей страны выявлены 70 ячеек международных террористических организаций, из них 38 ячеек ИГИЛ (запрещенная на территории РФ организация) [3]. Все это с легкостью способно перерасти во вполне реальную террористическую угрозу. А во что это может вылиться мы прекрасно знаем, в том числе и на в высшей степени горьком и относительно недавнем национальном историческом опыте чеченских войн. Не исключена и экспансия радикального талибского правительства в сопредельные страны, в частности в пограничный Таджикистан. Это чревато втягиванием России в очередную кровопролитную военную кампанию.

В качестве проблемы может служить еще и то, что США, даже вне контекста обострившегося украинского кризиса, могут резко воспротивиться возможному расширению контактов между Россией и талибами в связи с тем, что и те, и другие являются стратегически-

ми противниками США, а интересы США в Афганистане даже после полного вывода войск с территории страны по-прежнему являются весьма актуальными.

В заключение хотелось бы отметить, что интересы России в Афганистане, в первую с точки зрения обеспечения нашей безопасности и пресечения возможного всплеска преступности на наших государственных границах, носят характер стратегической важности. В связи с этим их эффективная реализация есть один из стратегических императивов руководства РФ. Обозначенные в ходе написания статьи предложения по реализации данных интересов, исходя из геополитических и региональных рычагов влияния нынешней России, представляются в целом конструктивными. Однако не могут не вызывать озабоченности и те существенные «проблемные точки», которые являются барьерами на пути к достижению оптимального решения обсуждаемых вопросов. Но, нет сомнений, Россия располагает необходимыми для сглаживания этих острых моментов рычагами, самый главный из которых - активное сотрудничество с талибским правительством, состоящим из, как уже было отмечено, умеренных талибов. Договоренности, достигнутые даже с умеренным крылом талибов, могут резонно показаться не вполне надежными, особенно если учесть, что они далеко не всегда способны контролировать власть полевых командиров на местах. Однако, учитывая тот факт, что талибы – это есть объективная политическая действительность Афганистана, которая, скорее всего, что называется, «всерьез и надолго», отсутствие данных контактов было бы политическим самоубийством. К тому же нынешнее талибское правительство вызывает доверие, что выразилось, например, в том, что сформированное талибами правительство неукоснительно исполнило свои гарантии по обеспечению безопасности посольства РФ в Афганистане. Выльются ли подобные доверительные отношения в признание талибов покажет дальнейшая эволюция афганских событий, однако, по словам спецпредставителя президента РФ по Афганистану, директора второго департамента Азии МИД РФ Замира Кабулова, нынешние прелиминарные переговоры с талибами – залог успешного будущего. При этом, выстраивая данные контакты, не следует забывать о своих обязательствах перед международным сообществом, которое пока

далеко от того, чтобы признавать талибское правительство. Самая же главная опасность для России по уже указанным причинам заключается в потенциальном приходе к власти радикально настроенных представителей «Талибана». В связи с этим России следует перманентно отслеживать все потенциальные изменения афганской ситуации и незамедлительно на них реагировать.

Список использованной литературы и источников

1. Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан. М.: МГИМО-Университет, 2021. 256 с.
2. Беседин М.Д. Возможные последствия для России от смены власти в Афганистане // URL: <https://polit74.ru/politics/> (дата обращения 15.03.2022).
3. Егоров И.Г. ФСБ выявила 70 ячеек террористических организаций в 2018 году // URL: <https://rg.ru> (дата обращения 15.03.2022).
4. Пляйс Я.А. Афганистан: истоки трагедии. Москва : Международные отношения, 2021. 552 с.

*Нечкина А.А., г. Иркутск,
Иркутский государственный университет Научный руководитель:
Зуляр Р.Ю., кандидат политических наук, доцент,
Иркутский государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В РОССИИ В 2013–2020 ГГ.

Согласно социологическим опросам начало данного периода в отношении одобрения власти оказалось стабильным: после всплеска протестной в 2011–2012 активности доверие к Президенту и Правительству стало расти (пик в 2015 г.) спад обозначился только в 2018 г. Подобная картина наблюдается в отношении протестного потенциала, за спадом в 2014 г. до 12 обозначился подъем в 2018 г. до

34¹. Согласно опросам, ВЦИОМ в 2013 г., 34 % россиян оценивали оппозицию как независимую, 47 % как несамостоятельную, остальные 18 % затруднялись с ответом. В этом же году проводилось исследование с целью узнать мнение у россиян о том, как изменилась роль оппозиции: 28 % указали, что оппозиция стала играть большую роль, чем 7–8 лет назад; 30 % отметили, что роль оппозиции уменьшилась; по мнению 32 % респондентов роль оппозиции за последние 7–8 лет не изменилась; 10 % затруднились с выбором ответа².

На выборы в Государственную Думу VII созыва в 2016 г. было зарегистрировано 14 политических партий. По итогам голосования места в Госдуме получили «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Родина», «Гражданская платформа». Партия власти заметно улучшила свой результат; за нее отдали свои голоса 76,22 % россиян, что на 23,33 % больше по сравнению с прошлыми выборами. В это же время обозначился спад электоральной поддержки других партий: КПРФ потеряла 11,11 % поддержки избирателей, ЛДПР – 3,78 %, «Справедливая Россия» – 9,11 %³.

До президентских выборов 2018 г. было допущено восемь кандидатов: В.В. Путин (самовыдвиженец), П.Н. Грудинин (КПРФ), В.В. Жириновский (ЛДПР), К.А. Собчак («Гражданская инициатива»), Г.А. Явлинский («Яблоко»), Б.Ю. Титов («Партия Роста»), М.А. Сурайкин («Коммунисты России»), С.Н. Бабурин («Российский общенациональный союз»). Итоги выборов показывают, что Путин заручился большей поддержкой электората, чем на прошлых выборах, улучшив свой результат до 76,69 % (+ 13,09 %); поддержка кандидатов от КПРФ упала на 5,41 %, ЛДПР на 0,57 %⁴.

Такой рост поддержки «Единой России» и В.В. Путина объясняется достижениями России на внешнеполитической арене, в первую очередь присоединением Крыма весной 2014 г. Данное событие неоднозначно было воспринято в оппозиционном лагере: оппозици-

¹ Одобрение органов власти. – Текст : электронный // Левада-центр : официальный сайт. – 2020. – URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>

² Оппозиция в России сегодня. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – 2013. – URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=927&q_id=64040&date=15.09.2013

³ Итоги голосования на выборах в Государственную Думу РФ 2016 г. – Текст : электронный // ЦИК РФ : официальный сайт. – URL: http://cikrf.ru/analog/vib_d16/

⁴ Итоги голосования на выборах Президента РФ в 2018 г. – Текст : электронный // ЦИК РФ : официальный сайт. – URL: <http://cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2018/itogi-golosovaniya/>

онеры правого толка выступили против «аннексии Крыма», оппозиционеры левого толка поддержали изменения и оценили их с положительной стороны. В Москве прошел крупный 10-тысячное шествие против вхождения Крыма в состав РФ, в других городах прошли протестные пикеты.

Одной из особенностей президентских выборов стало, то что, оппозиционер Алексей Навальный (включен в перечень экстремистов и террористов) несмотря на то, что был не допущен к избирательной гонке, все-равно провел собственную избирательную кампанию. Еще до подачи документов в ЦИК оппозиционер открыл электронный реестр избирателей для тех, кто готов его поддержать, начал сбор подписей (было собрано около 15 тыс. подписей); привлек на свою сторону порядка двух тысяч волонтеров по всей стране; инициировал создание 81 штаба в городах России. Одним из шагов предвыборной кампании стало проведение протестных акций по всей стране. 26 марта 2017 г. в 82 городах прошли митинги, инициированные после выпуска «Фонда борьбы с коррупцией» фильма «Он вам не Димон». Протестные акции были направлены против коррупционной деятельности власти. Всего в протестных акциях в этот день было задействовано от 32 тыс. до 92 тыс. участников. 12 июня была проведена вторая волна антикоррупционных выступлений в 154 городах, на улицы вышли от 50 до 100 тыс. участников. 7 октября были проведены митинги в 79 городах с требованием допустить Навального (включен в перечень экстремистов и террористов) до выборов и других независимых кандидатов (до 21 тыс. участников). Помимо протестных акций оппозиционер провел турне, в ходе которого посетил 29 городов, где провел встречи со сторонниками. Также региональные штабы запустили школу подготовки наблюдателей на выборах, всего было обучено более трех тысяч наблюдателей¹.

Еще одной особенностью рассматриваемых выборов является «возвращение» графы «против всех» в лице К. А. Собчак, которая заявила, что готова стать «голосом протеста» и что граждане, испытывающие недовольство происходящим в стране, могут проголосовать за нее, показав этим о необходимости изменений.

¹ Кампания Навального 2018. Как это было. – Текст : электронный / Навальный 2018 : официальный сайт. – 2018. – URL: <https://2018.navalny.com/>

Протестная активность после выборов оказалась ниже, чем в прошлый раз: 19 марта 2018 г. состоялся митинг «Левого Фронта» (около 200 участников); 5 мая состоялась акция «Он нам не царь!» в 90 городах России, направленная против Путина (до 40 тыс. участников); 6 мая в Москве прошла протестная акция, направленная против фальсификации данных на выборах (180 участников).

Протестное затишье продлилось до июня 2018 г., когда правительство обнародовало законопроект о повышении пенсионного возраста. Протестные акции прокатились по всей стране охватив сотни тысяч митингующих. Согласно исследованиям экспертов Центра экономических и политических реформ против пенсионной реформы в 2018 г. было проведено более 1 200 протестных акций, из-за чего протестная активность увеличилась более чем вдвое, по сравнению с 2017 г., когда за год было зафиксировано 1479 протеста. Большинство протестов было организовано КПРФ – 36,2 %, на втором месте штабы Навального (включены в перечень экстремистов и террористов) – 13,1 %, на третьем «Справедливая Россия» – 2 %¹.

Летом 2019 г. начались многотысячные митинги по причине недопуска независимых кандидатов-оппозиционеров (Любовь Соболь, Дмитрий и Геннадий Гудковы, Сергей Митрохин, Иван Жданов и др.) на выборы в Думу города Москвы. 20 июля состоялся митинг «За допуск на выборы» на проспекте Сахарова (22 тыс.). После митинга у незарегистрированных кандидатов прошли обыски. 27 июля состоялся несогласованный митинг, перед началом которого силовики задержали его руководителей (до 10 тыс. участников); в ходе протестной акции было задержано более тысячи граждан. Вскоре Следственный комитет возбудил ряд уголовных дел в отношении участников протеста («Московское дело»). 3 августа в Москве и Санкт-Петербурге прошла акция «За свободные выборы» в формате прогулки, в это время власть начинает принимать технику «отзеркаливания» митингов с помощью проведения культурно-развлекательных мероприятий для отвлечения молодежи от протестов (фестиваль «Шашлык Live» 3 августа). 10 августа прошел митинг

¹ Протесты ушли на пенсию. Эксперты ЦЭПРа посчитали недовольных в России. – Текст : электронный / РБК : сайт. – 2018. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/08/5be2b47e9a7947814b688b74>.

«Вернем себе право на выборы» (50 тыс. участников), в этот же день властями был организован музыкальный фестиваль. В последующем проводились митинги в поддержку фигурантов «московского дела». В других городах также прошли акции поддержки недопущенных кандидатов.

Протестные акции лета 2019 г. привели к падению рейтинга «Единой России» в Москве и рейтинга Президента. Системная оппозиция на выборах в Мосгордуму заняла почти половину мест.

Наиболее крупная протестная волна в 2020 г. прошла в Хабаровском крае, где проходили массовые шествия протестующих, которые выступали против отставки экс-губернатора Сергея Фургала. Наибольшее количество принявших участие в митинге можно было наблюдать 18 июля (50–80 тыс. участников).

В рассматриваемый период обозначились новые тенденции в проведении протестных акций: выдвижение ультиматумов (оппозиционеры грозились проведением несанкционированных митингов и голодовок в случае недопуска независимых кандидатов на выборах в Мосгордуму); использование стратегии «петиция – change», когда протестные акции сопровождались одновременно со сбором подписей за то или иное решение; использование стратегии «Умного голосования» Навального (включен в перечень экстремистов и террористов), в ходе которого граждан информировали о «правильных кандидатах»; уход внесистемной оппозиции в Телеграмм (подавляющая часть протестов последних лет координировалась с помощью данного ресурса: велась мобилизационная, координационная и информационно-пропагандистская деятельность); позиционирования протеста как тренда и его яркое представление (привлечение огромного количества молодых людей; использование стратегии 1+1 или «приведи с собой друга»; проведение протестных флэшмобов; привлечение знаменитостей)¹. Однако, в последующем начался следующий период, берущий начало с 2021 г. Он ознаменовался укреплением российской власти, уходом крупных оппозиционных акторов с политической арены и снижением протестных настроений.

¹ Московские протесты 2019: экспресс анализ ключевых технологий. – Текст : электронный // Агентство социального инжиниринга : официальный сайт. – 2019. – URL: https://sea.com.ru/wp-content/uploads/2019/09/present_moscow_full.pdf

*Палий А.В., г. Москва,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Научный руководитель: Юденков Ю.Н., кандидат экономических
наук, доцент, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ СОБЫТИЙ, ПРОИСХОДЯЩИХ НА ГРАНИЦЫ УКРАИНЫ И РОССИИ

24 февраля военные силы Российской Федерации пересекли государственную границу Украины. Начались военные действия, которые уже длятся более 200 дней¹. Со стороны России происходящие события называются спецоперацией², со стороны Украины и Запада – войной³. Таким образом, на данный момент существует 2 объяснительные модели (ОМ) происходящих событий: ОМ – спецоперации; ОМ – войны, каждая из которых имеет под собой почву из аргументов. Попробуем проследить, какие *цели* преследуют отмеченные выше объяснительные медиа модели, кто выступает объектами данных ОМ, какие используются трансляторы ОМ и как меняется разнообразие объектов управления под действиями данных ОМ.

Объяснительная модель «спецоперация»

Основная линия построения данной объяснительной модели кроется, на мой взгляд, в аргументе: «*Нам не оставили выбора*». В обращении президента РФ В. Путина от 21 февраля именно данный аргумент подкреплялся несколькими фактами:

1) Государственный переворот Украины 2014 года – привел к приходу к власти радикалов, спонсируемых Западом.

2) Политика Украины имеет русофобский характер (акцент на притеснение русскоговорящих на исконно русских территориях Украины).

3) 8 лет атак на Донбасс: нарушение/отказ от минских соглашений со стороны Украины.

4) Военная угроза:

¹ На момент написания материала.

² <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843>

³ <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216ba639a79473f1f17bb96>

- военная стратегия Украины 2021, где Россия главный объект противостояния;
- угроза создания Украиной собственного ядерного оружия;
- присутствие военного контингента НАТО и США на территории Украины;
- обещания НАТО о не продвижении на восток – пустой звук (пример с восточной частью Европы).

Вторым аргументом выступают заявления о целях самой операции: *РФ не преследует своей целью оккупировать территорию Украины или поработить украинцев*. Военные действия ведутся исключительно с нацистами, бандитами и еще с ними исключительно профессиональными военными (всеобщая мобилизация не проводилась)

Третьим ключевым аргументом выступает позиция отказа от возможного либерального направления теории международных отношений: *Россия так же, как и США, может проводить собственные специальные операции для обеспечения безопасности своих территорий* (тем более, что попытки договориться не увенчались успехом). Данная позиция подкрепляется фактологической базой военного разрешения конфликтов со стороны США и НАТО в Югославии, Афганистане, Ираке и других местах, военные действия в которых также считались не войной, а военной операцией.

Основные цели ОМ «спецоперация»:

- 1) Легитимации военных действия на территории Украины
- 2) Поддержка со стороны граждан РФ
- 3) Исключение возможности гражданского раскола
- 4) Дестабилизации политической ситуации в Украине

Объекты ОМ – граждане России (основные) +, возможно, граждане Белоруссии. Второстепенные – граждане Украины и все мировое сообщество.

Основные трансляторы данной объяснительной модели – государственные СМИ РФ. Все попытки освещения другой ОМ на территории России преследуются законом (статьи 207.3¹, 280.3², 284.2¹

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/65e0c88a157ad970eb20e97979647f03c0cd927d/

² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/4618fd95c30a6fbe7717ceaebf64f082e735c9ad/

Уголовного кодекса РФ и статьи 20.3.3² и 20.3.4³ Кодекса об административных правонарушениях РФ).

Объяснительная модель «война»

Первым аргументом в поддержку данной позиции является заявление о том, что Россия ведет полномасштабную войну на территории суверенного государства Украина⁴. Основные факты, которые приводятся в поддержку данного заявления:

а. разрушению подвергаются объекты гражданской инфраструктуры;

б. в боевых действиях участвуют солдаты-срочники;

в. в отношении мирного населения применяется насилие.

Вторым аргументом в поддержку данной ОМ выступает активное сопротивление со стороны большей части населения Украины. В пример приводятся героические сопротивления приграничных русскоговорящих районов Украины и Донбасса, а также готовность и активное желание участвовать в боевых действиях значительной части украинского населения (так называемая территориальная оборона).

Третьим аргументом выступает порицание действий России значительной частью мирового сообщества: акцент на «все не могут ошибаться»⁵.

Основные цели ОМ «война»

- 1) Дискредитация действий ВС РФ на границе Украины и России
- 2) Мобилизация единого мнения среди населения Украины
- 3) Дестабилизация политической системы РФ
- 4) Поиск помощи в борьбе против РФ

Объекты ОМ «война» – граждане Украины (основные) + России. Вспомогательные – все мировое сообщество.

Основные трансляторы: СМИ Украины и СМИ большинства западных государств, а также несистемная оппозиция РФ. Стоит также отметить, что освещение какой-либо альтернативной позиции в от-

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6a1e4076a95264b0f02fe733b710cc7e03e02b18/

² https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/df67f6386f3aa5253a89bbfb663fca1b2315988c/

³ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/a4b1349770e40880151df67e188220a736115ff8/

⁴ <https://www.1tv.ru/news/2022-04-16/426595-vladimir-zelenskiy-v-intervyu-telekanalu-bbc-priznalsya-kogda-kiiev-nachal-podgotovku-k-voyne>

⁵ <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6216ba639a79473f1f17bb96>

ношении, например, запретов российским спортсменам принимать участие в международных соревнованиях также встречается критикой. Хорошей иллюстрацией служит критика в отношении депутата Европарламента Кристин Андерсон, которая назвала расизмом решение международных федераций отстранить российских спортсменов от соревнований, со стороны западных СМИ¹.

Выводы

Таким образом, мы можем наглядно видеть способность политических систем к адаптации путем ограничения возможности распространения альтернативных объяснительных моделей событий, происходящих на границе Украины и России на контролируемых ими территориях. Делается это для того, чтобы понизить разнообразие управляемого объекта.

В случае с ОМ «спецоперация» объектом выступают граждане РФ, воздействие на которых увеличивает устойчивость самой системы в кризисный момент.

Стоит также отметить, что трансляторами объяснительной модели «война» выступает значительно большее количество стран.

*Пасечник Д.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Макаренко В.П., доктор политических наук,
профессор кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФАШИЗМА В РОМАНЕ ДЖ. ЛИТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»

Исторический роман «Благоволительницы», написанный Дж. Лителлом в 2006 году, получил высокие оценки критиков и стал бестселлером. После написания книги Литтелл был награжден престижными французскими литературными премиями: Гран-при Французской академии, а также Гонкуровской премией. Автор закон-

¹ <http://komitet4-5.km.duma.gov.ru/Novosti/item/28426428>

чил Йельский университет, с 1994 по 2001 год работал в международной гуманитарной организации «Action Against Hunger», в качестве исследователя побывал в тюрьмах в различных регионах России, провел около полугода в Грозном, а во время второй чеченской войны почти 15 месяцев жил в Ингушетии. В 2001 году Литтелл увольняется из организации, чтобы работать над романом «Благовоительницы».

В этой работе содержится осмысление фашизма. Автор предлагает личностную интерпретацию событий второй мировой войны. Он описывает события от лица офицера СС, одного из рядовых исполнителей программы «окончательного решения еврейского вопроса».

Джонатан Литтелл является тем писателем, который из числа немногих предложил опыт «художественного осмысления войны с точки зрения палача.» [1] Репрезентация офицером СС событий второй мировой войны представляет интерес уже тем, что тотальная идеология национал-социализма полностью меняет, переворачивает не только мировоззренческую картину окружающего вокруг индивида мира, но и формирует глубинные личностные изменения, меняющие сущность человека. Главный герой, подходящий философски ко всем протекающим вокруг процессам, показывает картину отчуждения человека от социальной реальности, погружающую его в беспмятное состояние. Возможно, именно поэтому мы можем видеть картину, когда человек, являющийся военным преступником, провозглашает мысль о том, что потенциальным убийцей может быть абсолютно *любой нормальный, банальный человек*, живущий среди нас. Автор, таким образом, представляет нам пример «коммуникативной памяти» [2], когда главный герой возвращается к воспоминаниям, интерпретируя исторический опыт в рамках индивидуальной биографии. Подобная попытка осмысления тех событий, только по другую сторону колючей проволоки, сделал австрийский психиатр Виктор Франкл – узник концентрационных лагерей «Освенцим» и «Дахау» [3].

Возвращаясь к содержанию книги, можно сказать, что сама война и все происходящие в ее ходе процессы интерпретируются героем через призму философского осмысления. В начале книги главный герой говорит: «если теперь, спустя годы я и решился писать, то

для того, чтобы не вам, а себе самому многое прояснить» [1; 4]. Например: война, по мнению героя, не закончится никогда, «пока не умрет последний родившийся ребенок» [5]. Та же война лишает гражданина мужского пола права на жизнь, и что самое главное и страшное – права не убивать другого человека.

При геноциде или во время войны в современной её форме тот, кто подчиняется приказу, отчуждён от результатов своих действий. Это создает базу для обезчеловечивания представителя рода людского.

Интересным является вопрос о влиянии выбора индивида на происходящие события. Развитие событий редко зависит от выбора и врожденных наклонностей. Сам герой – идеалист-романтик. Он видел в национал-социализме «не что иное, как общее радение об истинной вере и правде» [4], потому главный герой «хотел ощутить себя частицей всеобщего» [4]. Но в итоге пришел к выводу: бюрократическая система разбивает идеалы и ценности; развиваться в идеологическом государстве можно только путем отказа от идеологической чистоты. Бюрократическая система Третьего Рейха содержит недостатки, характерные для любой другой бюрократии тоталитарных и авторитарных государств. Власть не заинтересована в понимании политических процессов. Напротив, представители господствующих меньшинств хотят слышать ту информацию, которая соответствует их интересам.

Господствующий режим обычно существует потому, что его одобряет большая часть населения. Нередко ему сочувствуют сами жертвы режима. Отдельный человек в нацистской Германии был ничем. Нация и государство – всем.

Государство не придавало ни малейшего значения рефлексии его верных служителей, включая офицеров СС. Главный герой считает себя философом, который когнитивно сопротивляется всей бюрократической машине. Она давит всё идеальное в человеке и подчиняет его своим целям.

Нацистская Германия была абсолютным национал-социалистическим государством только на бумаге. На практике она представляла собой форму «плюралистической анархии». В ней интересы клик представляли собой «клубок паучьих интересов», кото-

рый разлагал весь сложившийся режим. В этом государстве выживал самый сильный или наиболее приспособленный.

В итоге все те, кто был настроен критично к власти, Гитлеру, Вермахту, оказывался прав. Потому возникает проблема практической реализации и юридического оформления предельно критичного отношения к своей нации и государству.

Все те, кто считал себя патриотом, любящим родину и следующим интересам власти, оказывался военным преступником. Люди типа Эйхмана становились преступниками, будучи прекрасными мужьями, отцами, товарищами по партии. Возникает вопрос: стали бы они героями и патриотами, если бы родились в другой стране, с другой культурой? Если отвечать на этот вопрос положительно, то мысль автора, что нам повезло родиться в том месте, где нас не заставляют убивать, становится актуальной и нуждается в осмыслении.

Важно осознавать, что любое тоталитарное государство всегда найдет палачей в нужном количестве. Это создает почву для реализации ужасных преступлений против человечности. Причем, государству безразлично отношение исполнителей к евреям, когда оно приказывает их истреблять. Слово Гитлера становится законом. Для реализации правосудия применяются самые страшные средства этой «фемиды».

Следует подчеркнуть, что выразителем «абсолютного зла» может быть самый обыкновенный человек. Государство, отнимая у человека право думать, лишает его возможности сопротивляться, влиять на происходящие вокруг процессы. Перед индивидом встаёт выбор – подчиняться приказу, чтобы остаться в живых (хотя это тоже не гарантировано), или отказаться от выполнения и погибнуть.

Эти мысли важны для осознания ситуации в современной России. Она находится в политическом, социальном и экономическом кризисе. Более того, последние события показывают, что человеческая жизнь не является главной ценностью для русской власти, она вообще отсутствует в списке важных. Возникает вопрос: как индивиду, который не может повлиять на принятие политических решений, сохранить стойкость своих убеждений и ясность сознания, включающего кантовскую идею человека как цели (а не средства достижения сиюминутных задач правящего меньшинства), не пострадав при

этом? Для ответа требуется погружение в проблематику книги Лителла и детальное обсуждение всего спектра предложенных им выводов.

Список использованной литературы и источников

1. Жиронкина Е. С. Инфантильное сознание и его нарративное воплощение в романе Джонатана Литтелла «Благоволительницы» // Вестник Томского государственного университета. 2020. №. 458. С. 16–21.

2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – Новое Литературное Обозрение, 2014.

3. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере. – Альпина Паблишер, 2009.

4. Лителл, Д. Благоволительницы : роман / Д. Лителл ; перевод с французского И. Мельниковой; под редакцией М. Томашевской. Москва : Ad marginem, 2012. 799 с. ISBN 978-5-91103-095-7. EDN RDSPWT.

5. Даниленко И.В. Способы постмодернистской реинтерпретации исторического документа в романе Джонатана Литтелла "Благоволительницы" // Вестник ТГГПУ. 2018. №4 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-postmodernistskoy-reinterpretatsii-istoricheskogo-dokumenta-v-romane-dzhonatana-littella-blagovolitel'nitsy> (дата обращения: 5.11.2022).

*Патарая К.И., г. Москва,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

*Научный руководитель: Белов С.И., доктор политических наук, доцент,
МГУ им. М.В. Ломоносова*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ АНТАРКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Ещё в XVIII веке человечество начало осознавать тот факт, что рост населения и нерациональное использование ограниченных ресурсов нашей планеты может привести к условиям их нехватки для

удовлетворения потребностей всех жителей Земли. Было разработано множество концепций, которые предлагали свои решения данной проблемы. За прошедшие века человечество далеко шагнуло вперед в аспекте научно-технического развития, однако проблема ресурсного обеспечения продолжает играть одну из решающих ролей. Это связано с тем, что темпы роста населения неуклонно растут, при этом материально-техническое обеспечение не успевает за ними. Кроме того, увеличение числа людей ведет к усилению нагрузки на экосистему, что может привести к её необратимой деформации. В этих условиях борьба за ограниченные ресурсы означает собой борьбу за выживание.

Антарктика большую часть истории не представляла особого интереса для мировых держав по причине труднодоступности региона и сложности изучения его недр. Однако сейчас она является одним из центральных вопросов мировой политики и часто стоит на повестке международного взаимодействия.

Антарктика является единственным регионом в мире, расположившимся в рамках южного полюса. В связи с множеством земель и вод, включенных в ее состав, мы можем говорить и о сильнейших перепадах температур в данной области. Кроме того, из-за труднодоступности Антарктики по причине ее отдаленности от остальных частей мира и суровых климатических условий, регион до сих пор остается практически нетронутым цивилизацией и представляет из себя 14.000.000 квадратных километров сохраненных территорий, большая часть которых сохраняется подо льдами.

Залежи руды и месторождения полезных ископаемых, найденные на материке, а также медь, сера, железо и молибден, представляют большую ценность. По мнению ученых, толстый слой льда и прочие препятствия, скрывают, помимо прочего, залежи угля и нефти. В антарктических морях на шельфе имеется углеводородное сырье, потенциальный общий объем которого оценивается экспертами от 35 до 51 миллиарда тонн [1].

Большинство стран не поддерживали идею о том, что каждое государство имеет право претендовать на свой суверенитет в этих областях. Они предполагают, что все государства должны принимать участие в освоении потенциальных запасов континента, а Антарктиду

следует рассматривать как общее наследие человечества. Тем не менее, международное сообщество решило принять меры для обеспечения международного контроля за коммерческой добычей в целях сохранения экосистемы региона¹.

Позже на Вашингтонской конференции были сформулированы основные положения договора об Антарктике, который и по сей день определяет ее правовой статус. Договор был подписан 1 декабря 1959 года 12 государствами. В их число вошли: Аргентина, Австралия, Бельгия, Чили, Франция, Япония, Новая Зеландия, Норвегия, Южно-Африканский Союз, СССР, Великобритания и США. Основными тезисами, составившими повестку документа, стали мирное использование и инспекции, научная и операционная деятельность, охрана окружающей среды, туризм и неправительственная деятельность².

Договор был пересмотрен на Конференции государств-участников в 1995 году, после чего был объявлен бессрочным. Тем не менее, на данный момент странами-участницами данного соглашения считаются 48 государств, 28 консультативных сторон и 20 неконсультативных сторон, которые, хоть и участвуют в официальных встречах, не могут вносить собственные предложения и влиять на общие принимаемые тезисы. Все официальные ядерные державы (Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Китай и Россия) входят в число консультационных сторон. Каждые 1–2 года в столицах стран-участниц соглашения проводятся консультативные встречи. Штаб-квартира Постоянного секретариата находится в Буэнос-Айресе, столице Аргентины³.

Договор о правовом статусе Антарктики представляет из себя целую серию документов. В их число входят: Мадридский протокол 1991 г., в котором прописаны запреты на добычу полезных ископаемых, руд и прочих ресурсов из недр Антарктики на протяжении 50 лет; Конвенция о сохранении тюленей Антарктики 1972 г., согласно которому в водах Антарктики граждане или корабли, плавающие под

¹ Международное право. Международно-правовой режим Антарктики. Режим доступа. URL: <https://interlaws.ru/mezhdunarodnyj-rezhim-antarktiki/> (дата обращения: 16.10.2022).

² Секретариат договора об Антарктике. Режим доступа. URL: <https://www.ats.aq/devAS/Parties?lang=r> (дата обращения: 16.10.2022).

³ ТАСС. Международно-правовой статус Антарктики. Режим доступа. URL: <https://tass.ru/info/895684> (дата обращения: 16.10.2022).

флагом государств-участников, не будут убивать или ловить виды тюленей, перечисленные в Конвенции; Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 20.05.1980 г., на основе которой в 1981 году была создана комиссия АНТКОМ для разработки мер, необходимых для реализации Конвенции; Конвенция о режиме разведки и эксплуатации минеральных ресурсов Антарктики 1988 г. так и не вступившая в силу из-за отказавшихся ее ратифицировать глав Австралии и Франции; Международное соглашение об ответственности за загрязнение Антарктики 15.06.2005 г., регулирующее уровень чистоты региона.

В соответствии с Договором об Антарктике любая страна имеет право создать собственную станцию научных целей. В Антарктиде насчитывается около 90 полярных станций и научных баз (47 из них работают круглый год) из разных стран. Россия располагает 9 научными антарктическими станциями [2].

На территории России также действовал документ, связанный с деятельностью в Антарктике. Речь идет о постановлении от 11.12.1998 № 1476 "Об утверждении Порядка рассмотрения и выдачи разрешений на деятельность российских физических и юридических лиц в районе действия Договора об Антарктике". За его исполнение отвечал Росгидромет, МИД России и Минприроды России. Тем не менее, постановлением Правительства РФ от 27 июня 2013 г. N 544 действие предыдущего решения было отменено, после чего альтернативных законов, регулирующих антарктическую политику в рамках российской действительности, принято не было¹.

Антарктика представляет особенный научный интерес благодаря беспрецедентной модели управления: ни одна страна мира не может в полной мере завладеть той или иной частью региона и пользоваться ее ресурсами. Благодаря подобным договоренностям мы можем говорить о сложившейся системе коллективного управления Антарктикой. Тем не менее, в связи с обострившимся общемировым кризисе, вопросы о разделе сфер влияния в данной области может быть снова поднят на повестку дня [3].

¹ КонтурНорматив. Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=8410> (дата обращения: 16.10.2022).

Таким образом, мы можем говорить об Антарктике как о стратегически важном регионе, от чьего развития и рационального использования зависит как множество экосистем, так и международные отношения в целом. Именно пример Антарктики может нам продемонстрировать, как сверхдержавы, перманентно борющиеся за превосходство друг над другом, могут сосуществовать во имя единой цели – защиты окружающей среды. Этот уникальный кейс важен и с экологической, и с дипломатической точки зрения. Он может задать тренд на многие годы вперед и быть прецедентом в международно-правовой практике.

Список использованной литературы и источников

1. Грикуров Г.Э., Лейченко Г.Л., Михальский Е.В., Голынский А.В., Масолов В.Н. Минеральные ресурсы Антарктики: геологические предпосылки и перспективы освоения // Разведка и охрана недр. 2000. № 12. С. 59–63.
2. Колосов Ю.М., Кузнецов В.И. Международное право. Учебник. М.: Междунар. отношения, 1996. 608 с.
3. Е.А. Колесникова. Антарктика: история освоения и перспективы международного управления в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2015. № 4. С. 182–203.
4. Зухба Д.Т. Арктика и Антарктика в политике глобальной безопасности // Русская политология. 2018. № 8 (3). С. 71–76.

*Печенкин С.А., г. Москва,
НИУ ВШЭ*

*Научный руководитель: Поцелуев С.П., доктор политических наук,
доцент, Южный федеральный университет*

КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ МОГУТ ОБЕСПЕЧИТЬ УСТОЙЧИВОСТЬ АВТОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ?

Интерес к изучению недемократических режимов возобновился сравнительно недавно – в начале XXI века. Связать это можно с

уменьшением числа демократических переходов (спада «третьей волны демократизации»), а также в связи с возникающими кризисами-вызовами в демократических государствах («пост-демократия», кризис легитимности институтов, роста популизма и т. д.). Помимо вышеописанных вызовов, современные автократические режимы расширяют своё влияние на внешнеполитической арене, тем самым создавая конкуренцию демократическим идеям. Многие автократические режимы способны в глазах общественности маскироваться под демократические используя различные политические институты.

В современных исследованиях чаще всего используется институциональный подход, который предполагает создание институтов для ограничения акторов (А. Пшеворский, Дж. Ганди, Б. Геддес). В частности, особое место занимает институт политических партий и связанный с ними институт выборов. Возникает логичный вопрос, на который мы попробуем дать ответ в этом эссе: «Какую роль выполняют политические партии для формирования устойчивого положения автократических режимов?».

Внутри современных исследований содержится посылка о зависимости устойчивости недемократических режимов от их уровня институционализации. Создание правильного институционального оформления, способного противодействовать возникающим угрозам, даёт возможность правителям оставаться у власти гораздо дольше, чем тем, кто обходится слабыми институциональными механизмами, или вовсе без них. Хорошо выстроенные механизмы институционализации позволяет мобилизовать общество и легитимировать действующую власть. Согласно исследованию А.Пшеворского и Дж.Ганди, средний срок удержания власти автократами при использовании институционализации составлял 8,38 лет, а у тех, кто их не использовал – 3,3 года [1].

Автократам необходимо создать институционные модели, подерживая институты (партии, выборы, парламент и т. д.) для укрепления сотрудничества и тем самым сохраняя власть в руках автократа. Эти модели в первую очередь призваны оградить власть от эндогенных угроз (внутрипартийные разногласия, конфликты элит, угроз от семейных советов и хунт) и экзогенных (со стороны общества).

Из вышесказанного следует, что партии позволяют создать в обществе чувство стабильности, получая поддержку своих действий и решений, используя механизмы сопричастного управления. Действительно, в случае жестких однопартийных режимов, для которых характерна единственная партия, которая становится главным организующим органом в жизни общества, использование идеологической функции является одним из важных элементов сохранения власти у диктатора. В таком случае функция легитимности выполняется априори: тоталитарные однопартийные режимы не предоставляют возможности существования прочих оппозиционно-настроенных партий агрессивно подавляя инакомыслие. Примером может служить Коммунистическая партия СССР, которая была призвана политизировать и объединить под общим началом народ, охватывая все сферы общественной жизни. В данном случае справедливо замечание З. Бжезинского и К. Фдридриха – «Роль партии заключается в том, чтобы предоставить поддержку диктатору» [2. р. 29]. Данное замечание небезосновательно, и было так же отмечено С.Хантингтоном, что высокоинституционализированная политическая партия способна создать стабильность автократу, чем режимы с многопартийностью или без партий вовсе [3. р. 91].

Безусловно, наличие лишь единственной партии – явление в современном мире автократий не столь частое, поскольку это может помешать созданию положительного политического имиджа на международном арене. Поэтому современные автократии не брезгают использовать многопартийные режимы с доминирующей партией. Допущение ограниченного плюрализма является в этом случае визитной карточкой подобных режимов, в связи с ослаблением идеологической функции в отличие от строгих однопартийных тоталитарных систем. В этих режимах партии выполняют функцию кооптации элит, формируя прочную взаимосвязь с элитами и социальными группами. Проблема инкумбента в автократических многопартийных режимах продиктована возможностью оппозиции объединённым фронтом противостоять действующей системе.

Поэтому кооптация прямо связана со способностью автократа создать правящую коалицию из лояльного электората и основных сил элиты, противопоставляя им аутсайдеров – оппозицию и слабых

элитных элементов [4]. Между тем, функция кооптации в отношении аутсайдеров состоит в разделении оппозиции на противоборствующие лагеря (например, радикальные или умеренные). Кооптация и маргинализация оппозиции в условиях существования парламента раскалывает её на системную (лояльную) и несистемную, тем самым, не позволяя им создавать конкуренцию инкубенту. В данном случае несистемной оппозиции трудно набрать мобилизационные ресурсы, при этом если будет создаваться угроза действующему режиму – может применяться властный репрессивный аппарат по отношению к оппозиции. Основной же элитарный блок вовлекается в правящую политическую партию, используя систему мер поощрения и вознаграждения за проявление лояльности режиму.

Кооптация позволяет так же включать и широкие слои общества в формальные структуры, это необходимо для укрепления обратной связи, поскольку как правило автократами используются форма неконкурентных выборов и ротация элит, что вызывает потерю чувствительности к изменениям в обществе. Политические партии, а также легислатуры играют здесь роль организаций, которые создаются и контролируются автократами для налаживания и поддержки контактов с обществом между государственными структурами. Тем самым открываются новые возможности для мобилизации и рекрутирования новых заинтересованных кадров или элит через общество, аналогично предоставляя им вознаграждение за лояльность: в этом могут быть задействованы разнообразные молодёжные палаты или движения. Например, рабочая партия в Польше смогла мобилизоваться из-за того, что состояла в Коммунистической партии.

Через систему партийных выборов предоставляется возможность контролировать и оценивать состояние властных структур и эффективность управления. Неудовлетворительные результаты выборов, падение рейтинга «правящей партии» или успех оппозиционных партий могут являться маркером нестабильности в регионе, что позволяет вовремя выявить какие-либо проблемы и разработать качественную реакцию на изменения. В руках автократа оказывается так называемое «меню манипуляций» – комплекс мер, направленных на минимизацию рисков утраты власти и контроля, начиная от от-

крытых фальсификаций результатов до ограничения прав и свобод (СМИ, запугивание избирателей) [5].

При этом всё нельзя не отметить, что проведение даже неконкурентных выборов и наличие многопартийной системы благотворно влияет на повышение репутации режима на международной арене. Г. Голосов связывает это с поведением инвесторов, которые должны быть уверены в стабильности своих сбережений, ведь «от автократа можно ожидать всего чего угодно, а пусть даже и фиктивные выборы способны оказать на них успокаивающее действие» [6. р. 134]. Этим объясняется переход от однопартийной системы в странах Азии и Африки в сторону «электорального авторитаризма».

Подводя итоги, хочется отметить, что именно грамотно построенная институциональная система позволяет автократу удерживать власть в своих руках, обеспечивая тем самым стабильность режима. Политические институты играют в этом не последнюю роль, не являясь исключительно декоративными элементами. Политические партии обеспечивают стабильность авторитарным режимам используя формы кооптации и легитимизации действующей власти, рекрутируя в партию лояльных граждан, обеспечивая их патронажем и вознаграждением. Использование политических партий также позволяет автократу анализировать напряжённость в обществе, отслеживая количественные и качественные изменения в поддержке населением партии власти, тем самым вовремя реагируя на них. В общественном сознании воссоздаётся образ стабильности и незаменимости власти, давая возможность оставаться у власти даже в случае перехода к демократическим системам.

Список использованной литературы и источников

1. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats // Comparative Political Studies. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279–1301.
2. Friedrich C., Brzezinski Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. New York: Praeger, 1961. 439 p.
3. Huntington S.P. Political order in changing societies. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1968. 488 p.

4. The Logic of Political Survival / B. Bueno De Mesquita, A. Smith, R. Siverson, J.M. Morrow. - Cambridge: The MIT Press, 2003. 536 p.

5. Schedler A. The Menu of Manipulation // Journal of Democracy. 2002. V. 13. N. 2. P. 36–50.

6. Голосов Г.В. Автократия, или Одиночество власти. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 160 с.

*Пилюгина К.П., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Тураев А.В., кандидат политических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЛНР И ДНР

В настоящее время российская власть указывает на важность сохранения исторической памяти, недопущение ее переписывания, покушения на нее со стороны стран Запада. После присоединения к России в сентябре 2022 года Донецкой и Луганской народных республик актуализировался вопрос трансляции содержания исторической политики. Как известно, фундаментом исторической политики в России является победа в Великой отечественной войне, но может ли этот базис стать основополагающим для содержания исторической политики в новых территориях?

Историческая политика как термин возникла в 1980-х гг. в ФРГ, затем получила развитие в 2000-х гг. в Польше как политическое использование прошлого. Согласно определению А.И. Миллера, историческая политика представляет собой комплекс механизмов, предполагающих «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [1, 19]. Таким образом, историческая политика стоит на службе у власти, апеллируя к которой достигаются цели легитимации политических действий, сплочения и единения народа.

История – мощный мобилизующий ресурс и инструмент самоидентификации для россиян. Согласно исследованию Левада-Центра, она занимает первое место в списке предметов для гордости, обойдя природные ресурсы¹.

Особую значимость приобретает идея Русского мира как интеграционная концепция, сконструированная на основе общности языка, культуры и исторической памяти. Для официального политического дискурса эта идея актуализировалась впоследствии распада СССР, когда российская диаспора образовалась не столько за счет эмиграции, сколько за счет изменения государственных границ и сокращения исторически российского государства. Власть стремится восстановить границы этого исторически сложившегося русского государства, о чем свидетельствуют присоединение новых территорий. Можно считать, что это закономерное явление, поскольку сепаратистские настроения и стремления быть причастными к российской культуре на юго-востоке Украины наблюдались уже в 1994 году по результатам «совещательного опроса», проведенного в Крыму и на Донбассе². Следствием этих процессов стала «Русская весна» – национально-освободительное восстание в Донбассе, которое было вызвано отказом украинских властей в поддержке групп населения Юго-Востока, в укреплении тесных связей с Россией и в учете их мнений. Отождествление себя с русским народом также закреплено в официальных документах республик³.

Луганская и Донецкая народные республики как части Русского мира, начиная с 2014 года, стремятся выстраивать историческую политику в соответствии с курсом России, однако ее стержень, победа в Великой отечественной войне, оказывается действенным только внутри России. Исторический период войны пришелся на советское правительство с доминирующей идеологией марксизма-ленинизма, идея Русского мира находилась на периферии: в официальных доку-

¹ Общественное мнение – 2016. Ежегодник. – М., Левада-центр, 2017. – С. 29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/06/30/natsionalnaya-gordost/> (дата обращения: 05.11.2022).

² Референдум о федерализации Донбасса: 20 лет борьбы // Актуальные комментарии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://actualcomment.ru/referendum-o-federalizatsii-donbassa-20-let-borby.html> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Доктрина «Русский Донбасс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russian-center.ru/8315-2/> (дата обращения: 05.11.2022).

ментах советского периода украинцы, белорусы и русские были разделены. Несомненно, на территориях Донецка и Луганска проводятся мероприятия, посвященные Дню Победы и другим ключевым событиям войны, проводится работа по укреплению культурно-исторической идентичности и причастности к российскому историческому прошлому¹. Однако Великая отечественная война как инструмент конструирования Русского мира показывает свою неэффективность.

В целях объединения народов Русского мира необходимо включить в содержание исторической политики государства не только события Великой отечественной войны, но и Первую мировую войну, период правления Екатерины Великой и другие периоды, когда «братские народы» – русские, украинцы и белорусы – не считались разобщенными, когда историческое прошлое рассматривало их как единый русский народ, совершавший исторические подвиги.

Список использованной литературы и источников

1. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7–32.

*Пироев В.Э., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Поцелуев С.П., доктор политических
наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии,
Южный федеральный университет*

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ НАГОРНОГО КАРАБАХА

История конфликта в Нагорном Карабахе носит достаточно сложный, двойственный характер. Это связано с существованием

¹ Для детей из ДНР и ЛНР открываются «Университетские смены» // Министерство образования и молодежной политики Свердловской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobraz.egov66.ru/site/item?id=6145> (дата обращения: 05.11.2022).

двух отличных интерпретаций и видений на территориальную и национальную принадлежность данной области. Каждая из конфликтующих сторон пытается привести как можно больше исторических фактов для доказательства и обоснования привилегий на Нагорный Карабах. Эти процессы усугубляют и усложняют конфликт, переводя его из борьбы за территорию в межнациональную рознь. Историческая память каждого из государств имеет значительное влияние на конструирование национального самосознания и претензий на конфликтную территорию.

Следует понимать, что ситуация усугубляется тем, что в период СССР пресекались все возможные межнациональные противоречия в рамках интернационализма и единого государства. Но проблема Нагорного Карабаха существовала, правда, в достаточно замкнутом формате. Во многом, это породило стремление Армении к выходу из СССР, потому как возникало понимание, что в рамках союзного государства не получится решить данное противоречие. «Словом, ситуация, когда первичной для общества явилась не проблема независимости, а территориальная проблема, а независимость рассматривалась как инструмент для решения последней, из всех республик бывшего СССР (кроме Армении) в какой-то степени была характерна ещё, пожалуй, только для Азербайджана». [1] Здесь необходимо обратиться к историческим данным для лучшего понимания темы. Итак, после Октябрьской революции территория Нагорного Карабаха перешла под управление Закавказского комиссариата и Закавказской Демократической Федеративной Республики. После разделения ЗДФР на 3 независимых государства и капитуляции Турции в первой мировой войне азербайджанские власти имели притязания на Карабах и Зангезур. Проблему в этот период решило английское командование, утвердившее власть азербайджанского губернатора на этих территориях. Но, после этого, начался ряд армянских восстаний против власти Азербайджана в Карабахе. Далее ситуация развивалась уже в рамках советизации Закавказья. В 1921 советское руководство решило оставить территорию Нагорного Карабаха в составе Азербайджанской ССР. После это в 1923 принято решение создать Автономную область Нагорного Карабаха, в которую входили области, населенные армянами. В период перестройки и гласности, события

приобрели новый масштаб и превратились в открытую межнациональную конфронтацию и военные действия. Эта историческая сводка позволяет разобраться в ходе и развитии конфликта, но причины как таковые достаточно тяжело определить, в связи с дозированием информации в период СССР и многими интерпретациями событий. Но, все-таки, некоторые объективные факторы и причины возникновения конфликта можно выделить. Сюда относится: историческая неприязнь двух идентичностей; разрешение конфликтов на этой территории третьими государствами, часто противоречащее желаниям одной из сторон; ограничение советской властью открытых форм выражения недовольства по поводу ситуации в Нагорном Карабахе.

Теперь же следует перейти к рассмотрению исторических фактов, касающихся Нагорного Карабаха, с позиции каждой из сторон. Начнем с древних времен. Армянские сторона ссылается на античные источники, в которых утверждается, что территория Карабаха входила в состав Армянского царства. На это счет азербайджанская сторона утверждает, что Карабах был частью Кавказской Албании, которая является прародиной азербайджанцев. Кроме того, у азербайджанской стороны есть замечание, что их государство имеет прямую связь с кавказскими народами и древней политией – Антропатена, которая является потомком Мидии, некогда владевшей Нагорным Карабахом. Кроме того, есть мысль, что государство Урарту не относилось к армянам, а принадлежало племенам вайнахов. Хотя это утверждение носит весьма сомнительный характер. Армянская сторона довольно категорично размышляет, что Азербайджанская государственность впервые появилась в 1918 году и до этого не имела прообразов. Кроме того, армянские историки часто оперируют фактами нахождения на территории Карабаха христианских армянских церквей и монастырей. В этом отношении, армянской стороне намного легче сослаться на древнюю историю, так как она располагает довольно обширным летописным архивом, позволяющим укреплять идентичность (кстати, на содержание этих летописей часто ссылаются представители армянской церкви). В этом отношении, азербайджанцы не имеют достаточного летописного материала. «У азербайджанцев роль хранилища коллективной памяти долгое

время выполняли дастаны, народные песни, сказания и легенды, весьма популярные в народе. В силу особенностей этих текстовых ресурсов, опосредовавших коллективную память азербайджанцев, можно предположить наличие в ней определенного паттерна коллективной памяти ...» [2; с. 65]. На основе этого, можно утверждать, что армянская сторона располагает большими фактическими историческими ресурсами, но, в то же время, азербайджанские власти в формировании национальной идентичности могут использовать данные элементы фольклора в достаточно свободной форме – видоизменять и подстраивать под нужды времени.

Важное место в политике памяти Армении занимают сюжеты, связанные с геноцидом 1915 года. Эта историческая трагедия имеет свое отражение в осознании Карабаха как родной земли и необходимости ее защиты. Все дело в том, что сознание армянского народа часто ассоциирует турков и азербайджанцев как один народ – один враг. Следовательно, вся историческая ненависть к турецкой нации автоматически транслируется и на Азербайджан. Концепции, связанные с этими сюжетами, можно отнести к категории мученичества в политике памяти. В этом отношении отличились и азербайджанцы, заявляющие об убийствах и зверствах со стороны армянских националистов. В рамках этого периода активно ведется полемика двух сторон о развитии независимых государств Закавказья в 1918–1921 годах. «Еще в 1987 г. академические издания Армении и Азербайджана публиковали документы и статьи, посвященные борьбе большевиков и народных масс с националистическими партиями «Мусават» и «Дашнакцутюн»» [3, с. 97]. Армянская сторона обвиняет своих оппонентов в оказании помощи большевикам в их борьбе против «дашнаков», которых они считают национальными героями. Хотя, в азербайджанской среде, особенно с развалом СССР, партия «Мусават» также объявляется народной и героической.

Интересная дискуссия также разворачивается вокруг проблемы населения Нагорно-Карабахской Автономной Области и Нахичеванской АССР в период СССР. Миграция и притеснение армянского населения на территории Нахичевана связывается с политикой азербайджанцев, сравниваемой с турецкой экспансией. Со своей стороны,

азербайджанцы активно заявляют о дискриминации и вытеснении своей нации из НКАО.

Следующей не менее важной темой, требующей рассмотрения, является дискуссия, развернувшаяся между конфликтующими сторона в отношении событий ВОВ и оценке вклада в победу и героизма того или иного народа. Этот пример, является четким доказательством того, что территориальный конфликт перешел в стадию полной борьбы идентичностей и попыток уменьшения исторических заслуг обеих национальностей. И так, споры разгораются, прежде всего, по поводу количества лиц, удостоенных звания «Герой Советского Союза» в период ВОВ, у каждой из сторон. Хотя это не очень корректно, ведь все, кто воевал, были так или иначе героями. Продолжая эту тему, можно заметить, что азербайджанская сторона обвиняет Армению в восхвалении Гарегина Нжде и установлению памятника в Ереване. В ответ на это армянская сторона утверждает, что нет очевидных источников, доказывающих связи Нжде с фашистами. Кроме того, армянские историки указывают на фигуру Абдурахмана Али оглы Фаталибейли, советского солдата азербайджанского происхождения, попавшего в плен и сотрудничавшего с нацистами, а также создателя «азербайджанского легиона» в составе Вермахта.

Выводы

В заключение хотелось бы сказать: приведенные выше сюжеты и предметы споров сторон являются только частью обширного комплекса научной и околонучной, идеологической дискуссии конфликтующих. Примечательно, что споры все чаще приобретают характер ссоры, пререканий с довольно оскорбительным характером. Стороны открыто пытаются осквернить образ друг друга в исторической перспективе. Историческая память армян и азербайджанцев строится не только на возвышении собственных заслуг, но также на дискриминации друг друга. Такая политика памяти, во многом агрессивная, прямым образом влияет на продолжение конфликта и его превращение в межнациональную неприязнь. В этом отношении, одним из способов разрешения противоречий и остановки военных действий является пересмотр исторической памяти. То есть каждой из сторон необходимо остановить поиски исторических ошибок и неудач друг друга в рамках политической памяти, а наоборот пытаться

найти общие, объединительные черты и сюжеты исторических армяно-азербайджанских отношений.

Список использованной литературы и источников

1. Искандарян А., Арутюнян Б. Армения: «карабахизация» национальной истории// Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 1999. 445 с.

2. Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах центрального Кавказа// ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ. Журнал социально-политических исследований. №6 (42). 2005.

3. Юматов К.В. Дискуссии по проблеме Нагорного Карабаха в научной и периодической печати Армении и Азербайджана в 1987–1991 гг.

*Подуруева-Милоевич В.Ю., г. Волгоград,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Научный руководитель: Данакари Р.А., доктор философских наук,
доцент, доцент кафедры государственного управления и
менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал
РАНХиГС*

ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Национальная безопасность Российской Федерации охватывает все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательства Российской Федерации. Она включает в себя: государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, эпидемиологическую, энергетическую безопасность, а также личную безопасность. Эта концепция закреплена в Указе Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".¹

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации".

Согласно данному Указу, под национальной безопасностью следует понимать защиту народа, общества и государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивающую реализацию конституционных прав и свобод граждан, достойный уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственную и территориальную целостность, а также устойчивое социально-экономическое развитие государства.

Основой демократии является право каждого гражданина участвовать в управлении общественными делами, и поэтому, требуется усовершенствованная система местного самоуправления и реальность присутствия представительных институтов на всех уровнях власти. Вследствие этого содействие граждан в управлении делами государства – приоритетная и остроактуальная сциентифическая проблема современного Российского общества. «Государственный аппарат не может должным образом функционировать без вовлечения, участия и контроля гражданского общества» [1, с. 90–94].

Потенциал гражданского общества реализуется двумя способами – самостоятельностью действий и взаимодействием граждан. Значение первого способа заключается в необходимости самостоятельности и самоуправляемости субъектов для объединения различных интересов. С другой стороны, отношения субъектов, старающихся достигнуть такое единство, представляется возможным только по принципу консолидации усилий, на основании взаимосотрудничества.

Приоритетной составляющей гражданского общества выступают гражданские общественные объединения. Согласно Конституции РФ, общественные объединения выступают посредниками между государством и обществом.¹ Здесь сфокусированы объективные современные условия трансформации нашего общества в гражданское демократическое общество, вследствие этого, исследование проблематики социального партнёрства в совместной деятельности органов власти и НКО, имеет свою актуальную ценность и своевременность.

Одним из заметных аспектов политики государства стало вовлечение социально ориентированных НКО в непосредственное

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

предоставление социальных услуг, традиционно относящихся к сфере социального обеспечения государства, подтверждая главенство государства в отношении к гарантированию социальных прав посредством предоставления социальных услуг. Подобная модель является неолиберальной и ориентирована на государственную политику социального обеспечения.

Социально-ориентированные НКО в России, деятельностью которых является социальный аспект, взаимодействуют с государственными органами власти в целях защиты социальных прав населения. Результаты исследования показывают, что работа в этой сложной, гибридной сфере социального обеспечения побудило НКО социального сектора принять прагматичный подход к сотрудничеству с местными органами власти и другими государственными структурами. По-видимому, это предоставляет им возможность влиять на государственную политику, согласно сфере их направленности. Вполне вероятно, что степень такой возможности может увеличиться по мере того, как данные общественные организации будут играть все большую роль в предоставлении целого ряда социальных услуг. Несомненно, что дальнейшее, меняющееся в положительную сторону, взаимоотношения между социально ориентированными НПО и государством были бы своевременными и плодотворными, способствуя потенциалу развития гражданского общества в целом.

Российские власти стремятся во многих отношениях соответствовать модели государственности в отношении с гражданским обществом, при которой гражданское общество рассматривается как партнер государства, подлежащий активному формированию и влиянию. Это имело четкие, и, несомненно, негативные последствия для НКО, занимающихся защитой прав человека и окружающей среды, в частности, которые изо всех сил пытались продолжать свою деятельность во все более ограниченной законодательной и более безграничной политической среде.

Однако в том, что касается СО НКО – картина несколько иная. Такие организации были объектом большего, внимания со стороны властей, но, учитывая их потенциал выступать в качестве «партнера» государства в предоставлении социальных услуг, подобное внимание за последнее время приобрело совсем другой и гораздо более пози-

тивный оттенок. В то же время, НКО зачастую критически относятся к действиям правительства в области социальной политики и попыткам вовлечения их в предоставление государственных социальных услуг через конкурсы грантов и тендеров на «предоставление сервисных контрактов гражданина» [2, с. 2668–2672]. Это указывает на то, что правительству предстоит проделать гораздо больше работы, чтобы убедить данные организации в преимуществах сотрудничества с властями на более формальной и регулируемой основе.

Список использованной литературы и источников

1. Подуруева-Милоевич В.Ю. Роль и задачи институтов гражданского общества в обеспечении развития и безопасности в современной России // Безопасность в современном мире : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 17 февраля 2021 года / Отв. редактор С.А. Бондарева. – Волгоград: Волгоградский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2021. С. 90–94. EDN WXRFOМ.
2. Сковиков А.К. Власть и гражданское общество: Диалог взаимодействия // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–12. С. 2668–2672.

*Политаева Е.М., г. Москва,
Институт Государственной службы и управления, Российская
академия народного хозяйства и государственной службы
Петрович-Белкин О.К., г. Москва, Институт Государственной службы
и управления, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы*

КРИЗИС МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

В современной Европе существует несколько социальных моделей государства, они все основаны на роли всеобщего благосостояния (welfare regimes), которые отводят роль в содействии экономи-

ческому росту, перераспределение и оптимизации ресурсов, а так же социальной защищенности граждан. [1] Как отмечал немецкий ученый Л. фон Штайн государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано ... способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан». Рамки модели определяют дальнейшую позицию государства по отношению к обществу, а также множествами комплексами факторов, они зависят от специфики конкретной страны. [2] Основная разница моделей определена по количеству льгот и право на их получение. Однако существуют так и сильные и слабые стороны этих моделей. В этих целях государства и реализуют различные социальные функции для удовлетворения социальных потребностей граждан. Такие как: занятость населения, равные возможности развития для всех граждан, общественная безопасность, предотвращение расслоение доходов, поддержка социально незащищенных граждан, субсидирование жилья для определенных категорий, образование, направленное на устранение культурных различий и т. д. [3]

Современная социальная политика, проводимая Европейским союзом, была направлена на исправление рыночных сбоев и перераспределение богатств, для избежания крайней бедности. Вместе с развитием экономики на макроуровне с момента основания ЕС и Экономического валютного союза после 1992 года, с взаимодействием экономик, социальные реалии государств-членов стало ближе, так же это было усилено глобализацией.

Одной из главных причин кризиса это неспособность восприятие рынка в асимметрии распределения ресурсов. А также экономический и миграционный кризис, последствия пандемии covid-19, привели к росту безработицы в Европе. Это способствовало к быстрому сокращению социальных благ.

Ужесточение экономического управление ЭВС, сократило бюджетное пространство доступное для социального обеспечения, особенно в тех странах, которые больше всего пострадали от рецессии. Некоторые крупные страны, тратящие средства на социальное обеспечение, такие как Франция и Бельгия, преуспевают в плане перераспределения, но им не удалось поднять уровень занятости выше

установленного в Лиссабоне 70-процентного целевого показателя занятости. Что еще более тревожно, южноевропейские государства всеобщего благосостояния, основанные на денежных переводах, они сталкиваются с низким уровнем занятости и высоким уровнем неравенства, несмотря на значительные социальные расходы. [5]

После пандемии covid-19, наиболее негативно сказалось на молодой группе населения до 30 лет потеря рабочих мест, после окончания образования.

Затронуло и пенсионные системы в период кризиса возросли расходы распределительного уровня, так как некоторые граждане, которым угрожала потеря работы, стремились досрочно выйти на пенсию или оформить пенсию по инвалидности, это привело к увеличению пенсионного возраста, ограничение пенсионных льгот во многих странах. Так как во многом оно зависело от размера накопительных пенсий. [6]

Миграционный кризис тоже дает определенные эффекты на солидную модель государства, на данном этапе миграция непосредственно влияет на демографическую структуру, так как большинство населения в Европе – это люди старше 60 лет. Миграционный кризис требует совместных действенных мер по его регулированию миграции и их социальной адаптации в обществе. [7] Сейчас ЕС стоит в новых условиях и постепенно переходит на пересмотр основ всеобщего благосостояния.

Реализация социальной политики ЕС является сложным, потому как объем социальных прав, применяемые решения и уровень финансирования социальных нужд для каждого члена-государства разное и все участники должны адаптировать социальную политику под экономическую ситуацию в стране и исходить из собственного национального интереса, ведь одни и те же действия будут приносить разные результаты в странах-членах ЕС. [3]

Подводя итоги, приходим к выводу, что политика стран ЕС должна подстраиваться под современные социологические процессы (Миграция, последствия covid-19) для преодоления кризиса с наименьшими последствиями. Так как отсутствует единый образ мышления, а для этого необходимо создавать частично централизованную систему, но не доверять национальным и местным властям

адаптацию к условиям изменений во внутренней и внешней среде. Принятие общего благосостояния государства не должно приводить к единообразной системе, а должны выстраивать прежде всего национальные интересы для создания систем социального обеспечения, страхования и других способов предоставления социальных благ и услуг, чтобы определять в соответствии со своими потребностями и способностями.

Европейский центральный банк мог бы не придерживаться ограничительной линии, они могли бы установить низкие процентные ставки и стимулировать новые инвестиции, которые разгрузили бы государственные бюджеты и повысило конкурентоспособность и заметное прибавление в сфере занятости населения. [6] Так же должна быть построенная эффективная модель государственного регулирования с целью создания перераспределения благ государства, расширение социальных услуг на местном уровне.

Список использованной литературы и источников

1. Петров А.В. Концепция Социального государства в европейских странах // Вестник томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 42–57.
2. Felix Arrieta The European Social Model // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. 2019.
3. B. Mucha-Leszko, M. Kałol, Welfare States in Europe or the European Welfare State [in:] The Social Frontiers of Europe, ed. by M. Brie, K. Czimre, B. Mucha-Leszko, "Eurolimes", Vol. 17, Spring 2014, pp. 36–50.
4. Лотар Витте Европейская социальная модель и социальная сплоченность: какую роль играет ЕС ? // Социальная модель государства: выбор современной России и опыт стран Европы. Аналитический вестник Совета Федерации и федерального собрания. 2006 № 6 (294) С. 6–25.
5. Stefano Ronchi EU welfare states through the crisis: losing track of social investment? // EuVisions, 2020 / [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euvisions.eu/eu-welfare-states-through-the-crisis-losing-track-of-social-investment/>
6. Иваненко С.И. Влияние финансового кризиса на пенсионные системы зарубежных стран и проект Стратегии долгосрочного раз-

вития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 г. // Социально-экономические последствия кризиса в Европе. Аналитический вестник Аналитический вестник Совета Федерации и федерального собрания № 28. С. 41–53.

7. Богатырев А.З., Гукова Д.М. Социально-экономические и правовые вопросы европейской миграционной политики. // Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых. 2021. С. 42–44.

*Прохин С.И., г. Иркутск,
Байкальский государственный университет
Научный руководитель: Олейников И.В., кандидат исторических наук,
Байкальский государственный университет*

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

С начала 1990-х гг. Турция предпринимает усилия для выстраивания политических и торгово-экономических связей со странами ЦА. Получив суверенитет, новые государства стали интегрироваться в мировое сообщество, и именно турецкое правительство первым признало независимость всех пяти стран рассматриваемого региона (16 декабря 1991 г.). Для анализа сотрудничества в рамках ЦА крайне важно выделить заинтересованность как Турции, так и самой пятёрки стран в углублении партнерства, проанализировать цели, которые стороны стремятся реализовать посредством диалога.

Весьма определенно и четко цели Турции в ЦА поставлены Министерством иностранных дел страны: «Центральная Азия является стратегически важным регионом для обеспечения безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом регионе. Его энергетические ресурсы жизненно необходимы для глобальной энергетической безопасности, и Центральная Азия является важным хабом (узлом) как для газо- и нефтепроводов, так и для торговых коридоров» [1]. Так, можно выделить несколько региональных приоритетов во внешней политики Турции. С экономической и геостратегической позиции первым приоритетом является обеспечение как региональной, так и

глобальной энергетической безопасности. Вторым приоритетом выступает стремление Турции практически реализовать потенциал транспортных торговых путей ЦА. Важно отметить, что эти векторы в некоторой степени соотносятся с целями пяти государств региона.

Специфику взаимодействия стран ЦА с ведущими региональными акторами можно охарактеризовать с позиции теории внешнего балансирования: страны региона, исходя из своего геополитического положения, стремятся учитывать множество политико-экономических трендов, складывающихся под влиянием этих самых акторов. В рамках многовекторной политики государства региона ставят перед собой цель диверсификации рисков (вне зависимости от партнера), что приводит к «перманентному лавированию в поисках наиболее выгодных условий сотрудничества, которые в наибольшей степени отражали бы национальные интересы стран» [2, с. 16]. В рамках такого подхода игра Турции с ее предложениями по транзиту энергоресурсов из ЦА в Европу вызывает определенную заинтересованность у стран региона по двум причинам. Во-первых, сам факт присутствия дополнительных вариантов взаимодействия с Турцией позволяет странам ЦА в более широком масштабе проводить многовекторную внешнюю политику и предпринимать попытки по самостоятельной формулировке условий будущих отношений сотрудничества. Во-вторых, возможность транзита энергоресурсов без использования российской сети трубопроводов в первую очередь для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана представляет собой непосредственную диверсификацию рисков в отношениях ЦА с Россией и Турцией.

Турция в вопросе расширения влияния на страны ЦА, все же в большей степени отдает предпочтение инструментам мягкой силы. В качестве идеологического обоснования своей экспансии Турция видит историческую территорию Османской империи (османизм), общность происхождения (пантюркизм) и общность религии (панисламизм). На этих трёх столпах строится внешнеполитическая доктрина Турции. Отмечается, что «хотя финансовый рычаг Турции несопоставим с США или Китаем, мягкая сила Турции в Центральной Азии основывается прежде всего на развитии культурных, гуманитарных, экономических связей через образовательные учреждения,

бизнес-структуры и международные организации» [3]. Так, с 1992 г. действует турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), цель которого заключается в развитии и укреплении культурных и образовательных связей с тюркоязычными странами. Однако, стоит отметить, что резкая риторика Турции в начале 1990-х гг. и как следствие фактическая неудача реализации геополитических целей страны по стремительному включению в свою сферу влияния государств ЦА, подтолкнули дипломатию Турции действовать более гибкими и тонкими инструментами. С 1993 г. действует ряд организаций по продвижению турецкого проекта: Международная организация Тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), в состав которой помимо Турции входят Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (ТЮРКПА), Совет президентов, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин тюркоязычных государств, Всемирная ассамблея тюркских народов и т. д. На сегодняшний день главным институтом мягкой силы Турции в ЦА является Совет сотрудничества тюркских государств (ССТГ), созданный в 2009 г. – организация, которая включила в себя большое число различных форматов, приведенных выше. Основными целями организации являются: 1) укрепление между Сторонами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; 2) поддержание мира и укрепление безопасности и доверия в регионе и мире в целом; 3) поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес, в том числе в рамках международных организаций и на международных форумах; 4) поощрение регионального и двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, военной и военно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес; 5) создание благоприятных условий для торговли и инвестиций, дальнейшее упрощение таможенных и транзитных процедур, в целях постепенного осуществления свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий, финансовых и банковских операций [4].

Деятельность ССТГ позволяет Турции продвигать собственный проект на пространство ЦА отнюдь не только с идеологической точ-

ки зрения, но и с позиции действительно практически значимых вопросов, касающихся финансово-экономического сотрудничества, что четко вписывается в геополитическую стратегию Турции в регионе.

Оценивая перспективы расширения влияния Турции в ЦА, отметим, что глобальная задача государства, лежащая не в экономико-политической, а в геополитической плоскости заключается в стремлении постепенно укрепить собственный статус державы мирового уровня, способной решать не только региональные вопросы в том числе в ЦА, но и вопросы глобального характера. Для воплощения в жизнь этой цели в настоящее время Турция стремится создать единое пространство, включающее в себя некое объединение тюркских государств, что в разы увеличит ее геополитическое значение в вопросе принятия глобальных решений, однако для самих тюркских государств такого рода союз в полномасштабном формате (а именно так видит его Турция) невыгоден по следующей причине. Турция на сегодняшний день не обладает достаточным ресурсным потенциалом, используя который она смогла бы самостоятельно обеспечить внутрирегиональную стабильность и безопасность в ЦА, реализовать совместные экономические проекты регионального характера и т. д., соответственно, учитывая существующую возможность стран ЦА «выбирать» между ведущими силами в регионе, пятерка стран будет стремиться сохранить статус-кво, желая получить наиболее выгодное положение в рамках отношений с тем или иным партнером.

Таким образом, можно наблюдать четкие пределы турецкого влияния в ЦА, которые характеризуются стратегией применения исключительно мягкой силы практически без экономического обоснования, что позволяет утверждать лишь о сохранении подобного влияния, но не об углублении сотрудничества со странами ЦА, особенно на фоне растущего экономического влияния такого игрока как Китай.

Список использованной литературы и источников

1. Turkey's Relations with Central Asian Republics / Министерство иностранных дел Турецкой Республики // URL: http://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa.

2. Сысоева Р. Понимание международного порядка на постсоветском пространстве / Р. Сысоева // Ежегодный сборник аналитических статей. Бишкек : Академия ОБСЕ в Бишкеке, 2021 г. С. 11–17.

3. Усенов А. Турция в Центральной Азии: влияние и лимиты / А. Усенов // Central Asia Analytical Network. – 13 июля 2021 г. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/21989/turcziya-v-czentralnoj-azii-vliyanie-i-limity>.

4. Соглашение о создании Совета сотрудничества тюркоязычных государств от 3 октября 2009 г. // Централизованный банк данных правовой информации кыргызской республики : офиц. сайт. – URL: cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/204004?ysclid=196tzo2bvs33208533.

*Прытков Л.М., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

*Научный руководитель: Константинов М.С., кандидат политических
наук доцент, Южный федеральный университет*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В США В ХОДЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ КАМПАНИЙ 2016 И 2020 ГГ.

Данная работа рассматривает прежде всего проблематику развития различных социальных и политических взглядов и установок в контексте роста уровня политической поляризации американского общества в 2010-е годы. Выявление и изучение основных тенденций является крайне актуальной и первостепенной задачей для понимания существующей ценностно-идеологической картины американского общества, его запросов. Процесс поляризации в США оказывает непосредственное влияние как на политическую систему в целом, так и на электоральные процессы в частности, поэтому цель исследования избирательных кампаний федерального уровня состоит в анализе общей динамики политических предпочтений граждан. В качестве приоритетных задач работы выступают рассмотрение зависимости политических взглядов и убеждений с социальным портретом их носителя, а также анализ трансформации этих взаимосвязей в период между президентскими кампаниями 2016 и 2020 гг. В работе

показывается, что на протяжении последних лет корреляция между социальной характеристикой больших групп общества и формированием политической позиции гражданина становится менее определяющей, приоритет переходит к группам меньших, локальных масштабов.

Изменения американского политического ландшафта в период двух последних циклов президентских кампаний представляют собой целый комплекс разнонаправленных сдвигов в электоральных предпочтениях избирателей. Характерные для предшествующих десятилетий установки и закономерности претерпевают немалые перемены. В первую очередь, в широком смысле, речь идёт обо всё возрастающем уровне политической поляризации общества: явление, обострившееся в начале XXI столетия. Граждане и избиратели группируются вокруг противоположных полюсов ценностно-идеологических и политических установок, покидая более центристские и умеренные позиции. В современном американском обществе линиями разграничения между этими группами помимо сугубо идеологических воззрений становится огромное число вопросов в сфере экономики, здравоохранения, культуры, религии, безопасности, вовлеченности государства в личную жизнь и т. п. Существование мажоритарной избирательной системы и, как следствие, давняя и устойчивая двухпартийность всегда оказывала сильное влияние на разделение и жесткое противопоставление политических позиций основных сил, однако лишь в наше время подобные процессы стали оказывать все более негативное влияние, приводя к крайнему ожесточению межпартийной конкуренции, общему снижению уровню политической культуры. Во-вторых, непосредственно интересующей нас ключевой особенностью этих процессов в последние шесть лет можно выделить усложнение и увеличение числа зависимостей в процессе формирования у различных групп и граждан их политических предпочтений. Привычных многим критериев расовой, этнической, гендерной, религиозной и региональной идентичностей и социального статуса и материального положения становится явно недостаточно для анализа политических предпочтений. Всё большее воздействие оказывают локальные вопросы, малые группы, критерии возраста, уровня образования и сферы профессиональной дея-

тельности, идеологические воззрения, психологические факторы. Крайне важным также является всё больший приоритет большинства вышеперечисленных факторов над первыми пятью. Характерным примером такого поворота могут служить результаты президентских выборов 2020 года. Мы становимся свидетелями этой трансформации: два основных кандидата, демократ и республиканец, набрали заметно более высокие показатели в группах, где еще сравнительно недавно прослеживалась четкая тенденция на разделение избирателей по этническим и расовым признакам. Так, Джо Байден набрал на 4 % больше голосов в группе неиспаноязычных белых избирателей, в то время как его оппонент прибавил 3,4 и 5 % среди испаноязычных белых, афроамериканцев и представителей азиатских народов соответственно. Также на 4% увеличилась поддержка Дональда Трампа среди представителей смешанных рас. Эти, казалось бы, незначительные сдвиги, на самом деле имеют огромное значение, особенно если брать в расчет и результаты выборов 2016 года, где во всех расовых и этнических группах республиканский кандидат прибавил от 1 до 11 %. Налицо существенное изменение предпочтений в национальных меньшинствах, которые в последние два избирательных цикла становятся внутри себя всё более поляризованными и разделяемыми между двумя партиями. Конечно, уровень поддержки ими Демократической партии по-прежнему крайне высок, однако ситуация весьма динамична (особенно это касается испаноязычных и латиноамериканцев). Однако по итогам выборов 2020 обозначилась и противоположная тенденция: Республиканская партия потеряла весьма значительное количество голосов в своей “вотчине”: среди белых мужчин со средним образованием, проживающих преимущественно в пригородах. Именно голоса жителей субурбии (в первую очередь, на Северо-Востоке и Среднем Западе) помогли демократическому кандидату выиграть большинство ключевых штатов (здесь речь идёт о Миннесоте, Висконсине, Мичигане и Пенсильвании, штатах так называемого Ржавого пояса). В связи с этим мы можем обозначить еще одну крайне важную тенденцию: некоторые предложили назвать её “республиканцем Байдена”, по аналогии с зеркальным феноменом 1980-х, “демократом Рейгана”. Что это за явление? Не будем углубляться в историю победы неоконсерваторов

80-х, затронем лишь сегодняшний кейс. Речь идет, преимущественно, о семейных неиспаноязычных белых людей со средним и высшим образованием, как правило обладающих доходом выше среднего и проживающих в пригородах региона Великих озёр. Эти люди десятилетиями оставалась надежной электоральной основой республиканских номинантов: им по духу более элитарный характер республиканского истеблишмента, позиции “партии слонов” по вопросам экономического регулирования (как правило, это низкий уровень государственного вмешательства и снижение количества социальных программ), национальной безопасности, внешнего изоляционизма и т. п. Однако резкая, националистическая риторика Дональда Трампа и его откровенно антиэлитарный и антисистемный имидж и образ правления отвергли эти группы избирателей. Президент и его администрация, на взгляд представителей рассматриваемой нами группы, оказались излишне зациклены на вопросах борьбы с нелегальной миграцией в ущерб вниманию социально-экономическим вопросам. Жители городков и пригородов Ржавого пояса в первую очередь оказались озабочены решением локальных вопросов: борьбой с безработицей, которую вызывает процесс деиндустриализации бывших промышленных центров страны. Они выбрали Трампа в 2016, т. к. надеялись на решение данных проблем, однако на выходе не получили желаемого. И тогда в 2020, не изменяя своей приверженности основополагающим ценностям GOP (Grand Old Party, Республиканская партия), они сделали ставку на номинанта от демократов, потому что он воплощал идеалы системного американского политика, ставящего на первый план национальные интересы разнообразного, но единого общества. Подобная позиция Джо Байдена выражалась как в его заявлениях стать президентом для всех американцев, так и в основных акцентах демократической программы на решение социальных и экономических проблем американской глубинки. Отдельный интерес вызывает анализ изменений закономерностей поддержки кандидатов полиэтническими сообществами. Как показала аналитика голосований жителей пригородов некоторых ключевых штатов, таких как Мичиган, Джорджия, Висконсин, Пенсильвания, более значимыми факторами, приводящими к трансформации политической поддержки, оказались социальный и образовательный, а не этнический. Так,

при увеличении среди жителей пригородов доли латиноамериканского населения, поддержка демократического кандидата не выросла, если эта новая группа не изменяла собой средний уровень образованности в округе. А при увеличении доли избирателей, обладающих более высоким уровнем образования невзирая на их этническую принадлежность, происходила либерализация их взглядов. Таким образом, можно отметить это важное изменение в роли различных факторов поддержки кандидатов.

В качестве заключения необходимо сказать, что обозначенные в работе моменты представляются сейчас крайне актуальными и обладающими огромным потенциалом для изучения. Исследуя на первый взгляд второстепенные тенденции и процессы, мы можем выйти на конструирование новых закономерностей и моделей электорального поведения и изменений политических предпочтений американского общества в наступившем десятилетии.

Список использованной литературы и источников

1. Perry Bacon Jr. American Politics Now Has Two Big Racial Divides // FiveThirtyEight. 03.05.2021. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/american-politics-now-has-two-big-racial-divides/>.
2. Elena Mejía and Geoffrey Skelley. How The 2020 Election Changed The Electoral Map // FiveThirtyEight. 08.12.2020. URL: <https://projects.fivethirtyeight.com/2020-swing-states/>.
3. Geoffrey Skelley, Elena Mejía, Amelia Thomson-DeVeaux and Laura Bronner. Why The Suburbs Have Shifted Blue. URL: <https://fivethirtyeight.com/features/why-the-suburbs-have-shifted-blue/amp/>.
4. Michael Dimock and John Gramlich. How America Changed During Donald Trump's Presidency // Pew Research Center. 29.01.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/2021/01/29/how-america-changed-during-donald-trumps-presidency>.
5. Еремина Дарья Владиславовна. Выборы в США 2020: анализ и прогнозы // Скиф. 2020. №2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-v-ssha-2020-analiz-i-prognozy>.
6. Каневский Павел Сергеевич. Социальные размежевания в американском обществе как фактор президентской кампании 2016 г // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и поли-

тология. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-razmezhevaniya-v-amerikanskom-obschestve-kak-faktor-prezidentskoy-kampanii-2016-g>.

7. Katz C. Here's what the electoral college map would look like if only millennials voted // Mic. 25.10.16. URL: <https://mic.com/articles/157558/here-s-what-the-electoral-college-map-would-look-like-if-only-millennials-voted>.

8. National Exit Polls: How Different Groups Voted. New York Times. <https://www.nytimes.com/interactive/2020/11/03/us/elections/exit-polls-president.html>.

9. How independents, Latino voters and Catholics shifted from 2016 and swung states for Biden and Trump. The Washington Post. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/elections/exit-polls-changes-2016-2020/>.

10. Ruth Igielnik, Scott Keeter and Hannah Hartig. Behind Biden's 2020 Victory. Pew Research Center. 30.06.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/politics/2021/06/30/behind-bidens-2020-victory/>.

*Разумова Д.С., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Константинов М.С., кандидат
политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной
политологии, Южный федеральный университет*

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ КАК ФАКТОР БИПОЛЯРНОГО МИРА

После 2014 года и государственного переворота в Украине, страны Запада стали наращивать свое влияние во внутренних делах Украины, эскалация конфликта в ЛДНР произошла не без участия США, так как военные действия на границе России – это хороший инструмент создания внутреннего дисбаланса.

Запад чуть ли не поощрял Украину в нежелании урегулировать конфликт со всеми сторонами. «После 2014 года западные страны усилили военную поддержку Украине, которая приняла широкий

размах. Западные страны многократно увеличили объем поставок вооружений, дополнив их тяжелыми видами вооружений»¹

Киев планировал провести масштабную военную операцию на Донбассе, России пришлось вмешаться и не допустить сценария присоединения неподконтрольных территорий. Поэтому 24 февраля 2022 года Россия начала Специальную военную операцию (Далее-СВО) на территории Украины.

Россия попала в противостояние полярности мира. Гегемония Запада на право ведения военных действий распалась, теперь это неформальное право есть и у России. Специальная военная операция привела к созданию новых геополитических блоков и пересмотру политических сил. Очевидно, что Запад потерял свою однополярную монополию на применение военной мощи.

Однако стоит понимать, что война в современном ее понимании, это не только военная сила, но и информационный ресурс. При этом ресурс используется в качестве разложения и внесения деструктива в экономическую и культурную сферу. Культурная сфера рассматривается как идеологический инструмент, то, как общество видит и относится к войне, причем это касается и граждан собственного государства, и населения «государства-противника». «Современные концепции информационной борьбы фокусируют внимание на ее успешном менеджменте, связанным с технологией продвижения определённого набора идей и образов»².

Физическое истощение противника уже не является главной целью. Главная цель – создание в государстве-противнике такой политической атмосферы, где и правительство, и граждане перестают ощущать себя как субъекты политической обстановки. Они начинают понимать, что всё уже зависит от побеждающей стороны. В данном контексте «всё» – это цель, поставленная «государством-агрессором». «Холодная война» была первой войной подобного типа, некоторые авторы называют такой тип гибридным. Я не очень согласна с таким названием, так как гибридность предполагает некую смесь военных и информационных атак, но не всегда используются

¹ Жильцов С.С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. - 2022. - №2. - С. 138-150.

² Фененко А.В. Парадокс информационных войн <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/>

военный ресурс, хотя для определения СВО этот термин, в принципе, корректен.

Перед тем, как начать говорить о балансе сил, хочется отметить Мюнхенскую речь Путина. Очень интересно ее вспоминать спустя 15 лет. «В 2007 году в Мюнхене В.В. Путин выразил принципиальное несогласие с архитектурой международных отношений, выстраиваемой Западом. Считая концепцию миропорядка, основанного на правилах, неприемлемой, Кремль призвал западные страны развивать отношения на равноправной и взаимовыгодной основе»¹. Именно с этой речи Путин публично заявил, что Россия перестает быть «колонией» Запада, что происходило в 90-е года. Собственно, можно смело утверждать, что в свое время Советский Союз проиграл Холодную войну и стал Российской Федерацией, а сама РФ создавалась под контролем и эгидой США и действительно была «колонией».

Однако это было лишь началом, полностью избавиться от своего статуса Россия смогла только недавно. Сейчас же, во время проведения СВО, крупные державы (Китай, Индия, Иран и т.д.) не поддерживают санкции против России. Военного союза нет, но как мы уже разобрались, тут самое главное – это информационное вторжение. «Критический период истории, исчисляемый 75 годами, миновал, и Индия, Китай, Иран и Пакистан преодолели бремя неокOLONиализма и обрели долгожданный суверенитет, а с ним и необходимую военную и экономическую мощь. Именно поэтому названные четыре страны игнорируют призывы США к введению санкций против России и продолжают сотрудничать с ней, настойчиво преследуя свои собственные интересы»².

Хоть и Россия позволила на мировой арене создать свой некий блок союзников, Запад же в этом плане был более интегрирован. Активное обсуждение вопроса о предоставлении Украине статусе кандидата в ЕС рассматривалось в контексте поощрения украинских властей к борьбе с Россией. В итоге 23 июня на саммите ЕС, главы государств и правительств Евросоюза одобрили предоставление Украине и Молдавии статуса кандидатов на вступление в союз.

¹ Алексеев В.Ю. Роль Мюнхенской речи В.В.Путина в конкретизации внешней политики России // Альманах мировой науки. - 2019. - №10 (36). - С. 63-64.

² Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономический и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2022. - №4. - С. 42-59.

В заключении хотелось бы сказать, что Запад заинтересован не в Украине, а в дестабилизации России. США и ЕС предприняли все возможные шаги, чтобы конфликт затягивался, а экономика России падала. Однако Россия предпринимает резкие шаги, чтобы конфликт закончился намного быстрее, вследствие чего практически все попытки создать дисбаланс неэффективны. Также мы не можем утверждать, что биполярный мир уже наступил, однако Россия нацелена на создание своего полюса и идёт к этому верными и плодотворными шагами.

Список использованной литературы и источников

1. Жильцов С.С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 2. С. 138–150.
2. Балацкий Е.В. Россия в эпицентре геополитической турбулентности: накопление глобальных противоречий // Экономический и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 42–59.
3. Фененко А.В. Парадокс информационных войн [https:// rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/](https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/).
4. Алексеев В.Ю. Роль Мюнхенской речи В.В. Путина в конкретизации внешней политики России // Альманах мировой науки. 2019. №10 (36). С. 63–64.

*Рубцова В.Ю., г. Ижевск,
Удмуртский филиал Уральского отделения Российской академии наук
Научный руководитель: Пономарев А.М., доктор философских наук,
Удмуртский филиал Уральского отделения Российской академии наук*

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРУКТУРАХ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

Прежде чем говорить о политике памяти, обратимся к понятию памяти как таковой. М. Хальбвакс в этом контексте говорит о разделении истории и памяти, где история предстает как картина измене-

ний, а память как картина сходств [1, с. 18–27]. Действительно, если мы вспомним даты в учебниках по истории – они фиксируют изменения: например, к власти пришел князь Олег, отменили крепостное право в 1861 году, появилась конституция 12 декабря 1993 года. Правил князь Рюрик, стал править князь Олег – это изменение.

В период 1994–2004 гг. в России каждый год отмечался и был выходным день конституции 12 декабря, – это картина сходств. Было важно для российской идентичности отмечать этот праздник, а впоследствии стало менее важно, появилась другие «красные даты» в календаре. На примере одной даты, 12 декабря, мы в первом случае преследовали цель «фиксирования изменений», в момент появления конституции, а во втором – «сохранение идентичности», в моменты празднования этой даты каждый год. Далее при обращении к политике памяти, нас будет интересовать именно «память» в понимании М. Хальбвакса и сохранение идентичности.

Еще один автор, обращающийся к понятию памяти, Пьер Нора. Он разделяет истинную память и память-историю [2, с. 21]. Первое он характеризует как «переживаемую связь с вечным настоящим». Это практики, которые не нуждаются в увековечивании, поскольку и так повторяются постоянно. Празднуемый в Удмуртии Гербер или Гырон быдтон, можно отнести к таким примерам на этапе, когда люди верили, что мольбы об урожае действительно помогают. В случае истории-памяти связь с вечным настоящим уже утеряна, мы пытаемся понять смысл практик, но больше не выполняем их. Увеличивается детализация трактовок, количество текстов, мы создаем огромное количество архивов, увеличивая объем накопительной памяти. Принимая во внимание, что в нашем настоящем, по П. Нора, мы «навсегда оторваны от традиции» [3], единственное, к чему мы можем обращаться – это память-история. Соответственно далее, при рассуждении о политике памяти, мы будем использовать термин «память» именно в этом значении.

Перейдем к понятию, которое интересует нас в рамках темы, это политика памяти. Его место в понятийном аппарате следующее. Это часть символической политики, которую О. Малинова определяет как «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение / навязывание определенных способов интер-

претации социальной реальности в качестве доминирующих» [4, с. 5–28]. Также мы будем понимать политику памяти как рациональное действие в сфере истории. Таким образом, политика памяти – деятельность политических акторов, в том числе, описание этой деятельности, направленная на производство и продвижение определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих в сфере истории. Далее мы рассмотрим две функции политики памяти: легитимацию существующей власти и удовлетворение потребности в идентичности. Понятия «политика памяти» и «историческая политика» будем считать взаимозаменяемыми.

Опишем структуру политики памяти – ее стратегии, направления и тенденции. А. Ассман выделяет две стратегии работы с прошлым – гордиться и преодолевать [5]. В рамках первой стратегии польский исследователь Patryk Wawrzyński приводит пример Ирины Сендлер, которая спасла 2500 еврейских детей из Варшавского гетто [6, с. 1–23]. В рамках второй стратегии мы можем назвать кейс из Германии, где общество осудило использование бывших концлагерей для учений с применением слезоточивого газа [7, с. 261–272]. Для России примеры данных стратегий – «Бессмертный полк» и «Бессмертный барак». Первое – база с данными о солдатах Великой Отечественной войны, и также формат празднования дня Победы 9 мая, второе – база жертв политических репрессий.

Помимо стратегий работы с прошлым, А. Ассман говорит о двух направлениях политики памяти: политике самоутверждения и политике покаяния. В первом случае мы выбираем одну из трех ролей: роль победителя, одолевшего зло, роль мученика, противостоящего злу и роль пассивной жертвы. Второе направление характеризуется принятием негативной истории, способностью взять ответственность за преступления, легитимацией права на ошибку [8, с. 246].

Тенденции российской исторической политики опишем на примере исследования О. Малиновой предновогодних посланий Федеральному собранию президентов России. Оно проводилось методами контент-анализа и дискурс-анализа, в процессе которых были выделены следующие смысловые блоки: прошлое как фон, прошлое как пример, преемственность прошлого и настоящего. Две из описанных категорий – «прошлое как пример» и «преемственность», – не

только обеспечивают легитимацию власти, но и имеют в своем итоге конструирование идентичности. Объектом внимания в выступлениях президентов являются события новейшей истории, при этом крикуются конкретные исторические события, а положительные моменты истории представлены «в общем» [9, с. 368–389]. Также существует некая «зацикленная» область функциональной памяти в терминологии А. Ассман, наполненная определенным репертуаром событий, к которым удобно обращаться, например, победа в Великой отечественной войне, послевоенное восстановление страны, жизнь представителей российской культуры, успехи советской космонавтики [9, с. 387]. С позиции государства мы видим «размытые ориентиры», героев, признанных таковыми во всем мире, с позиции общества имеем дело с повторяемым репертуаром значимых событий. При этом государственная историческая политика не стремится к обновлению функциональной памяти.

Политика памяти как область политики появилась в Германии, и была, несомненно, политикой покаяния. История в ней была представлена не как череда одних только побед, за счет чего сформировалась более целостная картина исторического становления. Власть использовалась государственными агентами политики памяти не только для утверждения во власти, но и для проработки негативного прошлого. Еще одной характерной чертой являлась легитимация права на ошибку или легитимация власти как рефлексирующего субъекта. В России политика памяти получила иные черты. Это, безусловно, политика самоутверждения. В качестве гражданских инициатив появляются такие проекты как «Бессмертный полк», пример политики самоутверждения, который успешно копируется государством, и «Бессмертный барак», пример политики покаяния, остающийся неподдержанным. Государство использовало и продолжает использовать прошлое для легитимации собственной власти, выбирая роль победителя, одолевшего зло. Коллективная идентичность базируется на повторяемом репертуаре событий, функциональная память обновляется только за счет негосударственных инициатив в области работы с прошлым.

Список использованной литературы и источников

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3. с. 8 –27.
2. Нора П, М. Озуф Ж. де Пюимеж, М. Винок. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999, с. 17–50.
3. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (08/05/2019).
4. Малинова О.Ю. Конструирование макроскопической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. Т. 6, № 1. С. 5–28.
5. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова - М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
6. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.
7. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.
8. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).
9. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. 648 с. с. 368–389.

*Саратова А.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет*

Научный руководитель: Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современному миру присуща тенденция активной политизации большей части социальных процессов, которая подразумевает привлечение в политическую жизнь неполитических субъектов и процессов. Политизация религии является ярким примером использования религиозных ресурсов в политических целях, характерным для современности.

Проблема взаимодействия между религией и политикой появилась с того момента, как зародилась сама политика. В различные эпохи их союз добивался успешных и взаимовыгодных результатов. Религия и политика на протяжении всей истории манипулировали друг другом, однако развитие демократических институтов привело к ослаблению роли религии в политической жизни общества. Тем не менее, в России любой эпохи вера и религия занимала особое место в общественной жизни, чем активно пользуются политики и манипулируют ею в личных целях.¹

Государственно-религиозные взаимоотношения выражаются в различных сферах общественно-политической жизни, а также являются одним из элементов внешней и внутренней политики. В России эти отношения закреплены в Конституции Российской Федерации и специальном законодательстве о свободе совести и религиозных объединениях. По 14 статье Конституции РФ: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». А закон «О свободе совести и религиозных объединениях» гласит, что все религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

¹ Шамин С. Религия и политика: взаимоотношения в современной России// Инновационная наука №1. –Уфа: Азтерна, 2018. С. 47–49.

Таким образом, в России влияние государства на религиозную деятельность общества может осуществляться исключительно с правовой точки зрения. Светское государство рассматривает религию и церковь в качестве субъекта гражданского общества. При этом между государством и религией в нашей стране существует и другая сторона взаимоотношений. Несмотря на закрепленные в правовых актах положения, существует прямое и косвенное влияние на политику со стороны религиозных институтов.

Сущность светского государства заключается в обеспечении идеологической и религиозной свободы личности, которое достигается посредством исключения конфессионального фактора из политической жизни общества. Однако современная реальность демонстрирует, что некоторые религиозные объединения распространяют влияние за пределы социальной и духовной сфер общества и способны оказывать воздействие на некоторые политические институты. Религиозные организации, владеющие рычагами политического воздействия на население, как, например, духовные лидеры в Дагестане и Чечне, имеют более широкие возможности влияния на политику.¹

Взаимоотношения религии и политики проявляются посредством использования религии политическими лидерами: через обеспечение определенных материальных привилегий или властное давление. Подобным образом политика и религия взаимодействовали и при царизме, и при советской власти. Современные политические деятели также продолжают следовать этой традиции. Они стараются заполучить со стороны конфессий благословение своих политических инициатив, демонстративно обращаются к религии, надеясь таким образом повысить свой авторитет и лояльность. Религия способна легитимизировать властные притязания политических партий и элит, а также увеличить их электоральную базу, поэтому они стремятся заручиться конфессиональной поддержкой². Одновременно с этим, властные структуры всех уровней так же пользуются религиозными привилегиями, чтобы укрепить свою популярность и достичь своих целей: с помощью священнослужителей освящают госу-

¹ Кудряшова М., Мчедлова Е. Религия и политика в современном российском обществе // Вестник Московского университета №4. – М.: МГУ им. Ломоносова, 2008. – С. 23-30.

² Роль и место религии в политике. [Электронный ресурс] / <http://k29su.tmweb.ru/o-politike/18-teoriya-politicheskoy-nauki/36-religiya-i-politika> (Дата обращения 21.20.2020)

дарственные учреждения, боевую технику, корабли и тд; благословляют избранных чиновников. Подобное вовлечение религиозных деятелей и организаций в политический процесс привело к образованию клерикальных тенденций: конфессиональные представители стремятся распространить свое влияние на политику, образование и культуру, выдвигают требования о пересмотре тех положений Законодательства РФ, которые касаются отделения религиозных организаций от государства.

Самая авторитетная и популярная религиозная организация в России – Русская Православная Церковь (РПЦ). В официальном документе РПЦ «Основы социальной концепции» 2000 года утверждается светский характер России, проводится различие компетенций церкви и государственного аппарата, а также устанавливается принцип, запрещающий им вмешиваться во внутренние дела друг друга. Этот документ создал видимость полной аполитичности русской православной церкви, однако в действительности она продолжает воздействовать на российский политический процесс вплоть до сегодняшнего дня.¹

РПЦ стала серьезной политической силой, способной влиять на внешнюю и внутреннюю политику России. Это выражается в двух направлениях:

Во-первых, накануне крайних президентских выборов В. Путин, в качестве одного из эффективных способов одержать победу, заручился поддержкой православных священнослужителей благодаря тому, что пообещал предоставить несколько миллионов долларов для финансирования религиозных школ и восстановления объектов культового значения. Однако митрополит Иларион, глава отдела внешних церковных связей РПЦ, попросил от государства другой поддержки, а именно – защитить на Ближнем Востоке религиозные меньшинства в период арабской весны.

Во-вторых, РПЦ в 2011 году изменила свое решение, запрещающее православным представителям участвовать в выборах, и издала новый указ, который позволил священнослужителям принимать участие в выборах, в целях защиты церковных интересов. Это приве-

¹ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ Русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 20.10.2020)

ло к установлению тесных взаимоотношений религии и политики. На сегодняшний день Патриарх Кирилл выступает за установление крепких партнерских отношений между РПЦ и государством¹.

В новом религиозном законодательстве упомянут особый вклад, внесенный православием в «становление российской государственности». Это указание государственного характера российского православия противоречит одновременно и Основному Закону нашей страны, и соборным уложениям самой церкви. Это упоминание подчеркивает верховенство над остальными религиями в правовом аспекте и является определенным средством достижения реальных целей РПЦ.²

Сегодня взаимоотношения между церковной и светской элитой строятся на взаимных интересах, а также поддержке проводимой друг другом политики. Регулярно проводятся встречи как на церковных службах, которые посещают Президент, Председатель Правительства и министры, так и на светских мероприятиях, способствующих сближению церкви и государства. Между Президентом и Патриархом сложились особенно теплые отношения. Так, например, Президент на одном мероприятии выразился, что православная церковь является «естественным партнером» политической власти в России. В свою очередь, Патриарх Кирилл выразил свою лояльность политике В.Путина и назвал его «чудом Божьим», спасшим страну от гибели после 90-х годов.

В 2020 году Конституция РФ претерпела изменения, одно из которых касается религии: теперь в Основном Законе РФ упоминается Бог. Инициатива об упоминании Бога принадлежала Патриарху Кириллу, и несмотря на то, что четко не указывается – какой именно конфессии Бог, большинство понимает, что речь идет о православном Боге. Мнения граждан и экспертов по поводу того, противоречит ли данная поправка пункту Конституции, что «Россия – светское государство», разделились. Однако поправка все-таки была одобрена и принята.

¹ Религия и политика в современной России [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://velib.com/read_book/bez_avtora/rossija_i_musulmanskijj_mir_6_2011/religija_i_politika_v_sovremennoj_rossii/ (Дата обращения 22.10.2020).

² Миронов А., Бабинов Ю. Основы религиоведения. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/mir/04.php (Дата обращения 21.10.20).

Некоторые эксперты придерживаются мнения, что упоминание Бога в преамбуле Основного Закона станет легитимным аргументом для проведения политики РПЦ по защите чувств верующих, опираясь не только на отдельный законодательный акт, но и на Конституцию. И утверждение о том, что Бог не существует, будет противоречить Основному Закону РФ. Такое усиление церкви приведет к росту ее неприятия и антиклерикализму; церковь будет выглядеть не пострадавшей, а силой, навязывающей свои приоритеты с опорой на закон.¹

Таким образом, рассмотрение ситуации в современной России приводит к очевидному выводу о влиянии религии на политический процесс. Несмотря на различия в деятельности и способах восприятия реальности, можно утверждать, что религия и политика – взаимосвязанные и взаимовлияющие явления. И эти взаимоотношения иногда выходят за границы безобидной поддержки политики друг друга и приводят к несоблюдению таких конституционных принципов как отделение школы от церкви, равенство прав верующих и неверующих, равенство религий и религиозных объединений. Подобная политизация религиозной сферы приводит к подмене интересов верующих интересам церковной элиты.

Список использованной литературы и источников

1. Шамин С. Религия и политика: взаимоотношения в современной России// Инновационная наука № 1. Уфа: Аэтерна, 2018. С. 47–49.
2. Кудряшова М., Мчедлова Е. Религия и политика в современном российском обществе// Вестник Московского университета № 4. – М.: МГУ им.Ломоносова, 2008. С. 23–30.
3. Миронов А., Бабинов Ю. Основы религиоведения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/mir/04.php (Дата обращения 21.10.20).
4. ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ Русской православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 20.10.2022).

¹ Богу тесно в Конституции. К чему приведут инициативы церкви по реформации Основного Закона. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2020-02-04/9_480_constitution.html (Дата обращения 21.10.20).

5. Религия и политика в современной России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://velib.com/read_book/bez_avtora/rossija_i_musulmanskijj_mir_6_2011/religija_i_politika_v_sovremennoj_rossii/ (Дата обращения 22.10.2022).

6. Роль и место религии в политике. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://k29su.tmweb.ru/o-politike/18-teoriya-politicheskoy-nauki/36-religiya-i-politika> (Дата обращения 21.10.2022).

7. Богу тесно в Конституции. К чему приведут инициативы церкви по реформации Основного Закона. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2022-02-04/9_480_constitution.html (Дата обращения 21.10.2022).

*Серебряков К.Д., г. Санкт-Петербург,
СПбГУ*

*Научный руководитель: Сморгунев Л.В., доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой политического управления
факультета политологии, СПбГУ*

МОДЕЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ (ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ)

Республика Корея относится к странам с развитым законодательством и инфраструктурой, обеспечивающей защиту и обработку персональных данных. Более того, Корея занимает лидирующие позиции в рейтингах развития электронного правительства, организуемых под эгидой ООН¹. Этим достижениям предшествовали решительные действия корейского правительства по преодолению технолого-информационного разрыва между провинциями, исходя из сведений Национального статистического управления за 2001 год [1].

При этом вопросы защиты информации впервые получили своё концептуальное воплощение ещё в 1980-х годах с принятием

¹ United Nations E-Government Survey 2014. URL: <http://unpan1.un.org/intra-doc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>. (дата обращения: 14.06.2022)

серии взаимосвязанных законов: «Об информационной безопасности», «О стимулировании распространения и применения компьютерной сети», «О поставках и использовании компьютерных сетей». Сутью этого, фактически первого, этапа законодательного реформирования стала закреплённая возможность одностороннего предоставления информации пользователям (физическим лицам) при предъявлении с их стороны требования о таком предоставлении [2, с. 97].

Второй этап законодательных преобразований связан со следующим десятилетием и отмечен принятием таких законов, как Законы Республики Корея «О раскрытии информации государственными учреждениями», «О защите персональных данных, содержащихся в государственных учреждениях», а также рамочного закона «О стимулировании развития информационных технологий», заложившие основу для составления Плана национальной информатизации, вступившего в силу в 2008 году.¹

Развитие отраслевого законодательства в сфере защиты и обработки персональных данных в Республике Корея тесно связан с проведением административной реформы в духе нового публичного менеджмента и усилиями государства по развитию институтов прозрачного публичного управления (особенно электронного правительства). С этой целью в 2001 году был принят Закон «Об электронном правительстве», ст. 6-14 которого определяют основные принципы в работе с информацией органами государственной власти, провозглашёнными корейским регулятором: это принципы приоритета удобства пользователей публичных услуг, реформирования, электронной обработки и раскрытия информации административной природы, защиты персональных данных, высоких стандартов аутсорсинга при обработке получаемых персональных сведений².

Вопрос надёжности обеспечения и передачи информации, включая информацию персонального характера гражданина, был поднят в рамках развития электронной инфраструктуры Кореи, в

¹ Отчет о результатах обучающего визита делегации Федерального казначейства в Министерство стратегии и финансов Республики Корея. URL: <http://www.roskazna.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-news/doc/%D0%9E%D1%82%D1> (дата обращения: 14.06.2022).

² Government For Citizen. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/ungc/unpan037929.pdf> (дата обращения: 14.06.2022)

частности, нашло отражение в виде одной из целей принятия Закона «О цифровой подписи» (ст. 1) в 1999 году.¹ Также вопрос обеспечения безопасности и надёжности передаваемых по информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений при совершении сделок, осуществляемых в электронно-цифровом виде как цель рассматривался в ст. 1 принятого в том же году рамочного Закона «Об электронной коммерции» [2, с. 98].

Указанные нововведения, тем не менее, выявили слабый уровень цифровой грамотности населения Кореи, что потребовало от правительства принять программу «e-Koreavision 2006» (принята в 2002 году), носящую целевой характер и направленную на финансирование массовой компьютеризации публичного сектора и проведение высокочастотного Интернета, а также формирование инфраструктуры по повышению компьютерной грамотности по вопросам предоставления и оборота персональных сведений в цифровой среде [3, с. 11].

Система политики информатизации Республики Корея строится на заложенном в планировании переходе между «эпохами», достижению которых предшествует последовательное преодоление трёх уровней информатизации. С 2004 года развиваются программы постинформационного общества, среди которых наиболее значимой является Мастер-план по национальной информатизации 2008-2012 годов, направленный на урегулирование отношений между бизнесом, гражданским обществом и органами государственной власти по вопросам снижения риска утечки персональных данных и при этом взаимно высокого качества предоставления публичных услуг [3, с. 11].

Наравне с общенациональным развитием и усовершенствованием информационных систем и платформ, а также регламентацией и упрощением практик работы с ними, правительством Республики Корея было инициировано региональное развитие указанных выше процессов, что было отмечено созданием в 2003 Корейской ассоциации местной информатизации (KALI), которой были переданы широкие координационные полномочия в соответствии с Законом «О со-

¹ Закон Республики Корея от 05.02.1999 г. № 5792 «О цифровой подписи». URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN-DPADM/UNPAN042823.pdf> (дата обращения: 14.06.2022)

действии компьютеризации административной работы для реализации электронного правительства» [4].

Последним на данный момент выраженным правовым этапом развития постинформационного общества и электронного правительства стали изменения в законодательстве начала 2010-х годов. Их особенностью стал полноценный акцент на регулировании обработки и защиты персональных данных, концептуализированных в Законе 2011 года «О защите персональных данных» (PIPA)¹. Закон включён в законодательную базу в сфере обеспечения информационной безопасности Республики Корея. В данном законе упор при этом сделан на защиту частных субъектов, что говорит о смещении фокуса внимания законодателя с публичного интереса к интересам частного, партикулярного характера.

Общая характеристика модели защиты персональных данных в Корее обусловлена комплексным характером и использованием опыта модели ЕС, поставившей выше частный интерес над публичным, что выражается в такой ценности, как неприкосновенность частной жизни, определённой в ст. 17 Конституции Республики Корея. Для развития отраслевого законодательства в контексте работы с данными в публичных сетях, применимо положение ст. 18 Конституции, где установлено право на защиту коммуникаций.

Также Республику Корея отличает наличие большого числа классических и рамочных законов, развитое отраслевое законодательство с установкой своих правил и требований при регулировании профильных вопросов (например, Закон «О сетях информации и связи»). При этом вся система защиты персональных данных граждан ориентирована на реализацию формулы «обеспечить человека правом контролировать информацию о самом себе», маркеры которого проявляются через разработку количественных показателей, последовательное достижение которых позволяет переходить к новой «эпохе» и, следовательно, к новому этапу комплексного законодательного национального реформирования и регулирования отношений в сфере информационной безопасности.

¹ Закон Республики Корея от 29.03.2011 г. № 10465 «О защите персональных данных» (с частичными поправками в виде Закона Республики Корея от 02.04.2020 г. № 16930). URL: <https://www.law.go.kr/%EB%B2%95%EB%A0%B9/%EA%B0%9C%EC%9D%B8%EC%A0%95%EB%B3%B4%20%EB%B3%B4%ED%98%B8%EB%B2%95> (дата обращения: 14.06.2022)

Список использованной литературы и источников

1. Штефан Е. Увеличивается разница в уровне информатизации между регионами Кореи // Сеульский вестник. – Режим доступа: <http://vestnik.kr/high-tech/2340.html> (дата обращения: 14.06.2022)
2. Койбаев Б.Г., Золоева З.Т. Правовые аспекты информатизации в Республике Корея // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 1. С. 96–100.
3. Белова Л.Г. Южная Корея: движение от информационного общества к вездесущему обществу // Транспортное дело России. 2014. № 3. С. 10–13.
4. Бек Сынг Хо. Услуги и направления политики мобильного электронного правительства // Агентство развития информационного общества Республики Корея. Ноябрь, 2012. – Режим доступа: http://nc.gov.ua/.../08_lecture_Mobile%20Government%20in%20Korea_RUS (дата обращения: 14.06.2022).

*Соловьев Д.А., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Тупаев А.В., кандидат политических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной политологии ЮФУ,
Южный федеральный университет*

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ПРОТЕСТНОМ ДВИЖЕНИИ: КЕЙС РОССИИ, ЯНВАРСКИЕ МИТИНГИ 2021 ГОДА

В январе 2021 прошли митинги, вызванные арестом А.А. Навального, в которых по версии российских СМИ подавляющее большинство составляла молодежь. Отсюда вытекает ряд закономерных вопросов: а так ли это было на самом деле, что на митинге основной протестной силой были несовершеннолетние граждане? Действительно ли только молодежь была задействована на акциях протеста? Что стало причиной выхода граждан на акции протеста? Каков прогноз развития протестного потенциала среди молодежи?

Возникает необходимость в определении дефиниции молодежи. Молодежь, согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г,

определяется, как группа граждан РФ в возрасте от 14 до 35 лет ¹. Такой возрастной диапазон вносит некоторые коррективы в данное исследование, поскольку и психологический, и социальный портрет гражданина в возрасте 14 и 30 лет несколько отличается, необходимо определить: какой возрастной диапазон был задействован на митингах в поддержку Навального, ибо степень участия тех или иных возрастных групп разный.

Исходя из исследований ВВС, в митингах участвовали 25 % граждан от 18–24 лет, 42,7 % – 25–39 лет, 19,5 % – 40–54 и 8,5 % граждан старше 55 лет. Но если верить российским СМИ, то участие в митингах принимали преимущественно граждане школьного возраста 13–17 лет. Однако, в итоге, по опросам исследователей, доля несовершеннолетних среди участников несогласованных митингов составляла лишь от 1,1 % до 5,7 %. Всего же участников по данным ФБК и других ангажированных источников составляло около 120–200 тыс. человек [1].

Таким образом, в основном на митингах присутствовали люди 25–45 лет, а средний возраст митингующих составлял 30 лет. Необходимо отметить, что человек, находящийся в возрасте 30 лет, обладает уже немалым жизненным опытом, как правило, высшим образованием и способностью отвечать за свои действия и поступки. Следовательно, миф о том, что митингующие были преимущественно школьниками, остается мифом.

Теперь же необходимо рассмотреть идейную составляющую январских митингов. Итак, исходя исследования Левада-центр, следует, что, как правило, люди, участвовавшие в акциях протеста, не поддерживали идеи Навального, а также не поддерживали его кандидатуру, как альтернативу действующему президенту. «На акциях 21 апреля у респондентов интересовались, доверяют ли они Навальному "полностью". Положительно ответили только 34 % опрошенных в Москве и 22 % в Петербурге.» [2]

Тогда возникает закономерный вопрос: какова же причина выхода на акции протеста, которую можно назвать преобладающей? Ответ на данный вопрос позволит провести анализ и оценить пер-

¹ Российская Федерация. Законы. "О молодежной политике в Российской Федерации". Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. Статья – 2. Пункт – 1. [принят Государственной Думой 23 декабря 2020 г. : одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 г.]

спективы прошедших митингов, а также дать прогнозы, исходя из полученных результатов анализа.

Теперь обращаясь к полученным данным исследования Левада-центра, хочу обозначить те основные причины, которые побудили граждан выйти на митинги. Исследователи приводят следующие данные: «На фоне общего снижения уровня жизни, нарастания экономических проблем, повышения пенсионного возраста в российском обществе в последние годы нарастала неприязнь в адрес бюрократии, и все чаще в адрес президента. Автору не раз приходилось слышать от участников фокус-групп слова о том, что «власть не слышит людей», «им не до нас», «им вопросы на миллиарды надо решать», «власть боится людей», «на каждом двух человек у нас один силовик». [2] Также среди претензий со стороны протестующих социологи выделяют «...традиционные заявления власть имущих о том, что протестами дирижируют с Запада должны были стать для протестующих лишь подтверждением того, что власть их не слышит.» [2]

Также, стоит обратить внимание и на лозунги ссылаясь на то же исследование ВВС, к которому мы обращались ранее, можно привести несколько основных лозунгов, которые помогут выявить основное направление мысли протестующих. Анализируя содержание плакатов митингующих, исследователи приводят следующие результаты: «самодельный плакат, который участник митинга нашел время нарисовать и принес с собой, они считают "сильным" высказыванием, тогда как просто присутствие на митинге – с точки зрения исследователей-антропологов высказывание "слабое". Из 50 самодельных плакатов, на которые обратили внимание авторы исследования, только 10 требовали освобождения Навального – именно с этим требованием призывала выходить его команда. Зато 16 плакатов выражали отношение к президенту (например, обвинения в коррупции в адрес Путина), девять касались социального неравенства в стране, в частности, напоминали про "аквадискотеку" во дворце в Геленджике или маленькие пенсии. Еще пять говорили о бедственном положении в стране в целом, а три прямо требовали перемен. Для протестующих с самодельными плакатами важна тема репрессий: на московском митинге авторы четырех плакатов требовали освобождения не только Навального, но и других политических заключенных.» [1]

Исходя из приведенных данных, можно выделить две основные причины, которые побудили граждан к протестам в адрес действующей власти и экономической системе.

Первая причина отражает социально-экономический аспект российского общества, а именно: низкие пенсии, отсутствие экономической поддержки слабозащищенных слоев населения России, ярко выраженное социальное (классовое) неравенство, а также высокий уровень коррупции и низкий уровень социальной мобильности.

Вторая причина, прежде всего, направлена на политическую сферу России. Протестующие обращают внимание на отсутствие или неэффективность демократических политических институтов, например, затрагивается проблема беспомощности и полной зависимости законодательной власти перед исполнительной. Также одним из главных препятствий политического развития в России, по мнению митингующих, является несменяемость власти, в частности несменяемость президента В.В. Путина.

Нельзя не отметить, что поводом, вызвавшим январские митинги, послужили политические репрессии, в частности незаконный, по мнению протестующих, арест А. А. Навального.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что причинами выхода народных масс на акции протеста вызваны, как правило социально-экономическими проблемами в России, которые сегодня касаются большинства граждан. Также следует отметить, что значительная часть митингующих (42 %) впервые участвовали в акциях протеста, как показывает исследование The bell, что говорит о нарастании противоречий в российском обществе [3]. Обращаясь к основным целям настоящей работы, необходимо обратить внимание на влияние деструктивных сил на молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Итак, влияние было несущественным, ибо по большей части протестующие выражали недовольство социально-экономической и политической ситуацией в стране.

Теперь считаю необходимым определить роль участия молодежи в январских митингах. Если обращаться к дефиниции молодежи, предлагаемой российским истеблишментом, то становится очевидным, что основу протестного потенциала составляет именно молодежь. Но если рассматривать молодежь, как группу людей, не до кон-

ца сформированную и неспособную в полной мере отвечать за свои поступки, то вывод входит в антагонизм и становится полной противоположностью выводу предшествующему.

В связи с текущими событиями в России и в мире, стремительным подъемом политического рейтинга действующего президента России В. В. Путина, ростом уровня патриотизма в стране, с уверенностью можно спрогнозировать активное снижение протестного потенциала среди молодежи на ближайшее будущее.

Список использованной литературы

1. «Выросло неупуганое поколение»: ответы на главные вопросы о новой волне протестов в России.» [Электронный ресурс] (25 янв. 2021). URL: <https://www.bbc.com/russian/features-55802391>.

2. «Обновление протеста: почему люди снова вышли на улицы» [Электронный ресурс] (25 янв. 2021) URL: <https://www.levada.ru/2021/01/25/obnovlenie-protesta-pochemu-lyudi-snova-vyshli-na-ulitsy/>.

3. «Мало детей, много женщин: социологи о составе участников акции протеста 23 января» [Электронный ресурс] (25 янв. 2021) URL: <https://thebell.io/malo-detej-mnogo-zhenshhin-sotsiologi-o-sostave-uchastnikov-aktsii-protesta-23-yanvarya>.

*Сусликова К.Д., г. Новосибирск,
СИУ РАНХиГС*

Научный руководитель: Михайлов Д.А., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Международных отношений и гуманитарного сотрудничества, СИУ РАНХиГС

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВ УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА В ОТНОШЕНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19

11 марта 2020 года ВОЗ объявила, что COVID-19 приобрёл характер пандемии. Перед всеми государствами возникла колоссальная задача – не допустить распространения COVID-19 на собственной территории. Как известно, позже пандемия приобрела всемирный характер. Правители государств стали принимать меры для стабилизации обстановки. Некоторые руководители утверждали «мягкие»

меры, позволяющие улучшить ситуацию, другие проводили «жесткую» политику, ограничивающую права и свободы граждан. А самое неочевидное – это то, что государства-соседи выдвигали разные политические решения для преодоления общей проблемы.

Характерным примером служат случаи Швеции и Норвегии. Как отмечают Йостейн Аским и Томас Бергстрем [1], Швеция до последнего старалась не принимать никаких защитных мер, в то время как Норвегия проводила «жесткую» политику. Однако, в последствии в Норвегии был ниже уровень заболеваний COVID-19, а также ниже уровень смертности и госпитализации, что говорит об успешности «жесткой» политики.

На сегодняшний день вопрос политики государств в отношении COVID-19 является важной частью научных и политических дискуссий. В этом отношении страны Средней Азии изучены хуже. Именно поэтому главной целью работы является ответ на вопросы: какие меры социальной защиты предприняли правительства Узбекистана и Казахстана и какие риторические стратегии использовали лидеры государств для обоснования введения чрезвычайных мер?

Основываясь на правовых актах сайта Казахстана [2], связанных с COVID-19, и правовых актах Узбекистана [3] был произведён сравнительный хронологический анализ. В результате были сделаны следующие выводы. Стоит отметить, что наблюдается отличие в характере чрезвычайных мер. В Казахстане вводится «чрезвычайное положение» [4], что является «превосходством государства над порядком и хаосом». В Узбекистане же меры правительства характеризуются как «смягчение негативного воздействия». Политика правительств Узбекистана и Казахстана различна в порядке введения антиковидных мер. Казахстан начинает вводить их с 15.03.2020, а Узбекистан с 19.03.2020. Помимо этого, происходили метания правительства Казахстана, проявившиеся в отмене чрезвычайного положения 11.05.2020 и введение мер с 05.07.2020. Правительство Узбекистана, наоборот, начинает ослаблять ограничения к 31.08.2020, дождавшись завершения волны заболевания. Более того, вакцинация в этих государствах началась в разное время. В Казахстане с 01.02.2021 года, а в Узбекистане 01.04.2020.

Кроме этого, наблюдается ряд различий, связанных с взаимоотношениями Узбекистана и Казахстана с другими государствами.

Во-первых, Давид Сансарини в своей работе [5, с. 86] утверждает, что Узбекистан по сравнению с Казахстаном был активен в помощи соседям. С момента распространения вируса он оказал гуманитарную помощь Афганистану, Азербайджану, Беларуси, Китаю, Венгрии и другим государствам, а Казахстан направил помощь только в Китай, Киргизию и Таджикистан. Во-вторых, Шавкат Миромонович Мирзиёев с 16.03.2020 по 01.07.2020 провел 25 телефонных разговоров с лидерами государств [5, с. 86]. А президент Казахстана решал проблемы, опираясь на бюрократический аппарат. В-третьих, в начале пандемии в Казахстане в отличие от Узбекистана возникла проблема СМИ. Казахстанские журналисты ощущали на себе давление и контроль властей, пытаясь получить и распространить достоверную информацию [5, с. 99]. В то же время, согласно информации, которую приводит Марша Макгроу, становится очевидно, что Казахстан вел экономическую политику успешнее, чем Узбекистан. Так, экспорт товаров в Узбекистане упал на 10,92 %, в то время как в Казахстане он увеличился на 4,20 %. В импорте товаров также наблюдаются существенные различия [5, с. 15].

На этом фоне бросаются в глаза отличия в риторике первых лиц Узбекистана и Казахстана. А именно в образе адресата. В своём выступлении от 03.04.2020 Мирзиёев использует такие обращения: «Уважаемые соотечественники!», «<...> наши почтенные матери и отцы, любимые дети!». Он употребляет местоимение «мы» в различных формах: «<...> **наши** врачи <...>», «Признателен **нашему** народу <...>», «Все **мы** высоко ценим <...>» [6]. Эти формулировки присутствовали и в выступлении от 29.12.2020. «**Мы** не свернем с пути демократических реформ» [7]. Можно сделать вывод, что Мирзиёев, объясняя гражданам деятельность правительства, пытался найти человеческую интонацию. Приближающиеся волна пандемии и рост заболеваемости могли повлечь серьёзные последствия, но этого не произошло, а «человеческое отношение» президента Узбекистана к народу позволило повысить уровень легитимности, что доказывает победа Мирзиёева на выборах в октябре 2021 года.

«Пандемийная» риторика Токаева значительно отличается. В своих выступлениях Токаев не обозначает адресата. Он начинает свою речь без обращения: «На сегодня отмечаются перегибы <...>» [8]; «Вторая волна пандемии будет отличаться <...>» [9]. Далее, он в

строгой форме перечисляет имеющиеся недочёты и новые постановления, ограничивающие права граждан: «<...> усилить контроль за качеством образования, <...>» и так далее [9]. Таким образом, выступления Токаева стилистически ближе к бюрократическим отчетам. Возможно, такая «жёсткая» политика и стала одной из причин протестов в Казахстане, которые охватили Казахстан в январе 2022 года.

Таким образом, можно предположить, что, с одной стороны, политика и риторика лидеров государств во время пандемии COVID-19 определялись степенью и полнотой легитимности политических режимов, с другой, последствия «пандемийной» политики определили степень легитимности правительств и характер политического развития на годы вперед.

Список использованной литературы и источников

1. Justitieombudsmannen 2020. Decision No. 3063-2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.jo.se/Global/%C3%84mbetsber%C3%A4ttelser/Annual_Report_2019-20_web.pdf. – Дата доступа: 09.10.2022.

2. Правовые акты РК по COVID-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34019096. – Дата доступа: 29.09.2022.

3. Меры по смягчению последствий от распространения COVID-19, принятые в странах ЕАЭС и Республике Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mery-posmyagcheniyu-posledstviy-ot-rasprostraneniya-covid-19-prinyatyev-stranah-eaes-i-respublike-uzbekistan/viewer>. – Дата доступа: 30.09.2022.

4. Теория чрезвычайного положения: К. Шмитт и Д. Агамбен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-chrezvychaynogo-polozheniya-k-shmitt-i-d-agamben/viewer>. – Дата доступа: 02.10.2022.

5. COVID-19 PANDEMIC AND CENTRAL ASIA // Marlene Laruelle, ed. – Washington, D.C., 2021. С. 85–89.

6. Шавкат Мирзиёев вновь обратился к народу Узбекистана в связи с пандемией коронавируса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nuz.uz/politika/48232-shavkat-mirziyev-vnov-obratilsya>

k-narodu-uzbekistana-v-svyazi-s-pandemiy-koronavirusa.html. – Дата доступа: 07.10.2022.

7. Послание президента Узбекистана Шавката Мирзиёева обеим палатам Олий Мажлиса - 29.12.2020, Sputnik Узбекистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/20201229/Poslanie-prezidenta-Uzbekistana-Shavkata-Mirzieva-obeim-palatam-Oliy-Mazhlisa-15696114.html>. – Дата доступа: 07.10.2022.

8. Выступление Главы государства Касым-Жомарта Токаева на совещании по подготовке ко второй волне пандемии коронавируса – Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-soveshchanii-po-podgotovke-ko-vtoroi-volne-pandemii-koronavirusa. – Дата доступа: 08.10.2022.

9. «Обуздать пандемию, не прибегая к карантину весенних масштабов»: Полный текст выступления Токаева — NewTimes.kz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newtimes.kz/obshchestvo/120365-obuzdat-pandemiiu-ne-pribegaia-k-karantinu-vesennikh-masshtabov-polnyi-tekst-vystupleniia-tokaeva>. – Дата доступа: 08.10.2022.

*Сычков А.В., Беларусь, г. Минск,
Белорусский государственный экономический университет
Научный руководитель: Веремеев Н.Ю., кандидат политических
наук, доцент кафедры политологии, Белорусский государственный
экономический университет*

ПОЛИАРХИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Политический режим – это правила и цели политического взаимодействия, совокупность основных приемов, средств и способов осуществления политической власти [1, с. 57]. Политический режим тесно связан с политической системой. Он характеризует весь комплекс институтов, участвующих в политической жизни общества и осуществлении политической власти, следовательно, именно благодаря политическому режиму, можно анализировать реальную ситуа-

цию в сфере политики: в нем скрыты многие секреты властных отношений, которые нередко камуфлируются и прикрываются благообразным антуражем [2, с. 278].

Если в народном употреблении термин «демократия» может стать не более чем полемическим символом, не имеющим ничего, кроме эмоционального оттенка предполагаемой легитимности власти, то в науке становится все более важным попытаться дать как можно более полный и точный ответ на вопрос: что такое демократия? Демократия – это форма политического устройства, при которой общий контроль и управление государством обычно определяется основной массой населения в соответствии с нормативно определенными договоренностями и процедурами.

Для современной демократии характерны уважение прав и достоинств человека, важность защиты и развития его личности, согласование потребностей индивида в рамках общего блага, основанное на свободе, справедливости и благосостоянии; уверенность в возможностях человеческой личности в противовес кастовым, классовым и рабовладельческим доктринам; определение достижений общества как достижения всех граждан. Данные принципы опираются на разум политического человека, на наблюдения, опыт и умозаключения. Осуществление демократического идеала подкрепляется верой в окончательное торжество политического поведения человека.

Прежде всего, необходимо не путать механизмы демократии с ее фундаментальными целями. Слишком легко подчиняться обезличенным политическим институтам, а не самому духу демократии, который заключается не в особых формах, или наборах полномочий, а в основополагающих принципах, на которых основывается политическое объединение. Смысл демократии заключается в осознании важности перемен и готовности к ним, так как исторически демократия должна была пробивать себе дорогу вопреки привилегиям, закрепленным традициями.

Анализу демократического политического режима мешает восприятие демократии как символа, поэтому теоретические разработки многих известных философов не функционируют должным образом на практике. Можно до бесконечности рассуждать об идеальной сущности демократии, но в этом не будет никакого практического смысла. Теория плюралистической демократии – другой случай: она

синтезирует как нормативные, так и эмпирические элементы демократической теории.

Метод максимизации позволяет извлечь из популистской теории три характеристики демократии, которые можно было бы сделать наиболее значимыми: верховенство народа, политическое равенство и правление большинства. Вместе эти несколько наблюдаемых условий дают рабочее определение демократии, но полная их реализация является весьма утопической целью, недостижимой в реальном мире. Вместо этого предлагается переосмыслить и скорректировать эти условия, и установить некоторый минимальный порог значимых демократических достижений. Государства и социальные организации, находящиеся на этом уровне или превышающие его, предлагается назвать полиархией.

Институт выборов в сочетании с постоянной политической конкуренцией между политическими акторами, является важнейшим методом социального контроля, отличающим полиархическую демократию от диктатуры. Ни то, ни другое не ведет к правлению большинства, которого требуют максимизирующие формы демократической теории, но вместе они, тем не менее, способствуют обеспечению народного суверенитета и политического равенства, увеличивая размер, число и разнообразие меньшинств, чьи предпочтения должны учитываться политическими элитами. Таким образом, полиархию можно определить, как открытую, конкурентную плюралистическую систему правления меньшинства [3, с. 31].

Народный суверенитет и политическое равенство – незаменимые атрибуты демократического политического режима, поэтому исследователи должны расширить характер и диапазон обстоятельств, которые представляют собой истинный, хотя и минимальный, случай их реализации, проигнорировав такие общедемократические принципы как «правление большинства», или «широкое участие граждан в политике». Достаточным условием для того, чтобы демократию называли полиархической, является тот факт, что общественно-политическая организация обладает лишь атрибутом перманентной конкуренции элит.

Таким образом, ослабление минимальных условий не обязательно исключает определение демократии как политического идеала. Данная концепция содержит как эмпирическую теорию, которая

устанавливает полиархическую демократию как реальный класс политических и социальных систем реального мира, так и нормативную теорию, которая сохраняет демократию в ее более строгом смысле.

Демократия и полиархия являются исключительно инструментальными средствами для максимального удовлетворения потребностей граждан, но не более того. Даже самое совершенное политическое равенство рассматривается как средство обеспечения способности верховной власти реагировать на политические предпочтения частных лиц. Таким образом, усилия по преодолению господства элиты и массовой апатии, которые пронизывают полиархию, в худшем случае опасны и потенциально контрпродуктивны, а в лучшем случае представляют собой бессмысленную трату времени и энергии для подавляющего большинства людей.

Реализация демократии как идеалистической категории невозможна на практике: демократические режимы, которые декларировали широкий спектр демократических элементов, так или иначе, приходили к авторитаризму, так как высокий уровень политического участия ведет к увеличению популярности автократических идей, а полиархия – единственный способ сохранить часть демократических идеалов в реальном мире.

Список использованной литературы и источников

1. Демидов А.И. Политология в вопросах и ответах: учебное пособие / А.И. Демидов, А.В. Малько. Москва: Юристъ, 2002. 168 с.
2. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук. Москва: Омега-Л, 2005. 584 с.
3. Даль Р. О политическом равенстве / Р. Даль. – Москва: Московская школа политических исследований, 2010. 112 с.

Туланов Д.Б., г. Санкт-Петербург, СПбГУ

*Научный руководитель: Сморгунов Л.В., доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой политического управления
факультета политологии, СПбГУ*

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕШЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После развала советского союза страны Центральной Азии (далее ЦА) пытаются развиваться индивидуально, претендую на уникальность каждого из стран, порой игнорируя исторические связи. Мы являемся свидетелями результатов необдуманной, недальновидной политики, в связи с чем между странами возникают этнические, территориальные, ресурсные напряжения. Снять это напряжение не в силах ни организация СНГ, ни ШОС, ни ОДКБ, ни ЕАЭС. Многие конфликты до сих пор решаются при посредничестве России, и как лидер, вожак Россия не в силах полностью разрешить эти напряжения. Связано это с тем, что Россия имеет межгосударственные и союзнические отношения, стратегические партнерства с каждым странами ЦА и решать проблемы в интересах одного государство невозможно. Каждое государство стремится максимизировать свою выгоду, и Россия может выступать лишь медиатором (конфликты скорее откладываются, накапливаются, чем разрешаются). Сегодня как никогда важны площадки для диалога, что диктуется временем о необходимости развивать их. Несмотря на то, что налажены двусторонние встречи глав государств, межправительственные диалоги между странами ЦА, они не являются эффективными[4]. Примером может послужить вопрос о делимитации и демаркации границ между Кыргызстаном и Узбекистаном. Анклавы и спорные территории не разрешаются на протяжении многих лет. Только за 2016–2017 годы президенты Кыргызстана и Узбекистана встретились семь раз [2]. В итоге было объявлено о разрешении территориальных споров [1]. Но как мы видим сегодня, в 2022 году, споры не разрешились, откуда можно сделать вывод, что видение власти и народа расходятся [5]. Как важный инструмент решения межэтнических конфликтов может служить социальный капитал политических партий. Именно путем

инвестирования в социальный капитал политических партий можно добиться мира, согласия, добрососедства в ЦА.

Социальный капитал – понятие сложное, комплексное, междисциплинарное. Данный концепт имеет неоднозначное, широкое определение, что вызывает много критики и споров, так как охватывает большой спектр проблемных вопросов. Социальный капитал – это качество взаимодействия, который оперирует социальными сетями, формальными и неформальными связями, доверием, взаимодействием, вовлеченностью и т.п. Социальный капитал охватывает широкий спектр проблем и взаимодействует с различными социальными группами различного поколения, различных сфер деятельности и принадлежности, которая обладает уникальными параметрами.

Политические партии как общественно-политический институт служит мостом между народом и государством. На международной арене имеет свое весомое место, как представительного органа власти. Следовательно, политические партии являются ретрансляторами интересов народа и им необходимо адаптировать собственные программные документы и задачи на решение конкретных вопросов, а именно, иметь в виду интересы всего населения, а не определенных социальных групп.

Текущая картина политических партий говорит о том, что они не обладают достаточным уровнем социального капитала. Готовность решать общенациональные задачи, которые инициируются снизу, нет, в то время как готовность решать национальные задачи, обозначенные руководством страны есть. Но проблемы межэтнических конфликтов – это проблемы преимущественно бытового характера, и партийные функционеры не решают их непредвзято (они не заинтересованы в этом).

В целом, государства ЦА не готовы к решению межэтнических (но не межгосударственных проблем) во внутренней и внешней политики, и политические партии в текущих условиях, ярко демонстрируют свою неготовность к решению проблем. Их политический капитал не сформирован окончательно, имидж базируется на общих элементах популистской повестки, программы не разработаны. Социальный капитал, таким образом, не адаптирован к реалиям, модерну ЦА. Практически, только правящая партия использует рычаги

взаимодействия с партиями других стран, и именно она может стать драйвером решения межэтнических конфликтов.

Сегодняшние перемены в мировой политике требуют реформирования формата международного взаимодействия. Межпарламентское сотрудничество, партийное сотрудничество позволило бы эффективнее решать различные вопросы как бытового уровня, так и масштабного.

Как мы можем отметить, значение политических партий в развитие межпарламентских отношений критически недооценено. Множество исследователей, изучающих межпарламентское взаимодействие и политические партии, фактически, игнорируют роль политических партий в обеспечение устойчивых межпарламентских связей.

Социальный капитал политических партий[3] в ЦА развивается инертно, что может безусловно привести к развитию негативных его проявлений (клановости, трайбализма, коррупции и т.п.). Чтобы не допустить этого требуется инвестиции в социальный капитал политических партий в ЦА, а именно путем развития сотрудничества, их вовлеченности в совместные программы, в решения общих проблем, создания общей идеологической картины, что непременно отразится в ближайшем будущем.

Благодаря социальному капиталу политических партий в ЦА появится возможность рационального использования ресурсов, мирного урегулирования территориальных конфликтов, создать добрососедскую атмосферу в странах, разрабатывать и внедрять различные совместные проекты.

Список использованной литературы и источников

1. UPL.UZ Новости Узбекистана Узбекистан и Кыргызстан решили все территориальные споры [Электронный ресурс]. URL: <https://upl.uz/policy/27950-news.html?ysclid=I9mo6zsg7o717972829> (Дата обращения: 17.10.2022).
2. Новостное агентство Sputnik Сыдыков: лидеры Кыргызстана и Узбекистана за год встретились семь раз [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20171227/Sydykov-Kyrgyzstan-Uzbekistan-vstrechi-7168084.html?ysclid=I9mmps15e97917497> (Дата обращения: 17.10.2022).

3. Пономарь С.П. Социальный капитал политических партий // Власть. 2007. № 12. С. 28–30.
4. Попадюк О. Узбекистан на распутье 2017. С. 183–194.
5. ТАСС И. агентство В Бишкеке проходит митинг против передачи Кемпир-Абадского водохранилища Узбекистану [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16135839?ysclid=I9mol39aty852797763> (Дата обращения: 17.10.2022).

*Французов Р.И., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Драч Г.В., доктор философских наук,
профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики,
Южный федеральный университет*

ТЕОПОЭТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КЛАССИЧЕСКОГО АНТИЧНОГО ФИЛОСОФСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Говоря о любом дискурсе¹, мы всегда оказываемся в довольно сложном положении. С одной стороны, мы понимаем, что это «Связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [15]. С другой же стороны, дискурс, особенно в исследовательских рамках, предстает перед нами не в форме живой речи [8, с. 102], но в форме текста, где помимо внутренних правил и властных функций [10, с. 51] имеются также особые условия представления данного дискурса, переходя в область разнообразных жанровых конструкций [9].

Указанный дуализм писанного и сказанного [5] уже не раз становился предметом специальных исследований и до сих пор является спорным в рамках отношения «дискурс-текст» [12]. В данном же исследовании нас интересует другой вопрос; вопрос представленности дискурсивных закономерностей, в рамках которых автор занимается репрезентацией не только исследуемого им объект, но и собственно-го мнения об объекте. И поскольку проблема «собственного» уходит

¹ В классическом его понимании.

в поле микроистории [2] т.е. область, которая в рамках данного исследования нас мало интересует, то мы переходим к обсуждению более фундаментальной области, области сюжетного конструирования, благодаря которой сам текст, сам дискурс и само повествование (история) становится возможным.

Поскольку мы с уже заговорили о фундаментальности, то вполне логичным в качестве исследуемого объекта избрать античное литературное наследие, ибо именно в нем заложено то основание, на котором выстроится все европейское литературное наследие, а точнее ту его часть, которая является философской.

Итак, для нас вполне очевидно, что философия с самого начала занималась вопросом причин [1, с. 67]. И причины эти, в процессе эволюции подходов к ним, становились все более и более трансцендентными (отравными от носителей и находящиеся за пределами их доступности) [11], теологическими [4]. Вершиной данного отношения выступает философия позднего Платона, где «причастность вещей идеям заключается не в чем ином, как только в уподоблении им» [6, с. 411–412]. Однако эта содержательно-теологическая часть представлена не в определенной жанровой форме, поэтической, и раскрывается в рамках определенной последовательности событий-сюжета, где имеются элементы, которые, с одной стороны, выстраиваются в сам этот сюжет, а с другой, предоставляют автору определенную свободу интерпретации в самостоятельном выстраивании данного сюжета [14, с. 85]. Но, что нам дает установленная связь между сюжетом и дискурсом с одной стороны и поэтикой, и теологией с другой? По нашему мнению, в первую очередь это связь между субъектом и словом, законом построения и свободой представления, которая в рамках философского анализа дискурса еще со времен Ролана Барда вызывала некоторые трудности в восприятии феномена автора [3, с. 384–392]. Во-вторую очередь, теологическая нить повествования в поэтико-трагической форме для нас важна как инструмент, при помощи которого происходит вписывание философского текста в определенную нарративную традицию, благодаря чему текст не только становится воспринимаемым (привычным), но и принимаемым (обретающим определенную власть над восприятием, благодаря чему содержание самого текста становится воспринимае-

мым). Отказ от этого вписывания, утверждение радикально нового представления разрушает эту власть (точнее ее не порождает), что может привести к трагическому финалу (Апология Сократа).

В-третью очередь, необходимо учитывать и социальный контекст речей, которые по мнению Платона, в широком смысле слова становятся основанием для государства (ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение [7, с. 148]. Интересно, что в связи с процессом развития платоновской философии, мы можем наблюдать критику поэтического слова, но сам стиль античного мудреца продолжает оставаться тем же. Диалогическая форма, как бы основная на трагико-поэтическом стиле, начинает выступать, хотя и при описании идеального государства, против поэтов - носителей этого слова в силу их подражательной природы (недостаточной ясности).

Таким образом, мы можем наблюдать феномен трансформации дозволительных форм высказывания речей, феномена «парресии» (ἡ παρρησία) уже в рамках самого текста в противовес прямо высказанной и непринятой речи в «Апологии Сократа». Причем сама эта трансформация связана с составными элементами самой диалогической структурой творчества Платона (сократическая ирония) его методологией (Сократический метод). И если вопрос относительно «сократического метода» остается в области чистой философии, то вопрос иронии нас наталкивает на вопрос восприятия дискурса как самими людьми, которым он адресован, так и читателям. В первом случае, мы, принимая точку зрения Л. Штрауса о том, «...ирония заключается в том, чтобы по-разному разговаривать с разными типами людей» [13, с. 166] укрепляем связь речи с «со-бытием» и раскрываем сокрытую часть иронического высказывания, а во-втором, мы сталкиваемся с полем интерпретации, которая объединяет поле репрезентации самого философского текста, его формы, смысла и вообще диалоговой идеи.

Таким образом, в рамках данной работы, мы, с одной стороны, ориентируясь на основную античную форму подачи философских размышлений исследования- теопоэтическую, а с другой, на интерпретацию феномена «сократической иронии», который подразумевает определённый, способ разговора главного платонического героя с

различными людьми, постараясь выделить главную характеристику платоновской себя в рамках государственного общения. Теополитическая структура представления, являющая собой систему оправдания данных речей и данного политического общения, наложенная на форму представления данных речей – поэтико-диалогическую, раскрывает не только структуру античного представления о политическом вообще, но и контекст существования данных речей, где используемая форма и содержание приобретают необходимую и смысловую окраску.

Исходя из всего сказанного мы делаем следующие выводы: во-первых, поэтическая форма выражения и закономерности использования, соответствующей для данной формы тропов и литературных приёмов до аристотелевского политического дискурса, является не только единственно возможной, но и несет определенную дополнительную смысловую нагрузку в качестве традиции.

Во-вторых, теологическое содержание легимитизации политического дискурса, обусловлено не столько господствующим мифологическим сознанием, сколько структурой подачи данных высказываний. Данные высказывания в свою очередь выражены в определённой взаимосвязи понятий, которую отражают структуру мифологического мышления посредством дозволительных форм высказываний-парресии.

В-третьих, сам феномен парресии будучи достаточно проанализированным Фуко, несет и свой не смысл, который в рамках различных концептов, с одной стороны, единстве форм выражения с другой, приводит к спектру многообразных интерпретаций, одним из которых является понимание философии как способа жить в рамках общения политического или человека как зоополитикон.

Список использованной литературы и источников

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / [ред. и авт. предисл. В.Ф. Асмус]. М.: Мысль, 1976. 549 с.
2. Арсентьев Н.М., Руськин А.Н. Интеграционные процессы среди европейских школ микроистории (теоретико-методологический аспект) // ИТС. 2010. № 4. С. 40–44.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Йегер В. Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года / Пер. с англ. Мерзеновой А.С. СПб.: Владимир Даль, 2021. 351 с.
5. Карамова А.А. Текст и дискурс: соотношение понятий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. № 2. С. 19–23.
6. Платон. Сочинения в трех томах (четыре книги). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 2. М.: «Мысль», 1970 г. 611 с.
7. Платон. Сочинения в трех томах (четыре книги). Под общ. ред. Лосева А.Ф., Асмуса В.Ф. / Пер. с дре. греч. / Т. 3, Ч. 1. М.: «Мысль», 1971г. 687 с.
8. Родина В.В. Дискурс: генезис, природа и содержание, обзор научных школ // Известия СПбГЭУ. 2018. № 1 (109). С. 101–111.
9. Силантьев И.В. Дискурс и жанр // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2010. № 6. С. 78–83.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой М.: Ка-сталь, 1996. 448 с.
11. Хлебников Г.В. Античная философская теология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2014. 312 с.
12. Хлебникова О.В. Проблема соотношения речи и письма в современной философии // Logos et Praxis. 2014. № 5. С. 11–18.
13. Штраус Л. Город и человек. Изд.: Владимир Даль, 2021. 502 с.
14. Culler J. Literary theory a very short Introduction // Oxford University Press, 1997. 149 p.
15. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Рос. энцикл., [электронный ресурс] URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/1958366>. (дата обращения 1.07.2022).

*Хуа Цзиньцзинь, Китай, г. Нинбо,
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель: Лагутина М.Л., доктор политических наук,
профессор, Санкт-Петербургский государственный университет*

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ НА АРКТИЧЕСКУЮ ЗОНУ

После российско-украинского столкновения в Арктике быстро появляются побочные эффекты, и его влияние может продолжать эскалацию из-за напряженной ситуации. Под традиционным геополитическим влиянием и влиянием столкновения, в настоящее время в Арктике на самом деле уже встречаются разнообразные проблемы.

Главное, что Арктическое сотрудничество сталкивается с системным кризисом.

Во-первых, Сотрудничество в области управления Арктикой приостанавливается. 3 марта семь других членов Арктического совета опубликовали совместное заявление, в котором говорится, что "вторжение России в Украину нарушает основные принципы Арктического совета – уважение суверенитета и территориальной целостности, и что подход России препятствует сотрудничеству в Арктике и за ее пределами"; семь стран не будут в Россию для участия в заседаниях Арктического совета и приостановят участие во всех заседаниях его групп.¹

Арктический экономический совет последовал этому примеру, приняв решение перенести свое ежегодное общее собрание из Санкт-Петербурга на онлайн.² Совет провел внеочередное заседание, на котором 4 члена проголосовали за "осуждение вторжения России в Украину" и приняли решение исключить Россию из онлайн-заседания.

Кроме этих, Совет Европы принял решение приостановить право России на представительство в Комитете министров и Парламент-

¹ U.S. Department of State. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. 03 March 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-followingrussias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 05.10.2022)

² Липунов Н.С. Северное влияние. 17 марта 2022. URL: <https://iz.ru/1305812/nikitailipunov/severnoe-vlianie> (дата обращения: 05.10.2022)

ской ассамблее;¹ В свою очередь, Россия сразу объявила о своем выходе из этих организаций.

Во-вторых, освоение Арктики приостанавливается. После начала столкновения многие крупные нефтяные компании, такие как BP, Statoil и ExxonMobil, объявили о выходе или приостановке сотрудничества с Россией в области разработки ресурсов, включая "Северный поток 2", "Курильский СПГ 2", "Сахалин-1" и многие другие проекты.²

Во-третьих, на научное сотрудничество негативно влияет. Российское председательство в Арктическом совете привлекло внимание международного общества к своему предложению о строительстве двух международных чистых арктических станций "Снежинка". Идея получила поддержку со стороны Южной Кореи, Китай тоже заявил о готовности к сотрудничеству. Однако, по данным СМИ, проект может столкнуться с большими трудностями.

В общем, страны как в Арктике, так и за ее пределами ранее согласились с тем, что на мир и сотрудничество в регионе не должны влиять внерегиональные факторы. Однако сегодняшний факт фактически опроверг эту точку зрения. Текущая военная ситуация продолжает развиваться, и ее побочные эффекты в Арктическом регионе заслуживают постоянного наблюдения. Нынешняя ситуация в основе является результатом накопления негативных последствий неадекватной политики США и стран НАТО в Арктике. После того как администрация Трампа выдвинула так называемую «арктическую арену», США ускорили возвращение военных сил в Арктику и укрепление региональных альянсов и партнерств. Администрация Байдена неоднократно использовала зависимость малых арктических стран от Соединенных Штатов в сфере безопасности, чтобы закрепить свое лидерство в вопросах регионального управления. Это ключевая причина того, что Арктический регион уходит от правильного направления развития.

¹ Council of Europe. 1426ter (extraordinary) meeting of the Ministers' Deputies. 25 February 2022. URL: https://www.coe.int/en/web/cm/february-2022/-/asset_publisher/FJlulash2rEF/content/1426bis-extraordinary-meeting-of-the-ministers-deputies-24-february-2022-?_101_INSTANCE_FJlulash2rEF_viewMode=view/ (дата обращения: 05.10.2022)

² Крутихин М.И. Shell и ExxonMobil объявили об уходе из России. URL: <http://www.yamalpro.ru/2022/03/02/shell-i-exxonmobil-obyavili-ob-uhode-iz-rossii-za-nimi-mogut-posledovat-drugie-neftegazovyye-kompanii/> (дата обращения: 05.10.2022)

Кроме того, различные санкции против России являются прямой причиной нестабильности в Арктике. Арктика находится на пересечении трех регионов – Северной Европы, Северной Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона, поэтому кризис в Арктике характеризуется быстрым, обширным и глубоким.

Кризис быстро распространился с экономических санкций на политические и военные механизмы и, как правило, продолжал проникать в такие обычные области, как климат, наука и техника, рыболовство.

Но нужно почеркнуть, все-таки Арктика не основной регион конфликта, а зона воздействия. Это значит влияние скорее ограничено, так что с большой вероятностью основные существующие механизмы регионального управления не могут быть распущены, а вероятность прямого военного конфликта в Арктике низкая. Хотя внимание на Арктике от вопроса по безопасности к экономическому сотрудничеству в настоящее время трудно измениться, но продолжительность и степень неустойчивости будет определяться конфликтом и конечно, отношениями между Россией и Западом.

Таким образом, чтобы избежать нового кризиса в Арктике, стороны должны играть более активную роль и работать вместе, чтобы как можно скорее вернуть Арктику на правильный путь мира и развития. В первую очередь, мир и стабильность в Арктике являются важной гарантией для всех стран в осуществлении всех видов арктической деятельности и отвечают интересам всех заинтересованных стран. Конечно, поддержание мира и стабильности в Арктике – это не только ответственность стран региона, но и всего мира.

При этом стоит восстановление и сохранение механизмов управления Арктикой. Стороны должны разрешить ситуацию по Арктическому совету путем диалога, способствовать тому, чтобы практическое сотрудничество в области поиска и спасения в чрезвычайных ситуациях, ликвидации последствий стихийных бедствий и научных исследований в рамках Арктического совета осуществлялось по плану, и главное, чтобы стремиться к восстановлению нормального функционирования Арктического совета в 2023 году, когда Норвегия будет председательством Арктического совета.

Шмыгин В.А., г. Москва,

ВШССН, МГУ им. М.В. Ломоносова

*Научный руководитель: Шульц В.Л., доктор философских наук,
профессор, член-корреспондент РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова*

СУБЪЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ

В настоящей геополитической ситуации Россия терпит значительные имиджевые потери, сопровождающиеся экономическим спадом и попыткой политической «отмены». Санкционный режим, вызванный проведением российской стороной СВО (специальной военной операции), стал беспрецедентным по количеству санкций, что обуславливает угрозы и риски всем сферам жизнедеятельности общества. Проявление взглядов близких к «русофобии» и отказу от российского актуализируется в большей степени в условиях перманентной информационной войны. Данные процессы являются выгодными ряду бенефициаров, что свидетельствует о проведении процесса социального конструирования в настоящий момент.

Попытка противодействия в идеологическом поле, очевидно, лежит в проведении собственного процесса социального конструирования, чьим продуктом должен стать антипод, то есть полностью обратный образ России, соответствующий российским национально-государственным интересам. В условиях формирования исключительно отрицательного образа России, реакцией может стать планомерная попытка социального конструирования положительного образа России.

В основе процесса социального конструирования лежит репрезентационная схема, внутри которой образ России можно описать, как со стороны идей (содержания), так и со стороны структуры (формы) [1]. Содержательная часть наполнена социальными феноменами, а форма является совокупностью механизмов. Но, прежде чем говорить о множестве социальных феноменов и механизмов, следует определиться с наиболее релевантным субъектом конструирования, то есть той социальной группой или общностью, которая

отвечает запросу гибкости, позволяющему преодолеть имеющийся образ России.

Говоря о конъюнктурном образе России, исследователи отмечают явный акцент на политических характеристиках образа: так, Россия, в первую очередь, ассоциируется с советским прошлым. Также одной из наиболее частотных ассоциаций называется образ «Путинской России», что отсылает непосредственно к политическому лидерству [2]. Безусловно, данный образ может поддерживаться российским обществом, в связи с возросшим президентским рейтингом: по данным Левада-центра, на сентябрь 2022 года, 77 % россиян одобряют деятельность Владимира Путина [3].

В настоящий момент подобный образ способствует внутрисоветской консолидации общества, но не является привлекательным для сторонних обществ, так как выстраивается механизм «свой-чужой», в связи с чем создается дополнительный фактор конфронтации в системе международных отношений.

Провозглашая де-юре «Мягкую силу» в качестве доминанты внешнеполитической деятельности, российское общество создает запрос на использование инструментов «привлекательности», которой можно добиться лишь гибким подходом, перекраивая общественное сознание и запас знаний, конструирующих социальную реальность. В данной связи следует обратить внимание на молодежь, как наиболее подверженную процессам социализации и ресоциализации, социальную общность. По отношению молодежи к своей стране и по репрезентации образа в молодежном сознании, можно делать выводы о перспективах будущего конструирования образа страны.

Образ страны в молодежной социокультурной среде представляет собой синтез традиционной и современной сторон. Эти стороны индивид постигает посредством опыта, при чем собственного или стороннего [4]. Смысловая ситуация, при которой происходит отождествление опытов (опыт собственный является аналогичным опыту стороннему, соответственно, употребляется единая система оценок и складывается общее представление) говорит о сконструированной социальной реальности, состоящей из тех или иных социальных феноменов, прошедших процесс легитимации в молодежном сознании.

К социальным феноменам следует относить предлагаемый Portland Communications баланс объективных и субъективных показателей:

- объективные: цифровизация, степень развития деловой активности и удобство ведения бизнеса, культура, образование, качество управления, а также «вовлечённость» (engagement), под которой понимается плотность международных контактов данной страны, степень её участия в международных организациях;

- субъективные: обобщённый результат тематизированных социологических опросов, выявляющих представления населения различных стран мира о других странах. Содержательно в ходе этих опросов выяснялось восприятие различных стран по семи основным факторам: благожелательность по отношению к иностранным туристам; доверие к проводимой данной страной международной политике; желание жить, учиться или работать в данной стране; оценка её вклада в глобальную культуру; оценка кухни, предлагаемой данной страной; оценка технологичности производимых этой страной товаров; привлекательность предлагаемых ею товаров и услуг.

По данным показателям, Россия на 2019 год (наиболее актуальные данные комплексного исследования) занимает 30-е место в мире по применению «Мягкой силы» [6]. При множественности успехов Российской Федерации, консалтинговой фирмой заявлялся барьер развития «Мягкой силы» России, связанный с внешней политикой государства.

При этом для полноты отображаемой картины, к ряду социальных феноменов должны быть отнесены компоненты общественной жизнедеятельности нехарактерные «Западному миру» или не попадающие в систему оценивания [1]. С одной стороны, это поможет преодолеть односторонний характер будущей концепции конструирования образа страны, а, с другой, позволит синтезировать традиционные и современные черты, выбранной социальной общности, а именно молодежи.

Список использованной литературы и источников

1. Андреев И.А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 143–154.

2. Галкина Т.А. Конструирование образа России посредством языковых средств в британских СМИ / Т. А. Галкина // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 4(38). С. 33–35.

3. Одобрение деятельности Владимира Путина // Индикаторы Левада-центр// URL: <https://www.levada.ru/indikatory/> (дата обращения: 10.10.2022).

4. Сорокин О.В., Смысловые компоненты отношения к Родине в культурном пространстве молодёжи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. Вып. 3 (284). С. 110–121.

5. Токарева С.Б. "Конструирование образа России в публичном и общественно-политическом дискурсе: от семантического описания к метафорическому фреймингу событий» Logos et Praxis, vol. 20, №. 1, 2021, С. 36–48.

6. The Soft Power 30 // URL: <https://softpower30.com/country/russian-federation/> (дата обращения: 10.10.2022).

*Яскевич Д.В., г. Ростов-на-Дону,
Южный федеральный университет
Научный руководитель: Шевченко О.М., доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной
безопасности, Южный федеральный университет*

ПРИЗНАКИ ГОРЯЧЕЙ ФАЗЫ ТЛЕЮЩЕГО КОНФЛИКТА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия играет важную роль в вопросе безопасности Евразии не только в историческом разрезе, но и в контексте нынешнего этапа развития. Помимо неординарных вызовов безопасности, среди которых главенствующими являются вопросы сепаратизма, терроризма и экстремизма, существуют нерешенные территориальные конфликты между странами Центральной Азии [1].

Приграничные конфликты. Конфликты между Кыргызстаном и Таджикистаном происходят часто, особенно в Баткенской области Кыргызстана, где находятся три анклава – Сох, Шахмардан, Ворух.

Между гражданами Кыргызстана и Таджикистана только в 2020 году было зарегистрировано больше десятка насильственных конфликтов вследствие территориальных споров [2]. Находящаяся на пересечении границ Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, Ферганская долина не раз была субъектом миротворческих инициатив. Дефицит природных ресурсов и многонациональность населения может стать причиной возникновения этнических разногласий. Все эти стрессоры могут применяться в качестве компонента политической борьбы. Усиление пограничного контроля и ужесточение мер безопасности Узбекистаном повлекло за собой рост недовольства и напряженности со стороны граждан Таджикистана и Киргизии. Такая ситуация вносит нестабильность в регионе. В целом, границы, присвоенные государствам на территории Центральной Азии после развала СССР, представляют собой причину регулярных столкновений и целого ряда других проблем.

Экономический кризис. Экономика Афганистана в большой степени зависит от международного финансирования, которое на данный момент приостановлено, и в стране с 40-миллионным населением может возникнуть финансовый и экономический кризис.

Основные инвесторы Афганистана пока не давали комментариев о последних событиях в стране. Однако, некоторые сообщили о приостановке инвестиций, среди них Евросоюз, планирующий выделить Кабулу в 2021–2024 гг. около \$1,4 млрд на развитие. Прекращение финансирования Афганистана также намеревается и Великобритания, предоставившая Кабулу в 2019 г. порядка 300 млн фунтов. А в 2021–2022 гг. Кабул рассчитывал получить от нее еще больше 120 млн фунтов.

Объем международной помощи, которая необходима Афганистану, в десять раз превышает возможности «Талибана».¹

Военный кризис. На август 2021 г. у Талибана в распоряжении было около 200 тыс. боевиков.² На сегодняшний день, в стране более 500 тыс. сотрудников полиции, военных в отставке и ополченцев, которые могут быть мобилизованы новой властью в кратчайшие сроки.

¹ Taliban face critical need for international aid. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210818-taliban-face-critical-need-for-international-aid>

² The Military Balance, Volume 120, Issue 1 (2020)

А учитывая сверхвысокий уровень безработицы можно спрогнозировать незначительное количество противников данной политики.

Вследствие того, что силы НАТО покинули страну, а правительственная армия не смогла обеспечить серьёзное сопротивление Талибан имеет достаточное количество техники и оружия для вооружения собственных войск.

27-летний опыт боевых действий в Афганистане, позволяет предположить более высокий уровень подготовки личного состава, что может составлять угрозу для армий соседних государств. Например, военный потенциал их соседей с северной стороны ¹ – около 100 тыс. человек, при учёте числа внутренних войск, а вооружённые силы данных стран практически не участвовали в реальных военных операциях в последние 20 лет.

Официально армия Афганистана, разгромленная талибами летом 2021 г., занимала в международном армейском рейтинге GFP 75 место из 140, армия Туркменистана – 86 место, а Таджикистана – 99 место.² Даже исходя исключительно из этих данных, под большим вопросом остается обороноспособность двух соседних государств.

Вооружённые силы Узбекистана находятся на более высокой строчке рейтинга (51-е место), но ее боеспособность неоднозначна. Зарубежные СМИ и российские эксперты, в частности, придерживаются мнения, что более 50 % военной техники и ПВО Узбекистана находятся в аварийном состоянии.³

Традиционные вызовы безопасности. Процессы управления водораспределением в Средней Азии находятся в зависимости от годовых бартерных договоренностей между странами нижнего и верхнего течений, скованных во многом своим экономическим бессилием. Кыргызстан, к примеру, не располагает необходимым объемом средств для ввоза энергоносителей. Невозможность обеспечить регулярные поставки электроэнергии может привести к общественному недовольству и политическим потрясениям, соответственно, правительству Киргизии требуется эксплуатация Токтогульского водохранилища для выработки гидроэлектростанции в зимний период.

¹ The Military Balance, Volume 120, Issue 1 (2020)

² Global Firepower Countries Index, URL: <https://www.globalfirepower.com/countries.php>

³ Global Firepower Countries Index, URL: <https://www.globalfirepower.com/countries.php>

В вопросе возведения Камбар-Атинской и Рогунской гидроэлектростанций к интересам Кыргызстана и Таджикистана применима схожая логика.

Шанхайская организация сотрудничества включает в себя 4 государства Центральной Азии (за исключением Туркменистана), Китай и Россию. Это межправительственная организация, и её целью является разрешение как вопросов безопасности, так и экономических сложностей в регионе.

Тем не менее работа обеспечению безопасности заметно доминирует в повестке ежегодных саммитов глав стран-членов ШОС. В связи с тем, что Центральная Азия граничит с Афганистаном, приоритетными являются проблемы, связанные с торговлей людьми, борьбой с терроризмом и другие вопросы безопасности регионального уровня.

Терроризм и экстремизм. В 1996 году Талибан приходил к власти в Афганистане. Это длилось в течение 5 лет. Несмотря на это страны Центральной Азии сосуществовали с группировкой Талибан.

Помимо этого, в Афганистане существует еще 20 других террористических групп и организаций, в том числе «Исламское государство». Они осуществляют активную деятельность, а некоторые из них придерживаются ещё более радикальных взглядов, чем «Талибан» [5].

Ежегодно только погранвойска Таджикистана фиксировали свыше 20 столкновений с неизвестными боевиками. В ноябре 2019 г. в Таджикистан проникло бандформирование, которое совершило масштабное нападение на заставу. А в июле 2018 г. в ходе нападения с афганской территории на пограничные войска в Марыйском велаяте (Туркмения) погибло более 20 человек.

Неоднородность позиции стран постсоветской ЦА относительно захвата талибами Афганистана, радикализация и дестабилизация региона в целом, активизация деятельности террористических организаций на фоне существующих нерешенных территориальных споров и экономической ситуации может вызвать очередное обострение тлеющего конфликта.

Список использованной литературы и источников

1. Малышева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН; 2010. 100 с.
2. Мирзоев С. З. Ситуация в Ферганской долине и ее влияние на стабильность и безопасность в Центральной Азии. Постсоветские исследования, 4 (5), 2021. С. 378–387.
3. Милюкова А. Г., Ковалева А. В., Валюлина Е. В. Пантюркизм и геополитическая идентичность на современном евразийском пространстве: анализ репрезентаций в СМИ. Мировая политика, (1), 2021. С. 25–38.
4. Садун Р. Р., Сенокос Я. С. Социальные технологии во внешней политике Турции: столкновение с национальными интересами России. Социально-гуманитарные знания, (1), 2021. С. 294–300.
5. Казанцев А. А., Гусев Л. Ю. Прогноз деятельности террористических организаций в странах Центральной Азии и Афганистане: возможные пути противодействия в интересах безопасности РФ. ПОЛИТЭК. 2013;(1): С. 160–176.

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«ТРИГГЕРЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ»

*Шмелева О.Ю., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

ПЕРСУАЗИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУНЕТА:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ РИСКИ

Социальные медиа, являясь ведущим механизмом ретрансляции идей, оценок, суждений, полем выражения общественного мнения, настроений, формирования установок, представлений, образов, на современном этапе всё чаще выступают в качестве инструмента манипулирования, связанного с воздействием автора сообщения на установки, ценностные категории, эмоции, реципиента, поведение адресата. Обмен контентом, создание информационных поводов превратились в конкуренцию за право формировать убеждения, представления сетевой аудитории. Специфика социальных медиа, связанная с ситуативностью, эмоциональной заражаемостью последних, ресурсной зависимостью субъектов, особой ролью «лидеров мнений» в формировании ценностей, представлений, оценочных суждений, генерированием пользователями контента, горизонтальным принципом циркулирования информации создают благодатную почву для укрепления персуазивного характера коммуникации. Вместе с тем, сознательное продуцирование сообщений, нацеленных на достижение определённого поведения (реакции) реципиента или воздействия на его установки является эффективным, но, вместе с тем, «рискованным» способом воздействия, сопряженным с риском.

Цель данной статьи состоит в изучении феномена персуазивности в контексте реализуемой на пространстве Рунета политической коммуникации, выявление и анализ рисков, связанных с воплощением тактики убеждения аудитории *на примере кейса, связанного с реализацией комплекса ограничительных мер власти в период пандемии*. В исследовании персуазивности мы исходим из трактовки её как ко-

гнитивной стратегии, характеризующейся субъективным способом подачи информации и отражающей «диалектическое единство концептуально-тематического плана адресанта по построению информационного сообщения/высказывания и процесса творческой реализации этого плана, направленного на достижение прагматической цели адресанта любого текста риторического метадискурса» [1, с. 116]. В рамках вышеприведённой интерпретации персуазивной стратегии индикаторами мониторинга стали грамматические и смысловые речевые конструкции, отражающие тактики, технологии, приёмы убеждения/переубеждения адресата; стигмы, клише, стереотипы, дисфемизмы, пейоративная, персуазивная лексика; эмоциональный фон сообщений и «катектические нарративы» [2, с. 132], делающие постоянный акцент на эмоциях, которые «стали важны как никогда, учитывая, что СМИ усиливают их», что «миром управляют не рациональные идеи ..., а состояние самосознания, определяемое тремя типами эмоций – страхом, унижением, надеждой» [3, с. 12, 17].

Исследование фундировано на основе теории социальных сетей [4, с. 23], а также данных качественного контент-анализа медиатекстов, проведённого посредством аналитического ресурса IQbuzz в период с 01 августа по 28 октября 2021 г. Зафиксировано более 1600 единиц информации по 30 параметрам мониторинга. Анализ эмпирических данных позволил выделить ведущие средства и речевые приёмы, тактики и технологии, используемые пользователями социальных сетей в рамках реализуемой персуазивной стратегии в период с августа по октябрь 2021 года. В систематизированном виде полученные данные представлены в Таблице 1.

Распространёнными приёмами/техниками реализации персуазивной стратегии в коммуникативном пространстве Рунета стали техники *наделения текста отрицательными коннотациями* посредством широкого использования в текстах выразительной, эмоционально-окрашенной лексики, стигм; *построения коммуникации на контрастах*, техника *убеждения*, построенная на апеллировании к авторитетному мнению, проведении выгодных параллелей, а также *технологии политического интернет-постинга* – внушения по принципу инверсии, псевдозапрета, риторического вопроса, импликации, способные негативно влиять на восприятие политики [5].

Таблица 1.¹

Тактики, приёмы, языковые средства	Примеры (цитаты) из социальных сетей
Использование персуазивной лексики, дисфемизмов в рамках техники придания тексту отрицательной коннотации	«кукарекукод», «цифровой концлагерь», «отслеживание», «хотят чипировать народ», «чтобы не потерять работу я укололся, а сейчас понял, что меня просто как лоха...», «Ваши паспорта здоровья, извините, - полный лохотрон! Это тупо простое ограничение прав и свобод граждан», «QR коды - это фашизм, к охране здоровья отношения не имеющие отношения», «все чипированы», «фашистский закон», «куркод - искусственный и эффективный раскрученный повод», «быстрая смерть россиян или медленная» [прим. применительно к вакцинации], «преступное решение суда», «произвол власти и полное нарушение прав человека»
Использование стигм, клише, стереотипов как языковых средств воздействия	«ковид-диссидент», «антипрививочники», «антимасочники», «бункерный дед», «опасные дураки», «враги», «барашки уже с бирками, с куркодами», «куркод - искусственный и эффективный раскрученный повод», «куркоды не спасают, а прав людей лишают», «Какие куркоды ? Это преступление»
Тактика положительной саморепрезентации на контрасте («плохой-хороший», «свои-чужие»)	«Батяка отменил всю это вакханалию, маски, а про куркоды вообще слышать не хочет..отчитывал своих министров за это так, что наверно полные памперсы надули от страха»
Ампликативный нарратив (убеждение, построенное на грамотном подборе параллелей, доводов, апеллирование к авторитетному мнению с целью подчеркнуть характерные черты)	Апелляция к ссылке на результаты опроса среди врачей и ссылка в ВК на профессиональное интернет-сообщество «Врачи РФ»: «по результатам опроса оба законопроекта не прошли одобрение врачебного сообщества» «Спуститесь то наконец на землю, в регионы съездите...» я болела, знаю. И с вакциной болеют также и от неё же умирают, поверьте на слово и заразы вакцинированные также, как и невакцинир, надо не за куркоды топить, а за улучшение качества медицины, «никогда глубинный народ России не примет куркоды и сегрегацию. Мы не Европа. У нас сильна генетическая память предков, воевавших за то, чтобы мы были СВОБОДНЫМИ» Ссылка на «фрагмент из незаконного, сто первого, решения Хамовнического суда

¹ Таблица составлена на основе обобщения данных качественного контент-анализа, выполненного посредством IQbuzz за период с 01 августа - __ октября 2021 г.: материал к блогу в Одноклассниках от 18.09.2021 <http://www.odnoklassniki.ru/profile/538669046015/statuses/153823871697151#MTYzOTg1Nzc2MjE5MDotMTM3MDk6MTYzOTg1Nzc2MjE5MDoxNTM4MjM4NzE2OTcxNTE6Mw==>; https://vk.com/wall-175453536_7283?reply=7309&type=comment; Комментарий от 18.12.2021 https://vk.com/wall-82258040_12459?reply=12800&type=comment; Злой Ямал. Пост от 18.12.2021 https://vk.com/wall-101919888_192847; Комментарий к посту Albert Naboka от 18.12.2021 https://vk.com/wall-176014318_25443?reply=25591&type=comment; Пост Evgeny Vanyukov от 18.12.2021 г. https://vk.com/wall12590543_9728

Лингвосемантический анализ медиатекстов позволяет говорить о критическом характере подачи информации, повышенном эмоциональном фоне, негативной маркировке ситуативной повестки, связанной с реализуемыми мерами власти в период пандемии, в частности, с введением QR-кодов, вакцинацией, цифровизацией, эмоциональный эффект воздействия которой усиливается за счёт широкого использования персуазивной лексики, дисфемизмов, стигм, клише. Характерно, что стигмы, дисфемизмы, пейоративная лексика и прочие речевые приёмы активно используется в медийном пространстве как рядовыми пользователями, так и власть имущими. Так, в публичном дискурсе власти можно встретить различные ярлыки, используемые чиновникам различных уровней власти применительно к гражданам, например, отказывающимся вакцинироваться – «опасные дураки» (Д. Песков); «неразумные действия» (М.А. Мурашко), «информационные террористы» (И.М. Османов, главный специалист-нефролог Департамента здравоохранения г. Москва)¹, «настоящий враг» (Р.М. Нуриев, мэр г. Елабуга, Татарстан)² и др.

Изученные тактики, технологии построения коммуникации, схемы манипулирования в сообщениях, характер медиакоммуникации позволяют конструировать имитационные модели информационных потоков, создавая угрозу намеренной дискредитации образа государства, десакрализации власти. Персуазивный характер коммуникации в социальных сетях Рунета не способствует выработке консолидированного мнения в среде пользователей по актуальной повестке, продуцирует *риски усиления социальных/идейно-ценностных расколов, ценностной аномии между властью и обществом, роста конфликтного потенциала, увеличения форм девиантного поведения* как следствия несформированности навыков адаптации к сложным жизненным ситуациям (преимущественно в молодёжной среде). Для молодёжи, по сути, первым серьёзным вызовом/испытанием стала пандемия 2020 г., заставившая выйти из зоны комфорта. Отдельную категорию составляют *аксиологические риски*, связанные с «искажением восприятия» политики, переоценкой ценностей, изменением

¹ Документальный фильм Наили Аскер-заде «Опасный вирус». 19.12.2021 г. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/19/peskovnasval/>

² <https://www.kommersant.ru/doc/5152112>

ценностных коннотаций (например, патриотизма и ряда других традиционных ценностей), критериев морального выбора, снижением когнитивной составляющей на фоне увеличения эмоциональной нагрузки. Агрессивная медиаповестка, переполненная негативом, оказывает деструктивное воздействие на общество, способствуя повышению уровня тревожности, страхов и создавая угрозу общественной стабильности российского общества.

Реализация персуазивной стратегии в информационном пространстве Рунета делает уязвимым российский пользовательский сегмент социальных медиа для внешнего вмешательства, манипулирования (особенно на фоне информационного противостояния). Минимизации вышеназванных рисков будут способствовать мероприятия, направленные на повышение медиаграмотности пользователей, качества отечественной пропаганды; на развитие навыков системного, критического мышления, выработку механизмов защиты психоэмоционального состояния населения.

Список использованной литературы и источников

1. Голоднов А.В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 2–4 (18). Т. 1. 2008. С. 113–125.
2. Циманов-Сосин К., Циманов П., Чехановский М. Реклама как пример медиальной персуазии с использованием современных типов нарратива. Медиалингвистика. № 9 (2). 2022. С. 126–139.
3. Маози Д. Геополитика эмоций. Как культуры страха, унижения и надежды трансформируют мир. Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 216 с.
4. Кристакис Н., Фаулер Дж. Связанные одной сетью: Как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 361 с.
5. Коротышев А.А., Рыхтик П.П. и др. Технологии политического постинга и трансформация образа государства в «новых медиа» // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 56–63.

*Шмелев А.П., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРОТЕСТНОГО СООБЩЕСТВА В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современное состояние и международно-политическое положение РФ оцениваются как положение объекта воздействия широкого спектра технологий прокси-войны, являющейся одним из фронтов гибридной войны [2, с. 98]. В РФ осуществляется деятельность большого числа внутренних и внешних акторов, взаимодействующих в различных вариациях. Характеризуя деятельность данных акторов, можно говорить о реализации классических подходов прокси-войны, когда инструментом становятся представители протестных структур, «в том числе участники как либеральных, так и фундаменталистских, правонационалистических движений, образующих международные сети» [1, с. 120], связанных с иностранными фондами и организациями.

Факт понимания статуса объекта применения технологий прокси-войны и гибридной войны нашел свое отражение в новейших концептуальных и доктринальных документах, как национальных, так и международных¹. В сфере практической деятельности в РФ в период с 2012 г. активные действия официальных структур отмечались по нескольким направлениям.

Во-первых, совершенствовалась нормативно-правовая база. Ряд Федеральных законов и поправок, например относительно «иноагентов» и «нежелательных» организаций, ограничил возможность деятельности ряда акторов по дестабилизации общественно-политической ситуации в стране. На основании данных законов в РФ был создан ряд реестров: «нежелательных организаций» (65 органи-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 14.10.2022);

Военная доктрина Союзного государства. Утверждена постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5 / Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. - URL: <https://postkomsg.com/documentation/theme/379/> (дата обращения: 14.10.2022).

заций в реестре)¹, «СМИ-иноагентов» (186 СМИ и физлиц)², «физлиц-иноагентов» (32 физлица)³, «иноагентов – незарегистрированных общественных объединений» (9 общественных объединений)⁴. Существует и динамично меняющийся по составу реестр «НКО-иноагентов».

Во-вторых, выросло количество административных и уголовных дел в отношении лидеров и активистов протестного сообщества в РФ.

В-третьих, был реализован комплекс мер в отношении информационной деятельности акторов протестного сообщества, в первую очередь, в сети Интернет. Роскомнадзором был создан «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Общим результатом к 2022 г. стало уменьшение возможностей оказывать влияние на российское общество представителей протестного сообщества. Большая часть лидеров мнений из их числа либо была изолирована от общества, либо «выдавлена» за рубеж, либо оказалась в условиях, когда последующее административное наказание уже влекло уголовную ответственность. В данных реалиях вся совокупность иностранных и российских структур и организаций протестной направленности вынуждена была перейти к применению новых методов, подходов и приемов в целях продолжения своей деятельности.

¹ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. На 12.08.2022 // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 14.10.2022).

² Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. На 07.10.2022 // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 14.10.2022).

³ Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента. На 07.10.2022 // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/942/spisok-lic-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/?hash=cfa8947a-b36e-447a-aca0-dcf06a53cf4d> (дата обращения: 14.10.2022).

⁴ Реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. - URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nezaregistrovannyh-obshchestvennyh-obedinenij-vypolnyayushih-funkcii-inostrannogo-agenta/> (дата обращения: 14.10.2022).

В качестве одного из кейсов можно взять функционирование такой информационной структуры, как «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (прим. авт.: внесена в реестр «СМИ-иноагентов»). В настоящее время действуют такие информационные ресурсы, как «Кавказ.Реалии», «Крым.Реалии», «Татаро-башкирская служба Радио Свобода (Azatliq Radiosi)», «Сибирь.Реалии» (прим. авт.: все внесены в реестр «СМИ-иноагентов») и др. На официальном ресурсе «РС», в роликах на YouTube представлены материалы, подробнейшим образом описывающие варианты и возможности обхода блокировок сайта. В мессенджере Telegram новостная лента «РС» находится в свободном доступе, а система «зеркал» в случае запроса пользователя также свободно позволяет получить материалы конкретной статьи в полном формате.

В качестве другого кейса можно взять функционирование организации «Human Rights Project Management» (OR (Otkrytaya Rossia) («Открытая Россия»)) (прим. авт.: зарегистрирована в Великобритании, внесена в реестр «нежелательных» организаций). В 2021 г. М. Ходорковский заявил и о роспуске организации и ее сотрудников, и о прекращении всех проектов, например, «МБХ-медиа» (прим. авт.: внесен в реестр Роскомнадзора). Однако, в настоящее время такой проект, как «Школа местного самоуправления»¹ продолжает действовать, сайт активен, но доступ возможен только с VPN. Преемником информационного проекта «МБХ-медиа» стал проект «ЧТД»², чей канал в Telegram также находится в свободном доступе. Бывшие представители и руководители «Открытой России» также представлены в общественно-политическом процессе. А. Буракова, в 2019–2021 гг. являвшаяся председателем организации, а также куратором ряда проектов, в настоящее время возглавляет неправительственную организацию «Ковчег», помогающую выехавшим на фоне СВО за рубеж россиянам, а также интегрирующая их в протестную антироссийскую деятельность по месту пребывания³.

¹ Школа местного самоуправления, сайт. - URL: <http://mundepepschool.ru/page28792539.html> (дата обращения: 14.10.2022).

² ЧТД, канал. - URL: <http://t.me/chtdddd> (дата обращения: 14.10.2022).

³ Конференция «Сетевой июнь: по обе стороны границы». День 1 // YouTube, сервис. - URL: https://www.youtube.com/watch?v=ET14hzHm6tY&ab_channel=%D0%A2%D0%B5%D0%BF%D0%B%D0%B8%D1%86%D0%B0%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0

Аналогично продолжают активную деятельность, несмотря на внесение в реестры и блокировку интернет-ресурсов, и такие проекты, как, например, «ОВД-Инфо» и «Общероссийское общественное движение в защиту прав избирателей «Голос»».

Анализируя материалы конференции «Сетевой июнь: по обе стороны границы» (проект ««Теплицы социальных технологий» – сетевого активистского проекта»), состоявшейся в июне 2022 г., можно сделать еще ряд выводов о трансформации подходов к организации деятельности протестных структур:

- протестное сообщество представляет сетевую зонтичную структуру, обменивающуюся опытом и успешными практиками функционирования в современных условиях (прим. авт.: этому и посвящена указанная конференция);

- данная структура объединяет и зарубежные фонды/организации (прим. авт.: в конференции приняли участие представители польского «Межрегионального общественного молодежного демократического движения «Весна»», в октябре 2022 г. внесенного Минюстом РФ в список экстремистских и террористических организаций), и отечественные;

- ряд вновь созданных проектов, например проект «Медиапартизаны», стремится сохранить инкогнито своих организаторов и активистов;

- ряд новых проектов можно рассматривать как автономные проекты уже существующих и известных структур, либо наоборот, известные уже структуры стремятся инкорпорировать вновь появившихся активистов, например, «ОВД-Инфо» и движение «Черный февраль»;

- вновь создаваемые структуры функционируют без статуса юрлица и каких-либо уставных документов в формате сообщества или движения; активисты в сфере журналистики с известными протестными информагентствами взаимодействуют в статусе фрилансера либо анонимно;

– протестное сообщество все больше и больше уходит в онлайн пространство, в современные мессенджеры, в первую очередь в Telegram и Twitter; создаваемые сайты становятся фактически лишь инструментом перенаправления заинтересовавшихся в сетевые сообщества;

– протестное сообщество все больше и больше адаптируется к ограничениям, связанным с обеспечением финансирования: идет процесс обмена опытом использования криптовалюты, развиваются краудфандинговые технологии, создаются проекты прямой финансовой поддержки конкретных физических лиц, например проект «Заодно» от «ОВД-Инфо».

Фактически можно говорить об очередном этапе классического противостояния «атаки» и «защиты», причем, и применительно к протестному сообществу, и применительно к российским властным и правозащитным институтам. Протестное сообщество адаптируется к реалиям, и, можно сказать, что запретительные и ограничительные практики со стороны официальных институтов РФ не способны полностью решить данную проблему. Необходим системный подход, в первую очередь, включающий воспитательно-разъяснительную работу с подрастающим поколением и информационную политику, направленную на уменьшение информационного влияния на социум медийных ресурсов протестного сообщества.

Список использованной литературы и источников

1. Капицын В.М. Состоятельность современного государства в условиях нарастающих прокси-войн // Социально-гуманитарные знания. № 4, 2019, С. 117–120.

2. Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Вестник финансового университета. Гуманитарные науки. № 4, 2019, С. 93–99.

*Старкин С.В., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

О ПЕРСПЕКТИВАХ ЭВОЛЮЦИИ НАТО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Июньский саммит НАТО в Мадриде показал, что Альянс смог пережить экзистенциальный кризис, обрел «свежие образы врага», переосмыслил цель существования и вдохнул сам в себя новые стимулы¹.

В настоящий момент мы можем рассуждать о непривычной ситуации, кардинально изменившейся с тех пор, как был создан блок НАТО и сформулирована идея «трансатлантического сообщества». Агрессивная позиция и риторика руководства Альянса в настоящее время представляет несомненную угрозу национальной безопасности России, в связи с чем правомерно задаться вопросом, какую форму трансатлантическое партнерство должно принять в будущем? Как Альянс планирует артикулировать свою миссию и распределить бремя обязанностей между союзниками? Обзор эмпирической базы и комментариев западных экспертов позволяют в целом ответить на поставленный вопрос и вычлениить четыре гипотетических сценария эволюции НАТО в его структурировании архитектуры глобальной безопасности.

1. Традиционный сценарий.

Данный подход – и, учитывая бюрократическую неповоротливость и политическую осторожность, возможно, наиболее вероятный – состоит в том, что нынешние механизмы останутся более или менее неизменными. В этой модели НАТО по-прежнему сосредоточится, в первую очередь, на европейской безопасности. Соединенные Штаты останутся «первооткрывателем» Европы и бесспорным лидером Альянса. Распределение бремени по-прежнему будет асимметричным: военный потенциал Америки будет превосходить вооруженные силы Европы, а ядерный зонтик США по-прежнему будет прикрывать дру-

¹ NATO 2022 Strategic Concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf

гих членов альянса. Миссия «вне зоны действия» будет смещена в пользу внимания к самой Европе – решение, которое имеет смысл в свете разочаровывающих результатов прошлых авантур НАТО в Афганистане [1, с. 152–154].

С точки зрения западных экспертов, у этой модели есть несколько очевидных достоинств для членов Альянса. Этот сценарий привычен, в силу чего европейским государствам не придется беспокоиться о возникающих между ними конфликтах, пока в наличии имеется глобальный метарегулятор, способный давать свистки и прекращать внутриевропейские свары. Европейские правительства, не желающие секвестировать сверхраздутые бюджеты государства всеобщего благосостояния, чтобы оплачивать расходы на перевооружение, будут рады позволить США нести непропорционально большую долю бремени, а страны, наиболее близкие к России, будут мечтать об американских гарантиях безопасности [2, с. 463–470].

Однако, с точки зрения американцев, данная традиционная модель имеет серьезные недостатки. Наиболее очевидным является альтернативная цена: сохранение Соединенных Штатов в качестве первого бастиона Европы мешает Вашингтону уделять достаточно времени, внимания и ресурсов Азии, где угрозы балансу сил значительно выше, а дипломатическая обстановка особенно сложна. Конечно, твердая приверженность США Европе может смягчить некоторые конфликтогенные ситуации, но она не предотвратила, например, войны на Балканах в 1990-х годах, а усилия США по вовлечению Украины в западную орбиту безопасности спровоцировали Россию.

Более того, традиционная модель побуждает Европу оставаться зависимой от американской защиты и способствует общему самодовольству и отсутствию реализма в проведении общеевропейской внешней политики. Кроме того, эта модель потенциально может втянуть Соединенные Штаты в периферийные конфликты, которые не являются важными для безопасности или стабильности самих Соединенных Штатов. Таким образом, традиционная модель больше не является подходом, который американские политикоформирующие круги безоговорочно поддерживают в настоящее время.

2. Мультипликация проекта «Международная демократия».

Вторая потенциальная модель трансатлантического сотрудничества в области безопасности подчеркивает общий демократический характер (большинства) членов НАТО и растущий разрыв между демократиями и автократиями. Это видение лежит в основе усилий администрации Байдена по акцентированию общих демократических ценностей и ее открыто заявленного желания доказать, что демократия все еще может превзойти автократию на мировой арене.

Особенностью этого видения является простота – демократия – хорошо, автократия – плохо, – но его недостатки намного перевешивают его достоинства. Во-первых, такая структура неизбежно усложнит отношения с автократиями, которые Соединенные Штаты и/или Европа предпочитают поддерживать (такими как Саудовская Аравия или другие монархии Персидского залива, или потенциальные азиатские партнеры, такие как Вьетнам), и вызовет обвинение в безудержном лицемерии Запада. Во-вторых, разделение мира на дружественные демократии и враждебные диктатуры может укрепить связи между последними и отбить у первых желание играть в игру «разделяй и властвуй».

Наконец, выдвижение демократических ценностей на первый план превращает трансатлантическое партнерство в крестоносную организацию, стремящуюся насаждать демократию везде, где это возможно. Какой бы желательной ни казалась эта цель в абстрактном плане, последние 30 лет продемонстрировали, что ни один член Альянса не знает, как добиться этого эффективно. Экспорт демократии чрезвычайно труден и обычно терпит неудачу, особенно когда внешние акторы пытаются навязать ее силой. Учитывая плачевное состояние с демократией в некоторых странах-членах НАТО, считать это главным смыслом существования Альянса кажется в высшей степени донкихотством.

3. Формирование глобальной коалиции против Китая.

Модель 3 вместо того, чтобы организовывать трансатлантические «пляски» вокруг демократии и других либеральных ценностей, стремится привлечь Европу к широким усилиям США по сдерживанию растущего Китая. По сути, данный сценарий призван консолидировать многосторонних европейских партнеров Америки с двусто-

ронными договоренностями, которые уже существуют в Азии, и использовать оборонный потенциал Европы, чтобы противостоять единственному серьезному равному конкуренту, с которым Соединенные Штаты, вероятно, будут противостоять в течение ближайших десятилетий.

В данном контексте часто указывается соглашение AUKUS между Соединенными Штатами, Великобританией и Австралией, как прообраз такого подхода¹. Появляется все больше свидетельств того, что Европа больше не рассматривает Китай просто как прибыльный рынок и ценного инвестиционного партнера и начинает «мягко балансировать» с ним. С чисто американской точки зрения было бы весьма желательно, чтобы экономический и военный потенциал Европы был направлен против их основного противника.

Но есть две очевидные проблемы с этой моделью. Во-первых, государства балансируют не только с силой, но и с угрозами, и география играет решающую роль в этих оценках [3, с. 35–47]. Китай может становиться все более могущественным и амбициозным, но в его планы явно не входит пересечение Азии и нанесение ударов по Европе, а ВМФ КНР не собирается дрейфовать в мировом океане и блокировать европейские порты. Поэтому от Европы следует ожидать мягкого балансирования, а не серьезных усилий по противодействию возможностям Китая.

4. Новое «разделение труда».

При всем богатстве альтернатив, оптимальной будущей моделью трансатлантического партнерства в Вашингтоне видится новое «разделение труда», при котором Европа принимает на себя основную ответственность за собственную безопасность, а Соединенные Штаты уделяют гораздо больше внимания Индо-Тихоокеанскому региону. Соединенные Штаты останутся формальным членом НАТО, но вместо того, чтобы быть «первой скрипкой» Европы, они станут ее союзником в последней инстанции. Отныне Соединенные Штаты вернутся в Европу только в том случае, если региональный баланс сил резко ухудшится.

¹ What are the lasting impacts of the AUKUS agreement? <https://www.chathamhouse.org/2022/08/what-are-lasting-impacts-aukus-agreement>.

Эта модель предполагает, что в среднесрочной перспективе США помогут европейским союзникам приобрести необходимые им оперативно-стратегические возможности. Однако, до тех пор, пока европейские члены НАТО действительно не поверят, что они будут предоставлены сами себе, их решимость предпринять необходимые шаги будет оставаться весьма хрупкой.

В целом, американские аналитики склоняются к реализации четвертого варианта и убеждают политикоформирующие круги в необходимости данного шага. Этому способствует и то, что Д. Байден и его команда имеют репутацию преданных атлантистов, поэтому артикуляция стремления к трансатлантическому «разделению труда» не будет рассматриваться как признак негодования или досады.

Список использованной литературы и источников

1. Фридман Д. Американская империя. Прогноз 2020–2030 гг. СПб, 2021. 352 с.
2. Боббит Ф. Щит Ахилла. Война, мир и ход истории. Т. 1. М., 2021. 608 с.
3. Манн М. Власть в XXI столетии. М., 2017. 208 с.

*Ульмаева Л.Н., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ РОССИЯН В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

В современном мире информация занимает важное место в условиях цифровизации, с ежедневными темпами развития информационной среды возникают и новые угрозы, которые необходимо сдерживать и нейтрализовывать.

Безопасность личных данных относится к сфере регулирования информационного права, одним из основных законодательных актов которой является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред.

от 02.07.2021) «О персональных данных», раскрывающий понятие личных (персональных) данных как любой информации, относящейся к «прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

Статья 7 Закона ФЗ-152 определяет понятие «конфиденциальной информации персональных данных» как обязанность лиц, получивших доступ к персональным данным не раскрывать их третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Под распространением информации понимается «совершение действий, направленных на их передачу определенному кругу лиц» (пункт 5 статьи 3 ФЗ-152), а предоставлением информации считаются «действия, направленные на раскрытие персональных данных определенному лицу или определенному кругу лиц» [1].

В 2001 году в Российской Федерации создается специальное оперативное подразделение Управление «К» МВД России, основной задачей которого является раскрытие преступлений, совершаемых в информационной среде.

Вместе с МВД РФ борьбой с киберпреступностью занимаются и другие специальные федеральные государственные службы, в их число входят: ФСБ Российской Федерации в вопросах, касающихся национальной безопасности страны [2]. Одной из ключевых организаций в этом вопросе является Роскомнадзор, в обязанности которого входит выполнение «функции по контролю и надзору за соответствием обработки персональных данных требованиям законодательства Российской Федерации в области персональных данных».

Данная функция реализуется путем проведения плановых и внеплановых проверок.

Помимо проведения проверок в сфере информационной безопасности Роскомнадзор уполномочен осуществлять блокировку нежелательного контента негативно влияющий на общественные настроения в российском обществе, разжигающего вражду и ненависть в отношении к России и ее политике. Так после начала спецоперации на Украине было заблокировано большое количество оппозиционных СМИ, блогов, интернет-журналов, YouTube-каналов, са-

мой масштабной процедурой стала блокировка деятельности компании Meta.

Кроме того, свою деятельность осуществляет и Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, которая контролирует СМИ, в том числе цифровые и массовые коммуникации, технологии связи, регламентирует обработку персональных данных, отвечающую всем требованиям федерального законодательства [3].

Основными видами преступлений и угроз в современном киберпространстве выступают следующие: преступления в сфере обслуживания банковских карт, в сфере интернет-торговли, вымогательство, сетевое мошенничество и другие.

Мерами противодействия подобным преступлениям становится большое количество комплексных мероприятий по развитию и созданию институтов информационной безопасности, которые были фактически реализованы к 2022 году. Связаны они в первую очередь с совершенствованием законодательства о защите данных, быстрыми темпами развития информационных технологий и появлением специализированных противодействующих организаций.

К таким шагам относятся: открытие киберполигонов, предназначенных для отражения кибератак, примером может послужить киберполигон, открытый на площадке Санкт-Петербургского университета Бонч-Бруевича в 2022 году. Киберполигон университета вошел в состав киберполигона, который Минцифры Российской Федерации создает на территории всей страны. Задачами киберполигонов является изучение и анализ возможных сценариев кибератак, защиты цифровой инфраструктуры, наполненной информацией, от хакеров. По логике данная мера направлена на расширение кадрового потенциала власти в вопросах обеспечения информационной безопасности, важными площадками для их открытия служат крупнейшие российские вузы, призванные подготовить соответствующих IT-специалистов по обеспечению информационной безопасности.

В условиях санкционной политики, проводимой западными странами в отношении России, возникает проблема импортозамещения информационных технологий и систем, программного обеспече-

ния и замены расходных материалов в изнашиваемом оборудовании, создании принципиально новых продуктов на рынке информационной защиты.

Одним из самых важных достижений развития и внедрения цифровизации в повседневную жизнь россиян стал «Единый портал государственных и муниципальных услуг Российской Федерации» (Госуслуги) – интернет-ресурс, обеспечивающий доступ физических и юридических лиц к получению в электронном виде различных услуг (в том числе образовательных, медицинских, финансовых, пенсионных и др.), предоставляемых государственными и муниципальными органами, учреждениями, ведомствами и иными организациями, участвующими в данном процессе.

В связи с этим государство уделяет серьезное внимание профилактическим мерам в сфере информационной безопасности личных данных. Однако, эти меры не дадут должного эффекта без повышения цифровой грамотности населения.

Для защиты данных при работе с порталом Госуслуги пользователям рекомендуются к применению комплекс мер, включающие создание уникальных и конфиденциальных логина и пароля, принятие мер по обеспечению их сохранности; двухфакторную аутентификацию, бдительность при входе в личный кабинет с незнакомых компьютеров, использование лицензионного программного обеспечения и своевременное его обновление, применение надежных антивирусных программ и др.

Кроме того, с целью оперативного получения информации о методах, используемых киберпреступниками и телефонными мошенниками, мерах противодействия им, ознакомления с правилами финансовой безопасности в онлайн-пространстве, на портале Госуслуги в 2021 году начал действовать новый раздел «Жизненные ситуации: финансовое мошенничество».

Еще одним направлением контрольно-надзорной деятельности государства является защита детей от воздействия вредной для их здоровья и развития информации. Это осуществляется путем анализа СМИ на предмет соблюдения ими положений Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Высокая степень информационной безопасности имеет огромную важность и для образовательной сферы. Однако, число кибератак на образовательные учреждения, увеличивается, особенно в период дистанционного обучения.

Получая несанкционированный доступ, преступники похищают персональные данные и контакты учащихся, наносят ущерб учебному процессу, проходящему на онлайн-площадках, внедряются в чаты и конференции, вносят изменения в оцифрованный учебный материал (книги, пособия), тем самым получая возможность манипулировать сознанием детей.

Таким образом, защита данных в образовательных учреждениях направлена не только на обеспечение конфиденциальности данных учащихся, педагогического состава и недопущение утечки информации, отражение кибератак на электронные базы, содержащие такие данные, но и на непосредственное ограждение учащихся от воздействия пропаганды, запрещенного информационного материала, вовлечение их в преступную деятельность.

Иными словами, важно отметить важность выстраивания слаженной работы как органов государственной власти, так и институтов гражданского общества и самого населения в вопросах обеспечения информационной безопасности защиты своих личных данных особенно в условиях сложной геополитической обстановки, хакерских атаках на российские информационные системы и, что важно, угрозы сознания молодежи.

Именно поэтому важно персональное включение каждого гражданина в вопрос принятия ответственности за собственную безопасность путем развития информационной грамотности.

Список использованной литературы и источников

1. Федеральный закон о персональных данных № 152-ФЗ п.6 ст. 6 от 27 июля 2006 года. Доступ из спра.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (Дата обращения 12.10.2022).

2. О федеральной службе безопасности : федер. закон Рос Федерации от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ: в ред. От 1 июля 2021 г. Президент Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/76966> (Дата обращения: 07.10.2022).

3. Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности : учеб. пособ. / А.П. Панфилова. СПб. : Знание, 2004. С. 258.

*Каминченко Д.И., г. Нижний Новгород,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского*

ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

Продолжающаяся стремительная цифровизация современного общества оказывает существенное влияние на процессы, связанные с созданием, распространением и потреблением информации. Не остается в стороне от этого влияния и сфера медиапотребления новостного контента. Причем, в молодежной аудитории, где особенно активно используются современные информационно-коммуникационные технологии, именно Интернет является главным источником новостей. По данным недавнего социологического опроса от Фонда «Общественное мнение», 75 % участников исследования в возрасте от 18 до 30 лет предпочитают узнавать новости из Интернет-источников (новостных сайтов, блогов, социальных медиа, мессенджеров) и только 14% респондентов – из традиционных СМИ (телевидение, радио, газеты)¹.

Выбор источников новостной информации и способы взаимодействия с ними и с производимым (генерируемым и распространяемым) ими контентом оказывает воздействие и на особенности процессов медиапотребления. Одним из эффектов подобного воздействия, на который сегодня акцентируют внимание ученые, является

¹ Источники информации: предпочтения. Стали ли люди чаще, чем раньше, обращаться за новостями к традиционным СМИ и интернету? // Официальный веб-сайт Фонда «Общественное мнение». 25.03.2022. Режим доступа: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14705> (дата обращения: 20.10.2022)

тренд на «персонализацию контента» [1, с. 72], подчеркивая при этом, что «аудитория уже вполне самостоятельно формирует под себя новостные ленты» [2, с. 41]. В целом обращается на внимание более индивидуализированный и вариативный характер практик медиапотребления [3].

Активное использование Интернет-источников отражается как на структуре медиапотребления, так и на содержании тем, являющихся наиболее популярными среди молодой аудитории. Поэтому цель данной работы заключается в том, чтобы установить популярность новостей политической тематики в содержании медиапотребления студенческой молодежи.

В целях исследования нами был проведен небольшой опрос студенческой молодежи (среди студентов Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород) осенью 2020 года. Всего в опросе приняли участие 119 студентов, среди которых 71 женщина (59,7 %) и 48 мужчин (40,3 %). Наибольшее число участников опроса относятся к возрастной категории от 18 до 22 лет (89,9 % всех опрошенных), 9,2 % опрошенных – в возрасте от 23 до 30 лет.

Студентам был задан вопрос о том, какой канал для получения новостей они используют чаще остальных. Частота выбранных вариантов ответов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1.

Как видно на указанной диаграмме, именно современные социальные медиа («ВКонтакте», «Telegram» и др.) называются респон-

дентами в качестве самых популярных источников информации, опережая, в частности, по этому показателю новостные Интернет-сайты (причем, согласно данным таблицы 1, среди респондентов женского пола это различие выражено более ощутимо, чем среди мужчин). При этом в целом отмечаем абсолютное доминирование так называемых «новых» медиа (социальные медиа, Интернет-сайты) над традиционными (телевидение, радио, газеты) с точки зрения наиболее часто используемых источников новостного контента в студенческой аудитории. Отметим некоторое расхождение полученных результатов с результатами других исследований по теме медиопотребления студенческой молодежи. Например, в работе Д.В. Дунаса, А.В. Толоконниковой, Т.С. Черевко, где анализируются особенности медиапотребления студентов Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, обращается внимание на доминирование с точки зрения количества актов медиопотребления именно новостных Интернет-сайтов над социальными сетями [4].

Таблица 1.

*Результаты перекрестного анализа ответов респондентов:
тип новостей/популярные источники информации*

		Пол респондента	
		Мужской	Женский
Какой канал получения новостей Вы обычно предпочитаете использовать чаще остальных?	Социальные медиа («ВКонтакте», «Telegram» и др.)	52,1%	60,6%
	Интернет-СМИ	43,8%	35,2%
	Газеты и журналы	0%	1,4%
	Телевидение	0%	1,4%
Итого (без учета других вариантов ответа)		95,9%	98,6%

В целях исследования студентам был задан ещё один вопрос: «Новостные заголовки какой тематики Вы просматриваете чаще остальных» (с возможностью выбора не более трех вариантов ответа). Частота ответов на указанный вопрос представлена на рисунке 2.

Рисунок 2.

По данным диаграммы, отмечаем широкую представленность в содержании медиапотребления респондентов различных тем, среди которых лидирующее место занимает именно политическая тематика. С небольшим отставанием за ней следуют темы искусства, музыки, кино, а также – социальной сферы и происшествий. Вместе с тем, необходимо отметить, что участниками опроса выступали студенты Института международных отношений и мировой истории, в образовательных программах которого немалое внимание уделено именно политологическим дисциплинам, что может влиять и на внимание со стороны студентов непосредственно политическим новостям.

Результаты проведенного исследования продемонстрировали, что «новые» медиа являются практически основным источником новостной информации для современной студенческой аудитории. Причем «внутри» самих «новых» медиа по степени популярности социальные медиа («ВКонтакте», «Telegram» и др.) доминируют над новостными Интернет-СМИ. Среди наиболее часто просматриваемых

респондентами новостных заголовков оказались заголовки политической тематики, показатели популярности которых оказались чуть выше показателей популярности других тем, среди которых: искусство, музыка и кино, социальная сфера (здравоохранение, образование, ЖКХ и др.), происшествия и т.д. Подводя итог, отметим, что новостной контент политической тематики является популярным и востребованным среди молодой студенческой аудитории. Вместе с тем важно обратить внимание и на специфику, и особенности содержания политико-новостного контента, запрос на который существует в студенческой среде. От учета этих особенностей разными медиа-субъектами, в частности, будет зависеть и тот объем внимания, который будет уделен со стороны молодой аудитории различным средствам массовой информации.

Список использованной литературы и источников

1. Ефанов А.А., Степанченко В.А. Влияние поколения Z на функционирование института медиа: прогностическая модель // Информационное общество. 2019. № 3. С. 69–73.
2. Зеленцов М.В. Культура новостного медиапотребления в Рунете: точки входа // Информационное общество. 2022. № 1. С. 38–49.
3. Полуэхтова И.А. Исследования аудитории и медиапотребления в цифровой среде: методологические и практические проблемы // Медиаскоп. 2016. № 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2199>.
4. Дунас Д.В., Толоконникова А.В., Черевко Т.С. Наблюдение за потреблением информационного контента студентами факультета журналистики МГУ // Медиаскоп. 2018. № 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2483>.

Научное издание

ХII ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОНВЕНТ
«Современные риски и кризисы:
политический анализ и прогноз»

Материалы Всероссийской онлайн-конференции
с международным участием

Подписано в печать 14.11.2022 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 100 экз.
Усл. печ. лист. 22,79. Уч.-изд. л. 19,32. Заказ № 8707.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.